

№ 4 (44) 2008

Выпуск 3

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Белгородский государственный университет»

Издатель:

Белгородский государственный
университет.
Издательство БелГУ

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Зам. главного редактора

Давыденко Т.М.

проректор по научной работе
Белгородского государственного
университета, доктор педагогических
наук, профессор

Ответственный секретарь

Московкин В.М.

заместитель по инновационной
деятельности проректора по научной
работе Белгородского государственного
университета, доктор географических
наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Председатель редколлегии

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Главный редактор

Римский В.П.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

Заместители главного редактора

Бабинцев В.П.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

Тонков Е.Е.

доктор юридических наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

Ответственный секретарь

Борисов С.Н.

кандидат философских наук
(Белгородский
государственный университет)

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия. Социология. Право

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy. Sociology. Law

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пешё). **Е.А. Кожмякин 5**

З. Фрейд в жизни и творчестве М.М. Пришвина. **А.М. Подоксенов 18**

ЛОГИКА, ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Социология смутного времени: проблема методологической парадигмы исследования. **В.П. Бабинцев, В.П. Римский 30**

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Культурогенезис народной одежды Белгородчины: социо-этнический аспект. **М.С. Жиров, О.Я. Жирова 40**

Синергетическая парадигма в рассмотрении социокультурных процессов. **А.В. Зубкова 49**

О философичности русского человека и сердечности русской философии. **В.П. Фетисов 59**

Понятие «рефлексивная образовательная среда» в философии образования. **И.А. Шумакова 64**

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Трансформация пространственно-временных свойств экологической культуры как основа формирования социологии культуры и духовной жизни XXI века. **В.В. Бахарев 75**

Проблемы социологии управления в контексте современного общественного развития. **А.С. Киселев 82**

О некоторых проблемах инновационного развития вузов. **В.Б. Тарабаева 89**

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Вексельное фальшивомонетничество: проблемы квалификации. **А.С. Бурцев 95**

Криминологическая характеристика личности налогового преступника. **С.Л. Нудель, Е.Л. Нудель 102**

Причины и особенности экстремизма в молодежной среде. Меры противодействия молодежному экстремизму. **О.В. Попов, О.О. Попова 110**

Механизм управления процессом совершенствования правового режима современного государства. **Е.Е. Тонков, С.В. Масальтина 118**

Члены редколлегии

Борисов Г.А., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Витрук Н.В., доктор юридических наук, профессор (Российская академия правосудия)

Громов М.Н., доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Кожемякин Е.А., кандидат философских наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Королева Л.Г., доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)

Мархгейм М.В., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Реутов Е.В., кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Розин М.Д., доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)

Руднева Н.И., доктор социологических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

В авторской редакции

Оригинал-макет *Борисов С.Н., Аулова А.А.*

E-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 17.10.2008.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 27,78.
Тираж 1000 экз.
Заказ 222.

Подписные индексы в каталоге агентства «Роспечать» – 81462,
в объединенном каталоге «Пресса России» – 39748

Оригинал-макет тиражирован
в издательстве Белгородского
государственного университета
Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА СОБСТВЕННОСТИ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Виды юридических фактов в современном жилищном праве.
Е.Ю. Бакирова 125

Правовой режим земельного участка как недвижимой вещи.
О.В. Костина 134

Правовая природа обязательств по возмещению вреда, причиненного малолетними и недееспособными гражданами.
В.С. Синенко 141

История правового регулирования кредитной кооперации в российском дореволюционном и советском гражданском праве.
А.В. Степанюк 146

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

«Студенческие поверья и обряды»: социологические и культурологические аспекты анализа религиозно-магического сознания студентов БелГУ.
С.М. Климова, Г.В. Мартынова, В.Н. Мусолов 158

О возможности научного понимания религиозного опыта.
А.В. Усачев 170

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ДОКЛАДЫ

Русский характер в условиях модернизации.
А.Л. Алавердян 180

Репатриационная политика в общественном мнении Белгородчины.
В.В. Бубликов 186

Физическая культура как фактор формирования личности.
З.В. Курасбедиани 191

Вопросы управления в транснациональных образованиях на постсоветском пространстве (еврорегиональный аспект).
А.В. Сапрыка, В.А. Сапрыка 197

Проблемы формирования социально-технологической культуры в органах государственного управления.
А.А. Ткачев 202

Регулирование информационных предпочтений студенческой молодежи в медийном пространстве.
Л.Н. Шмигирилова 208

Проблемы социокультурной легитимации технологизации социального пространства.
И.В. Бурмыкина 215

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

Развитие гражданского законодательства стран-участниц Содружества Независимых Государств на современном этапе.
С.В. Тычинин, Е.Е. Тонков 222

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Социальное аутсайдерство молодежи пограничного региона: проблемы диагностики и регулирования.
Г.А. Ельникова 229

Сведения об авторах 232

Информация для авторов 235

№ 4 (44) 2008
Issue 3
Scientific reviewing journal

Founded in 1995

Founder:

State educational institution of higher professional education "Belgorod state university"

Publisher:

Belgorod state university
BSU Publishing house

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May, 19 2008.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief editor

L. Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University,
doctor of sociology, professor.

Co-editor

T.M. Davydenko

Vice-rector on science of Belgorod State University, doctor of pedagogy,
professor.

Executive secretary

V.M. Moskovkin

Assistant vice-rector on innovations of Belgorod State University, doctor of geography

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chairman of editorial board

L. Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University,
doctor of sociology, professor

Chief editor

V.P. Rimskiy

Doctor of philosophy, professor
(Belgorod state university)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev

Doctor of philosophy, professor
(Belgorod state university)

E.E. Tonkov

Doctor of law, professor (Belgorod state university)

Responsible secretary

S.N. Borisov

Candidate of philosophy (Belgorod state university)

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy. Sociology. Law

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета

Философия. Социология. Право

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

Analysis of discourse as a dissemination system in terms of French philosophy of the second part of XX century (Michel Foucault, Michel Pecheux). **E.A. Kozhemyakin 5**

S. Freud in the life and artistic creation of M.M. Prishvin. **A.M. Podksenov 18**

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Sociology of "Distemper age" – problem of methodological researching paradigm. **V.P. Babintsev, V.P. Rimskiy 30**

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Culturogenesis of folk dress of Belgorod region: socioetnical aspect. **M.S. Zhirov, O.JA. Zhirova 40**

The synergetic paradigm and in the consideration of social and cultural processes. **A.V. Zubkova 49**

On philosophical nature of russian man and heartness of russian philosophy. **V.P. Fetisov 59**

Notion "reflexive educational milieu" in modern philosophy of education: the problem of methodological categorization. **I.A. Shumakova 64**

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Transformation of special and temporal features of the ecological culture as a basis for constructing the sociology of culture and mentality in XXI century. **V.V. Bakharev 75**

Problems of sociology of management in the context of modern social development. **A.S. Kiselyov 82**

Some problems of the innovational development of higher school. **V.B. Tarabaeva 89**

PROBLEMS OF PUBLIC AND LAW REGULATION OF SOCIAL RELATIONS IN RUSSIA

Bill coinage offence: problems of qualification. **A.S. Burtsev 95**

The criminological characteristic of the person of the tax criminal. **S.L. Nudel, E.L. Nudel 102**

The reasons and features of extremism in the youth environment. Measures of counteraction to youth extremism. **O.V. Popov, O.O. Popova 110**

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor
(Belgorod State University)

N.V. Vitruk, Doctor of law, Professor
(Russian Academy of Law)

M.N. Gromov, Doctor of philosophy,
Professor (Institute of Philosophy,
Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology,
Professor (Institute of Social and
Political Research, Russian Academy
of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy,
Professor (Belgorod State University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy,
Professor (Kursk State University)

E.A. Kozhemyakin, Candidate
of philosophy, associate professor
(Belgorod State University)

M.V. Marhgeim, Doctor of Law,
Professor (Belgorod State University)

E.V. Reutov, Candidate of sociology,
associate Professor (Belgorod State
University)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy,
Professor (North-Caucasian Science
Centre of High School, Youth Federal
University)

N.I. Rudneva, Doctor of sociology,
Professor (Belgorod State University)

Original editing by contributors

Original layout by S.N. Borisov,
A.A. Aulova.

E-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Signed to print 17 October, 2008.
Format 60x84/8.
Type: Georgia, Impact
Print lists 27,78.
Circulation: 1000
Order 222.

Subscription index in Rospechat'
catalogue – 81462,
in Pressa Rossiya catalogue – 39748

Original layout is copied in Belgorod State
University Press
Address: Pobedy, 85, Belgorod, 308015,
Russian Federation

The mechanism of management of process of perfection of the legal regime of the modern state. **E.E. Tonkov, S.V. Masalytina 118**

PROBLEMS OF DEVELOPING OF LAW REGULATION OF PROPERTY NORMS AND LIABILITY RELATIONS

Kinds of the legal facts in modern dwellings-the right. **E.Y. Bakirova 125**

Legal regime of the ground area as a real thing. **O.V. Kostina 134**

The legal nature of of obligations on compensation of the harm caused by juvenile and incapacitated citizens. **V.S. Sinenko 141**

History of legal regulation of credit cooperation in the russian pre-revolutionary and soviet civil law. **A.V. Stepanuk 146**

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

"Student's traditions and ceremonies ": religious-magic consciousness of students BelSU – sociological and cultural aspects of the analysis. **S.M. Klimova, G.V. Martinova, V.N. Musolov 158**

About the possibility to a scientific understanding of the religious experience. **A.V. Usachyov 170**

THESIS AND REPORTS

Russian character in conditions of modernization. **A.L. Alaverdian 180**

Repatriation policy in public opinion of belgorodians. **V.V. Bublikov 186**

Physical training as a factor of personal development. **Z.V. Kurasbediani 191**

Issues of management in transnational formations on post soviet area (euroregion's aspect). **A.V. Sapryka, V.A. Sapryka 197**

Problems of formation of social and technological culture in state management authorities. **A.A. Tkachev 202**

Regulation of students information preferenseces into mass-media space. **L.N. Shmigirilova 208**

Problems sociocultural legitimated technologies social space. **I.V. Burmykina 215**

SCIENCE LIFE AND COMMUNICATION

Development of the civil legislation of the countries-participants of commonwealth of the independent states. **S.V. Tychinin, E.E. Tonkov 222**

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

Social outsidering youth of the border region: problems of the diagnostics and regulations. **G.A. Elnikova 229**

About authors 232

Information for authors 235

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 130.2 (316.77)

АНАЛИЗ ДИСКУРСА КАК СИСТЕМЫ РАССЕЙВАНИЯ В ТРАДИЦИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ФИЛОСОФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (М. ФУКО, М. ПЕШЁ)

Е.А. Кожемякин

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы 85
e-mail: dva@bel.ru

Дискурсные исследования, получившие широкое распространение в современных науках, исторически наследуют интеллектуальный потенциал французской философии 60-х годов XX века. В статье рассматриваются базовые, исходные положения основателей дискурс-анализа – Мишеля Фуко и Мишеля Пешё. Анализируется трактовка дискурса как системы рассеивания значений, обосновывается вклад французских мыслителей в становление критических теорий и рассматривается междисциплинарный характер их концепций, ориентированных на изучение взаимообусловленности между дискурсом и социокультурными явлениями.

Ключевые слова: дискурс-анализ, французская философия, Фуко, Пешё, дискурсивные формации, дискурсивная практика, критический анализ

За несколько последних десятилетий дискурс-анализ достиг определенного академического статуса в области философско-культурологических и социально-гуманитарных наук. Исследования, проводимые в рамках этого подхода, характеризуются широким спектром предметов анализа – от исследования научных эпистем и логики социального познания до изучений городского пространства, медицинских практик и организации социальных протестов. Высокий и значимый академический статус, открытость и адаптивность дискурсной методологии исследовательским целям, однако, не всегда предполагают адекватного понимания и/или применения дискурс-анализа как исследовательского проекта. Как бы там ни было, неопределенностей относительно дискурса и дискурс-анализа гораздо больше, чем ясных позиций. Об этом свидетельствует также и то, что стало своего рода «общим местом», обращаясь к дискурсным исследованиям, упоминать о понятийной и категориальной неточности, связанной с использованием термина «дискурс». В одних случаях это свидетельствует о глубокой рефлексии исследователя и его интенциях уточнить категориальный аппарат современных наук, но зачастую, – латентным проявлением желания «ухода» от какой бы то ни было определенности и научной точности, снятия с себя ответственности не только за использование тех или иных терминов, но и за качество результатов исследования. В условиях подобной терминологической и методологической неопределенности разумным является обращение к «академическим истокам» дискурсной теории, каковыми, по нашему убеждению, являются концептуальные модели французской школы дискурс-анализа 60-х годов XX века и теоретические концепции ее представителей – Мишеля Фуко и Мишеля Пешё.

Мишель Фуко (если рассматривать его исследовательскую работу на «археологическом» этапе – то есть в период деятельности, наиболее близко смыкающейся с изучением дискурса) не был основоположником методологии дискурс-анализа в полном смысле этого слова. Его главной задачей было определение условий и оснований формирования, распространения, фиксирования и распада системы знания. В качестве таких условий и оснований он видел дискурс (дискурсивную практику, дискурсивные формации).

Согласно Фуко, дискурс имеет отношение к способам мышления и говорения о различных аспектах реальности: «Дискурс представляет собой совокупность высказываний относительно той или иной области, и структурирует способ говорения на ту или иную тему, о том или ином объекте, процессе» [7, 6-7]. Дискурс включает в себя совокупность общих допущений, которые могут быть настолько приняты в качестве само собой разумеющихся, что становятся невидимыми для индивидов или присвоенными ими.

Дискурсы образуют каркас дискурсивных формаций, упорядочивающих реальность определенным образом. Согласно Фуко, они (дискурс и дискурсивная формация) поддерживают определенный «режим» производства знания, а также делают возможными одни способы размышления о реальности и исключают другие. Таким образом, они детерминируют, *кто* может говорить, *когда* и с *каким авторитетом* и наоборот, кто не имеет на это права. Анализируя дискурсивные эффекты в фукианском ключе, исследователь отвечает на такие вопросы, как: «в соответствии с какими правилами возможны те или иные высказывания?», «в соответствии с какими правилами упорядочиваются эти высказывания?», «в соответствии с какими правилами мы определяем высказывания как истинные или ложные?», «какие правила применяются для конструирования картин мира или классификационных систем?» [10].

Важно понимать, что в один и тот же период времени существует целый ряд возможных дискурсивных рамок размышления, письма или говорения об аспектах реальности. Тем не менее, не все дискурсы присутствуют в одинаковой мере и обладают одинаковым авторитетом. В любой момент истории некоторые дискурсы действуют таким образом, чтобы подавить или исключить иные дискурсы. То, какой дискурс «приобретает право» присутствия – это вопрос властных отношений. В этой связи уместно вспомнить известное изречение Фуко – «дискурс – это власть, которую необходимо захватить» [6, 110]. В фукианском анализе власть рассматривается как продуктивный, а не только репрессивный феномен: знание производится и становится «известным» благодаря действию сетей власти. Парадоксальным образом такая власть во многих случаях может подавлять то, что возможно знать в определенных ситуациях. Так, например, человеческое тело как объект научно-медицинского знания как *является* конструктором, так и *участвует* в конструировании научно-медицинского дискурса.

Фуко неоднократно подчеркивает, что знание, принадлежащее одному дискурсу, может исключать знание, принадлежащее другому дискурсу. То, что некоторые дискурсы (например, научно-медицинское представление о теле) начинают доминировать над другими, является результатом социально-исторических процессов, связанных с оперированием дискурсами. Они приобретают статус «истинных», а «истина» рассматривается как эффект действия дискурсивных правил [3].

Дискурс как предмет фукианского анализа – это механизм, определяющий единство системы знания, это своего рода набор «сцепляющих» инструментов – «сцепляющих», поскольку дискурс возникает там, где есть необходимость и где возникают действия, направленные на создание, закрепление, расширение или же ослабление и разрушение картины мира, сотканной из представлений, знаний, значений, высказываний и т.д. Практика подобного «сцепления» разнородных элементов воедино обозначается Фуко как *дискурсивная практика*.

Дискурс по Фуко – это также и «рассеивающая система». Для определенной устойчивой группы высказываний не является необходимым ни пространственное распо-

ложение, ни нормативное основание (имеется в виду применение определенного нормативного типа акта высказывания или речевого акта), ни общая понятийная структура, ни совокупность общих (допустимых) тем. Наоборот, как утверждал Фуко, в устойчивом поле высказываний обнаруживают себя пространственные смещения и отклонения, нормативные формулировки различных уровней и разнородных функций, структурно различающиеся понятия (зачастую исключаящие друг друга), совмещение несовместимых тем. Иными словами, в определенной группе высказываний, характеризующей систему знаний, представлены некоторые формы распределения и присутствуют некоторые правила «корреляции в их (высказываний – Е.К.) одновременном существовании», «порядок в их последовательном появлении» [2, 92].

Система рассеивания некоторого числа высказываний в пределах функционального поля, характеризующаяся наличием определенных закономерностей объединения различного типа высказываний, понятий и тем, обозначается Мишелем Фуко как «*дискурсивная формация*». Соответственно, «правилами формирования» Фуко определяет те условия, которым подчиняются элементы распределения в дискурсивной формации. К элементам распределения он относит: объекты, модальности акта высказывания, понятия, темы.

Собственно изучению подобных дискурсивных закономерностей, форм распределения и «островков связности», дискурсивных практик и дискурсивных формаций в масштабе социокультурного поля и был посвящен дискурс-анализ Фуко. Логика анализа у Фуко представлена следующим образом: 1) изучение элементов распределения в дискурсивной формации позволяет 2) выявить некоторые правила формирования и специфику дискурсивной практики и, затем, 3) определить прагматику постулирования и применения именно этих правил. Согласно убеждению Мишеля Фуко, любая система может иметь иную структуру, нежели она имеет в данный момент, а сочленение разнородных элементов (объектов, типов высказываний, понятий и тем) всегда рационально и выгодно некоторой внешней социокультурной или социально-политической силе. Более детализировано логика такого анализа была выражена французским исследователем в виде следующих ключевых «шагов» анализа:

- анализ формирования объектов;
- анализ формирования модальностей высказываний;
- анализ формирования понятий;
- анализ формирования тематических стратегий.

В своей совокупности все четыре аспекта анализа позволят исследователю сформулировать представление о закономерностях «сцепления» и «рассеивания» как базовых механизмах дискурсивной практики и дискурсивной формации.

Мишель Фуко на примере своих трех ключевых работ [2; 4; 5] продемонстрировал возможности своей методологической исследовательской программы. Так, в работе «История безумия в классическую эпоху» был преимущественно предоставлен анализ формирования объектов и, соответственно, теоретических выборов, основанных на традиции использования тех или иных понятий и установления тех или иных связей между ними в поле психиатрии; в «Рождении клиники» исследовательский акцент был сделан на изучении динамики модальностей высказываний медицинского дискурса; в «Словах и вещах» анализ касался в первую очередь формирования понятийных схем лингвистического, исторического и экономического дискурсов.

Рассмотрим четыре аспекта анализа дискурсивных формаций и практик подробнее.

Первый этап – анализ формирования объектов – предполагает поиск ответов на вопрос о том, как объекты номинируются и располагаются относительно друг друга таким образом, что создают определенное поле высказываний (например, детально изученное Мишелем Фуко поле психопатологии). Иными словами, на этом этапе исследователь определяет режим существования объектов в качестве объектов дискурса.

Такой анализ включает в себя следующие этапы:

– описание пространства номинирования объектов (или, говоря языком Фуко – «поля первичной дифференциации»). К подобным параметрам пространства можно отнести семью, ближайшее социальное окружение, трудовую среду, религиозную общину – то есть все социокультурные группы, обладающие определенной степенью нормативности. Нормативность и чувствительность группы предполагает способы обозначения и возможность исключения, систему поощрения и наказания. Как пишет Фуко, в этих пространствах дискурс «...находит возможность отграничить свою область, определить то, о чем он говорит, и придать этому статус объекта – то есть выделить все это, дать всему этому имя и описать» [2, 98]. Иными словами, этот этап предполагает поиск ответа на вопрос «Где может появиться объект?»;

– описание «инстанций разграничения» (или агентов дифференциации), выделяющих, обозначающих, называющих и утверждающих нечто в качестве объекта. Такими агентами могут являться и являются чаще всего социальные институты (медицина, религия, школа, семья), и номинация объекта, как правило, происходит в процессе согласованных действий различных институтов – так, например, безумие утверждается в обществе в качестве объекта при совокупной активности медицины, уголовного права, церкви, литературной и художественной критики [2, 98-99]. Ключевым здесь является вопрос: «Благодаря кому может появиться объект?»;

– анализ «решеток спецификации», в рамках которых происходит типизация и классификация объекта, выделяются его различные виды. Главный исследовательский вопрос на этом этапе: «Благодаря чему объект может видоизменяться?».

Комплекс условий, позволяющих объекту «появиться» в социокультурном поле, стать артикулируемым, весьма и весьма сложен. Это свидетельствует о том, что тот или иной объект дискурса может стать таковым в совершенно определенных пространственно-временных исторических и культурных рамках, в контексте совершенно определенных социокультурных отношений – как первичных, так и вторичных.

Первичные социокультурные отношения не зависят от дискурса и дискурсивных объектов и выражаются в объективных, реально существующих, исторически обусловленных связях: например, таковыми отношениями могут быть связи между пространством семьи и пространством трудовой группы или связи между семейными и юридическими инстанциями. Эти – первичные – отношения не обязательно и не всегда выражаются в установлении отношений, делающих возможными объекты дискурса, а также не обязательно сводимы к дискурсу.

Вторичные же отношения сформированы «над» действительностью. Этот тип отношений не обязательно воспроизводит отношения первичные, реальные – в данном случае, скорее, стоит вести речь о рефлексивных отношениях, о формулировании суждений об «уже сказанном» и «уже названном», о гипотетически выраженных объективных отношениях. Анализ вторичных отношений подразумевает использование теоретических методов, позволяющих «вскрыть» структуру рефлексии и описать причинно-следственную природу появления её продуктов: целью применения таких методов является проверка теорий, верификация утверждений, критика точек зрения.

Однако, существует еще один тип отношений – собственно дискурсивные, специфичные тем, что не столько репрезентируют реальность, сколько устанавливают её. Они *проблематизируют* первичную реальность, делают возможным рассуждение о ней. Вторичные отношения как раз имеют дело с продуктом дискурсивных отношений.

Таким образом, дискурс и его предметное поле представляют собой не конфигурацию, а совокупность правил, которые и определяют их специфичность. Например, некоторая практика может рассматриваться с исторической точки зрения – в данном случае ключевыми вопросами будут «что делают люди» и «как они это делают» (анализ первичных отношений). Также мы можем ориентировать наше исследование на то, как различные социологические теории интерпретировали ту или иную социальную практику (анализ вторичных отношений). Важен и анализ того, каким образом в рамках социо-

логии практика признается в качестве реального и значимого источника знаний и предмета изучения, какие практики признаются в качестве реальных, действительно существующих и что делает возможным их номинирование в качестве таковых – иными словами, анализ того, как функционирует само социологическое знание.

Если анализ первичных отношений предполагает выявление природы вещей, а изучение вторичных отношений – динамику их осмысления, то рассмотрение дискурсивных отношений предполагает выявление и интерпретацию правил репрезентаций вещей и условий попадания их в некоторое поле обсуждений, дискуссий и последующих релевантных действий. Изучение третьего типа отношений, эпистемологическое по своей сути, *составляет «ядро» фукианской социально-философской методологии*. Речь здесь идет о некотором «промежуточном», но крайне необходимом анализе того, как и в каких условиях формируются определенные репрезентации вещи. Такой анализ с неизбежностью предполагает разработку и применение особого метода. Как утверждает сам Фуко, «анализ лексического содержания определяет либо элементы значения, которыми в определенную эпоху располагают говорящие субъекты, либо семантическую структуру, которая появляется на поверхности уже произнесенных дискурсов; но он не затрагивает дискурсивную практику как место, где формируется и де-формируется, появляется и исчезает перепутанная ... множественность объектов» [2, 110].

Второй этап – анализ формирования модальностей высказывания – есть процесс выявления устойчивых связей между различными формами высказываний в дискурсе; изучение этого процесса предполагает следование следующим исследовательским этапам:

– описание статуса говорящих («уполномоченных использовать язык»), то есть статуса индивидов, имеющих право на некоторый дискурс. Фуко замечает, что подобное право может быть как регламентированным, так и традиционным, как юридически определенным, так и спонтанным. Ценность и действенность «дискурсивного слова» заключается не столько в его эксплицитности, сколько в детерминировании определенных действий, предопределении социальной дифференциации, влиянии на мышление и поведение людей. Анализ статуса уполномоченного говорящего предполагает поиск ответа на вопрос «Кто говорит?»;

– анализ местоположения говорящего заключается в рассмотрении институциональных пространств, закрепленных за адресантом определенного дискурса (например, для медицинского дискурса таковыми пространствами являются больница, поликлиника, лаборатория). Ключевым вопросом на этом этапе анализа является «Откуда говорит адресант?»;

– описание функций говорящего подразумевает не анализ самих дискурсивных функций адресанта, «внешних», социальных связей (как на этапе описания статуса говорящего), но скорее, интерпретацию «внутренних», эпистемологических функций. Подобное описание предполагает выявление и рассмотрение позиций говорящего субъекта по отношению к разным областям или группам объектов. Подобные функции определяются Фуко как совокупность коммуникативных, перцептивных и когнитивных позиций, которые занимает «уполномоченный адресант» в определенном дискурсе. Вероятно, ведущим вопросом здесь является «Как говорит адресант?».

Любое дискурсивное поле, по определению являющееся расширяющимся, бесконечным и постоянно изменяющимся, понимается и описывается в контексте некоторой динамики высказываний, которая задается их модальностью. Под модальностью Фуко понимает «обновление точек зрения, содержаний, форм, стиля описания, использования индуктивных или вероятностных умозаключений, типов определения причинности» [2, 118].

На **третьем** этапе анализа дискурса исследователь осуществляет реконструкцию исторического процесса создания некоторой связной совокупности понятий в рамках того или иного дискурсивного поля – какой-либо дисциплины, например, грамматика или экономика. Поиск базового построения, формирующего совокупность понятий, представляется крайне сложным и чрезвычайно амбивалентным занятием. Как полагает

Фуко, «вместо того, чтобы стремиться переместить понятия в виртуальное дедуктивное построение, следовало бы описать эту организацию поля высказываний, в котором эти понятия появляются и циркулируют» [2, 122].

Прежде всего, такая совокупность понятий в дискурсивном поле содержит в себе *формы последовательности*. К последним Мишель Фуко относит:

– упорядоченные ряды высказываний (некоторый порядок выводов, последовательных импликаций, доказательств, порядок репрезентаций, описаний, обобщений, порядок повествований),

– типы зависимости высказываний (законы соподчинения и сочетания высказываний, логические, семиотические и нарративные правила),

– риторические схемы (формальные связи, позволяющие высказываниям образовывать последовательность определенного типа на основании определенного правила или совокупности правил).

Формы сосуществования высказываний наряду с формами их последовательности также специфицируют конфигурацию поля высказывания. Сосуществование высказываний возможно, в первую очередь, благодаря наличию некоторого поля присутствия, под которым Фуко понимает совокупность прецедентных высказываний, принятых в качестве «признанной истины, точного описания, обоснованного или необходимо допущенного умозаключения» [2, 124]. В этом поле аксиоматичных высказываний, «само собой разумеющегося», уже сконструированной очевидности, каждое новое высказывание обретает свою релевантность в силу эмпирической верификации, логического доказательства, повторения, аргументации к традиции и вере (*argumentum ad traditio. argumentum ad fide*), анализа ошибок и так далее.

Также, Мишель Фуко предлагает осуществлять анализ «области памяти»: совокупности высказываний, которые не представляются актуальными, не являются предметом обсуждений и критики, не признаются, но с которыми устанавливаются отношения родства. Данная область памяти по существу является латентным сектором поля присутствия; «неверные» («ошибочные», «устаревшие») высказывания, артикулируемые в ходе аргументации, описания, репрезентации, крайне важны в функциональном отношении и играют роль аргументативного ресурса, при использовании которого можно представить развитие дискурсивного поля, его изменение от несовершенного и упрощенного состояния к совершенному и сложному. На наш взгляд, то, что Фуко обозначает в качестве отдельного элемента анализа как «область памяти», является необходимой составной частью поля присутствия во многих дискурсах, например, в пропагандистском или идеологическом.

К высказываниям применяются *процедуры вмешательства*, представляющие собой совокупность операций, допустимых к использованию с целью изменения, трансформации высказываний и порядка, который они образуют. Эти процедуры не являются общими для всех дискурсивных формаций – наоборот, каждая дискурсивная формация специфицируется определенными процедурами вмешательства. К подобным операциям Фуко относит: техники переложения, методы транскрипции высказываний, способы перевода количественных высказываний в качественные, методы систематизации уже существующих суждений и так далее.

Важной задачей является обнаружение схем, по которым высказывания могут быть связаны друг с другом в дискурсе определенного типа, а также поиск закономерностей рассеивания понятий в поле дискурса [2, 129].

Таким образом, фукианский анализ системы понятий и правил ее создания предполагает своего рода «допонятийный» анализ, отвлечение от той категориально-понятийной системы, которая укоренена в изучаемом дискурсе. Сложность, в первую очередь, в том, что встает задача использования совершенно иного языка, нежели язык предмета анализа, а это в некоторых случаях чрезвычайно затруднительно, так как границы любого дискурса размыты и динамичны, а элементы исследовательского языка не-

избежно будут встречаться в исследуемом дискурсе в том или ином статусе (в доминантном либо подчиненном). Также трудности связаны с крайне неоднородным набором условий и факторов возникновения того или иного понятия в конкретной исторической эпохе – и если в некоторых случаях (например, в случае радикального несовпадения эпох исследователя и исследуемого предмета) исследовательский взгляд способен зафиксировать подобные условия, то в иных – осуществить подобную операцию будет невозможно. Иными словами, осуществление понятийного анализа дискурса предъявляет исследователю требования высочайшего уровня, иногда, просто невыполнимые.

Фуко отмечал, осознавая все трудности подобного анализа: «мы всегда описываем их (правила формирования понятий – *Е.К.*) в определенных дискурсивных полях и с самого начала не признаем за ними бесконечных возможностей распространения» [2, 134], а также: «правила формирования понятий не являются результатом осуществленных индивидами действий, которые были помещены в историю и отложились в толще коллективных привычек» [2, 134].

Наконец, **четвертый** этап анализа дискурса предполагает анализ *формирования тем* (стратегий). При условии строгости, последовательности и связности всей совокупности понятий, модальностей высказывания и типов номинируемых объектов в некоторых дискурсах формируются крайне «влиятельные» и устойчивые темы или теории. Подобные темы или теории (независимо от их формального уровня) Фуко обозначает как «стратегии». Обратим внимание, что этот фрагмент анализа дискурсивных формаций не был реализован Мишелем Фуко в виде масштабного эмпирического (историко-социального) исследования и представлен лишь в виде направлений исследования, включающих в себя:

– определение точек дифракции (появление конкурирующих, (несовместимых, конфликтующих) элементов дискурса, а также их диалектическое совмещение) предполагает изучение распределения, в котором несочетаемые и рассогласованные построения могут размещаться в едином поле высказываний и дополнять (развивать) друг друга;

– изучение дискурсивной констелляции (системы отношений дискурса с иными знаковыми системами, дискурсивными формациями, семантическими полями) позволяет установить статусное положение конкретного дискурса в социальном поле и определить причины и условия возникновения или подавления тех или иных дискурсивных построений;

– определение внешних (недискурсивных) связей дискурса позволяет выявить функции дискурса в поле недискурсивных практик, в поле борьбы за дискурс, в поле желаний (например, изучение роли педагогического дискурса в процессе поиска работы или психологического дискурса в процессе добрачного ухаживания).

По замыслу Фуко, завершающий этап – анализ дискурсивных стратегий (не закреплённых во внутренней структуре дискурса, но существующих на «границе» дискурса) позволит раскрыть потенциал дискурса, векторы и силы его расширения. Подход Фуко прослеживается в том, что возможности развития и трансформации дискурса он видит не в грамматике дискурса, не в референте дискурса, не в субъекте, «использующем» дискурс, а именно в его соприкосновении с окружающим его полем, в его функциональности во «внешней среде». Теория как тематическая стратегия приводит дискурс в движение, дает ему жизнь во взаимодействии с иными феноменами, лишает его чрезмерной формализованности и самореферентности: дискурс благодаря тематическим стратегиям становится не просто объективностью, но *агентом* (например, конструирующим систему объектов) и *инструментом* (например, достижения власти). Это, с одной стороны, позволяет нам однозначно классифицировать теорию дискурса Мишеля Фуко как функционалистскую и, с другой стороны, определить ее междисциплинарность и полифоничность, поскольку для анализа границы дискурса необходимо привлекать средства дисциплин, «компетентных» в тех областях, с которыми соприкасается дискурс и проявляет свои функции. Так, анализ возможностей и потенциала дискурса при взаи-

модействии его с недискурсивными практиками предполагает привлечение социологического и антропологического инструментария, при изучении процессов присвоения дискурса – экономического и политологического, при исследовании дискурсивной констелляции – нарративного, социолингвистического и семиотического и так далее.

Парадоксально, но ключевые, следуя оценке самого Фуко, позиции анализа дискурса – то есть те, которые связаны с изучением дискурса в его функционально-деятельностном аспекте, самим автором дискурсивной методологии изучены и рассмотрены лишь проективно и тезисно. Следует ли из этого, что дискурсивная теория Фуко – лишь проект, реализованный на начальных стадиях, или это означает, что исследователь осознавал границы своей компетентности в анализе дискурса и его функционирования не ясно; но одно остается очевидным – определение дискурса как системы рассеивания, обладающей достаточной степенью агентивности и генетивности, чтобы подчинять себе субъекта и культуру, предполагает уже в самом начале анализа вопрос о границах дискурса.

Фуко постоянно обращает внимание на то, что весь сложный пучок отношений, функционирующий в виде правил, содержится не в самом дискурсе, а на его границе, «на той грани, где определяются специфические правила, заставляющие его существовать в таком виде» [2, 153]. Однако, именно в отношении анализа функционирования дискурса «на грани», при взаимодействии и соприкосновении с иными феноменами, фукианский дискурс-анализ исчерпывает свои возможности: при своей последовательной реализации он неизбежно приведет нас к редукционизму, проявляющемуся в том, что «за пределами» дискурса мы обнаружим только дискурс. Например, дискурсивным редукционизмом было бы, если борьба за дискурс расценивалась как то, что «запрограммировано» самим дискурсом как объектом борьбы.

На наш взгляд, дискурсивный редукционизм проявляется в теории Фуко на том этапе анализа, когда исследователь ставит перед собой задачи определения функций говорящего, описываемых им как некий набор перцептивных, когнитивных и коммуникативных инструментов. В данном случае нерешенным остается вопрос об их природе: имманентны ли они самому дискурсу или занимают внешнюю позицию по отношению к нему? Если – имманентны, то анализ дискурса замыкается на самом себе: для изучения такого предмета, как дискурс, нам потребовалось бы привлечь инструментарий, предлагаемый самим дискурсом, что свидетельствовало бы о самореферентности исследования и «замкнутым» характере его логики. Если же речь идет о внешних познавательных элементах, которыми пользуется говорящий, то это предполагает, что мы уже должны иметь более или менее систематизированные данные о содержании иных, «внешних» дискурсов – но тогда наш анализ нельзя будет назвать первичным и он не может быть ориентирован на изучение основ дискурса.

Подобная стратегия развития фукианской теории прослеживается в постмодернистской концепции «тотального дискурса» Эрнесто Лаклау, в которой последовательно раскрывается система дискурсивных эффектов, их воспроизводства, мультипликации и так далее до бесконечности. В определенном смысле у такого анализа нет границ, но также было бы справедливо утверждать, что и сам анализ здесь становится одним из бесконечных дискурсивных эффектов.

С целью преодоления подобного редукционизма Мишель Фуко разрабатывает и вводит в свою концепцию понятие «диспозитив», которое фиксирует некий «стратегический императив», сохраняющий внутри каждой конкретной культуры свою идентичность. Диспозитив представляет собой некий целостный, заверченный инвариант типовых для определенной культуры стратегий реализации политических и когнитивных практик. Однако, такой императив не присутствует ни в языке, ни в иных семиотических системах, а значит не может быть сведен к некоторому принципу или набору принципов, характерных для данной культуры и обеспечивающих единство дискурса. И вновь мы возвращаемся к идее о том, что единственным основанием «целостности» дискурса является его рассеивание. В таком случае вновь актуализируется вопрос о границах дис-

курсивных формаций и практик: если и существует некоторый диспозитив, который детерминирует эти границы, то он может быть обнаружен только в дискурсе; однако, диспозитив – это «до-дискурсивный» феномен, поэтому он не может быть обнаружен принципиально. Мишель Фуко не смог разрешить этот парадокс.

Сформулируем главные выводы относительно бесспорно позитивных результатов теории Фуко.

Во-первых, исследователь должен понимать, что при рассмотрении дискурсивного единства он имеет дело с анализом рассеивания элементов. Такое рассеивание может быть описано только в контексте правил, в соответствии с которыми формируются объекты, акты высказывания, понятия и тематические стратегии или теории. Дискурс в таком контексте можно рассматривать как систему связей и отношений между семиотическими элементами, задающих модус их распределения в определенном социально-историческом поле. Подобное единство рассеивающихся элементов возможно благодаря взаимодействию с внешней системой – это является условием выражения возможностей и потенциала дискурса, определяет его динамику и формирует относительно устойчивые дискурсивные практики.

Важным следствием из теории Фуко является то, что все уровни дискурса не являются независимыми. «Стратегические выборы не возникают непосредственно из видения мира или из преобладания интересов, присущих говорящему субъекту; ... сама их возможность детерминирована точками дивергенции в наборе понятий; ... понятия во все не были сформированы непосредственно на ... основе идей, но сформировались исходя из форм сосуществования между высказываниями» [2, 150-151], и далее: «...не все позиции субъекта, не все типы сосуществования между высказываниями, не все дискурсивные стратегии являются одинаково возможными, но лишь те, которые разрешены предшествующими уровнями» [2, 151]. Таким образом, *онтологический уровень (формирование объектов) является той основой, которая предопределяет специфику всех последующих уровней*: номинируемые объекты делают возможными одни акты высказывания и исключают другие.

На наш взгляд, принципиально важным и методологически необходимым достижением теории Мишеля Фуко является также вывод о том, что дискурс и дискурсивная практика не суть конечные состояния, которые необходимо анализировать как результат случайных, несистематичных предшествующих событий или субъективных психических актов; напротив, во-первых, их организация и функционирование подчиняются исторически и социально обусловленным правилам «сцепления» высказываний и конструирования объектов и, во-вторых, они представляют собой своего рода ресурс, материал создания и изменения действительности, а также для создания новых дискурсов и дискурсивных практик.

И, наконец, главный вывод из теории Фуко в контексте современных дискурсных исследований заключается в следующем: проблема дискурса включает в себя вопросы о том, что в той или иной культуре институционально допущено к говорению, а что замалчивается, как конструируются и понимаются базовые аксиологические категории («истина», «ложь», «красота», «безобразное»), кто наделяется «правом говорения», что из себя представляет легитимированная в определенной культуре технология словоговения и создания культурных текстов.

Мишель Пешё, развивая идеи Мишеля Фуко и пытаясь разрешить проблему границ дискурса, основной акцент своей исследовательской работы сделал на моделировании механизмов социокультурной детерминации дискурсивных практик. Главным в его методологии, условно обозначаемой как «Автоматический анализ дискурса» [9] стал вопрос: «каковы социокультурные границы дискурсивных практик и форм?».

Базовым допущением методологии Пеше является утверждение о необходимости дистанцирования дискурсного исследования от собственно лингвистических изысканий. Предмет дискурсного анализа – не чисто лингвистический феномен, не то, что замыка-

ется на языковых формах. Даже если принять допущение Фуко о том, что язык как диалектическая, внутренне противоречивая сущность всегда является либо репрезентантом власти, либо самой властью, это, тем не менее, не объясняет всего многообразия механизмов легитимации и конституирования определенных общественных явлений, идеологизации и мифологизации общественного сознания. Кроме того, теория Фуко не объясняет, каким образом один и тот же язык и одна и та же система кодов и правил их рассеивания, используясь в различных сообществах, приводит к различным результатам и имеет различные эффекты.

Мишель Пешё, обозначая главные стратегии ответов на вопросы, сформулированные Фуко, занимает позиции, принципиально противостоящие сугубо лингвистическому анализу дискурса: понимая любой дискурсивный акт как сложное явление, спровоцированное действием комплекса не только языковых и властных, но и социокультурных, психических и прочих факторов, Пешё рассматривает дискурс как «один из материальных аспектов идеологии», переводя таким образом категорию дискурса в сферу исторически обусловленных классовых отношений со всей их социокультурной спецификой. Это предполагает, что внутренний потенциал и динамика дискурса непосредственно зависит от недискурсивных идеологических феноменов. Как утверждает Пешё, «каждая дискурсивная формация поддерживает некоторые специфические условия производства» [9, 38], при этом под условиями производства следует понимать материальное, социальное и культурное окружение субъектов дискурса.

У Пешё дискурс не является ни пассивным «отражением» недискурсивных феноменов, ни их простым следствием, ни просто атрибутом или гарантом их стабильности. Дискурс активен и генеративен в первую очередь в отношении смысла. Пешё утверждает, что «конституирование эффектов смысла происходит, начиная с внутренних отношений парафразирования», а «референциальные отношения имплицитуются этими эффектами» [1, 17]. Это означает, что, будучи обусловленным конкретными социокультурными условиями, дискурс порождает смысл тех или иных знаковых единств: «смысл некоторой текстовой последовательности материально постижим только тогда, когда эта последовательность рассматривается с привязкой к той или иной дискурсивной формации» [1, 17]. Одним из аспектов дискурсного процесса, связанным с его генеративной особенностью, является то, что одни и те же социокультурные явления (или знаковые явления) могут иметь несколько смыслов и несколько интерпретаций. Собственно, социокультурный факт или явление может иметь смысл только благодаря дискурсивному процессу, но последний не просто закрепляет референциально-смысловые связи, но одновременно конструирует и поле всевозможных смысловых трансформаций. Иными словами, явление может быть понято только благодаря тому, что оно представлено в дискурсе; однако, именно благодаря этому оно может быть понято по-разному. Под собственно *дискурсивным процессом* Мишель Пешё понимает парафразические отношения, которые актуализируются внутри матрицы смысла, присущей данной дискурсивной формации [9, 29]. Это означает, что весь массив текстовых последовательностей, образующих дискурс, соотносится с определенными условиями их производства, с некоторой «матрицей смысла», с базовыми стандартами и закономерностями конструирования дискурсивных последовательностей, причем эта «матрица» не ограничивается собственно языком и внутриязыковыми закономерностями, но охватывает и коммуникативные, и социальные, и культурные закономерности. М.А.Можейко сравнивает этот свод дискурсивных правил с «семиотическим диспозитивом» в концепции Кристевой и с «диспозитивом власти-знания» в концепции Фуко [1, 17]. Пешё, как и в случае Фуко и его концепта диспозитива, сталкивается с риском дискурсивного редуционизма: «матрица смысла», будучи «до-языковой» и «до-дискурсивной» формацией, может быть познана и описана только средствами дискурса. Однако, Мишель Пешё предпринимает попытку решения этой проблемы, с одной стороны, через позицию субъекта дискурса и, с другой стороны, через идеологию.

Эта «внешняя» детерминированность дискурса делает невозможным рефлексию субъекта о «предзаданности» предмета его мышления и речевой деятельности (поскольку последние рассматриваются Пешё как элементы дискурса, который, в свою очередь, является производным от социокультурных явлений). Мишель Пешё использует понятие «забвение» для обозначения подобного рода неосведомленности субъекта. Абсолютное забвение, которое может быть описано как тотальное незнание субъекта о дискурсивной предзаданности его коммуникативных действий, ведет к исчезновению субъекта как агента речи («Я-здесь-говорящий», оставляя место только дискурсу, говорящему через «чистое Я», актуализируемое в конкретной социокультурной ситуации. Следует заметить, что, Пешё признавал фактическую невозможность достижения такого состояния, фиксируя его лишь как предостережение для тех, кто занимает недостаточно рефлексивную и критичную позицию по отношению к себе и своей речи.

С точки зрения Пешё, дискурсивные процессы однозначно не производятся субъектом, но генерируются способом производства дискурса, который задается определенной «идеологической формацией». Принципиальным положением теории дискурса Пешё, отличающим ее от фукианской теории и развивающей ее, является то, что она утверждает субъекта в качестве необходимого условия реализации дискурса. Несмотря на то, что субъект «подчинен» идеологии и «не знает» о зависимости своей речемыслительной деятельности от дискурса, он неизбежно становится полем реализации и идеологии, и дискурса. Таким образом, Пешё выстраивает детерминационную схему: «идеология – дискурс – субъект» и преодолевает чрезмерный объективизм концепции Фуко. Целью динамической связки «идеология-дискурс» является производство субъектов, то есть «превращение индивидов в субъектов», «в подданных». В качестве наиболее значимых и наиболее эффективных (в отношении создания подобных «субъектов как эффектов») необходимо считать политическую, педагогическую (образовательную), медико-социальную и другие идеологии.

Если для Фуко субъект лишен агентивности в дискурсивных практиках, то у Пешё субъект трактуется как то, благодаря чему реализуется дискурсивная практика, о которой субъект не подозревает. Дискурс, согласно Пешё, неизбежно реализуется в субъекте, что объясняется специфической организацией последнего: «нехватка Реального» побуждает субъекта «забывать» о собственной дискурсивной несвободе и строить иллюзии относительно того, что все, что он мыслит и говорит суть результат его личного опыта, его психических особенностей или его мировоззрения, а не самоактуализации дискурса. Феномен «забвения собственной дискурсивной несвободы» имеет важнейшее эпистемологическое значение: если мы создаем себе иллюзии относительно независимости нашей речемыслительной деятельности от идеологии, то необходимо, как минимум, анализировать структуру этих иллюзий. Поскольку эти иллюзии не произвольны и не спонтанны, а социокультурно и идеологически детерминированы, то их анализ позволяет, по мысли Пешё, выявить эффекты идеологических смыслов, транслируемых субъектом посредством дискурса.

Помимо понятия «субъекта», еще одним элементом детерминационной схемы Пешё является «идеология». Как уже было отмечено, идеология представляет собой «матрицу смыслов» по отношению ко всем единицам циркулирующих в обществе дискурсов. Идеология, условно говоря, есть «виртуальный метатекст», с которым генетически соотносятся все тексты дискурсивной формации. Очевидно, что Пешё здесь обращается к фукианскому термину «диспозитив» избегая скатывания к дискурсивному редукционизму и гносеологическому парадоксу, о которых говорилось ранее. Идеология рассматривается Мишелем Пешё в социокультурных рамках, то есть речь может идти о множестве идеологий, каждая из которых релевантна той или иной социокультурной системе (государству, институту, сообществу, субкультурной среде и т.д.). Утверждая, что идеологии могут сосуществовать, противоборствовать, игнорировать друг друга, но при этом всегда они пребывают во множественности и в состоянии взаимодействия,

Пешё смягчает позицию Фуко, согласно которой диспозитив является непостижимой тотальностью и иррациональным абсолютом. Пешё развивает марксистскую идею об обусловленности идеологии экономическими процессами и экономической материальной системой. Идеология, согласно Пешё, содержит и предоставляет набор репрезентаций, которые носят классовый характер и, соответственно, имеют те или иные спецификации в зависимости от социокультурных характеристик класса. Дискурс в таком понимании предстает как один из материальных аспектов идеологии, то есть как то, что непосредственно «переводит» экономические процессы в идеологические. Пешё заменяет иррационализм и абсолютизм фукианского понятия «диспозитив» материалистическим измерением идеологических и дискурсивных процессов. Если для фукианского анализа дискурса главной целью было выявление историко-социальных условий, порождающих возможность тех или иных высказываний, то для Пешё – это обличение конкретных экономически-идеологических мотивов реализации власти через дискурсивные практики. И если фукианский проект представляется более масштабным, но в то же время более методологически затруднительным (в частности, имеется в виду дискурсивный редукционизм), то модель анализа дискурса Пешё является более прозрачной в методологическом аспекте. «Делинеаризация текстов, связанная с явлениями иерархии, сложения, детерминированности» постулировалась Пешё в конце 60-х годов в качестве базовой стратегии анализа дискурса как системы рассеивания, а спустя два и более десятилетия стала основной процедурой дискурсивных аналитик (Ван Дейк, Фэрклау, Муфф, Водак и другие).

Итак, Пешё, используя понятия «идеология» и «субъект» и во многом опираясь и развивая идеи Фуко, предпринимает попытку преодоления дискурсивного редукционизма. Однако, «возвращение субъекта» вряд ли можно трактовать однозначным образом. Будучи выполненным в неомарксистском ключе, теоретический проект Пешё сохраняет характерную для марксистских учений тенденцию к «пессимистическому гуманизму» и в то же время включает в себя элементы «постструктуралистского оптимизма»: если дискурс-анализ способен «обнажить» тоталитарное и подчиняющее экономически-идеологическое действие, опосредованное дискурсом, то целенаправленная реорганизация дискурсивной практики позволит «освободить субъекта». Очевидно, что подобная реорганизация должна подразумевать реализацию принципов нелинейности и самоорганизации дискурсивных практик, а также расширения границ дискурса.

Резюмируя сказанное и отмечая в некотором отношении излишний радикализм и политизированный подтекст теории Пешё, вполне характерный для французской философии в целом и в особенности – 60-х годов двадцатого века, отметим следующее: Пешё, развивая идеи Фуко, отказывается от линейного и структурного рассмотрения дискурса и фиксирует внимание на дискурсе как самоорганизующейся среде, открытой и нелинейной системе, оказывающей бесспорно конструктивное и генеративное воздействие и на субъекта, и на действительность (культуру), и на другие дискурсы.

Список литературы

1. Можейко, М. Автоматический анализ дискурса // Постмодернизм: Энциклопедия. – Минск, 2001. – С. 17.
2. Фуко М. Археология знаний. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004.
3. Фуко, М. Дискурс и истина. – Минск: ПроPILEI, 2006.
4. Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – М., 1977.
5. Foucault, M. Naissance de la clinique: Une archeologie du regard medical. – P., 1978.
6. Foucault, M. The order of discourse // Language and politics. London: Basil Blackwell. – 1984. – P. 108-138.
7. Kress, G. Linguistic processes in socio-cultural practice. Victoria, Australia: Deakin University Press, 1985.
8. Laclau E. The death and resurrection of of the theory of ideology // Journal of political ideologies, 1 (3), 1996: 201-220.
9. Pecheux, M. Analyse automatique du discours. – Paris: Dunod, 1969.
10. Philip, M. Michel Foucault // The return of grand theory in the human sciences. – New York: Cambridge University Press. – 1985. – P.65-81.

**ANALYSIS OF DISCOURSE AS A DISSEMINATION SYSTEM
IN TERMS OF FRENCH PHILOSOPHY OF THE SECOND PART OF XX CENTURY
(MICHEL FOUCAULT, MICHEL PECHEUX)**

E.A. Kozhemyakin

Belgorod State University, Pobedy str., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: dva@bel.ru

Discourse studies which are widely spread in modern humanities, historically inherit the intellectual potential of French philosophy of the 60s of the previous century. The paper deals with basic, paramount principles of the discourse-analysis founders – Michel Foucault and Michel Pecheux. The article is aimed to analyze interpretation of discourse as a dissemination system, to ground the contribution of the French thinkers to the advance of critical theories, and also to observe the cross-disciplinary nature of the discourse conceptions, the latter being oriented to study the mutual determination between discourse and social and cultural phenomena.

Key words: discourse-analysis, French philosophy, Foucault, Pecheux, discursive formations, discursive practice, critical analysis.

3. ФРЕЙД В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ М.М. ПРИШВИНА*

А.М. Подоксенов

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770, г. Елец, ул. Коммунаров 28;
e-mail: podoksenov2006@rambler.ru

В статье анализируется влияние идей З.Фрейда на жизнь, мировоззрение и творчество М. Пришвина. Аргументацией для фрейдистских реминисценций служат реальные события жизни писателя и его роман «Кашеева цепь», в котором автор использует психоанализ для осмысления ключевых событий жизненного пути своего автобиографического героя Алпатова, показывая, как его неудачная любовь приводит к вытеснению эротического желания в невроз, который затем сублимируется в художественное творчество.

Ключевые слова: мировоззрение, творчество, психоанализ.

О жизни и творчестве Михаила Михайловича Пришвина сказано уже немало, но у его наследия, как и у всякого значительного культурного явления, есть удивительное свойство: сам ход времени и обновление исследовательских парадигм высвечивают все новые аспекты, порождают иные трактовки писательского таланта. Одной из таких новых интерпретаций и является предлагаемый нами анализ влияния Фрейда, которое в пришивиноведении до сих пор не исследовано [1]. Задачей данной статьи является попытка выявить влияние идей фрейдизма на жизнь, мировоззрение и творчество Пришвина, сопоставляя при этом психоаналитический взгляд на события жизни писателя с его собственной их оценкой, а изложенные в дневниковых записях взгляды на теорию Фрейда – с их художественной интерпретацией.

Очевидно, до начала 1920-х годов с теорией психоанализа Пришвин знаком не был, поскольку еще в 1922 году писал в дневнике: «Тайна есть в каждом сне такая, что самому до нее не додуматься, и только со стороны ведунья еще может сказать, что это значит» [2]. То есть ему пока неизвестно, что еще в 1899 году научное объяснение этому уже дал Фрейд в книге «Толкование сновидений». Тем не менее, говоря о влиянии Фрейда на Пришвина, следует подчеркнуть, что многие ключевые моменты жизни, которые он сам считал поворотными в своей судьбе, можно понять лишь применяя метод психоанализа и аргументацией здесь служат как реальные события, неоднократно упоминаемые писателем в Дневнике, так и целый ряд художественных произведений, но, прежде всего, автобиографический роман «Кашеева цепь» (1922-1954). Без преувеличения можно сказать, что здесь автор в полной мере использует психоанализ Фрейда для осмысления ключевых событий жизненного пути своего alter ego – Михаила Алпатова, показывая, как его неудачная любовь приводит к вытеснению эротического желания в психическую болезнь и как затем невроз сублимируется в художественное творчество. Да и сам писатель в начальный период работы над «Кашеевой цепью» в ноябре 1923 года говорит о психоанализе, как исследовательской парадигме, ставя перед собой задачу «анализа по Фрейду» (Кн.4. С.44) сложнейших и противоречивых проблем духовного мира человека как личности.

В своих работах Фрейд показал, сколь важно, прослеживая становление личности человека, обратить внимание на его детство, отношения в семье и первые эротические чувства, от совокупности которых зависит структура, динамика и особенности развития характера. Пришвин также признавал детство и первые чувства любви судьбоносными факторами жизни: «Что еще хочется мне написать? А вот желание описать детство и

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 07 – 03 – 73302а/Ц

любовь <...> Какие чудеса там в глубине природы, из которой я вышел. Никакая наука не может открыть той тайны, которая вскрывается от воспоминания детства и любви» [3]. С юных лет в духовный мир будущего писателя, кроме матери, навсегда входят его двоюродные сестры, о младшей из которых, Маше, он напишет, что даже «Венера в Лувре в сравнении с той, моей детской, *живой* Венерой показалась немножечко *идолом*...» [4]. Именно от этой детской влюбленности рождается у художника образ Марьи Моревны, который на всю жизнь определит основы его отношений к любви, к женщине, к смыслу и тайне жизни. «Очень хорошо пришлось воспоминание о Марье Моревне: он был такой маленький, что не только не задавался вопросом, отчего рождаются дети, но даже не понимал, каких женщин и за что называют красивыми, – отмечает Пришвин роль появления первого чувства любви у юного героя романа. – Явилась Марья Моревна, и вдруг он понял, что она красивая. А после того как он стал все понимать, *он чувствует в каждой женщине Марью Моревну* [Курсив мой – А.П.], и если этого нет в ней, значит, как будто и невозможно с ней сойтись» (Кашеева цепь. С.335-336). Эту ключевую для всей жизни роль детских эротических впечатлений особо отмечает Фрейд: «...многие, может быть, даже большинство, и во всяком случае наиболее одаренные дети, приблизительно с третьего года жизни переживают период, который можно назвать периодом инфантильного сексуального исследования. Любознательность <...> направляется на вопрос, откуда появляются дети» и далее основатель психоанализа подчеркивает, что «воспоминания детства и на них построенные фантазии всегда заключают самое существенное в духовном развитии человека» [5].

Жизнь Пришвина сложилась так, что детство было омрачено смертью отца и воспитывали его главным образом женщины, что и оказало влияние на те черты мировосприятия, которые он называл женственными сторонами своей натуры: «...бывает, хочется взять себе ребенка чужого и вложить свою жизнь на его воспитание. Хочется какого-то подвига, но всегда так, чтобы *“отдать себя”* на что-то: что-то будет жить, а я тому служить буду, я исчезну. Вообще отдаться, а не взять. Эти моменты и есть *женственные стороны моей души* [Курсив мой – А.П.], настолько женственные, что когда я читаю записки женщин, то ничего нового для себя не нахожу: я совершенно отдельно от своего мужского чувствую в себе женщину» (Кн.1. С.44). Свидетельство писателя трудно переоценить, поскольку сама онтологическая противоположность мужского и женского начал гораздо более, чем что-либо иное, оказывает влияние на весь склад жизни человека. Впоследствии именно эти, идущие из детства женственные аспекты мировосприятия, уже во взрослой жизни роковым образом отразятся на отношениях писателя с прекрасным полом и сыграют решающую роль в политических предпочтениях.

Такой поистине фатальной оказалась для Пришвина женственность его характера в кульминационное мгновение первого юношеского романа в Париже в 1902 году, когда возлюбленная «...лежала с закрытыми глазами, сгорающая...» от желания отдаться эросу, но решающий миг был упущен: «...смущенный, отступил я, *стыдясь в себе “зверя”* [Курсив мой – А.П.] и страдая, предоставил свободу маленькой женщине...» (Кашеева цепь. С. 383). Позже писатель вспоминал, что причиной неудавшейся любви был «тайный невыраженный романтизм, страдание оттого, что не могу быть, как все (особенно в половой сфере), черты полной дикости (чрезвычайная робость, застенчивость в отношении к женщине)» (Кн.2. С. 74). Действительно, влюбленный юноша вел себя в соответствии со стереотипами женского воспитания, преобладавшего в детстве. «Врожденные мужские и женские свойства хорошо заметны уже в детском возрасте, – отмечал Фрейд роль воспитания в формировании гендерных особенностей поведения, – развитие сексуальных задержек (стыда, отвращения, сострадания и т.д.) наступает у девочки раньше <...> там, где проявляются частичные влечения сексуальности, они предпочитают пассивную форму» [6]. Именно пассивной стороной и, следовательно, инициатором разрыва выступил будущий писатель, своим отказом по сути оскорбивший девушку, поскольку «она явно предлагала мне девство, – я не взял» [7]. Так обусловленная детским вос-

питанием «сексуальная задержка» фатальным образом разрушила юношеский роман. «Мне не хотелось, я не мог унижить ее животным чувством, – вспоминал Пришвин в 1907 году, через пять лет после любовной катастрофы. – Я хотел найти в ней то высшее, себя, в чем бы я мог возвратиться к себе первоначальному» (Дневники 1905-1954. Т.8. С. 31). Эту роковую женственность своего мировосприятия писатель вновь отметит в 1924 году, когда шагнет за полувековой порог жизни: «У меня, как у невинной девушки, есть до сих пор в душе отталкивание от чувственной любви, если приходит та, которая мне очень нравится» (Кн.4. С.82). И об этом же запись в 1927 году: «Застенчивость. Ослепительная красота женщины может создать такое состояние в душе, когда эротический ток от страха своей грубости вдруг переделывается в ток женственной дружбы, снежный, исключая возможность даже мысли о соитии... Замороженный пол» (Кн.5. С. 182).

Женственные моменты души писателя сыграют свою роль и в выборе политических предпочтений. Вспоминая в 1928 году о причинах, побудивших его в юности «отдаться» идее марксизма, Пришвин отмечает, что вера в марксизм рождалась из желания найти старшего на роль умершего отца и стремления к идеальной женской любви: «Не имея отца-учителя, я нашел это в Марксе, а женщина будущего у Бебеля заменила мне мою Галатею», и кроме того в революционном кружке марксистов обрел «товарищей, которые заменили мне вполне то естественное счастье, которое дает хорошо организованная *большая семья* [Курсив мой – А.П.]» (Кн.6. С. 302). В марксизме юношу более всего привлекало решение проблемы униженного положения женщины, как ему тогда казалось главного зла жизни. Кстати, студенческая пропаганда марксизма среди рабочих Риги, в которой усердно участвовал и Михаил Пришвин, закончилась ничем иным, как попыткой решения именно женского вопроса – разгромом публичных домов в Риге. Столь романтическое соединение теории с практикой жизни воодушевляло молодежь, отмечал Пришвин, и в 1915 году этот присутствующий в марксизме эротический мотив он захочет ввести в повесть о революционном движении в России начала XX века: «То, что я задумал изобразить в “Марксистах”, очень значительно: пол, источник жизни, подорван, и отсюда является необходимость в “женщинах будущего”. Радикальная развязка с семейным несчастьем и бытом. Особенность этого явления – “безликий романтизм”. Не замечательная женщина с данными чертами возводится в идеал, но вообще женщина. Этот романтизм есть действительно “абстракция полового чувства”» (Кн.1. С. 179).

Так, независимо от Фрейда, еще не будучи знаком с теорией психоанализа, писатель ставит творческую задачу раскрытия весьма важного аспекта марксистского движения, в котором, как видел Пришвин, обнаружилась не менее значимая, чем революционное переустройство экономического базиса и идеологической надстройки, проблема необходимости переделки сексуальных отношений в психологии общения людей. И об этом еще раз Пришвин скажет в 1922 году: «Вспоминаю, разбираю и думаю, что, значит, в этом видимом на поверхности интеллектуализме “Капитала” были и сексуальные проблемы внутри с культом женщины будущего» (Кн.3. С.289-290). Правда жизни, одинаковая как для ученого, так и писателя, требовала своего выражения.

Юношеская любовная неудача завершилась для будущего писателя нервной болезнью. Положение усугублялось и тем, что без духовной близости он не мог обрести сексуального удовлетворения и «безумно страдал при каждом акте с проституткой, а без акта, на монашеском положении – пробовал, но физически не мог вынести и доходил до психиатра» (Там же. С.248). Совершенно очевидно, что это была симптоматика так называемой «психической импотенции», которую Фрейд определял как «неслияние нежного и чувственного течения в любовной жизни», вызванного «влиянием детских фиксаций и более поздним запретом при промежуточном возникновении инцестуозного запрета», при этом данный недуг является «общим страданием культурного человечества, а не болезнью отдельных лиц» [8]. После наступления половой зрелости детская склонность к родителям или братьям и сестрам подсознательно переносится на объект любви. В Эдиповом комплексе, объясняет Фрейд, «завершается инфантильная сексуальность,

оказывающая решающее влияние своим действием на сексуальность взрослых. Каждому новорожденному предстоит задача преодолеть Эдипов комплекс; кто не в состоянии это сделать, заболевает неврозом» [9]. Предрасположенность писателя к сексуальной перверзии была обусловлена его детской влюбленностью в двоюродную сестру, «прекрасную, как мне казалось в детстве, высшую, неземную женщину. Этот образ остался со мной на всю жизнь, и, когда я встречал какую-нибудь девушку, которой начинал увлекаться, я говорил себе: «Это, кажется, настоящая?», и это значило, что *она соответствует тому образу* [Курсив мой – А.П.], который был воспринят мною от двоюродной сестры Маши, как Марья Моревна» (Кн.5. С.146). Поэтому инфантильная склонность к инцестуозному объекту или его заместителю всю жизнь была подсознательным непреодолимым искушением Пришвина, всякий раз приводя к психическим патологиям при реализации сексуального желания, если половой партнер не соответствовал идущему из детства образу идеала эротической любви. «Психоанализ легко может доказать, что такие лица в обычном смысле слова *влюблены* в своих кровных родственников, скрывая при помощи симптомов и других проявлений болезни их бессознательные мысли и не переводя их в сознание, – писал Фрейд о связи сексуальных перверзий взрослого возраста с инцестуозными фиксациями детства. – Даже в тех случаях, когда человек, бывший прежде здоровым, заболел после несчастной любви, можно, с несомненностью открыть, что механизм этого заболевания состоит в возвращении его либидо к предпочитаемым в детстве лицам» [10].

Вернувшись после учебы за границей в Россию, Пришвин в 1903 году «сошелся», как он пишет, с Ефросиньей Павловной Смогалева, первой же попавшейся ему женщиной, простой крестьянкой, супружескую связь с которой писатель считал ни к чему не обязывающей. Действительно, брак этот для всех близких казался нелепым, самому же Пришвину его мезальянс в то кризисное для него время казался наилучший выходом. В супружеской жизни с женщиной, стоящей ниже его по социальному и умственному положению, писатель чувствовал себя раскрепощенным, что позволяло избавиться от комплекса психической импотенции и испытывать полное эротическое удовлетворение, даже если при этом в мечтах «всю жизнь желал другую, и это желанное отдавал в печать: ее я обманывал» (Кн.3. С.248). Подобный выход из сексуальной импотенции, по мнению Фрейда, был типичным для многих представителей высших общественных классов, для которых склонность «выбирать себе любовницу или даже законную супругу из женщин низкого сословия является только следствием потребности в униженном половом объекте, с которым психологически связана возможность полного удовлетворения» [11]. Правда, Фрося, ощущая неискренность супружеских отношений, очень скоро превращается «в злейшую Ксантиппу» (Кн.1. С.86) и все чаще и чаще устраивает скандалы. Однако в семейных ссорах писатель винит прежде всего самого себя, осознавая, что женился «с досады» из-за неудачи в первой любви и желания обрести в браке лишь удовлетворение собственных сексуальных потребностей. «Дело во мне самом, потому что *я был по отношению к жене зверем* [Курсив мой – А.П.], может быть, хорошим, добрым, но только зверем, я никогда не испытывал чувства радости служения любимому человеку, что любить значит служить любимому» (Кн.2. С.150), – напишет Пришвин в 1918 году, подводя итог 15-летней совместной жизни. И через 4 года еще раз скажет: «Вина основная во мне, что я эгоист и заварил брак в похоти, в состоянии двойственности, в грубейшем действии соединить уже во мне разъединенное: плоть и дух, в самообмане...» (Кн.3. С.248).

Если юношеская влюбленность завершилась неврозом, то теперь Пришвин признается, что выход из болезни найден им путем перевода полового влечения с инцестуозного детского идеала любви на социально приниженного полового партнера. Студентку Сорбонны Вареньку Измалкову – прототип Инны Ростовцевой в «Кашеевой цепи», от которой в решающий эротический момент отступил автобиографический герой, «*стыдясь в себе “зверя”*» (Кашеева цепь. С.383), – сменила простая крестьянка Фрося, в супружес-

ве с которой «упрощенное природное отношение к женщине-самке, – говорит писатель, – давало, освобождало во мне силу любования украшенной поверхностью земли, и “человечина” меня не цепляла», позволяя ощущать себя «хорошим, добрым, *но только зверем* [Курсив мой – А.П.]» (Кн.2. С. 148, 150).

Дневниковые записи, в которых Пришвин описывает сексуально-психологические проблемы своей жизни, носят отчетливо выраженный психоаналитический характер, удивительным образом совпадая с теоретическими выводами Фрейда. Но речь не идет о прямом заимствовании Пришвиным идей фрейдизма для применения их к анализу своей жизни, поскольку многие мысли и выводы писателя были сделаны до появления соответствующих работ Фрейда по психологии сексуальности. Дело в том, что наука и искусство, обладая разными познавательными средствами, способны постигать правду жизни вполне самостоятельно, в независимых друг от друга понятиях теории или в художественных образах. Поэтому возможно сходство и даже совпадение интуитивно постигаемых художником причин и закономерностей объективных психических явлений с экспериментально получаемыми выводами ученого. Хотя талант и интуиция во все эпохи позволяли художникам самостоятельно проникать в тайну душевных явлений, великой заслугой Фрейда стало создание целостной методологии анализа психических процессов.

Исходя из сопоставительного анализа дневниковых записей и художественных произведений Пришвина, можно с достаточной степенью обоснованности заключить, что знакомство с теорией Фрейда, мировоззренческое освоение и использование психоанализа как творческой парадигмы происходит лишь в 1923 году, что подтверждается как собственным свидетельством Михаила Михайловича, так и появлением в его словаре характерной терминологии и специфической фрейдистской интерпретации сексуальных аспектов психической жизни людей. Одно из таких явных проявлений влияния психоанализа на писателя можно обнаружить при сопоставлении выдержки из вышедшей 4-м изданием в 1923 году книги «Очерки по психологии сексуальности», в которой Фрейд излагает свой вывод, что причиной психической импотенции является то, что «*нежное и чувственное* течения только у очень немногих интеллигентных мужчин в достаточной степени спаяны; мужчина почти всегда чувствуют себя стесненным в проявлениях своей половой жизни благодаря чувству уважения к женщине и проявляет свою полную потенцию только тогда, когда имеет дело с *низким половым объектом* [Курсив мой – А.П.]» [12]. Почти к аналогичному выводу с использованием специфической терминологии приходит и Пришвин в Дневнике 1925 года, говоря об эротическом чувстве «к женщине как к *нежному* товарищу: *я это чувство* имею, и, если замечаю самым отдаленным образом в таком товарище движение пола, – он меня отталкивает. Налет культурности в женщине, образ жизни ее – с книгами... отталкивает мое половое чувство: я могу совокупиться только с женщиной-самкой, лучше всего, если это будет *самая простая баба* [Курсив мой – А.П.]» (Кн.4. С.336).

Однако знакомство Пришвина с основными идеями психоанализа конечно же не означало, что он, не будучи врачом-психиатром, будет стремиться прочесть все теоретические работы Фрейда. В своем творчестве писатель выражал прежде всего неповторимость собственного жизненного опыта, а применяемые им методологические установки были призваны лишь полнее раскрыть, подчеркнуть, оттенить своеобразие первичного экзистенциального материала. Поэтому можно с уверенностью сказать, что многие психологические сюжеты художественного бытия героев пришвинских произведений будут основаны не на спекулятивно-абстрактном применении фрейдизма в творчестве, а на экзистенциальном опыте его собственной жизни, которую в принципе невозможно задним числом подогнать под ту или иную теоретическую концепцию.

Основная трудность установления психоаналитических аспектов в творчестве Пришвина заключается в разделении того, что здесь шло от жизненного опыта писателя, а что от теории. Но поскольку феномены реальности являются одними и теми же и для

ученого, и для художника, значит, возможно как самостоятельное существование интуитивного психоаналитического взгляда на мир Пришвина, так и гармоничное его слияние с научной методологией психоанализа Фрейда.

В 1953 году, ставя задачу переработать «Кашееву цепь» и «утопить эту книгу в автобиографии», в заключительных звеньях романа Пришвин уже более подробно говорит о психоанализе, применяемом им в своем творчестве. Здесь он, насколько это было возможно по цензурным соображениям, подводит итоги поставленной еще в 1923 году задачи «анализа по Фрейду» своего жизненного пути. В главке «Игла профессора» писатель вспоминает, как, работая после возвращения из Германии земским агрономом в городе Клину Московской губернии, он оказался в совершенном одиночестве: «Я погас и заболел непонятной мне душевной болезнью. Корни этой болезни, несомненно, питались моей мучительной и неудавшейся любовью к исчезнувшей невесте» (Кашеева цепь. С.465). Михаил Михайлович отчетливо, хотя и не называя имен, ставит психоаналитический диагноз, считая неудовлетворенную любовь причиной своей психической болезни и следуя в этом за Фрейдом, отмечавшем, что «именно сексуальный компонент конфликта создает возможность заболевания, лишая душевные процессы возможности нормального протекания» [13], поскольку «сексуальность – движущая сила невроза», а сам невроз – это болезнь воспоминаний, в которые погружается личность, так как для нее «невроз заменяет в наше время монастырь, в который обычно удалялись все те, которые разочаровывались в жизни или которые чувствовали себя слишком слабыми для жизни» [14].

Пришвин рассказывает, что всячески пытался скрыть свою душевную болезнь, чувствуя себя гусем, который, чтобы его не заклевали, напрягает в полете последние силки, лишь бы утаить от спутников свою слабость. «Да, я был очень болен и в сто раз свою болезнь увеличивал тем, что боялся открыться больным среди здоровых людей <...> Тайна моей болезни, – догадывается писатель о психических корнях своего недуга, характерного «невроза боязни», – была в том, что я стал с некоторого времени бояться острых предметов: кос, ножей, плужных отвалов и всего такого, чем я торговал ежедневно в земском складе. Каждый раз, как я видел острый предмет, меня тянуло схватить его и пустить в ход, и мне казалось, что я могу наделать ужасной непоправимой беды <...> Я почувствовал необходимость немедленно, кому-то старшему, мудрому, авторитетному человеку выложить все, что есть у меня на душе, и просить помощи. Я вспомнил имя одного в то время очень известного психиатра, всеми уважаемого человека, и принялся писать ему покаянное письмо» (Кашеева цепь. С.465-466).

Как мы помним, в романе Алпатов тоже пытался рассказать о своих переживаниях в письмах к невесте, в надежде на ее сочувствие и помощь. Художественную версию жизнеописания Алпатова Пришвин дополняет не вошедшими в роман событиями собственной жизни, описывая прием у московского психиатра профессора Мержеевского. В своей исповеди врачу, рассказывает писатель, самым трудным было объяснить, почему же ощущение «”я” – маленький» так мучает его: «любовь в существе своем есть рождение личности любящего, сказать же другому о своей личности можно только делами необыкновенными и небывалыми. Но раз я не могу свидетельствовать делами, значит, нет во мне личности» (Там же. С. 467). Однако профессор просто не понял, что болезнь была не физиологического характера, а потому прописанные им прохладные ванны мало помогли Пришвину. Более того, врач нанес пациенту еще одну душевную травму, небрежно насадив его письмо-исповедь на длинную иглу для приколки поступающих бумаг, и «меня как будто иглой пронзило насквозь с такой болью, что я ее и сейчас, через много лет, чувствую», – спустя полвека вспоминал Пришвин (Там же).

Спасла писателя от невроза случайность. После безрезультатного похода к профессору у Пришвина во время очередной поездки в Москву вновь случается приступ истерии при виде прохожего, несущего кухонный нож. Как отмечал Фрейд, в бессознательном идет постоянная борьба Эроса (инстинктов сексуальности и самосохранения) и

Танатоса (инстинктов смерти и агрессии), которые используют механизм либидо. Создатель теории психоанализа говорит о злобе и ненависти как регрессивном поведении. Такой регрессией и было желание писателя броситься на прохожего, чтобы отнять нож и пустить его в дело. Опомнившись, он увидел себя возле дома с множеством дощечек, на которых значились врачи всех родов, от зубных и до нервных. Выбрав себе невропатолога, Михаил Михайлович изложил ему все свои невротические страхи и, наконец-то, получил квалифицированную психиатрическую помощь. Врач-невропатолог внушил Пришвину, что у него нет никакой болезни: «Вы просто перегружены разными теоретическими знаниями. Вам надо теперь разгрузиться от них в практической работе» (Там же. С. 469). А для того, чтобы вытеснить из души фобии страха острых предметов дал пилюли, которые через месяц окончательно излечат писателя. Все вышло точно так, как сказал этот врач, и невроз боязни острых предметов прошел.

О том, что эта история имеет фрейдистский подтекст свидетельствует ее парадоксальная, но типично психоаналитическая концовка. Однажды Пришвин, проезжая на извозчике мимо дома, где жил невропатолог, решает немедленно зайти к нему, чтобы поблагодарить – и с изумлением узнает, что его спаситель вовсе не врач. Более того, пилюли были простой сахарной пудрой, и спаситель пояснил, что невропатолог «живет лестницей выше, вы ошиблись этажом, молодой человек. Я же шлифую стекла для оптического магазина: я оптик» (Там же. С. 471). Как сказал бы Фрейд, в этом-то и заключается тонкая ирония психоанализа: так как невроз Пришвина был обусловлен искаженностью его отношения к жизни, то кто же иной, как не оптик смог бы помочь пациенту взглянуть на мир в другом ракурсе. Шлифовщик стекол поступил как опытный психоаналитик, помогающий больному вывести причины невроза из сферы бессознательного, когда совместный с пациентом анализ «замещает автоматический и экспрессивный процесс вытеснения планомерной и целесообразной переработкой при помощи высших духовных инстанций. Одним словом, *он замещает вытеснение осуждением*» [15]. Таким образом, писателю удалось блестяще соблюсти не только художественную, но и научную правду, наглядно-образно в ходе развития сюжета освободив героя от психической болезни, т.е. придя к тому же результату, которого врач достигает путем психоаналитических процедур со своим пациентом. Задача же исследователя творчества Пришвина – обнаружить эти психологические находки писателя и соотнести их с теорией Фрейда.

Но от неудачной любовной истории у Пришвина все же оставалась фобия страха оставаться наедине с собой, что еще раз подтверждает справедливость наблюдения Фрейда о детском следе вытесненного эротического желания: «Дитя ведет себя при этом как взрослый, превращая свое либидо в страх, когда не в состоянии найти удовлетворение, а взрослый зато, став благодаря неудовлетворенному либидо невротичным, ведет себя в своем страхе как ребенок, начинает бояться, оставаясь один, т.е. без лица, в любви которого он уверен, и этот свой страх старается успокоить детскими мерами» [16]. То есть, когда желания ребенка отвергались, в ответ следовали определенные бессознательно задаваемые формы поведения, которые при их закреплении могли превратиться в черты характера. Затем имевшиеся в детстве фиксации становились образцами, по которым совершается вытеснение у взрослого человека, бессознательно защищающегося от импульсов также, как он это делал ребенком. Здесь излечение Михаил Михайлович интуитивно нашел уже сам и почти чисто психоаналитически – путем сублимации причин нервной болезни из-за неудавшейся любви в художественное творчество.

В статье «О психоанализе» Фрейд, говоря о формах сублимации неврозов, отмечал: «...мы, люди с высокими требованиями нашей культуры и находящиеся под давлением наших внутренних вытеснений, находим действительность вообще неудовлетворительной и потому ведем жизнь в мире фантазий, в котором мы стараемся сгладить недостатки реального мира, воображая себе исполнение наших желаний. В этих фантазиях воплощается много настоящих конституциональных свойств личности и много вытес-

ненных стремлений. Энергичный и пользующийся успехом человек – это тот, которому удается благодаря работе воплощать свои фантазии-желания в действительность» [17]. Поэтому психоаналитика рассматривает художественное творчество как сублимированное символическое выражение сексуальных и инфантильных в своей основе психических желаний и влечений, находящих свое компенсаторное удовлетворение в области фантазии.

Для Пришвина открытие пути трансформации невротических переживаний в творчество произошло в 1903 году, во время поездки из Москвы на родину в Елец на каком-то захолустном полустанке, где в ожидании поезда он решил излить душевную тоску на бумаге, записать какие-то волнующие воспоминания детства. Так «совершилось величайшее открытие в моей жизни, – рассказывал позже писатель. – <...> Раньше меня охватывал страх остаться наедине с самим собой. Теперь я только и ждал, когда закончатся дела, чтобы остаться наедине, затвориться и, в себе самом разгораясь, выходить из своего одиночества в широкий мир <...> Целебный источник выбился в душу мою из каких-то темных, неведомых недр, и с этого разу я стал независимым» (Кашеева цепь. С.470-471). Творчество для Пришвина стало не просто выходом на свободу гнетущих душевных сил, но и радостью излучать из себя опыт жизни. Об этой способности искусства – примирять художника с миром реальности – говорит и Фрейд, отмечая, что, если «личность обладает психологически еще загадочным для нас художественным дарованием, она может выражать свои фантазии не симптомами болезни, а художественными творениями, избегая этим невроза и возвращаясь таким обходным путем к действительности» [18].

Психоаналитический подход Пришвина к истории своей первой любви, неудача в которой через нервную болезнь сублимировалась в творчество, с гораздо большей откровенностью раскрывается в Дневнике, одним из важнейших достоинств которого является отсутствие искажающего цензурного влияния на мировоззренческую и художественную позиции автора. В начале 1923 года, размышляя над вариантами сюжетной линии жизни Алпатова в «Кашеевой цепи», писатель решает, что это будет автобиографический роман: «Как будто бесконечно долгое время рылся в запутанном клубке и вдруг нашел конец, и конец этот – Я: с этого времени Алпатов весь клубок вновь на себя перематывает» (Кн.4. С.10). Теперь главным для художника становится проблема раскрытия процесса становления собственной личности в романном повествовании о жизни и судьбе героя. Вслед за Фрейдом, решающим фактором Пришвин считает влияние «силы эроса», где особенно значим «момент встречи с проблемой пола. С этого момента начинается зачатие личности, при ярком внезапном свете (любовь) жизнь человека вступает во второе полукружие, рожденная личность (второе рождение), стремясь не быть как все, направляется к центру (эрос), но силой общественного мнения, центробежной, отвлекается в сторону, и так слагается движение домой, к своей самости» (Там же. С.11).

О том, что психоанализ Фрейда для Пришвина действительно был важной составной частью его мировоззрения и творчества, можно судить по сформулированной в Дневнике 1927 года основной идее «Кашеевой цепи»: «Неудовлетворенное половое чувство (вернее, отсеченное, превращенное) разрешается чисто “духовным” состоянием человека и общением с Прекрасной Дамой в творчестве. Половое чувство начинается душевным движением, которое в зародыше содержит всего человека. Так, у Алпатова сразу встали с первым движением полового чувства: 1) половое удовлетворение (быть, как все живое); 2) иметь жену, значит, быть самостоятельным, т. е. быть, как все люди; 3) быть творцом» (Кн.5. С.461). Из всех сюжетных вариантов жизни Алпатова автор выбирает биографический, самый интересный для романа – «воздержание от брака для творчества», ставя перед собой задачу психоаналитической интерпретации сюжета: «В романе должен быть изображен священный акт рождения человека, и это будет акт “половой”, а не тот суррогат его, который называется “духовным” актом, “духовным рождением”» (Там же. С.466).

Если в романе видимой причиной неудачной любви являются социальные обстоятельства – невозможность достичь необходимого для родителей невесты «положения» в обществе из-за преследования охранки, которая продолжает видеть в Алпатове опасного революционера, то в дневниковых записях акцент сделан на психологическом аспекте любовной истории. Закончившаяся нервной болезнью любовь на всю жизнь делает для писателя невозможным дальнейшее спокойное существование: «Я ее так полюбил, навсегда, что потом, не видя ее, не имея писем о ней, четыре года болел ею и моментами был безумным совершенно, и удивляюсь, как не попал в сумасшедший дом. Я помню, что раз даже приходил к психиатру и говорил ему, что я за себя не ручаюсь» (Дневники 1905-1954. Т.8. С.10). Но несмотря на тяжесть пережитого, Пришвин все же хочет разобраться в причинах своей любовной неудачи. Ведь кроме тягостных воспоминаний его мучает неопределенность жизненного пути, душевная неустроенность и главное – тайные психические причины раздвоения собственного сознания.

Надеясь избавиться от того, что раздирало его душу на части, Пришвин пытался заняться хозяйством в надежде, что через дело «личное перейдет в общее. А ведь в этом и смысл всякой жизни, чтобы личное перешло в общее» (Там же. С.32). Затем начал пробовать писать рассказы, издал несколько сельскохозяйственных книг, работал корреспондентом в ряде центральных газет. Однако освобождения от невроза, сублимации гнетущих душу воспоминаний о любовной неудаче в творчество все-таки не было по той причине, как позже догадался сам Пришвин, что «в описании своей жизни, которую я изобразил в разных повестях и рассказах, я пропускал все, что было в дневнике, обегал этого...» (Там же). И все же, несмотря на все переживания несчастной любви, Пришвин был благодарен за то, что любовь пробудила в нем писателя: «Главное, я стал писать о себе, после неудачи о себе, все о себе и потому, что неудача попала в самое сердце <...> и отсюда-то и пошло все: как сухой клоп, я высыхал от этого самоанализа <...> Падение несомненное и в то же время спасение, как это может быть? Спасение в унижении, смирении и страдании: счастье в несчастье...» (Кн.1. С.116). Мысль писателя о глубине переживаний как условии творчества совпадает с заключением Фрейда, что «осадки прежних любовных (в широком смысле слова) переживаний могут быть растворены только при высокой температуре переживаний и тогда только переведены в другие психические продукты» [19].

Вывод о творчестве как сублимации невроза Пришвин повторит и в начале 1928 года, во время работы над окончанием «очерка своей жизни» – романа «Кашеева цепь»: «Да, как ни вертись, а искусство, должно быть, всегда паразитирует на развалинах личной жизни. Но в этом и есть особенность подвига художника, что он побеждает личное несчастье» (Дневники 1905-1954. Т.8. С.189). И спустя почти 20 лет, размышляя о психологии творчества, в Дневнике 1945 года Михаил Михайлович вновь выскажется о своем опыте сублимации неудовлетворенного эроса в творчество: «Я хочу сказать, что в психологический состав сложного чувства первой любви у поэта входит чувство недоступности объекта любви. У меня это было два раза: первый раз в Риге с Анной Харлампиевной Голиковой. Она хотела завоевать меня себе как мужа, но это мне было почему-то нельзя. А когда она решила взять себе в мужья Кютнера и тем сделалась недоступной, я ей сделал формальное предложение быть моей женой. С плачем она мне отказала, и это-то мне и нужно было: я взлетел! Второй раз было через пять лет в Париже. Я тоже постарался сделать девушку недоступной и страстно питал в себе это чувство (десятилетиями, почти всю жизнь), стал писать, сам изумляясь тому, как это чувство превращается в сказку, деньги и славу...»[20].

Видимо, закономерности становления творческой личности таковы, что интуитивный голос подсознания ведет художника своим предопределенным путем, не давая хода соблазну удовлетвориться простым эротическим чувством, свойственным обыкновенным людям. При этом личность творца формируется, только пройдя через страдания любви, и неудовлетворенность эроса является одним из условий пробуждения дремлю-

щего таланта. Отмечая психоаналитический аспект своего творчества, Пришвин пишет, что «тема о женщине, сознающей, что поэты любят не ее, а свою мечту» для него стала постоянной с тех пор, как в Париже он «влюбился в призрак и потом, стремясь достигнуть этот призрак, стал делать к нему себе путь», а «выйдя в люди», свою первую повесть послал, конечно же, «призраку» в Лондон. «Самое интересное в этом романе было то, – отмечает писатель типично фрейдистский момент своей истории любви, – что даже в момент разгара моей безумной страсти я сознавал, что простое обладание женщиной, брак и т. п. невозможен и не удовлетворяет меня, что эта женщина – только повод к моему полету» [21]. И уже подводя итог жизни в пожилом возрасте, вновь признается: «Чем больше, и дальше, и глубже прохожу свою жизнь, тем становится все яснее, что Инна мне необходима была только в ее недоступности: необходима была для раскрытия и движения моего духа недоступная женщина, как *мнимая* величина» [22].

О том, что именно сублимация чувства любви, этой «центростремительной силы эроса», в творчество подсознательно была для природы писателя в тот период становления его как личности важнее самой возлюбленной, свидетельствует случай поистине из классики психоанализа. Спустя несколько лет, когда он уже был женат на Фросе и у них родился ребенок, от Вареньки Измалковой неожиданно приходит письмо, в котором она сообщает о своем приезде в Петербург и назначает свидание. Откуда-то Пришвин уже знал, что она собиралась выйти замуж за какого-то профессора, но в последний момент передумала и не явилась к венцу. Вся жизнь теперь могла перевернуться, тем более, что однажды в непосланном письме к Измалковой он признавался: «За эти 12 лет, как мы с Вами расстались, я, конечно, создавал себе обыкновенную жизнь, подобную другим... Но все это время я чувствовал, что если бы Вы, эта самая таинственная Маруха [23], одним только пальчиком поманила меня, я все создаваемое во всякий час и минуту бросил бы...» [24]. Но по причине более чем банальной встреча не состоялась: влюбленный по рассеянности перепутал день и пропустил свидание. Конечно же Варенька поняла эту небрежность отношения бывшего жениха к себе совершенно правильно и тотчас уехала за границу. Правда, вряд ли можно считать, что судьбе было не угодно их свидание или, как думал Пришвин, встреча «только случайно не состоялась (я перепутал число “завтра” и опоздал, она обиделась и уехала)» (Кн.4. С.333). Исследуя психические причины забывчивости, Фрейд приходил к выводу, что «*во всех случаях в основе забывания лежит мотив неохоты*» [25]. Конечно, Пришвин мог искать и находить какие угодно оправдания, но как справедливо заключал Фрейд, в таком забывании проявляются неосознаваемые мотивы, и дама, обвиняя любовника, «полагает только, и не без основания, что из ненамеренного забвения можно сделать тот же вывод об известном нежелании, как и из сознательного уклонения <...> забвение допустимо при неважных вещах; при вещах важных оно служит знаком того, что к ним относятся легко, стало быть не признают их важности» [26]. Поэтому не просто забывчивость подвела художника, видимо, голос подсознания убеждал, что от любви к Вареньке он уже взял если не все, то уж самое важное – окрыляющую поэта Музу, свою творческую мечту.

В понимании любви, как чувства выходящего за пределы природно-биологической сексуальности, проявляется главное отличие Пришвина от Фрейда. «Любовь – это борьба за личность (и вечность)» (Кн.2. С.156), – заключает он, считая недопустимым упрощением разговоры о вдохновляющей поэта Прекрасной Даме, как только об абстракции полового чувства, ибо его личный жизненный опыт говорил о том, что любовь нельзя ни вызвать принудительно, ни преодолеть, она возникает как самое свободное и непредсказуемое выражение глубин личности. Любовь для писателя была больше сексуальности, «любовь была именно задержкой половому чувству (на Прекрасной Даме нельзя жениться!)» (Кн.4. С.351). Признавая, что его приход в искусство во многом определялся любовной неудачей, Пришвин тем не менее не во всем согласен с пансексуализмом фрейдизма, постоянно ощущая себя в творчестве между Прекрасной Дамой и женой: «так же и было всегда у меня в двух мирах, в двух полюсах, а посереде-

не деятельность формирования (искусство) как выход из противоречия» (Там же. С. 81). В этом – противоречивость личности художника, творческий процесс которого с одной стороны питается любовью-эросом, а с другой творит свой идеал – Прекрасную Даму, свою Музу: «духовный, творческий процесс, реализацией которого является Прекрасная Дама, сходится с моментом наибольшего напряжения полового чувства» (Там же. С. 351).

Активно используя психоанализ Фрейда в своем творчестве, мировоззренчески Пришвин в конце концов фрейдизм преодолевает, возвращаясь к платоновскому одухотворенному пониманию любви как лестницы, по которой влекомый эросом достигает божественного идеала. Если у Платона подняться до царства нетленных образцов-идей можно, только последовательно переходя от единичного прекрасного тела к прекрасным телам вообще, затем от красоты души поднимаясь к красоте наук и далее по лестнице совершенства «подниматься ради самого прекрасного вверх» [27], то у Фрейда любовь в своей биологической сущности – лишь «обряжаемое» в образы искусства и «подавляемое» общественной моралью половое влечение («либидо»). Поэтому для Пришвина пансексуализм Фрейда в понимании любви предстает также ущербно односторонним, как и фанатический христианский аскетизм, противопоставляющий чувственную любовь как низшую, земную и порочную – добродетельной, небесной и возвышенной любви к Господу. Для писателя важнее всего целостность понимания любви как одухотворенного эроса, когда любовь ведет индивида к становлению личности, к обретению собственной сущности и пониманию жизненной цели. Размышления Пришвина о том, что целостность личности зависит от целостности его любви, совпадает с пронизательной мыслью Гегеля, который в свое время сказал, что «истинная сущность любви состоит в том, чтобы отказаться от сознания самого себя, забыть себя в другом я и, однако, в этом же исчезновении и забвении впервые обрести самого себя и обладать самим собою» [28].

Но в своих философских размышлениях о подлинной сущности любви Пришвин идет еще дальше, приходя к выводу о том, что следующая степень совершенствования человека в делах любви – соединение со всем миром через родственное внимание любящих природу людей, которых художник именует «берендеями». Таков задуманный писателем в «Кашеевой цепи» путь подлинно человеческого развития: «удовлетворение половое: самка; удовлетворение социальное: жена; удовлетворение духовное (у берендеев): жена становится матерью, и человек через это вступает в родство со всем миром» (Кн.5. С.461).

Список литературы

1. Среди более чем 1400 источников в библиографическом указателе литературы о жизни и творчестве М.М.Пришвина за период с 1908 по 2002 годы не указано ни одной работы, посвященной теме «Фрейд и Пришвин». См.: Михаил Михайлович Пришвин (1873-1954): Материалы для библиографического указателя / Иван. гос. ун-т. Сост. З.Я. Холодова. Иваново, 2002. 118 с.; нет ссылок на Фрейда и в соответствующих статьях о Пришвине в энциклопедических изданиях.
2. Пришвин М.М. Дневники. 1920-1922. Книга 3. М., 1995. С.255.
3. Далее при ссылке на это издание в тексте будут указываться порядковый номер книги дневников и страницы: Дневники. 1914-1917. Книга 1. М., 1991; Дневники. 1918-1919. Книга 2. М., 1994; Дневники. 1920-1922. Книга 3. М., 1995; Дневники. 1923-1925. Книга 4. М., 1999; Дневники. 1926-1927. Книга 5. М., 2003; Дневники 1928-1929. Книга 6. М., 2004.
4. Пришвин М.М. Дневники 1905-1954 // Собр. соч.: В 8 т. М., 1986. Т.8. С.24.
5. Далее при ссылке на это издание в тексте будут указываться название, том и страницы.
6. Пришвин М.М. Кашеева цепь // Собр. соч.: В 8 т. М., 1982. Т.2. С.257.
7. Далее при ссылке на это издание в тексте будут указываться название и страницы.
8. Фрейд З. Леонардо да Винчи. Этюд по теории психосексуальности // Фрейд З. Я и Оно: Сочинения. М., Харьков, 2004. С.265, 275.
9. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности // Фрейд З. Я и Оно: Сочинения. М., Харьков, 2004. С. 616.
10. Пришвин М.М. Из дневников последних лет // Собр. соч.: В 6 т. М., 1957. Т.6. С.543.
11. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. С.682.

12. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. М., 1990. С.188.
13. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности. С.189.
14. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. С.683.
15. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. С.683.
16. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности. С.144.
17. Фрейд З. О психоанализе // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. М., 1990. С.378.
18. Фрейд З. Анализ фобии пятилетнего мальчика // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. М., 1990. С.120.
19. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности. С.187.
20. Фрейд З. О психоанализе. С.377.
21. Фрейд З. О психоанализе. С.377-378.
22. Фрейд З. О психоанализе. С.378.
23. Цит. по: Пришвина В.Д. Путь к слову. М., 1984. С.85.
24. Пришвин М.М. Глаза земли // Собр. соч.: В 8 т. М., 1984. Т.7. С.158-179.
25. Там же. С.113.
26. Маруха (местн.) – возлюбленная, разлучница.
27. Цит. по: Пришвина В.Д. Путь к слову. М., 1984. С.123.
28. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. М., 1990. С.249.
29. Там же. С.258-259.
30. Платон. Пир // Соч.: В 4 т. М., 2003. Т.2. С.121.
31. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике. Книга вторая // Соч.: В 14 т. М., 1940. Т.13. С.107.

S. FREUD IN THE LIFE AND ARTISTIC CREATION OF M.M.PRISHVIN

A.M. Podoksenov

Yelets Bunin State University, Kommunarov str., 28, Yelets, 399770, Russia
e-mail: podoksenov2006@rambler.ru

It is analyzed the influence of the S. Freud's ideas to the life, outlook and works of M. Prishvin. The real events of writer's life and his novel "Katsheeva Tsep", in which the author uses psycho-analysis for trying to find the sense of the main events the way of his autobiographical character Alpatov is argumentation for Freud's reminiscence. He shows how his unfortunate love leads to the transformation the sensual desire to neurosis, which after that sublimes to the artistic creation.

Key words: outlook, works, psycho-analysis.

УДК. 316:303

СОЦИОЛОГИЯ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ: ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.П. Бабинцев¹⁾, В.П. Римский²⁾

¹⁾Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

²⁾ Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78
e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru

В статье рассматривается проблема адекватности социологии как самостоятельной науки в условиях современной российской действительности. Анализируются возможности социальной диагностики общественных процессов и их интерпретации. Обосновывается интуитивно-рациональная парадигма исследования общественных проблем.

Ключевые слова: социология, социологическая рефлексия, смута, интуиция, иррационализм.

Современная российская социология, несмотря на известный дефицит новых концептуальных разработок¹, довольно последовательно увеличивает число объектов исследования. В сферу внимания социологов попадают органы государственного и муниципального управления, сетевые структуры, часть исследований осуществляется «стыке» маркетинга, социального управления и организации коммерческой деятельности. Происходит своеобразная диффузия социологического знания. При этом имеет место и противоположный по своей направленности процесс – социологическая наука все чаще включает в себя элементы смежных дисциплин, например, маркетинга, лингвистики, политологии. Постепенно складывается, на наш взгляд, совершенно новая по своему содержанию модель интеграции социальных наук. И – что весьма примечательно – формируется она в рамках пространства, которое традиционно (по меньшей мере, столетие) осваивалось именно социологами.

Но новизна ситуации порождает множество проблем как содержательного, так и технологического характера. Ключевой из них, очевидно, следует считать проблему функционального значения социологического знания и его роли в общественной практике. Она не нова и, по сути своей, представляет транскрипцию вечного вопроса, формулируемого в отношении науки и ученых от имени общества: «Какова же Ваша польза?» Сегодня этот вопрос не просто сохраняет свое значение, но дополнительно актуализи-

¹ Наличие дефицита концептуальных разработок отмечают как отечественные, так и зарубежные авторы. В частности, Д.Л. Константиновский, А.А. Овсянников и Н.Е. Покровский полагают, что за «цифрами экстенсивного роста социологии в России подчас скрывается если не ее качественная деградация, то, по крайней мере, отсутствие столь же убедительных показателей ее качественного восходящего развития» [9. С. 15]. В свою очередь известный американский политолог, профессор Нью-Йоркского университета К.Колхаун подтверждает: «В общественных науках известны лишь несколько уважаемых ученых из России. В целом ваша страна не сильно выделяется в социальных науках. В науку экономики и теоретической социологии российские ученые приходят не с новыми идеями, а с методами того, как изощренными математическими способами проверить идеи, которые придуманы другими исследователями» [17].

зируется в силу всеобщего усиления прагматической ориентации, затронувшего едва ли не все сферы социума. В том числе науку и образование.

Фиксируя его применительно к социологическому знанию, Д.Л. Константиновский, А.А. Овсянников и Н.Е. Покровский пишут: «Если прежде знание, наука опирались на просветительскую картину мира и рассматривались в основном как абсолютная и безбрежная ценность, то отныне возобладало понятие полезного знания (*useful knowledge*), т. е. знания ограниченного в принципе, сфокусированного на конкретике и нацеленного на результат, приносящий немедленную экономическую выгоду.

Это приводит к перенастройке основных параметров и всей системы университетского образования и образования социологического, а также влечет за собой развенчание образа ученых (равно и преподавателей), как людей, приобщенных к недоступным другим истинам, превращение их в группу экспертов, ничем не отличающихся от других субъектов рыночных отношений» [9. С. 22].

Решение проблемы функциональной роли социологии представляется далеко не очевидным. Уже в самом первом приближении ясно, что социология потенциально способна дать общую картину состояния дел, практически, в любой сфере социума. Но эта потенциальная возможность реализуется далеко не в той мере, в какой планируют специалисты, а полученные результаты довольно часто *необъективны*. Следовательно, не отвечая одному из основных критериев научности, они могут служить задачам практического преобразования мира и человека в крайне ограниченных пределах. В частности, в тех случаях, когда эти результаты используются в чисто манипулятивных целях, *необъективность* даже полезна. Но при формировании и реализации человеком своей жизненной стратегии, равно как и при решении управленческих задач, она ведет к часто невосполнимым просчетам и ошибкам.

Более того, функциональная нагрузка социологической практики не сводится только к решению задачи измерения социальных переменных. Во многих случаях она не является и ключевой задачей. В идеальной перспективе выводы социологических измерений играют служебную роль и должны быть подчинены цели повышения эффективности управления в целом, предлагать «на выходе» конкретные рекомендации, оптимизирующие управленческую практику [12. С. 14].

И если мы в первую очередь обратили внимание на проблему объективности социологии, то это лишь отражает наиболее часто бросающийся в глаза ее публичный статус. К сожалению, именно он в первую очередь принимается во внимание не только общественностью, но и субъектами социального управления, воспринимающими исследовательскую практику как не вполне серьезное, второстепенное занятие, во многих случаях даже мешающее повседневной работе. Следствием таких установок является незавершенность социологических процедур, их фрагментарное внедрение. А.А. Хохлов подчеркивает: «Провести исследование и дать научно обоснованные и практические рекомендации одно, а другое – перестроить исследуемые участки государственной деятельности в соответствии с содержанием данных рекомендаций. Здесь необходимо уметь обращаться с социологической информацией, разбираться в механизме практического функционирования изучаемого участка, быть психологически готовым к осуществлению назревших в нем изменений» [19. С. 312].

Однако при всей справедливости данного заключения нельзя не отметить, что феномен психологической неготовности населения и – особенно – аппарата управления к внедрению социологических рекомендаций нуждается не просто в констатации, но и в более глубоком анализе. И этот анализ сам по себе представляет элемент исследовательской практики. Без него невозможно принять конкретные решения, обеспечивающие реальную, а не фиктивную продуктивность и эффективность, как теоретических разработок, так и эмпирических измерений, действительно, превращающих социологическую науку в один из регуляторов управленческой деятельности.

Разумеется, мы не ставим осуществление регулятивной функции социологии в социуме в исключительную зависимость от качества теоретико-прикладного анализа всех сопутствующих данному процессу обстоятельств. В конечном итоге, даже ясное представление о важности социологии, понимание природы препятствующих ее систематическому применению барьеров не гарантирует стимулирования социологической практики. Теоретическая обоснованность не является главным условием принятия конкретных решений, как в повседневной жизни, так и в социальном управлении. Эти решения обычно выступают как своеобразный компромисс. В одном случае это внутриличностный компромисс (между отдельными личностными структурами), в другом – между позициями различных субъектов управления (акторов), между их явными или тщательно скрываемыми интересами. К тому же любые решения обусловлены необходимостью согласовывать стратегические цели и требования конкретной ситуации.

Но даже с учетом всех этих обстоятельств довольно ясно: в любом случае без исследования мы не можем иметь ясной картины, позволяющей представить процессы во всем их многообразии, а, следовательно, всегда будем сохранять высокую степень личной и общественной несвободы в своих действиях.

Довольно очевидно, что проблема внедрения социологии в социальную практику имеет несколько аспектов, связанных с особенностями современной общественной среды.

Следовательно, вопрос о перспективах социологии в России может быть решен лишь с учетом анализа состояния современного общества. Не претендуя на его всесторонний анализ, который требует специального обсуждения, базирующегося на полных и верифицируемых данных, попытаемся акцентировать внимание на некоторых, на наш взгляд, довольно бесспорных моментах.

Российское общество сегодня представляет собой специфический вариант общества всеобщего риска. Изучая его, специалисты уделяют внимание преимущественно социально-экономическим, политическим и техногенным аспектам риска. «В таком обществе, – пишет О.Н. Яницкий, – ключевые естественные условия обеспечения жизнедеятельности человека (вода, воздух, почва, продукты питания), равно как и созданные им социотехнические системы жизнеобеспечения (урбанизированная среда, энергетические и транспортные системы), превращаются в источники риска. Тем самым среда жизнеобеспечения трансформируется в среду жизнеразрушения» [14. С. 26]. В свою очередь Ю.А. Зубок подчеркивает: «Таким образом, общество риска – это специфический способ организации социальных связей, взаимодействия и отношений людей в условиях неопределенности, когда воспроизводство жизненных средств (условий жизни), физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь производством самого риска» [7. С. 146].

Между тем, при всей правомерности приведенных оценок нельзя упускать из внимания духовный аспект утверждения общества риска. Он связан с очередным кризисом рациональности. С формированием иррациональной и алогичной по своему содержанию социокультурной среды, в условиях которой крайне трудно анализировать и прогнозировать перспективу социального развития, опираясь на логику научного познания. Эта трудность является естественным следствием тотального распространения иррационального поведения, массовизации абсурда и ликвидации прочно установленных норм и правил.

В сущности, сегодня отечественные исследователи и практики имеют дело с новым изданием смутного времени, которое может быть определено как специфическое российское явление. Отметим, что характеристика современного этапа эволюции России как смутного времени, которую, по нашим данным впервые дал академик

Д. Львов¹, становится все более популярной в литературе. Так, Ю.Ефремов пишет: «Третье Смутное время продолжается в России уже 15 лет, дольше двух предыдущих (1602 – 1612 гг. и 1916 – 1921 гг.). И конца ему не видно» [5. С. 10]. Фактически, эту же точку зрения формулирует директор Института русской истории А.Фурсов, когда он, характеризуя отечественную историю, говорит: «В русской «синусоиде» ... было три структурных подъема – Московское самодержавие, Петербургское самодержавие и исторический коммунизм, т.е. СССР. Структурные подъемы отделены друг от друга провалами – смутами: конец XVI – начало XVII века; ряду смутных характеристик соответствовала эпоха петровских реформ, которые купировали надвигающуюся смуту, измотав население; это период конца XIX – начала XX века, и естественно, наше «время негодяев», стартовавшее в 1980-е годы» [1. С. 5].

Однако, принимая концептуальную идею русской смуты, предстоит дать четкие дефиниции понятию, выявить его сущностные характеристики и установить место русской смуты в ряду аналогичных социальных катаклизмов.

Вероятно, русская смута имеет свои аналоги в истории иных культур и цивилизаций, которые еще требуют установления. Но теория государственного и муниципального управления не может успешно развиваться без качественного анализа данного состояния, а также без определения возможностей науки, прежде всего, социологии управления для интерпретации событийных рядов, определяющих развитие современности.

Смута не сводится только к социальному кризису. Вряд ли допустимо ограничить представление о ней и как о тупике социального развития. Это крайне сложное понятие должно быть легитимировано социальной наукой и раскрыто через комплекс дефиниций, характеризующих не столько состояние областей общественной жизни, но, прежде всего, состояние умов. Для характеристики смуты В. Даль использует такие термины как тревога, переполох, возмущение, восстание, мятеж, крамола, общее неповиновение, раздор меж народом и властью, замешательство, неурядица, беспорядок, расстройство дел [4. С. 239].

Наиболее близким описанием состояния смуты в социологии, очевидно, является теория социальной аномии Р. Мертона. Однако отечественная смута в ее любом издании представляет собой более глобальное и разноплановое явление. Она проявляется, прежде всего, в состоянии общественного сознания в виде комплекса явлений.

Наиболее значимым среди них является иррационализм. Иррационализм, иррациональность получают различное определение в литературе. Б.С. Сивирин подчеркивает, что при применении критерия объема, степени, качества понимания и знания о чем-либо иррациональность выступает как редуцированная рациональность. Но он отмечает: «Если иррациональное определяется как нечто, находящееся вне сознания и разума, иррациональное выступает в формах инстинктов, подсознательных влечений, агрессивного поведения, психологических, эмоциональных проявлений. Иррациональное может выступать в формах мифологического, иллюзорного сознания, может проявлять себя в надсознательных формах интуитивной рефлексии и поведения» [15. С. 10].

Иррациональное поведение в широком смысле – это поведение, не основывающееся на учете возможных потерь и выгод, на анализе следствий. Такая редуцированная иррациональность в значительной мере легитимирована отечественной, в основе своей русской, православно-христианской социокультурной традицией.

¹ В одной из своих статей еще в 1998 году он писал: «Состояние, в котором находится экономика и общество, обычно трактуется как кризис. Это слово упрощает и искажает суть дела. В действительности мы переживаем смутное время. Так называют период политической борьбы отдельных групп и отсутствия объединяющих идей, утери первичного «круга безопасности», внутри которого каждый человек чувствует себя защищенным, где он у себя дома. Это безвременье. Оно может тянуться десятки лет, если мы не обретем общего видения перспектив, которое может объединить людей, если мы не обретем веры такое будущее, ради которого стоит жить» [11. С. 7].

Иррациональный подход к выработке и реализации жизненной стратегии большинством населения стал одним из формирующих русскую культуру факторов, превратившись в своеобразный *гипотетический императив* [2. С. 31]. Раскрывая их содержание, В.Н. Брюшинкин пишет: «Русские доверяют *бытию*. Недоверие к рациональности и культуре в то же время означает, что мы верим в независимое от нас сверхрациональное бытие, которое в целом благоприятствует человеку и которое больше и умнее человека и человечества. Доверие к бытию сказывается в знаменитом русском «авось». «Кривая вывезет» говорят у нас, противопоставляя бытийственную иррациональную «кривую» рациональной прямой, которая, несмотря на весь свой прямолинейный «ясный и отчетливый характер», редко выводит в проектируемый конечный пункт» [2. С. 31].

Иррациональное начало в самоорганизации жизни получило обоснование в отечественной социально-философской традиции, восходящей еще к «Слову о законе и благодати» киевского митрополита Иллариона, противопоставившего формально-рациональный закон идее Божественной благодати, источником которой является интуитивное озарение и откровение. «Ведь закон предтечей был и служителем благодати и истины, истина же и благодать – служители будущего века, жизни нетленной» [6. С. 107]. Благодать – высшее, абсолютное начало духовности и нравственности в человеке – явление иного, чем закон, порядка. Она не может быть рационально осмыслена и предполагает веру и аффективное восприятие Божественного источника жизни. Благодать требует не точного знания и исполнения, но внутреннего, искреннего соединения с Божеством.

В русле данной идейной традиции лежит и требование И.А.Ильина учитывать в реальной жизни не только доводы рассудка, интуиции, холодного расчета, но «сердцем ... предметно настроенной и устроенной душой, иными словами, всеми силами и возможностями человека». «При этом, – как пишет И.А.Ильин, – иметь в виду не только цель, зовущую человека к удовлетворению его личных потребностей, но и ... видеть последнюю и главную цель в жизни, по отношению к которой все субъективные цели окажутся лишь подчиненным средством ... это та цель, ради которой действительно стоит жить на свете, ибо за нее стоит бороться и умереть» [8. С.138].

Но для современной социокультурной реальности типична не редуцированная, а своего рода «абсолютная» иррациональность, враждебная разуму, опирающаяся на инстинкты и практикующая произвол как единственно возможный способ отношения к окружающему миру.

Традиционный иррациональный подход к действительности не исключал существования комплекса нарративных твердо установленных поведенческих правил, которые фиксируются научным исследованием. Эти правила восходят к базисным ценностям культуры, до настоящего времени представлявшим некую систему. Проблема сегодняшнего дня заключается в разрушении данной системы, в приведении ее в неустойчивое состояние.

Неустойчивость, выступающая, наряду с иррационализмом, еще одной важной характеристикой российской смуты, не просто фраза, но принципиальная характеристика, относящаяся не только к социальным отношениям, но именно к ценностному миру, который максимально неупорядочен. А какая-либо сложившаяся иерархия ценностно-целевых установок не просто отсутствует, даже не предполагается. Проблема в данном случае заключается даже не в том, что нет общепризнанных для большинства ценностей, норм поведения. Достижение всеобщего единомыслия ведет к тоталитаризму, издержки которого сегодня очевидны. Важнее то, что большинство граждан готово в любую минуту, если к этому принудит ситуация, отказаться от своих прежних убеждений, от того, что еще недавно было значимо и свято. Ситуативное ценностно-целевое сознание не только дезориентирует людей в отношении социальных ориентиров, но и элиминирует важнейшее качество ценностей – их императивность.

В этих условиях терминальные ценности, представляющие собой соглашение между людьми относительно целей, к которым следует стремиться, в лучшем случае подменяются инструментальными ценностями, то есть гипертрофированной значимостью средств достижения целей. При этом цель обычно рассматривается в ее индивидуальном или корпоративном значении. Ценностные паттерны, которые складывались в течение нескольких поколений, как правило, распадаются или редуцируются до минимального уровня. Значение приобретает только то, что в данный момент выгодно узким группировкам, объединенным прагматическими интересами.

Сложившееся положение дел на бытовом уровне хорошо иллюстрируется следующим бытовым примером. В повседневной жизни, криминально окрашенной литературе и публицистике, пределы которых захватывают все новые и новые области, принято различие жизни «по понятиям» и «по законам». Оба образа жизни обычно противопоставляются друг другу. Но противопоставление осуществляется в пределах «данного качества». И в том, и в другом случае речь идет о неких принципах, которые, правда, обычно несовместимы. Вместе с тем существует позиция, отрицающая как «жизнь по понятиям», так и «жизнь по законам». В обиходе она именуется – «беспредел». Именно такой «беспредел» характеризует ситуацию разрушения ценностей, типичную для смутного времени.

К ним относятся:

– дискредитация общественно значимых, консолидирующих идей, ориентация, практически, каждой статусной группы на свою «особую правду»;

– аномальная композиция индивидуального и общественного сознания, в котором одновременно представлены и уживаются противоположные по своей направленности установки, ориентации и идеи. Ж.Т. Тощенко определяет это как «рождение уникального явления – парадоксального человека» [18. С. 4];

– социальное дезертирство¹;

– алогичность социального мышления, доводимая в своих крайних формах до легитимации абсурда;

– тотальная негативная саморефлексия и самооценка, проявляющаяся в типично мазохистском унижении собственной истории, культуры, в отрицании социальной перспективы;

– пониженная реакция на внешние факторы, в том числе и на те, что непосредственно влияют на качество жизни, массовая общественная апатия и равнодушие;

– идеологическая виктимность, выражающаяся в потенциальной готовности стать жертвой обмана, объектом беззастенчивого манипулирования сознанием.

Ситуация распада ценностных паттерн среди прочих следствий имеет резкое снижение возможностей социальных наук, в том числе, а, возможно, в первую очередь – социологии при исследовании широкого круга объектов.

¹ Феномен социального дезертирства пока еще ждет своего исследователя, хотя ряд интересных суждений по поводу данного явления уже сделан некоторыми авторами. В частности, А.С. Панарин рассматривал дезертирство как архетип социальных революций [13. С. 88]. Однако с не меньшим основанием дезертирство следует считать архетипом российских смутных эпох. Характерно в данной связи свидетельство Н.М. Карамзина об особенностях первой смуты в России начала XVII века: «Все ослабело: благоговение в сану царскому. Уважение к Синклиту и духовенству. Блеск Василиевой (имеется в виду Василий Шуйский – авт.) великодушной твердости затмевался в глазах страждущей России его несчастием, которое ставили ему в вину и в обман: ибо сей властолюбец, принимая скипетр, обещал благоденствие Государству. Видели ревностную мольбу Василиеву в храмах; но Бог не внимал ей – и царь злосчастный казался народу царем неблагословенным, отверженным. Духовенство славilo высокую добродетель венценосца, и бояре еще изъявляли к нему усердие; но москвитяне помнили, что духовенство славilo и кляло Годунова и кляло Отрепьева; что бояре изъявляли усердие к Разстриге накануне его убиения. В смятении мыслей и чувств, добрые скорбели, слабые недоумевали, злые действовали ... и гнусные измены продолжались». – Цит. по [10. С. 342 - 343].

Довольно бесспорным является утверждение о наибольшей доступности для научного анализа именно рациональных форм социальной самоорганизации. Следовательно, социология потенциально имеет широкие перспективы развития в рационально организованном социуме. Но потенциальная возможность в российской практике реализуется далеко не в полном объеме в силу ряда обстоятельств.

Первое из них обусловлено отмеченным выше состоянием смутного времени, наложившим заметный отпечаток не только на поведение людей, но и на систему управления и особенно сильно повлиявшим на технологию разработки и принятия решений. Эти управленческие процедуры, требующие рационального основания, в ситуации смуты все чаще детерминируются интуицией субъекта управления, более или менее успешно пытающегося в социальном хаосе крайне слабые сигналы, долженствующие свидетельствовать о развитии перспективных тенденций.

Ставка на интуицию довольно адекватно отражает специфику жизнедеятельности в нестабильной социальной среде и, возможно, является наиболее эффективной в сложившейся ситуации. К тому же она органически связана с отечественными традициями, которые, как и культура в целом, всегда несли в себе заметное иррациональное начало. Но практика интуитивных решений крайне трудно поддается социологическому анализу, который не позволяет выявить характерные для нее тенденции и закономерности, фиксируя лишь степень распространения такого подхода.

Преобладание установки на интуитивные решения и действия, которая легитимируется массовым сознанием и не противоречит общественному мнению, с неизбежностью придает процессу социологических исследований фрагментарный характер. Полученные выводы требуют постоянной проверки и корректировки, что вполне естественно и представляет собой необходимую процедуру социологических измерений. Определение и разработка процедур применения таких процедур составляет существенный элемент развития социологии. Он выражается в постоянном совершенствовании методик, в сочетании количественных и качественных методов анализа, которое позволяет более или менее последовательно оптимизировать исследовательский процесс.

Но даже и в этом случае не гарантируется точность эмпирических данных, без которой приобретают вероятностный характер многие теоретические положения.

На наш взгляд, уже одно это обстоятельство служит серьезной предпосылкой ограничения возможностей традиционной социологии при изучении социальных явлений.

Ограниченность социологических возможностей не означает отказа от применения социологических методов в эпоху смутного времени. Она лишь предполагает изменение исследовательской парадигмы, состоящее в переходе от чистой рациональности к интуитивно-рациональному познанию. В соответствии с данной парадигмой интуиция исследователя должна стать основным методом установления истины, что в принципе не является новым в общественных науках, в том числе и в социологии. Значение ее подчеркивал еще П.Сорокин. Он писал: «Выдающийся художник показывает нам потенциальные возможности, скрытые от нашего взора до тех пор, пока их не откроет его творческий гений. Точно так же научное открытие – это творение, нахождение действительной или потенциальной закономерности или закона, которые до сих пор оставались незамеченными.

Учитывая столь выдающуюся роль интуиции в любом познании или творении, нельзя не изумиться недомыслию общественных наук и социологии. Отрицая интуицию, они оказались лишены одного из базовых источников познания и творчества. Искалеченные таким образом, они, естественно, не могли ни возвыситься над плоским уровнем тривиальностей, ни глубоко проникнуть за поверхностный сенсорный аспект социокультурной реальности. В результате они становились все более бессодержательными, из них постепенно исчезали вдохновение, творчество и просветительский дух. В интересах самих же общественных наук ликвидировать упомянутый промах. Им пора начать использовать все три источника человеческого познания» [16].

Разделяя вывод классика социологической мысли, мы считаем не только возможным, но и необходимым распространить интуитивно-рациональный метод познания и на область современной социологии. В пользу такой необходимости выдвигаются как аргументы «от противного», так позитивно-конструктивные соображения. Главным «аргументом от противного» мы склонны считать отмеченную выше специфику объекта исследования, процесс функционирования которого все чаще приобретает иррационально-интуитивный характер. Более того, имеются все основания считать данную тенденцию устойчивой, поскольку она в концентрированном виде отражает настроения постмодерна, носители которых пытаются описать и легитимировать хаос. Именно постмодернизму присущи «фрагментация, неопределенность и сильное неприятие всеобщих или «обобщающих» категорий»[3], ярко выраженная ориентация на интуицию в противовес рационализму и здравому смыслу. «Ситуация постмодерна» по сути своей «атехнологична». Ее распространение на процесс управления означает, что сама идея массового применения социальных технологий лишается смысла.

В известном смысле можно утверждать, что постмодерн выступает в качестве своеобразного инициатора отечественной смуты. И исследователям еще предстоит выявить генетическую связь между общемировыми и российскими дестабилизирующими процессами. Но в любом случае представляется вполне обоснованным утверждение, что коррелирующаяся с постмодернистскими настроениями российская смута существенно затрудняет возможности применения классических рациональных методов познания в социологии.

Но необходимость использования интуитивного метода познания в социологии обусловлена не только «аргументом от противного», но и представлением о том, какие позитивные результаты он дает, или, по меньшей мере, способен дать при изучении общественных реалий. Рассматривая их, укажем на несколько принципиально важных для социологических эмпирических измерений, следовательно, и для базирующихся на них теоретических обобщений, особенностей сложившейся социальной самоорганизации.

Практически, любой опыт социологических исследований, осуществляемый сегодня, должен рассматриваться как опыт жестко контролируемого эксперимента. При этом далеко не всегда ясно, кто выступает в роли экспериментатора: сам исследователь или лица, санкционирующие его действия. Респонденты, выступающие как участники эксперимента, принимают в нем участие при наличии изначально сформулированных ценностно-целевых установок, в основе которых лежит представление о формальных требованиях системы.

В условиях контролируемого эксперимента любая социологическая методика, построенная на рациональных основаниях, диагностирует не подлинную картину состояния объекта, но некую мнимую (фальсифицированную) реальность. Фальсификация далеко не всегда является намеренной, но представляет собой естественный результат двумерности мировосприятия, в котором уживается комплекс представлений «для внутреннего использования» и «для внешних клиентов». К числу последних относятся и социологи.

Безусловно, существуют методы верификации социологических данных. Но, на наш взгляд, наиболее эффективные способы их опровержения связаны вновь с оценкой продолжительного опыта собственных наблюдений и основанной на нем интуиции. Следовательно, в данном случае интуиция приобретает ключевое значение при получении объективных данных и их интерпретации.

Важна и еще одна особенность объекта исследования, связанная с индивидуальными установками и ориентациями граждан, с которыми и имеет дело социология. Любой опрос респондентов (а именно этот метод чаще всего используется учеными) представляет собой опыт саморефлексии, критической оценки своих способностей и воз-

возможностей, анализа проблем, ценностно-целевых установок и ориентаций. Качество полученного социологического материала в данном случае прямо зависит от способности респондентов к такой оценке, а также от готовности в ней участвовать.

К сожалению, отсутствие саморефлексии является одной из наиболее характерных черт мировоззрения современного гражданина.

Разумеется, установка на интуитивные решения не означает отказа от возможностей рационального анализа, на который, как уже отмечалось «замкнуты», практически все методики социологического исследования. Более того, злоупотребление интуитивным методом приведет к увеличению доли субъективизма и существенно дискредитирует социологическую науку.

Крайним проявлением его является сервильность. Подобная метаморфоза настолько типична для современной России, что рассматривается некоторыми исследователями как типичная черта профессиональной социологической деятельности. Д.Л. Константиновский, А.А. Овсянников и Н.Е. Покровский пишут: «Только сожаления достойны факты, когда социологи в сложившейся системе взаимодействия с властными структурами исполняют специфические обслуживающие функции. Эта схема взаимодействия сводится к следующему правилу. Если социолог приносит во властные структуры социологические оценки или суждения, не соответствующие оценкам этих структур, то он вынужден будет выслушать упреки в бессмысленности такой социологии. Задача сводится не к построению моделей для понимания социальной реальности, а к предугадыванию ожидания властной структуры» [9. С. 13].

Сервильность особенно типична для социологов в регионах, где ограничен спрос на исследования, а органы государственной и – частично – муниципальной власти могут выступать как надежный заказчик, гарантирующий более или менее достойную оплату труда ученых. К тому же на региональном уровне сохраняются эффективно действующие рычаги косвенного влияния власти на исследователей. Используя их, органы регионального управления способны довольно легко обеспечить появление и публикацию комплиментарного социологического материала, чаще всего необходимого им для организации избирательных кампаний и создания собственного позитивного имиджа.

Вывод о перспективности интуитивно-рациональной социологии в данном контексте вполне может быть интерпретирован как своеобразный карт-бланш для фальсификации социологических материалов. Именно поэтому мы подчеркиваем, что при осуществлении научных разработок не следует отказываться от традиционных количественных и качественных измерений, основанных на рациональной исследовательской парадигме. При всей ограниченности возможностей и потенциальной фальсифицируемости, эти методы способствуют объективизации процесса познания.

Но в любом случае интуитивное познание предоставляет сегодня больше возможностей для анализа общественной практики. При этом установка на использование потенциала интуитивной социологии актуализирует проблему нравственности в российской социологии, без решения которой она не способна преодолеть те трудности, которые характеризуют ее состояние в последние годы.

Список литературы

1. Александр Проханов – Андрей Фурсов. Синусоида русской истории. Беседа главного редактора газеты «Завтра» с директором Института русской истории // Завтра. – 2006. – № 28.
2. Брюшинкин В.Н. Феноменология русской души // Вопросы философии. – 2005. – № 1.
3. Вейз Дж. Э. Времена постмодерна // Режим доступа к изд.: <http://luthlib.narod.ru/articles/pmodern/pmod02.htm>. – Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1999. – Т. 4.
5. Ефремов Ю. Слова и дела в России // Здравый смысл. – 2005. – № 2.
6. Златоустрий. Древняя Русь X – XIII веков. / Сост., авторский текст, коммент. А.Г.Кузьмина, А.Ю.Карпова. – М., 1990.
7. Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. – М., 2003.

8. Ильин А.Ю. И.А.Ильин о принципах воспитания России // Человек и общество: тенденции социальных изменений. – СПб.: Минск: Ростов-на-Дону, 1997.
9. Константиновский Д.Л., Овсянников А.А., Покровский Н.Е. Совершенствование социологического образования. Аналитический доклад. – М., 2005.
10. Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г. В 2 кн. – М., 2003. – Кн. 2.
11. Львов Д. Образ новой России – истоки формирования // Вопросы философии. – 1998. – № 6.
12. Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке // СОЦИС. – 2004. – № 3. – С. 14.
13. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2002.
14. Россия: риски и опасность переходного общества. – М., 1998.
15. Сивиринов Б.С. Социальная рациональность как компонент социальной перспективы // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 10.
16. Сорокин П.А. Декларация независимости общественных наук // Режим доступа к изд.: <http://knowledge.isras.ru/sj/sj2-02sor.html>. -- Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.
17. Сорокина Н. Америка должна стать нормальной страной // Российская газета. – 2006. – 2 февраля.
18. Тощенко Ж.Т. Фантомы общественного сознания и поведения // Социологические исследования. – 2004. – № 12.
19. Хохлов А.А. Основы социологии государственной власти и кадровой деятельности. Курс лекций. – Орел, 2005.

SOCIOLOGY OF “DISTEMPER AGE” – PROBLEM OF ADEQUATE RESEARCHING PARADIGM

V.P. Babintsev¹⁾, V.P. Rimskiy²⁾

¹⁾ Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: babintsev@bsu.edu.ru;

²⁾ Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308000, Russia
e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru

The problem of sociology adequacy as independent science in conditions of modern Russia is considered in the paper. Possibilities of social diagnostics of public processes and its interpretation are analyzing. Intuitively-rational paradigm of public processes research is based.

Key words: sociology, social reflection, distemper, intuitional, irrational.

УДК 130.2

КУЛЬТУРОГЕНЕЗИС НАРОДНОЙ ОДЕЖДЫ БЕЛГОРОДЧИНЫ: СОЦИОЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М.С. Жиров¹⁾, О.Я. Жирова²⁾

¹⁾ Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78
e-mail: zhirov@bsu.edu.ru;

²⁾ Белгородский государственный институт культуры и искусств, 308034, г. Белгород, ул. Королева, 7
e-mail: zhirov@bsu.edu.ru

В статье представлен этнокультурологический аспект формирования народной одежды края в социо-историческом хронотопе, выявлена роль в этом процессе славянских племен, этнических и сословных групп, социальных слоев, выступающих объектом и субъектом этого целостного этнокультурного явления, продолжающего жить сегодня в виде этнологических образцов и трансформированных их вариантов в современной одежде.

Ключевые слова: этнические группы, народ, традиционная одежда, культурные традиции, быт, историко-географическое пространство, духовная и материальная культура, художественные промыслы и ремесла.

Традиционный народный костюм края – значительная область национальной культуры как на широте и глубине связей, так и по богатству художественно-творческого выражения. В его образно-стилистической структуре емко и зримо отразились религиозно-этнические, этические, эстетические представления народа, его история, менталитет, система ценностей, уровень духовной и материальной культуры. И вместе с тем, в народной одежде запечатлено нечто большее, чем принято думать. Это не просто набор утилитарных, художественно выполненных деталей. Это символическое выражение отношения народа к жизни, восприятие мира сквозь призму главнейших для человека ценностей счастья, веры, любви, семьи, дома, земли, родины, отечества.

Возникший как рукотворный предмет утилитарного назначения, народный костюм одновременно является и уникальным образцом высочайшего уровня прикладного народного творчества, способного переносить человека через десятилетия и века туда, где «татары шли, ковыль-траву жгли», и туда, где девицы, в карагод собираясь, «по три мыла измывали, по три юбки надевали, четвертаю – душагрейкю», и туда, где в свадебной круговерти «игрицы» величали «поезжан»: «кучера сидят молоденькие, на них шубочки бобровенькие, перчаточки гарусовенькие, чулочки везеленькие, сапожки козловенькие» и воспевали свадебные дары невесты: «матушке – платочек, батюшке – рубашку, любым деверёчкам – по льняным порточкам, дорогим золовушкам – из косушки ленты».

Судьба одежды в прошлом и настоящем – это живая история, поэтическое предание, в котором оживает значительный и мудрый язык старинного орнамента. В нем – размышление о жизни и вечности, ибо «одетая в свой традиционный костюм крестьянка из южновеликорусских земель представляла как бы модель вселенной: нижний, земной ярус одежды покрыт символами земли, семян и растительности, у верхнего края одежды мы видим птиц и олицетворение дождя, а на самом верху все это увенчано ясными и

бесспорными символами неба: солнца, звезд, семь фигур, обозначающих созвездия, птиц, солнечные кони и т.д.» [7, 31-33]. Народный костюм есть одно из первичных воссозданий среды обитания. В самой композиции традиционной одежды, в ее орнаментах отражено родовое единство человека с землей и небом, с чередой времен года, с их пестрой цветовой гаммой. Невольно вспоминаются и парящая птица, и Мать-Берегиня, и «Древо Жизни», с древнейших времен воплощаемые в местном «узорочье», подтверждающие слова В.В. Стасова о том, что «у народов древнего мира орнамент никогда не заключал ни единой праздной линии, каждая черточка имеет тут свое значение... это связная речь, последовательная мелодия, имеющая свою основную причину и не предназначенная для одних только глаз, а также для ума и чувства» [9, 101]. Такой широчайший контекст символики народной одежды открывает многогранные перспективы для изучения народной культуры, быта, менталитета народа, специфики традиционного художественного творчества, его художественно-эстетической сущности и содержания, принципов взаимодействия с широким культурологическим полем других этнических культур.

Активизация изучения традиционного народного костюма в крае в последние годы дает возможность сопоставить этнографические материалы, полученные в разное время, и обосновать вопрос о его генезисе, истоки которого следует искать в лесостепной культуре скифского времени. «Памятники» этого периода обнаружены в Алексеевском, Борисовском, Корочанском, Валуйском, Старооскольском, Чернянском районах [3]. Так, при раскопках скифских курганов, могильника у села Дуровка Алексеевского района, например, найдено много изделий из золота, металла, глины, кости, имеющих не только утилитарное, сакральное, но и декоративное назначение. Большинство предметов выполнены в «зверином стиле» – особенной художественной манере, предполагавшей изображение животных и растений. Основу орнамента составляют образы животных, обитавших в то время, на территории края. Полиморфный орнамент в виде оленей, лосей, волков, медведей, кабанов, зайцев, собак, козлов, хищных птиц переплетается в композициях с растительным – подсолнухи, цветочные розетки – основа бляшек из золота, которыми украшалась одежда. По всей вероятности, скифы верили, что качества изображаемых животных и птиц – ловкость, быстрый бег, зоркость – перейдут их хозяину, а живительная сила растений будет благоприятствовать физическому здоровью.

Контакты между народами Западной и Восточной Европы в начале V века нашли свое отражение в четырех вещевых кладах «древностей руссов» VI – начала VIII веков, обнаруженных в узкой лесостепной полосе от Среднего Поднепровья до Оскола и представленных находками серебряных и бронзовых украшений (фибул, сережек, височных колец, браслетов, шейных гривен), деталей наборов подвесок для пояса и оружия. В 1916 году в селе Старый Хутор Валуйского района было найдено множество предметов быта, в том числе обломок бронзовой застежки – фибулы (деталь костюма), датированного V веком. На месте Белгородского водохранилища, на Шурьей горе, у реки Ворсклы, в бассейне реки Оскола, у сел Герасимовка и Шелаево Валуйского района и Белый Плес Вейделевского района обнаружены «памятники» периода палеолита, мезолита, неолита, эпохи бронзового века в виде предметов органических материалов: кожа, берестяная обувь, шкуры [3].

Ввиду того, что история заселения Белгородского края ещё не достаточно изучена, проблемной по-прежнему является и характеристика этапа формирования населения края домонгольского периода. Большинство исследователей склоняется к тому, что территория в верховьях Ворсклы, Псла, Северского Донца – место обитания во второй половине I тысячелетия союзов славянских племен. Мы разделяем мнение Б.А. Рыбакова о том, что границы племени северян длительное время оставались неизменными, а потому мы вправе считать их коренным этносом, уклад и образ жизни которого во многом определил культурные традиции края. Именно здесь, на Десне и Сейме, лежали древние центры славянских племен. Здесь они сложились в процессе автохтонного развития, здесь они поглотили поток юго-восточного славянства, двинувшегося на север в гуннское время, и отсюда они начали расширять свою территорию на юг и юго-восток [6].

В период своего становления, славяне постоянно находились под сильным влиянием более могущественных народов, что тормозило развитие собственно славянской самобытности. В конце V века началось их бурное развитие. При этом славяноязычные переселенцы вступали с местным населением в сложные взаимоотношения, что вело к языковой ассимиляции местного населения и распространению славянских языков. По Северскому Донцу в этот период пролегал важный торговый путь, связывавший арабский мир и восточнославянские племена. Усиление Хазарского каганата способствовало развитию международных торговых связей. Славянское и алано-болгарское население торговало с арабским миром. Таким образом, территория современной Белгородчины была областью активных этнических контактов. В VIII-X веках через нашу область шла граница, отделявшая земли северян от территорий, входивших в Хазарский каганат и заселенных славянским населением, что привело к этническому смешению. В их быту стали соседствовать черты, свойственные разным народам, что нашло отражение в традиционной культуре края, в том числе и в народной одежде.

На рубеже IX-X веков этническая обстановка степной и лесостепной зон ослабила Хазарское государство, чем воспользовались жившие на границах кочевники, угры-мадьяры, печенеги, тюрки. Ученые связывают переселение болгар на земли славян с миграционными процессами. Они потеснили алан и вместе с ними расселились в юго-восточной части современной территории края. В VIII-X веках эти земли входили в состав Хазарского каганата, население которого к тому времени составили: тюрки, болгары, угры, ассимилированные иранцы, славяне, оставившие после себя значительное количество памятников салтово-маяцкой культуры в виде керамических изделий, хранящихся в коллекциях Белгородского государственного историко-краеведческого музея, а также районных музеев края. Осуществленный нами анализ позволяет утверждать, что керамика салтовец изготовлялась на гончарном круге, ведущими мотивами орнамента были прямые и волнистые линии, треугольники, ромбы. Для декора груболепной керамики использовались различные виды орнамента в виде линий, насечек. На днищах памятников у Дмитриевского городища обнаружены знаки соляного характера: солнечные амулеты-обереги, образцы с изображением коньков. Есть предположение, что такой же орнамент присутствовал и в древней одежде. Памятники этой культуры встречаются в Алексеевском, Валуйском, Вейделевском, Волоконовском, Красногвардейском, Новоскольском, Чернянском, Шебекинском районах области.

Археологические раскопки на берегах Верхнего Дона (территория бывшего Бирюченского района) выявили несколько поселений с обломками древнерусской керамики XII в. и керамики кочевнического типа, а также украшения, атрибуты костюма, детали одежды. Памятники этой культуры являются остатками броднических или бродническо-половецких поселений. Бродники (от слова «бродить») – это отряды бежавших из Руси смердов и бедных воинов, бродивших по степи и селившихся среди половецких кочевий. В XIII в. они слились с половцами, в жены брали половчанок и к концу века были уже на четверть русскими [5, 93].

Самым значительным культурным наследием половцев, по нашему мнению, являются каменные изваяния, разбросанные по степи Юга России, воздвигнутые над курганами-захоронениями на перекрестках дорог и рек. Каменные половецкие изваяния представляют мужчин и женщин в костюмах, которые они носили при жизни. Это подтверждает обнаруженная в курганах одежда типа короткого кафтана, аналогичного тому, что надето на половецких «бабах». Безупречная сохранность каменных «баб», передает малейшие подробности костюма половецкой женщины XIII в. В форме головного убора, в системе расположения орнаментальных вставок, в мотивах декора костюма половчанки и крестьянки Воронежской губернии прослеживаются определенные параллели. Головной убор на половецкой «бабе», близок к бытующей в этих местах «сороке» [5, 190].

Оформление плечевой части рукавов кафтана половчанки соответствует системе орнаментации местных рубаш. Нижняя часть кафтана по крою напоминает распашную поневу. Широкие продольные полосы на полах зипуна находят аналогии в декоре прошив передников, в узорных полосах на поневе, расположенных не спереди, поскольку понева носили с передником, а сбоку и сзади, в местах соединения полотнищ ткани. Подолы зипунов на статуях орнаментированы рядами ромбов, треугольников, зигзагообразными линиями. Вышивка на подолах понев, включающая ромбические мотивы, сверху обрамлена цепочкой треугольников. Крупные бляшки («круги»), украшающие ожерелье, женский пояс и концы мужского пояса, ленты «гаруса» на головном уборе тоже имеют аналогии в половецком костюме. Осуществленный анализ дает основание утверждать, что костюм крестьянки бывшего Бирюченского уезда во многом аналогичен костюму половецкой женщины XIII в.

Период золотоордынского нашествия XIII в. оставил свой «след» в стиле традиционной народной одежде края. К примеру, в большинстве местностей юго-восточной части Белгородчины пояс до сих пор называют «кушаком» (слово тюркского происхождения). Отголоски этой культуры мы находим и в «низкой челушке» женского головного убора «сороки» села Верхососна Красногвардейского района, и в деталях женских украшений, и в названиях мужской и женской верхней одежды (тулуп, кафтан, чекмень), тканей (бязь, войлок), а также в названиях местностей: Бирюч, Усмань, Битюг, Хава, Айдар [1, 20].

Вольная, правительственная, частично монастырская, позднее помещичья колонизация южных рубежей Московского государства собрала на географическом пространстве исследуемого региона представителей разных культур: русской, украинской, польской, литовской, белорусской. «Памятники» последней ярко прослеживаются и сегодня в народной одежде населения ряда районов области: Вейделевского, Валуйского, Волоконовского, отчасти Чернянского и Красногвардейского, где встречается вышивка красно-черными нитями в технике «крест» [1, 27]. Распространилась она в однодворческих селах под названием костюмный комплекс с «андараком», колористический строй полос юбки, которой полностью повторял белорусский (исключение составляли районы с украинской культурой). С переселением в Россию поляков связано появление новых разновидностей жилетов, мужского головного убора «ермолка», верхней одежды «шущпан», женских деталей костюма: «фартук» (передник), отложного воротника с оборками по отлету.

По данным писцовых книг, в «Списках населенных мест» городов Белгородской засечной черты упоминаются «севрюки» и «горюны», отличающиеся от окружавшего их населения, как по говору, так и по костюму. Мужская одежда, войлочные «колпаки» в качестве головного убора были сходны с полесско-белорусскими головными уборами. Своеобразный комплекс женского костюма (женская рубаша с прямыми поликами, пришитыми по основе: понева – плахта в качестве поясной одежды, полотенчатый головной убор, были известны в бассейне Северского Донца. Вполне вероятно, что именно эти этнические группы, некогда населявшие территорию края, и есть потомки древних северян, поселения которых находились в Путивльском уезде Белгородской (впоследствии Курской) губернии, а ныне – Сумской области. В.В. Мавродин и А.И. Соболевский считают их потомками старых северян, уцелевших от татарских набегов в северном Полесье [4; 8]. Эти предположения ученых обоснованы анализом говоров и народного костюма «горюнов», многие детали которого сохранили отзвук древнерусской традиции. Так, комплекс женской одежды включал в себя «чохву» (рубашу с длинными рукавами, ниже кистей рук), «понева-плахту» с «хвартушкой», «наметку» (белое полотенце, которым укрывали голову). Девушки носили венки или «тканки» (парчовые или вышитые серебром полосы) с лентами, опускающимися на спину, а поверх – платки, к которым накла-

дывались узкие венчики из гусиных перьев. Однако несмотря на многие сходства с культурой других народов (украинцев и белорусов), эти гипотетические потомки древних северян смогли сохранить свою самобытность вплоть до XX века.

Пока нет единого мнения ученых о происхождении другой этнической группы великорусов – «саянов», поселения которых были разбросаны, в основном в северной части курских земель. М.Г. Халанский, считал, что «саяны» образовались в результате правительственных переселений жителей из ближайших южнорусских городов: Орла, Рязани, Брянска [10]. Именно их влияние сказалось на декоративном решении местного костюма, что выразилось в преобладании в нем красного цвета. Комплекс традиционной женской одежды «саянов» также свидетельствует о древности этой этнической группы, так как включает поневу (несшитую распашную), рогатую кичку, сарафан («саян»), «чепец» и «повязку» (головные уборы женщины и девушки), «коты» (грубые кожаные башмаки) и «черевики» (кожаные легкие туфли с «махорчиками»), указывающих на давние этнические связи этого населения с населением Орловской, Калужской, Тульской губерний. Такие костюмы сохранились в селах Грайворонского района (Пороз, Доброе, Почаево), в селе Фощеватово Волоконовского района. Этнографы и краеведы выделяли места поселений «саян» в ряде сел Оскольского региона, население которого занималось кожевенно-сапожным, шубным, гончарным, столярным, бондарным промыслами. Впоследствии в быту кустарей сильнее проявилось влияние города, что сказалось на формировании сарафанного и юбочного костюмных комплексов в стилистике которых появились элементы белоруско-полесских и литовских национальных костюмов, в частности, карман-лакомник.

В исследованиях Л.Н. Чижиковой упоминается факт проживания во второй половине XVII в. в бассейне реки Корень (левобережного притока Северского Донца), в селах Ломово, Заячье, Мазикино, Свиридово, Тюрино, Новая Слободка Корочанского района древней группы великорусов – «мамонов» [11; 12]. В традиционной культуре мамонов наблюдался синтез разновременных возникших компонентов. Так, в одежде преобладали южнорусские черты, идентичные однодворческой одежде: рубаха с косыми полками, понева с прошвой, украшенная сзади яркой вышивкой в виде продольных полос, рогатая кичка, пушки (подвески головного убора около ушей) из гусиного пуха в сочетании с северорусским косоклинным сарафаном, замененным в начале XX в. сарафаном, сшитым из прямых полотнищ.

Вплоть до XX века на территории районов, примыкавших к Воронежской и Курской губерниям, проживали «цуканы», названные так за характерное «цоканье» говора, замены звука «ч» на «ц» и наоборот. Традиционный женский наряд цуканов также нес на себе печать глубокой старины – красная понева, рогатая кичка, длинный передник («запон»). Симпатиями у соседей великорусов цуканы не пользовались. Они презрительно называли их «хаммами», «выворотными»: «...они мрачны, грубы и живут грязнее своих соседей. Их речь медлительна (как и походка), тон ее низкий: кажется, будто говорящие стараются прижать подбородок и нарочно говорить басом» [10].

И по сей день отголоски некоторых локальных этнических групп великорусского населения ощутимы в говоре местных жителей края: например, в районах Белгородско-Курского региона – среди «евунов»; в Красненском и Губкинском районах – среди «щекунов»; в Старооскольском, Алексеевском, Новооскольском районах – среди «ягунов». И хотя диалектные особенности говора «щекунов» и «ягунов» не были столь отличны друг от друга, они сильно различались «в наружности и больше всего в покрое одежды... Разность между щекунами и ягунами так велика, что они никогда не вступают в родственные связи друг с другом, не имеют дружественных отношений между собой...» [2, 93].

Известно, что еще в середине XIX века этнические группы на территории края жили обособленно друг от друга и окружающего населения в силу своих специфических этнических и социально-экономических факторов. Помимо различий в говоре, одежде, образе жизни, бытовом укладе они были выходцами из разных регионов России и принадлежали к разным слоям крестьянства. Так, упоминаемые нами «саяны», «горюны», «цуканы» и «маманы» принадлежали к категории монастырских крестьян, то есть находились в крепостной зависимости у монастырей. Рядом жили помещичьи крестьяне и однодворцы со своим определенным социальным статусом, традициями, укладом жизни.

Строительство Белгородской оборонительной черты, которое длилось более двадцати лет – важного стратегического сооружения, протянувшегося на 800 км с востока на запад по территории современных областей (Сумской, Белгородской, Воронежской, Липецкой и Тамбовской) способствовало этнической и культурной консолидации выходцев из разных районов России, составивших группу «служилых по прибору»: пушкари, стрельцы, казаки, драгуны, копейщики. (Белгородский и Старооскольский уезды) и «служилых по отчеству» (по происхождению): бояре, дворяне, дьяки; дети боярские, дворовые, городовые. Низшие служилые люди – мелкопоместные дети боярские и придворные чины составили особую сословную группу «однодворцев», традиционный женский костюм которых включал юбку в полосу (местное название «андарак») «от пояса до ног 77 дорог».

Безусловно, переселенцы «сведенцы» из других регионов России: Москвы, Курска, Мценска, Орла, Переяславля, Рязани, а также выходцы из Правобережной Украины, «черкасы», Заднепровские казаки внесли заметные изменения в колористический строй костюма края. А характерная бесполиковая рубаша украинского типа с цельнокроеными рукавами стала излюбленной частью праздничного костюма в сочетании с юбкой-плахтой жителей ряда сел Грайворонского района.

В русских селах Белгородского района Болхолец, Пушкарное, в селе Белый Колодец Вейделевского района (бывшего Валуйского уезда) довольно распространенной формой являлась рубаша с прямыми поликами, пришитыми по основе ткани, но для украинского населения исследуемой территории это было весьма редким явлением.

Как и в старину в этих районах украинцев именуют «хохлами», русских – «кацапами», а иногда и «лаптерями». В районах дисперсного расселения русских и украинцев по-прежнему бытует понятие «перевертень», «перевертыш». «Мы не русские и не украинцы, мы перевертни» – утверждают старожилы таких сел. Как показывает исследование украинское население приграничных районов меньше занималось ткачеством. Ввиду развитости товарно-денежных отношений крестьяне имели возможность покупать фабричные ткани. Домашние холсты шли лишь на рушники и скатерти. Самые бедные крестьяне носили одежду из домотканой поскони даже в начале XX века, в основном – мужские и женские рубахи, юбки и штаны в качестве рабочей одежды. Однако, крой рубах из покупного материала, сохранял свои традиционные черты, а вот декоративная отделка приобретала новое решение, в вышивке появлялись растительный орнамент и красный цвет, менялась техника вышивки с «набора» на «крест».

К концу XVI- началу XVII веков, в основном, закончились массовые переселения народов. В своих общих чертах сложилась и этническая карта Белгородского края. Переписи населения фиксируют появление новых этнических групп – служилых крещеных калмыков, под влиянием которых в народном костюме края появляются разнообразные бисерные нагрудные украшения длиной ниже талии, меняется колористический строй используемого бисера.

Под воздействием урбанизации, общей подвижности населения, роста числа национально-смешанных семей прежние локальные особенности народной культуры и быта постепенно сгладились. Материальная культура стала более стандартной. Однако

многие самобытные черты традиционной народной одежды края сохраняются в ярко выраженной форме и в настоящее время. На это обратил внимание еще А.И. Соболевский. В работе «Русский народ как этнографическое целое» исследователь указывал на то, что точных границ между тремя славянскими народами, как правило, не наблюдается: есть районы (пояса) переходные, где сочетаются признаки и того, и другого народов. И тут же Соболевский вносит в свое заключение существенную поправку: «Точная граница может быть проведена только между великорусами и малорусами в тех местах, где и те, и другие – поздние пришельцы, где они столкнулись не раньше XVII столетия. Здесь у этнографа обычно не бывает никаких затруднений: одну деревню по ее языку и быту он может смело и решительно назвать великорусскою, а ее соседку, также на основании ее языка и быта, он называет малорусскою» [8, 12].

Подтверждают это и материалы музыкально-этнографических экспедиций в селах Белгородчины, свидетельствующие, что традиционная народная культура, в том числе, и народная одежда сохраняет свои индивидуальные особенности. Прямое украинское воздействие на нее ощущается только в более поздние исторические периоды. И, напротив, типичные признаки южнорусской традиции удалось зафиксировать участникам экспедиции Московской консерватории на территории Украины. Это еще одно из предположений о том, что только потомки славян-степняков могли принести с собой в южнорусские пограничные города традиции, корни которых уходят ко временам единства юго-восточных славян в эпоху образования Киевского государства. Существенным подтверждением этого предположения является народная одежда края, в композиции, загадочном орнаменте, широкой цветовой гамме которой отложилось родство человека с богатейшей природой края, опытом предков-землепашцев. Достаточно сказать, что основным типом женской одежды в крае была понева, упоминание о которой встречается в древнерусских рукописях. Одно из ранних изображений поневы находим и на браслете из рязанского клада XII века. Понева восходит к одежде исконно славянского земледельческого населения, которое занимало правобережье Дона и его притоки. Она была распространена по всей южнорусской территории. Аналогична точка зрения В.М. Щурова: «Род женской одежды типа поневы встречается у всех трех восточнославянских народов (запaska у украинцев, плахта у белорусов)» [13, 45]. Таким образом, все эти признаки в совокупности доказывают верность предположения о преобладающем влиянии потомков аборигенов – северян на развитие традиционной народной одежды края.

Таким образом, с XVII по XX век на территории края произошли сложные этнические процессы, отразившиеся в языке, одежде, жилище, фольклоре и даже в ремеслах. В костюме этого времени отмечена необычная форма рубахи с рукавами, собранными у поликов под названием «городки», широко распространенная на Украине и до этого неизвестная в Центральной России.

Военно-стратегическое назначение Белгорода с XVI-XVIII веков постепенно изменялось, хотя милитаризованный уклад экономики, основное занятие «служилых людей» во многом определили особенности развития ремесел и промыслов, а соответственно и торговли в крае. Интенсивное развитие традиционных занятий населения особенно активизировалось в период существования Белгородской губернии (1727-1779 гг.), в состав которой вошли территории современных Белгородской, Курской, Орловской, частично Брянской областей Российской Федерации, а также Харьковской и Полтавской областей Украины. Этот факт нашел отражение и в трансформации традиционного костюма. Так, переселенцами из Брянска в народный костюм был привнесен отложной воротник. При традиционном крое он придает рубахам сходство с аналогичными вещами западных славян: белорусов, поляков, литовцев. Рубаха имела ещё одну особенность, нехарактерную для культуры края: косые полики с декоративным оформлением вышивкой. Кички с бисерным «позатыльником», широкие бисерные «гайтаны» нагрудного и наспинного

исполнения были также заимствованы из брянского народного костюма, стилизованные впоследствии с учетом региональных особенностей и закрепившиеся в традиционном костюме края.

Проходящие в тот период в Белгороде один раз в году ежегодные ярмарки, количество которых затем возросло до трех, способствовали более широкому развитию не только торговли, но и промышленности, ремесел, производству суконной фабрики на реке Топлинка. На ярмарках приобретались валеные головные уборы, лапти, валенки, самые сложные компоненты костюма, изготовление которых требовало особого мастерства, декоративные ткани, кружева, изготовленные на коклюшках рязанскими ремесленниками (названия обозначены по месту их изготовления), михайловские мерные кружева, широко используемые для декора оплечья женских рубаш.

Аграрное перенаселение, усиление феодально-крепостнической эксплуатации вынуждало сельское население искать источники доходов, не связанные с земледелием. Вот почему с конца XVIII века, особенно во второй половине XIX века, на территории края получили широкое распространение крестьянские ремесла и промыслы. Подтверждение данному факту находим в исторических источниках. Так, на вопрос анкеты (1761 г.) Академии наук по инициативе М.В. Ломоносова, «В каких ремеслах народ больше упражняется и которое в лучшем состоянии находится?» – последовал ответ: «В Белгороде имеются ремесленные люди серебрянники, чеботари, кузнецы, плотники, оконченники (стекольщики), портные, крашенники, токари, кирпичники, делающие медные и оловянные мелкие вещи, харчевники, калачники, солодовники, свечники и овчинники» (4). Более того, достигшие своего пика в конце XIX – начале XX веков, многие ремесла развиваются и в настоящее время, являя нам ценностные образцы многовековой эволюции народного творчества.

Резюмируя вышеизложенное, есть основания утверждать, что народный костюм края, сформированный на протяжении веков под непосредственным воздействием социально-экономических, культурно-исторических, природно-географических факторов, является уникальным памятником материальной и духовной культуры нации, человечества, определенной эпохи. В его создании принимали участие все без исключения социальные слои общества, каждое из которых имело свою определенную точку включения в эту деятельность. Ввиду этого народный костюм Белгородчины является выразителем и носителем личных, классовых, национальных и общечеловеческих значений, социокультурного опыта предшествующих поколений.

Список литературы

1. Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины: Учебное пособие. – Белгород, 2000. – С. 20, 27.
2. Жиров М.С. Региональная система сохранения и развития традиций народной художественной культуры: Учебное пособие. – Белгород, 2003. – С. 93.
3. Карагодин М.И. Белгородский край в древности. – Воронеж, 1982.
4. Ломоносов М.В. Собрание сочинений. -Т.6.-М.;Л.,1952.-С.37-43.
5. Мавродин В.В. Очерки истории СССР: Древнерусское государство. – М., 1956.
6. Плетнева С.А. Половцы. – М., 1990. – С. 93, 190.
7. Рыбаков Б.А. Поляне и северяне. – М., 1944. – Т. 6-7.
8. Рыбаков Б.А. Макрокосм в микрокосме народного искусства // ДИ СССР, 1975. – № 3. – С. 31-33.
9. Соболевский А.И. Русский народ как этнографическое целое. – Харьков, 1907.
10. Стасов В.В. Русский орнамент: Шитье, ткани, кружева. – Вып. 1. – СПб., 1872. – С. 101.
11. Халанский М.Г. Народные говоры Курской губернии // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. – СПб., 1904. – Т. XXV.
12. Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры. – М., 1988. – 256 с.

13. Чижикова Л.Н. Традиционная женская одежда русских в Белгородской области / Институт этнографии // Ролевые исследования 1977 года. – М., 1979. – С. 9.
14. Щуров В.М. Южнорусская песенная традиция. – М.: Советский композитор, 1987. – С. 45.

CULTUROGENESIS OF FOLK DRESS OF BELGOROD REGION: SOCIOETNICAL ASPECT

M.S. Zhiron¹⁾, O.JA. Zhirona²⁾

¹⁾Belgorod State University, Preobrajenskaja st., 78, Belgorod, 308026, Russia
e-mail: Zhiron@bsu.edu.ru;

²⁾Belgorod State Institute of Culture and Arts, Koroleva st., 7, Belgorod, 308034, Russia
e-mail: Zhiron@bsu.edu.ru

In clause it is presented ethnic and cultural aspect of formation of national clothes of edge in social-historical evolution, the role in this process of Slavic tribes, ethnic and class groups, the social layers acting object and the subject of this complete cultural phenomenon is revealed, continuing to live today in the form of ethnologic samples and their transformed variants in modern clothes.

Keywords: ethnic groups, people, traditional clothes, cultural traditions, a life, historical-geographical space, spiritual and material culture, art crafts and crafts.

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В РАССМОТРЕНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

А.В. Зубкова

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы 85
e-mail: samal-nas@yandex.ru

Особенность системно-синергетического подхода к социокультурным процессам – целостность, единство и целеполагание. Спецификами системно-синергетического исследования являются: описание элементов с учётом их места в целом; субстрат обладает одновременно разными характеристиками исследования системы неотделимо от условия её существования; проблема порождения свойств целого из свойств элементов из характеристик целого; целесообразное поведение системы не всегда уложено в рамки причинно-следственной схемы. Феномен «целеустремленности» систем открывается через принципы «целое больше суммы своих частей» и «институционального действия». Системы агрегируют не только действия, обеспечивающие организацию, («активность»), но и действия, не дающие организационный эффект, которые при определенных условиях приводят к аномии («сопротивление»). Система складывается, формируя свойственный только ей повторяющийся, типичный набор действий, которые закрепляются как социальные институты. Самоорганизующаяся система адаптируется к ресурсному ареалу, а способ потребления ресурсов оказывает влияние на систему. Доступные ресурсы способствуют экстенсивному росту, расширению системы, напротив, ограниченные ресурсы представляют собой как бы «тойнбиановский вызов» системе и принуждают ее к «Ответу». «Вызов» оказывается фактором разрушения социокультурной системы. Особенностью самоорганизующейся системы оптимальное приспособление к среде – «гомеостазис». Формы индивидуального приспособления: комфортность, инновация, ритуализм, ретризм, мятеж.

Ключевые слова: системно-синергетический подход, социокультурные системы, целостность, единство, целеполагание, система, среда, элементы, аномия, гомеостазис.

Использование синергетической парадигмы в гуманитарных науках, в отличие от естественных, носит еще дискуссионный характер и поэтому мы в статье рассмотрим некоторые положения системно-синергетического подхода применительно к социокультурным процессам. Такой подход в настоящее время принят во многих науках, исследующих организационные общности. Итак, одними из основных особенностей системно-синергетического подхода к социокультурным системам являются: во-первых, изучение социокультурного образования как целостности; во-вторых, социокультурная система и среда не абстрагируются одно от другого, а рассматриваются в единстве; в-третьих, самоорганизующаяся социокультурная система обладает способностью к целеполаганию. Рассмотрим эти особенности более подробно, так как они позволяют подходить к культурной глобализации как к синергетическому процессу.

Прежде всего, обратимся к понятию целостность. Данное понятие оказывается как бы заключенным между двумя полюсами, и выяснение его философских оснований предполагает четкую фиксацию отношения системности, с одной стороны, к полюсу механицизма и элементаризма, а с другой – к полюсу теленомизма и холизма. Другими словами, с одной стороны идет признание первичности элементов (частей) над целым, источник развития объектов (систем) усматривается в действии объектов, внешних по отношению к рассматриваемому объекту, и в качестве способа познания мира рассматривает только методы анализа. С другой стороны идет признание первичности социального целого над частями, источник развития усматривает в некоторых целостных, как правило, идеальных факторах и признает примат синтетических методов постижения

объектов над методами их анализа. При этом существует большое многообразие оттенков холизма – от откровенно идеалистического витализма и до вполне уважаемых в научном отношении концепций эмерджентизма и органицизма. В случае эмерджентизма подчеркивается уникальность различных уровней реальности, их нередуцируемость к более низким уровням. Органицизм – это, образно говоря, редукционизм наоборот: низшие формы реальности наделяются свойствами живых организмов. Принципиальная трудность любых вариантов холизма заключается в отсутствии научного решения вопроса об источнике развития систем. Эта трудность преодолевается только при философском понимании целостности. В нем утверждается примат целого над частями, но при этом подчеркивается взаимосвязь целого и частей, выражающаяся, в частности, в иерархическом строении общества. Источник развития трактуется здесь как самодвижение – результат единства и борьбы противоположностей социальной структуры общества.

Как пишет В.Н. Спицнадель[1], понятие целостности (целого) так же мало ясно по своему содержанию. Такая неясность существует вопреки тому, что сложный, целостный характер биологических и социальных объектов, психологических явлений, а также продуктов духовного производства известен издавна. Однако сама по себе констатация целостного характера определенного объекта выступает лишь как общая идея и ещё не открывает путей исследования специфики этих объектов. Несмотря на многовековую историю понятия целостности, в настоящее время вряд ли можно говорить о наличии развернутой системы специальных средств, позволяющих содержательно выразить целостность как существенную характеристику определенного класса объектов. И хотя в очень многих системных исследованиях речь, так или иначе, идет о целостном представлении объекта, фактически понятие целостности относится при этом не столько к самой системе, сколько к способу ее исследования. В этом смысле оно выражает требование особого описания – системы в целом, отличного от описания ее элементов (неаддитивность системы), а также подчеркивание особой противопоставленности системы ее окружению (среде), противопоставленности, в основе которой лежит внутренняя активность системы.

Рассматривая категорию целостности, мы вплотную подходим к специфике системно-синергетических исследований. Специфика данного исследования определяется не усложнением методов анализа (в известном смысле эти методы могут даже подвергаться упрощению), а выдвиганием новых принципов подхода к объекту изучения, новой ориентации всего движения исследователя. В самом общем виде эта ориентация выражается в стремлении построить целостную картину объекта и характеризуется следующими положениями.

1. При исследовании социального объекта как системы описание элементов не носит самодовлеющего характера, поскольку элемент описывается не как таковой, а с учетом его места в целом.

2. Один и тот же материал, субстрат, выступает в системном исследовании как обладающий одновременно разными характеристиками, параметрами, функциями и даже разными принципами строения.

3. Исследование системы оказывается, как правило, неотделимым от исследования условий ее существования.

4. Специфической для системного подхода является проблема порождения свойств целого из свойств элементов и, наоборот, порождения свойств элементов из характеристик целого.

5. Как правило, в системном исследовании оказываются недостаточными чисто причинные (в узком смысле этого слова) объяснения функционирования и развития объекта; в частности, для большого класса систем характерна целесообразность как неотъемлемая часть их поведения, а целесообразное поведение не всегда может быть уложено в рамки причинно-следственной схемы.

Источник преобразований системы или ее функций лежит обычно в самой системе, поскольку это связано с целесообразным характером поведения систем, существеннейшая черта целого ряда системных объектов состоит в том, что они являются не просто системами, а самоорганизующимися системами. Как пишет П.Сорокин: «Любая социокультурная система, пока она существует и функционирует, непрерывно порождает последствия, которые являются результатами не внешних факторов, а существования и жизнедеятельности самой системы. Как таковые, эти последствия должны быть приписаны ей – независимо от того, являются ли они хорошими или плохими, желательными или нежелательными, «задуманными» системой или же нет. Одной из специфических форм этого имманентного порождения последствий является непрерывное изменение системы, происходящее благодаря ее существованию и активности»[2]. При этом П.А. Сорокин считает, что социокультурная система сама выбирает потенциально возможный способ существования.

Рассматривая поведение объекта, системный подход не предполагает абстрагирование социального объекта от внешней среды, напротив полагая, что объект взаимодействует и обменивается веществом, информацией и энергией (одним словом – ресурсами) со средой, которую он изменяет, изменяя и самого себя. Но как справедливо считает П.А. Сорокин, хотя совокупность внешних обстоятельств и играет свою роль, но в основном – в качестве замедляющего или ускоряющего фактора реализации предназначенного пути развития (судьбы) социокультурной системы. Внешние обстоятельства способствуют или ослаблению или усилению некоторых свойств системы, препятствуют или содействуют реализации потенциальных возможностей системы. Наконец, играют они роль при катастрофических изменениях, разрушающих систему. Но эти внешние условия не могут заставить систему проявить то, что в ней потенциально не заложено, сделаться такой, какой она, в силу присущих ей особенностей, стать не может, совершить то, что она имманентно не может совершить. Точно так же внешние условия могут разрушить систему или ограничить (на самой ранней стадии ее развития) определенными рамками осуществление судьбы, предназначенной ей, препятствуя реализации ее полного жизненного пути. Но они не в силах в корне изменить характер и качество каждой стадии развития, как не могут они – в большинстве случаев – переставить или основательно изменить последовательность стадий той судьбы, что присуща системе [3].

Самоорганизующаяся система адаптируется к среде, но не ко всей многообразной среде, а собственно к ресурсному ареалу. Адаптация системы, в самом общем смысле, есть адаптация к условиям (или выбор наиболее приемлемых условий) потребления ресурсов. В таком случае не среда, а собственно способ потребления ресурсов и оказывает влияние на систему. Доступные ресурсы способствуют экстенсивному росту, расширению системы, напротив, ограниченные ресурсы представляют собой как бы «тойнбиановский вызов» системе и принуждают ее к «Ответу».

«Правильный ответ» изменяет систему таким образом, что она становится адаптивна к измененным условиям потребления ресурсов. Как правило, в этом случае система стремится себя перестроить. При этом, по мнению Н.Л. Захарова [4], реализуется следующий алгоритм самосохранения системы: во-первых, увеличивается «площадь» потребления ресурсов, или, другими словами, увеличивается доля тех элементов, которые выполняют функцию ассимиляции ресурсов ареала; во-вторых, интенсифицируется процесс ассимиляции ресурсов этими элементами; в-третьих, предельно сокращается доля элементов, не участвующих в процессе ассимиляции ресурсов.

Для перестройки требуется энергия, причем в количестве большем, чем потреблялось прежде, т.к. любое изменение встречает внутреннее сопротивление элементов, подсистем, сложившихся взаимосвязей. Вместе с тем, любая самоорганизующаяся система накапливает в результате своей деятельности определенный энергетический потенциал, который может быть тем самым энергетическим ресурсом перестройки.

«Вызов» оказывается чем-то вроде «встряски», фактором разрушения социокультурной системы. Распад практически любой системы приводит к высвобождению накопленной ей энергии. В этот момент система либо сохраняет способность к самоорганизации, т.е. дает «правильный ответ» и реализует алгоритм самосохранения, концентрированно и направленно используя энергию, высвобождающуюся в результате «встряски» либо коллапсирует [5], разваливается. В этом случае «вызов» приводит к распаду и к «неуправляемому» высвобождению энергии в форме социальных революций. Как следствие, система перестает быть не только управляемой, но и самоорганизующейся, что ведет к ее атомизации, то есть жизненности системы, ее способности к самоорганизации переходит к отдельным элементам и подсистемам, которые начинают функционировать самостоятельно как целостные единицы. Сама же социокультурная система перестает существовать как единое целое.

Особенностью самоорганизующейся системы является полное приспособление к среде (или гомеостазис), что проявляется следующим образом: она приспособливается к среде так, чтобы превратить последнюю в ресурсный ареал при одновременном стремлении предельно обезопасить себя от вредных влияний среды. Эти два момента характеризуют стремление самоорганизующейся социокультурной системы – оптимально приспособиться к среде.

В процессе своего существования, находясь в относительно неизменных условиях окружающей среды, постепенно эволюционирует таким образом, что система начинает потреблять как ресурсы все множество проявлений данной среды. Безусловно, ни отдельное общество, ни мировое сообщество в целом не может поглощать абсолютно все, но особенностью высокоадаптивной системы является стремление к этому. Вместе с тем высокоадаптивные системы отличаются тем, что потребляют тот ресурс окружающей среды, который естественным образом самовоспроизводится. Высокая адаптивность системы проявляется не только в особенностях приспособления к условиям потребления ресурсов, но и в функциональном приспособлении к окружающей среде. К сожалению, современное общество нарушает это закон адаптации социокультурных систем, порождая массу экологических проблем.

Но деятельность в среде любой самоорганизующейся системы предполагает отработку и выброс продуктов диссимиляции системы. Такие продукты могут «приниматься» средой или нет. «Приниматься» означает, что среда естественным образом потребляет, поглощает эти продукты и превращает их либо в ресурсы, либо в какие-либо другие условия, которые в лучшем случае могут способствовать функционированию системы (или хотя бы быть к ней нейтральны). Если же продукты диссимиляции не поглощаются средой, то они постепенно начинают ограничивать сферу действия и сферу ресурсов окружающей среды, т.е. того пространства, в котором существует система. Именно последнее обстоятельство порождает то, что сегодня называется экологическим кризисом.

И, наконец, обращаясь к проблеме целеполагания самоорганизующихся социокультурных систем следует отметить следующее. Характер взаимодействия «социокультурная система – среда», определяется целеполаганием первой и уровнем её активности и устойчивости. Целеполагающей деятельностью может быть названо стремление системы, существующей или в меняющихся или в постоянных условиях среды, выполнять определенный образ действий, который может привести к некоему заданному результату. Стремление к максимальной устойчивости собственно и есть проявление целеполагания самоорганизующейся системы.

В этом случае достаточно вспомнить работы О.Шпенглера и А.Тойнби. При изучении культур, этносов, наций и т.п. социальных комплексов исследователи зачастую дают феноменальное описание объекта познания: как выглядит, чем отличается и т.п. Но непонятным остается нечто *ноуменальное*, лежащее за границей описания явления. На наш взгляд ярким примером решения познавательной задачи при определении ноумена

является работа Л.Н. Гумилева, успешно «вскрывшего» ноумен этноса, превратившего этнос-в-себе в этнос-для-нас, разработав теорию пассионарности [6]. Л.Н. Гумилев весьма успешно применил системно-синергетический подход для изучения общества (в частности «этноса»). Аналогичную методологическую попытку делает А.С. Ахиезер [7].

А. Тойнби, пытаясь понять мировую цивилизацию как целостность, как ее связь с внешним миром (т.е. как систему во взаимосвязи со средой), показывает, что физический *субстрат* цивилизации (социокультурной системы), находящийся в постоянном движении характеризуется в параметрах пространства-времени. Субстанция, или дух открывают судьбу цивилизации (или смысл ее движения)[8].

Одна из первых попыток научно объяснить феномен «целеустремленности» систем принадлежит А.А. Богданову. Основу научной интерпретации он видит в принципе «целое больше суммы своих частей»[9]. Согласно мысли А.А. Богданова, возможны «организованные», «дезорганизованные» и «нейтральные» комплексы[10]. Системой, в современном понимании, может быть назван только один из них – «организованный комплекс». Организованные комплексы – «организованное целое ... практически больше простой суммы своих частей, но не потому, что в нем создавались «из ничего» новые активности, а потому, что его наличные активности соединяются более успешно, чем противостоящие им сопротивления»[11]. В дальнейшем естественный отбор между системами и давление среды способствуют фильтрации именно «организованных комплексов». Появление «организованных комплексов» случайно. Такой «комплекс» складывается тогда, когда взаимодействие «активностей» становится типично повторяющимся. Существование комплекса, в свою очередь, закрепляет типично повторяющиеся «активности», или типичный способ действий. Данное понимание социокультурной системы как организованных комплексов позволяет понять механизм образования глобальных систем посредством объединения различных стран.

Очень важно отметить, что для общественных наук, изучающих социальное с точки зрения теории систем, принятие идеи аномии, или учет роли дезорганизационных действий и явлений в системе, показывает отсутствие субъекта-организатора системы, отсутствие ее творца, а тем самым служит основанием позитивного подхода. Необходимо признать и то, что естественный отбор фильтрует «организационные комплексы». Но внутри самой системы закрепляются не отдельные конкурентоспособные (организационные – в этом смысле) «активности», но и «сопротивления», и действия, имеющие для системы нейтральный характер. Вся эта совокупность действий закрепляется как единый типичный способ действия, осуществляемый в рамках социальных институтов.

Таким образом, необходимо признать, что отличительной особенностью социокультурной системы является типичный, институциональный набор действий в общей сумме дающий «организационный» эффект, или эффект, выраженный в формуле – активность целого выше суммы активностей составляющих ее частей. Вероятностный характер развития социокультурных системы обостряется под влиянием эмерджентных изменений направления социокультурных процессов. Они возникают в тех случаях, когда нелинейность выступает своеобразным «стимулятором» флуктуаций, т. е. усиливает разного рода расхождения; изменяет пороговость чувствительности; порождает дискретность путей эволюции системы. Благодаря неравновесности усиливаются флуктуации, расшатывающие прежнюю структуру системы и вводящие ее в фазу переходного периода. Именно тогда перед социокультурной системой «открывается» целый веер возможностей (выбор пути) для перехода в иное состояние. Заметим, что эти сценарии развития могут существенно различаться и горизонты перспектив тех или иных культур в условиях глобализации могут не только расширяться, но и значительно сужаться. Таким образом, фундаментальный принцип поведения нелинейных систем основанный на периодическом чередовании стадий эволюции и инволюции, развертывании и свертыва-

нии, предполагает взрывы активности, смену интенсивности процессов на стадию затухания и ослабления, схождения к центру, интеграции и расхождения, дезинтеграции и даже частичного распада [12]. Поэтому интеграционная доминанта процесса глобализации – интенсивное развитие информационно-коммуникативных технологий, расширение межстрановых и междивизиональных взаимодействий, интернационализация финансово-экономической сферы – не только не устраняет проявления тенденций дифференциации и диверсификации, напротив, обостряет их. Соответственно процессы взаимодействия культур в мире допускают следование разным аттракторам, которые не могут быть точно предсказаны и тем более предопределены людьми.

Исходя из двух принципов – «целое больше части» и «институционального действия» – можно объяснить, как возникает система и как возможна ее устойчивость сама по себе. Соответственно, вопрос о «целеустремленности» системы не возникает, если рассматривается система сама по себе. Вопрос «целеустремленности» – это вопрос взаимоотношения системы и среды. Буквально этот вопрос формулируется так: почему система стремится к самосохранению под давлением среды. Отсюда «целеустремленность» – это стремление системы к самосохранению в конкретных условиях. Данный феномен достаточно детально описывает Т. Парсонс, показывая, что, первая, адаптационная функция (способность приспособиться к среде), полагает вторую – способность достигать целей, продиктованных функцией адаптации и т.д. [13]. Относительно неорганизационных действий можно утверждать, что они могут быть «полноправными» элементами системы до тех пор, пока не нарушают целостное равновесие системы или не нарушают общий алгоритм действий, т.е. то, что Т. Парсонс именует третьей функцией (интеграция) [14].

Вопрос о целостности (интегрированности) системы достаточно подробно рассматривает и Р. Мертон [15]. Целостность он показывает через ее противоположность, тем самым определяет ее границы. Целостности противостоит «аномия», или, по терминологии А.А. Богданова «сопротивление», действия, ведущие к дезорганизации. Р. Мертон показывает природу этих действий. По его мнению, целостность общества характеризуют два параметра: «интегрированность» и «стабильность». Первое соотносительно с «культурными целями», второе – с «институционализированными нормами».

Цели – это намерения и интересы, выступающие в качестве законных целей для всего общества или же для его отдельных слоев. «Приобретая эмоциональную поддержку и значимость, господствующие цели устанавливают определенные рамки, в которые должны укладываться человеческие устремления. Это «вещи, за которые надо бороться» [16].

По мнению Р.Мертон, каждая социальная группа всегда связывает свои культурные цели и способы их достижения с укорененными моральными и поведенческими нормами. Последние не обязательно совпадают с нормами техничности или эффективности. Многие способы действий, с точки зрения отдельных индивидов, наиболее эффективные для достижения желаемого не разрешены в культуре общества, так как критерием приемлемости поведения является не его техническая эффективность, а основанные на ценностях человеческие установки (поддерживаемые большинством членов группы или теми, кто способен содействовать распространению этих установок при помощи силы или пропаганды). В любом случае выбор средств достижения культурных целей ограничивается институционализированными нормами [17].

Соответственно, социум интегрирован, если допустимые им цели не противостоят его целостности. Социум стабилен, если существующие институционализированные нормы приняты индивидами, представляющими этот социум. Аномия возникает, как следствие несогласованности целей и норм (средств). Р. Мертон предлагает схему типов индивидуального приспособления, которые могут приобретать характер аномии действия [18]:

Таблица 1

Типология форм индивидуального приспособления

Формы приспособления	Определяемые культурой цели	Институционализированные средства
Конформность	+	+
Инновация	+	–
Ритуализм	–	+
Ретритизм	–	–
Мятеж	+ –	+ –

Конформизм – принятие представителями социума и целей, и норм, что обеспечивает устойчивость общества и преемственность культуры. Данный тип согласования – норма [19]. В таком социальном действии присутствует движение к типичной цели типичным способом. В случае установления конформного действия как типичного и массового способа действия достигается высокий уровень стабильности и интегрированности общества. Вместе с тем, такое общество становится относительно не восприимчиво к инновациям и может существовать как относительно замкнутое и закрытое для внешних влияний. В целом конформизм приводит к консервации, сохранению в неизменном виде сложившегося алгоритма действия в рамках существующих социальных институтов. Такое общество в условиях глобализации будет предельно устойчиво, но только до того момента пока, естественно развивающаяся дифференциация общества не приведет к рассогласованию целей и средств, или внешнее влияние (как правило, в лице западной массовой культуры) не выведет всю систему из равновесия. Это показывает, что согласованность целей и средств является ещё не достаточным условием устойчивости социума, не случайно Н. Луман обращает внимание на феномен саморефлексии социума [20]. А.С. Ахиезер рассматривает саморефлексию социума как важнейший фактор и устойчивости, и позитивного развития системы: «Человеческая история отличается от биологических процессов тем, что она рефлексивна. Рост рефлексии означает усиление способности человека делать свою историю, самого себя предметом своей производственной деятельности, содержанием своей культуры, своего действия, предметом своей озабоченности, своей критики. Любое познание истории включает не только описание предметного содержания исторического события, объяснение его причин и условий, но и понимание того, в какой степени сами люди осознали содержание собственных действий и соответственно научились их изменять, корректировать» [21].

К консервации институциональной деятельности, только в более жесткой форме без «цели», без смысла ведет «*ритуализм*», предполагающий превалирование норм над целями [22]. Такое действие становится «бессмысленно» однотипным. В повседневной жизнедеятельности ритуальные действия составляют достаточно значительную долю всех действий. Ритуализм может проявляться не только в отдельных действиях, но стать основным способом приспособления к глобальной социокультурной реальности. Это происходит в том случае, если сообщество не в состоянии принять общечеловеческие культурные ценности и основным мотивом его поведения становятся институализированные нормы, и он действует по принципу: «меня *ваши* цели не касается, я действую в соответствии с освященными веками традициями». Ритуализм приобретает характер социального действия, если в обществе «нет» культурных целей, но действие определяют «только» институализированные нормы. Реально такая социокультурная система не может существовать, не «предлагая» культурные цели (т.к. человека не возможно превратить в винтик механизма). Культурные цели такой системы оказываются жестко вписанными в институциональные нормы и при этом сведены к минимуму. Поэтому общество, попадающее в тиски ритуализма, в условиях глобализации оказывается на периферии этого процесса культурной интеграции.

Инновация имеет несколько иной характер социального действия в отличие от рассмотренных. Инновация – такое социальное действие, которое предполагает принятие культурных целей, но при этом относительно «свободно» от институциональных норм. «Эта реакция возникает, когда индивид усвоил культурное акцентирование цели, не интернализовав при этом в равной степени институциональные нормы, регулирующие пути и средства ее достижения»[23]. В данном случае и в такой форме приспособления, и в социальном действии заложена предпосылка дезорганизации, или аномии.

Возможность возникновения действия, направленного на достижение цели без «учета» институциональных норм, связана с рядом обстоятельств. Необходимо заметить, что отказ от типичного образа действий – достаточно трудный выбор для социокультурной системы в целом. Для того чтобы такое действие оказалось возможным в массовом социальном плане, необходима масштабная деформация или дезавуирование институциональных норм. Такое оказывается возможным, если действие социальных институтов, осуществляющих контроль над исполнением институциональных норм, становится неэффективным, либо такие институты утрачивают достаточное влияние по другим причинам, либо эти институты ещё не сложились. Во всех этих случаях есть один общий момент – такое возможно в условиях глобализации в случае разрушения как социальной структуры, так и системы культуры. А это уже связано либо с влиянием внешней среды, либо с внутренними процессами системы. Поэтому есть основания утверждать, что инновационное действие – реакция на процесс деформации системы. В этом смысле инновационное действие – одновременно и процесс и результат модификации типичного образа действия (действия, сбалансированного целями и нормами). Крайней формой модификационного действия может быть *мятеж* (или революция)[24]. Это тип приспособления разрушает существующие социальные структуры человеческого сообщества и побуждает людей представить и попытаться воплотить в реальность новую, в значительной степени модифицированную социальную структуру и обновленные культурные ценности.

Особой формой деградации социума и индивида является *ретретизм* (*бегство*), исключающий принятие целей и «неподвластность» нормам (например, движение хиппи и т.п.). В данном случае отсутствует и стабильность, и интеграция, а как следствие социум лишен потенциала для изменения (модификации) и сохранения (консервации).

Наш взгляд, обращение к индивидуальным формам приспособления позволит выявить специфику современной культурной глобализации, показать возможные модели развития процесса вхождения различных обществ в глобальную мировую систему.

Флуктуация в социокультурной системе активизируют «маятниковое» балансирование между ритуализмом (консервацией) и инновацией (модификацией). В идеале общество должно характеризоваться по Р.Мертону конформизмом. Однако движение «маятника», стимулируемого высоким запасом социальной энергии, таково, что он «проскакивает» среднее состояние. Движение от одного состояния к другому «раскачивает» социальную систему и тем самым является аномным действием, ведущим к нарастанию социальной энтропии, формой которой является «ретретизм», или социальная апатия. Условием, противостоящим энтропии, является социальная рефлексия, функцией которой является трансформация энергии деструктуризации социума в энергию баланса, конформизма.

Необходимо отметить, что, несмотря на факторы, нарушающие сложившийся порядок вещей, система стремится к динамическому равновесию, или другими словами к воспроизводству институциональной деятельности. Соответственно, социокультурная система существует до тех пор, пока воспроизводит в различных модификациях сложившиеся институты. Как только сложившийся способ действия в рамках существующих институтов оказывается нарушенным, на его месте начнет формироваться другой, и возникнет совсем иная система.

Однако формы ретретизма и инновации необходимы для любого социума. Как ни парадоксально, но именно аномные формы в условиях культурной экспансии запада обеспечивают иммунитет – целостность и устойчивость системы (аналогично прививке от вируса). Действительно конкретные формы аномии оказываются фактором устойчивости системы и даже могут выдвигаться на роль фундаментального элемента. В целом дезорганизационные активности, аномии, допустимы и нормальны, пока они не нарушают целостность системы, не нарушают целостный алгоритм.

Таким образом, феномен «целеустремленности» систем открывается через принципы «целое больше суммы своих частей» и «институционального действия». Совокупность объектов становится системой (организованным комплексом), если происходит такое сочетание действий элементов этого комплекса, что они дают кумулятивный эффект, при котором «целое больше суммы своих частей». Естественный отбор обеспечивает преимущество организованных комплексов (систем). Однако сами системы агрегируют не только действия, обеспечивающие организацию, («активности»), но и действия, не дающие организационный эффект, которые при определенных условиях, акцентируясь, приводят к аномии («сопротивления»). Между тем система складывается, формируя свойственный только ей повторяющийся, типичный набор действий, которые, повторяясь, закрепляются как социальные институты. Вместе с тем институциональный способ действия осуществляется в определенной среде, определенными элементами, при определенных условиях.

Список литературы

1. Спицнадель В.Н. Основы системного анализа: Учеб. пос. – СПб.: Бизнес–Пресс, 2000. – С. 147–151.
2. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: пер. с англ., вступит. статья и комментарии В.В.Сапова. –М.: Астрель, 2006. С.808
3. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: пер. с англ., вступит. статья и комментарии В.В.Сапова. –М.: Астрель, 2006. С.808.
4. Захаров Н.Л. Специфика социальной системы России. – Ижевск, Изд–во УдГУ, 2000. С.21
5. Tainter J.A. The Collapse of Complex Societies. Cambridge: Cambridge univ. press. 1988.
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. –Л.: Наука, 1990.
7. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России: От прошлого к будущему. т.1. –Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
8. Тойнби А. Постижение истории: Сб. / пер. с англ. Изд. 2–ое. –М.: Айрис–пресс, 2004.
9. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2–х кн., –М.: Экономика, 1989. Т.1. С.121.
10. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2–х кн., –М.: Экономика, 1989. Т.1. С.121
11. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2–х кн., –М.: Экономика, 1989. Т.1. С.117.
12. Поддубный Н.В. Синергетика: диалектика самоорганизующихся систем. Белгород, 1999.; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. – СПб: Алетейя, 2002. -414 с.
13. Парсонс Т. Система современных обществ. — М.: Аспект Пресс, 1997. С.20–25
14. Парсонс Т. Система современных обществ. — М.: Аспект Пресс, 1997.
15. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, Хранитель, 2006.
16. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, Хранитель, 2006. С.245
17. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, Хранитель, 2006. С. С.246
18. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. – 1992. – №3. С. 254
19. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. – 1992. – №3. С. 256
20. Luhman N. The Differentiation of Society. – New York, 1982.
21. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России: От прошлого к будущему. Т.1. –Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С.51
22. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. – 1992. – №3. С. 268–272.
23. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, Хранитель, 2006. С. 256.
24. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, Хранитель, 2006. С. 275–277.

THE SYNERGETIC PARADIGM AND IN THE CONSIDERATION OF SOCIAL AND CULTURAL PROCESSES

A.V. Zubkova

Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: samal-nas@yandex.ru

The peculiarity of the systematic and synergetic approach to social and cultural process is integrity unity and target determination. The specific characteristics of the systematic and synergetic research are: the description of elements including their places in general; substance is characterized differently at the same time; the investigation of the system is inseparable from the condition of its existence the problem of forming characteristics of the whole and elements characteristics of the whole. An expedient behaviour of the system is not always limited by the causal and effective scheme. The phenomenon of the system purposefulness is shown by the principle «the whole is bigger than the sum oh its parts” and by the principle of the institutional act. The systems agregate not only actions which don’t provide organization and in definite terms lead to resistance. The system is being formed with its own set of action which become social institutes. A self – organizing system is adapting to the resources areal and the way of the resources consumption influences the system.

Available resources favour the quick growth, the growth of the system but limited resources are the challenge and force it to the «Answer». («Reply»). «Challenge» turns out to be a factor of the social and cultural system destruction.

The peculiarity of the self-organizing system is an optimum accommodation to the environment – «homeostasis». The forms of the individual accommodation are: innovation, ritualism, retrism, revolt, favourable circumstances.

The key words: are: the systematic and synergetic approach, social and cultural systems integrity unity, target determination, a system, environment, elements, homeostasis.

О ФИЛОСОФИЧНОСТИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА И СЕРДЕЧНОСТИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

В.П. Фетисов

Воронежская государственная лесотехническая академия, 394613, г. Воронеж, ул. Тимирязева, 8
e-mail: vglta@vglta.vrn.ru

*Не религию и науку я критикую,
но место для русской философии ищу*

В статье рассматриваются проблемы специфики русской философии и русского философствования. Отмечается изначальный дуализм русского человека, его противоречивость, что рождает особенный тип философствования.

Ключевые слова: русская философия, наука, богословие, религия, духовность.

Каждый человек постольку философ, поскольку отделяет этот естественный эмпирический мир от Другого – возвышенного и идеального и поскольку именно с принадлежностью к двум мирам связывает главные проблемы своего бытия. Если же он ограничивается исследованием только естественных закономерностей или признает истину только за сверхъестественным потусторонним миром, то превращается из философа в добросовестного ученого или религиозного проповедника.

Выразителем какого мировоззрения станет человек – научного, религиозного или философского, зависит от многих обстоятельств. Склонность к философии – проявление определенных душевных и интеллектуальных качеств. Достоевский, Бердяев, Лосский и другие авторы, говоря о максимализме и противоречивости русского характера, отмечали в то же время его расположенность к философствованию. Это происходит, с одной стороны, от неудовлетворенности русского человека одними земными ценностями, а с другой, от нежелания полностью отречься от земного мира во имя небесного.

Высшие устремления уживаются у русского человека с любовью к приземленной реальности. Конечно, очень часто напряженность данного противоречия не выдерживается, и люди начинают заботиться только о земных радостях или, наоборот, полагаются только на грядущее царство небесное. Но если для некоторых народов подобная ориентация считается нормальной, то для русских людей она не типична и выглядит скорее отклонением от нормы. Именно поэтому точнее говорить не о рационализме и практичности и даже не о религиозности русского народа, а о его философичности. Например, преуспевающие в завоевании этого мира «новые русские» меньше всего похожи на русских. Точно так же проснувшаяся вдруг необыкновенная религиозность государственных чиновников подозрительна русскому человеку.

Такая особенность характера выгодно отличает русский народ от других народов, с легкостью погружающихся в плоский эмпиризм или религиозный фанатизм. Но она же значительно осложняет жизнь. Трудно быть русским, разрываясь между двумя противоположными мирами и пытаясь соединить, казалось бы, несоединимое. Моменты относительной гармонии неизбежно сопровождаются ощущением разорванности бытия.

В результате, в одном русском человеке часто происходит трудно объяснимое соединение совершенно противоположных черт, создающих оригинальный и многим непонятный образ. Например, он любит жизнь, но не настолько, чтобы хотеть жить вечно и не пожертвовать ею иногда по самому ничтожному поводу. Он боится смерти, но не настолько, чтобы придумывать бессмертие души и загробный мир. Он жаждет абсолют-

ной справедливости, не замечая даже, как творит несправедливость вокруг себя. Он сострадательен до слез к чужим людям и жесток по отношению к самым близким. Преклоняется перед шедеврами искусства и недолюбливает художников и артистов, ненавидит пьянство и напивается до потери сознания. Можно долго приводить подобные, с одной стороны, неприглядные примеры поведения, а с другой, подчеркивающие сложный и противоречивый мир русского человека.

Подобную противоречивость некоторые исследователи выдают за особое отношение русских людей ко злу – русского человека, мол, притягивает зло и, только пройдя через зло, через "бездну", он может почувствовать потребность в исправлении и очищении. При этом чаще всего ссылаются на героев Достоевского. Я вижу в этом всего лишь упрощенную, квазиницшеанскую трактовку творчества русского писателя, трактовку, при которой ни Ницше не понимают, ни Достоевского, ни русского человека вообще.

Природа русского человека намного богаче как раз потому, что не ограничена рамками противоречия между добром и злом. Понятия добра и зла слишком субъективны и относительны. Они хороши и необходимы для оценок эмпирической морали, когда четко определены более общие основания. Если же речь идет об абсолютных ценностях, каковыми являются наши представления о двух мирах, понятия добра и зла неприемлемы. Человек, руководствующийся в своих действиях только критериями добра и зла, может быть в лучшем случае педантично моральным, а в худшем – патологически злым. Оба образа не типичны для России.

Размышляя о связи наличного, чувственно воспринимаемого мира с потаенным, но не менее важным для нас миром идеальных ценностей и смыслов, мы поднимаемся на новый, философский уровень понимания действительности. Русский человек как раз и оригинален тем, что все время ощущает напряженную остроту противоречия между тем и этим миром. Категории добра и зла играют здесь всего лишь служебную роль. Этот мир не является сам по себе ни добрым ни злым, точно так же как и тот, другой мир – они оба суть предельные основания человеческого бытия. Они оба прекрасны и совершенны, поскольку предполагают друг друга, они оба одинаково ущербны, поскольку им не хватает друг друга. Такая диалектика поднимается над дихотомией добра и зла, не отрицает ее, но открывает новые горизонты для философского размышления о жизни.

Русский человек философичен, потому что чувствует свою принадлежность к двум разным мирам, но не желает мириться с этой разницей, пытаясь все время дополнить ценность одного мира достоинствами другого или компенсировать ущербность отрыва одного от другого стремлением к их синтезу. Взгляд на соотношение двух миров формирует мудрость, в отличие от ума, занятого расчетом плюсов и минусов (добра и зла) какого-то одного мира.

Преданность двум разным мирам порождает сложные, богатые множеством разнообразных оттенков переживания, делает человека необыкновенно чувствительным, заставляет острее реагировать на различные жизненные ситуации, замечая даже в мелочах моменты взаимодействия временного и вечного, имманентного и трансцендентного. Вот почему русский человек хоть и говорит «Бога нет», но без Бога жить не может. Хоть и верит, что Бог есть, но все равно сомневается, упрекает Бога в слабости, даже ропщет на Него за забвение этого мира. Русский человек хоть и ведет разгульную жизнь, но смысла и настоящего удовольствия в этом не видит. Хоть и ограничивает себя, когда приходит, например, в монастырь, но все равно от жизни и от людей не уходит, мечтает об улучшении и преображении именно этого мира.

Философичность русского человека предполагает наличие особых черт у русской философии, отсутствие которых лишает философское произведение национального характера, хотя бы оно и было написано профессиональным философом в России и на русском языке. Поэтому не все, что создано и создается в России, можно без оговорок отнести к русской философии. У иного немца или испанца больше русскости. Прежде всего

философ должен признать философичность в качестве важнейшего признака духовной культуры русского человека.

Подобно тому как русским людям больше свойственно философствовать, нежели полагаться на собственный разум или на волю божью, так и русская философия четко отделяет себя от науки и религии, не удовлетворяясь ни последовательным рационализмом, ни религиозным догматизмом. В науке и религии философ видит попытки описания тех двух миров, которые в своей совокупности определяют мировоззрение русского человека. Но отдавая должное заслугам научного познания и религиозной веры, философ прекрасно понимает ограниченность этих попыток.

Наука и религия верят в свои безграничные возможности на пути решения важнейших проблем человеческого бытия. Из двух миров они, в конечном счете, предпочитают один. Философия же сохраняет напряженность противоречия между естественным, научно познаваемым миром и сверхъестественным, запредельным для науки. Русская философия сегодня та философия, которая не может ни предать этот мир, отречься от него, ни утратить устремленность к Другому миру – абсолютному, вечному, недоступному ни опыту, ни разуму.

Русская философия – это не наука и не богословие. Это с одной стороны, оппозиция научному и религиозному сознанию в их претензиях на исключительность, а с другой, стремление сохранить в себе преданность этому миру и устремленность к высшему, запредельному. Поэтому русская философия хоть и интеллектуальна, но не до такой степени, чтобы превратиться в позитивную науку. Она метафизична, но не до признания за абсолютными сущностями самостоятельного существования. Все сверхъестественное в русской философии служит возвышению естественного, а все естественное оправдано своей устремленностью к сверхъестественному.

Врач, психолог, политик и другие специалисты могут абстрагироваться от этой устремленности, богослов может рассуждать о независимом бытии Бога, философ же всегда озабочен проблемами взаимодействия абсолютного и относительного, временного и вечного. Подобные проблемы интересуют любого философа. Русская философия как раз и видит свою основную задачу в том, чтобы разглядеть во временном вечное, а у абсолютного найти связь с относительным. Поэтому она и рациональна и сверхрациональна, не будучи ни рациональной, ни сверхрациональной в чистом виде. Она и посюсторонна и потусторонна, не будучи ни той ни другой в прямом смысле.

За это русскую философию не любят ученые, недооценивают богословы. Для первых она оторвана от реальности, для вторых слишком предана ей. На самом деле только через философию возможен плодотворный диалог между наукой и религией. Наука и религия не могут непосредственно воздействовать друг на друга. Разговоры о гармонии между ними являются всего лишь благими пожеланиями.

Недостаток русской философии, не желающей стать ни научной, ни религиозной, очевиден. Она не может дать утешение верующим, порождая лишние сомнения, подрывает авторитет ученых, указывая на относительность их достижений. Труднее почувствовать преимущества русской философии, разглядеть ее полезность как для науки, так и для религии. Философия все время раздвигает границы наук, формируя идеалы, превосходящие узко прагматические цели и воспитывая чувство глобальной ответственности ученого перед миром. Сквозь философские очки ученый лучше видит перспективы развития не только своей, но и всех остальных наук. Делая физика немного метафизиком, она дает ему возможность достичь высот и в физике.

Для религии философия является зеркалом, в которое она периодически должна смотреться, следя не только за внешним видом, но и за доверительностью суждений, чтобы не впасть в маразм и тупой фанатизм. Религию от ереси отличает не столько приверженность определенным догматам и церемониям, сколько желание сотрудничать с философией. Ересь боится философской критики, поскольку основана на слепой вере, глупости и лжи.

Сейчас много говорят о специфике философии, о ее сходстве и отличии от науки и религии. Но при этом не решаются сказать самое главное – что ни науке, ни религии не удастся удержаться на острие противоречия между этим миром и тем и потому стать основой мировоззрения для русского человека. Потому что в душе наши философы чувствуют себя либо учеными, либо теологами и отдают предпочтение какому-то одному началу. Только действительно русская философия, соответствующая философичности русского человека, готова размышлять о двух мирах как о равноценных основаниях бытия.

Да, тот мир кажется лучше, поскольку он идеален, но один он безжизнен, и никакая религия не в силах вдохнуть в него полнокровную жизнь. Дух сам по себе возвышен и холоден, а религия всегда немного привирает, рисуя будущее.

Да, этот мир болен и нуждается в исправлении, а не в замене. Но никакая наука не избавит его от страданий, потому что страдания не уничтожаются, а претерпеваются и облагораживаются только силой Духа, а позитивистскому мышлению ума не хватает, чтобы понять это.

Трудно русскому человеку не впасть в иллюзию и жить правдой. Еще труднее русской философии остаться верной мятушейся русской душе и не превратиться в стройное и непротиворечивое учение, утратив открытость и апофатичность.

Такова, на мой взгляд, главная особенность русской философии, обусловленная широтой характера русского человека и узостью научного и религиозного мировоззрений. Особенность, на которую почему-то мало обращают внимания. Следуя традиции, эту особенность лучше всего назвать сердечностью. Именно сердечность русской философии «согревает» понятие духовности, делает его более жизненным. Именно сердечность дополняет разум более глубокими переживаниями и интуитивными откровениями. Философичности русского человека соответствует сердечность русской философии.

Безграничную мощь науки символизирует мозг (интеллект). Если ученый начинает говорить об идеальном, «потустороннем» и при этом хочет оставаться верным языку науки, он переводит всю метафизику на язык физики и биологии, помещая сверхъестественное в область «тонких» миров, биополей и энергий.

Символом религиозной жизни и возвышенности является душа (духовность). Не случайно духовность часто употребляется в качестве синонима религиозности. Если богослов говорит об этом мире и хочет остаться верным догматам своей религии, он обязательно признает относительность, обусловленность и вторичность земной жизни.

Для русской философии в качестве главного символа берется сердце. В сердце переплавляются оба мира. Русский человек хочет «Жить по Правде», и в этой Правдивой Жизни и Тот мир и Этот пишутся с большой буквы.

Мозг, нервная система физиологичны. Сердце выше физиологии, это не анатомический орган, оно сверхчувственно. Оно улавливает невидимые оттенки и подсказывает разуму. Оно отличает правду от лжи вопреки фактам, логике, корыстному интересу.

Мозг может жить без любви – по расчету даже лучше, спокойнее и дольше. Сердце умирает без любви.

Душа «отходит», «отлетает». Сердце не отлетает, не перевоплощается. Дух может существовать самостоятельно, любить после смерти. Сердце живет любовью. Сердце источник совести как совмещения вестей от двух миров – земного и божественного.

Вопрос «Что первично – материальное или идеальное» – это основной нефилософский вопрос. Основной для науки, которая хочет доказать первичность реальности, и основной для религии, которая обязана говорить о превосходстве Царства Небесного. Философия признает взаимосвязь и единство двух миров и озабочена поиском одного в другом. По выражению Сковороды, философ «во всем должен видеть двое».

Таким образом, философия наряду с наукой и религией занимает свое определенное место в общей культуре человечества. Сердечность русской философии проявляется в одинаковой преданности как страдающей реальности, так и торжествующему идеалу.

Русский философ уважает национальное разнообразие и в то же время чувствует единство со своим народом. Но где сейчас мой народ? – этот вопрос тоже не эмпирический, а философский. К сожалению, чужие люди и чужие идеи все больше деформируют общественное сознание. Философичность отступает перед жадой удовольствий и развлечений, а бессердечная философия либо не доверяет духовному опыту, полагаясь только на очевидные факты, либо пренебрегает действительностью ради отвлеченных конструкций.

ON PHILOSOPHICAL NATURE OF RUSSIAN MAN AND HEARTNESS OF RUSSIAN PHILOSOPHY

V.P. Fetisov

Voronezh State Forestry Engineering Academy, Temiryazyeva st., 8, Voronezh, 394613, Russia
e-mail: vglta@vglta.vrn.ru

The article deals with the specifics of the Russian philosophy and the Russian style of making philosophy. The author points out the genuine dualism of the Russian man, his discrepancy, which forms a special type of philosophizing.

Key words: Russian philosophy, science, theology, religion, spirituality.

ПОНЯТИЕ «РЕФЛЕКСИВНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА» В ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

И.А. Шумакова

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы? 85
e-mail: shumakova@bel.ru

В данной статье дан философский, социологический, психологический и педагогический анализ существенных характеристик рефлексивной образовательной среды как фактора развития человека. Характеризуются особенности процесса развития образовательной среды в целом.

Ключевые слова: образовательная среда, философия образования, рефлексия.

Рефлексия (лат. reflexio – обращение назад к основанию, отражение; префикс re-, означающий повторность и/или обратность действия, и flexio – сгибание, искривление, изменение при переходе в иное или в отношении с другим; то же значение имеет греч. слово anaklisis – загибание назад, составленное из ana – обратное движение, и klisis – наклонение, нагибание) – существенное и принципиальное действие разума по возвращению к себе самому благодаря отражению от границы, полагаемой между ним и миром в процессе познания. Рефлектируя условия и результаты познания внешнего мира, разум приходит к внутреннему самопознанию. Рефлексия есть способность разума направлять и приводить себя в единство в процессе взаимодействия с многообразием отдельных вещей. Начальный момент действия рефлексии становится возможным при достижении такого предела измененных состояний (флексий) ума, отражаясь от которого, ум стремится возвратить и возобновить свою самотождественность и целостность, утрачиваемых при исхождении в инобытие в ситуациях из-умления (удивления) перед вновь возникшими вещами. Благодаря рефлексии, на конечном ее этапе, в содержание разума вводится образ познанной вещи, который присваивается разумом как его собственная форма, способствующая проявлению его идентичности и реактуализации. Рефлексия формирует условия возможности памяти: вещи хранятся в фонде разума как структуры его рефлексивных актов по поводу данных вещей, при этом каждой новой вещи соответствует специфическая новая рефлексивная структура, т.е. ее мысленный образ, или идея. Посредством рефлексии идей разума образуется его иерархически организованная система. Будучи принципом внутреннего самодвижения познавательной активности, рефлексия имеет степени собственной интенсивности и стихийного возрастания. Абсолютной формой рефлексии является спекуляция (лат. speculum – зеркало, speculor – созерцать, species – вид) – феноменологическое постижение сущего на пересечении его отражений от тотально окружающих и направленных на него поверхностей других сущих, обладающих свойством зеркальности. В спекуляции совпадают начальный и завершительный моменты рефлексивного движения. Стадия спекуляции наступает тогда, когда познание направляется на такое сущее, которое само способно познавать. В спекуляции достигается взаимоотражение познающего и познаваемого друг в друге, своеобразная рефлексия рефлексии, перераспределяющая функции "активности-пассивности", благодаря чему осуществляется творчески саморазвивающееся философское знание.

Предпосылкой рефлексии в архаическом мышлении (на тотемистическом этапе) является мифологический "механизм" оборотничества – миметического обращения с образами других существ посредством перевоплощения в их тела. Понятие рефлексии (в различных синонимических вербальных обозначениях) начинает оформляться в истори-

ко-философском процессе с началом установления автономности разума. Тезис Анаксагора об абсолютности разума (Нуса) и о том, что он правит миром, включает в себя в качестве предпосылки рефлексии: разум управляет становлением космоса, исправляя отклонения в хаос. Космогенез, согласно Анаксагору, представляет собой причинение умом мгновенного вращательного движения покоящейся бесформенной материальной смеси – момент вращения, характеризующий не само по себе движение, а его изгибание (искривление) в направлении определенной цели, есть рефлексия как таковая. У натурфилософов-досократиков данная тема представлена в форме намеков, инспирирующих интуитивную догадку, например, в изречениях Гераклита: "Мудрое ото всего обособлено" (фр. 108 DK); "Ибо Мудрым [Существом] можно считать только одно: Ум (Γνωμη), могущий править всей Вселенной" (фр. 41 DK); "У винта путь прямой и кривой, так как он идет одновременно вверх и по кругу" (фр. 59 DK); "Я искал самого себя" (фр. 101 DK); в которых угадывается имманентная онтологическая роль рефлексии в осуществлении целостного космоса, а также нахождение человеком благодаря рефлексии своего места в космосе. Рефлексивный "поиск самого себя" интерпретировался пифагорейцами как "уподобление богу в меру сил".

Данные трактовки получает свое классическое дискурсивно-логическое закрепление в учении Аристотеля о неподвижном Уме-Перводвигателе, мыслящем самого себя. Рефлексивное определение Стагиритом философии как "мышления мышления", когда мышление полагается одновременно как предмет и как метод самого себя, прямо выводится из его концепции абсолютной рефлексии, понимаемой совместно в гносеологическом, онтологическом, теологическом и космологическом смыслах. Благодаря действию абсолютной рефлексии, способствующей осуществлению вечной актуальности, сущностного совершенства и неизбывного блаженства Ума-Перводвигателя, все потенциально сущее приводится в движение и обращается к нему в эросном влечении как к последней своей цели.

В философии Сократа обращается внимание на гносеологический, психологический и этический аспекты проблемы рефлексии. Сократ принял призыв дельфийского Аполлона "Познай самого себя" как руководство к действию прежде всего в форме обуздания произвольной "дерзости", отклоняющей поступки человека от исполнения воли языческих богов. Принцип самопознания понимается у Сократа как отказ от внешних космологических интуиций его предшественников-натурфилософов и обращение к внутреннему миру человека, осознающего свое божественное происхождение. В этом смысле самопознание является добродетелью, а рефлексия трактуется как категория этики и педагогики (пайдейи), занимающейся исправлением искажений идеального состояния души, естественно возникающих в результате ее общения с телом. В истолковании знания как "припоминания" (анамнесис), согласно Сократу, рефлексия служит способом возвращения в глубины памяти к идеям как творящим первообразам вещей.

Платон продолжает гносеологическую тенденцию Сократа, констатируя наличие рефлексии в акте "знания знания", когда знание обращено на самое себя. Вместе с тем Платон сумел обогатить учение о рефлексии, объединив послышки космологического интуитивизма натурфилософов и софистическо-сократовского дискурса, в результате чего сложилась его позитивная концепция диалектики, в которой существенную системообразующую роль играет рефлексия. В "мифе о пещере" (диалог "Государство") Платон определяет диалектику как "искусство обращения" от теней к свету как подлинному источнику происхождения всех вещей. С когнитивной точки зрения, диалектика, по Платону, есть "вершина всех знаний", поскольку она одна способна сводить полученные другими науками результаты к единству, рефлектируя их сущность. Символ пещеры и происходящих в ней событий является адекватной мифологической моделью действующей рефлексии – отражения света от стены пещеры и стихийно-вихревого его возвращения к своему "беспредпосылочному началу", Единому Благу, захватывая при этом в свой поток и увлекая к Абсолюту душу философа, рефлектирующую не по собственному

субъективному произволу, а в соответствии и в подражании (мимесисе) объективным законам и структурам распространения этого света в условиях "пещерного" (телесного) существования души. В платоновском "Тимее" рефлексия имеет принципиальное космоустроительное значение: космос как чувственно-воспринимаемый бог является образом бога умопостигаемого, материализованным отражением абсолютной демиургической деятельности. В "Тимее" излагается учение о материи ("chora"), которая является условием функционирования рефлексии, будучи "вместилищем" идей ума. Однако сама "хора" постигается в смутном нерелефлексивном переходе между сном и явью, знание о ней получается в результате "незаконного рассуждения", т.е. в стихии творческого воображения, в продуцирующей фантазии, способной генерировать "правдоподобные мифы", имеющие до-рефлексивное онтологическое содержание. Таким образом, разговор о рефлексии переводится из интеллектуальной в имажинативную плоскость. Отталкиваясь от мифологических орфических представлений о "мировом яйце", в котором зачинается перво-свет (Фанес), рефлектирующий внутри собственной сферы, платоновская философия начинает традицию метафизики света и онтологической оптики, получивших впоследствии дальнейшее развитие в различных вариантах концепций рефлексии, в которых свет понимался субстанциально и полагался как принцип познания и красоты, а созерцание вещей в свете трактовалось как творящее, постольку, поскольку и в отражении свет не пассивен, а активен – не его отражают, а он сам отражается, рефлективно творя собственные сияния. С точки зрения метафизики света (*fos, lumen*) рефлексия есть отсвечивание, блеск или сияние (*fantasia, luminescentio, lux*). В платоновских эзотерических устных лекциях "О Благе" и в учении о пяти ступенях познания ("Письмо VII") на последней познавательной стадии возникает спекулятивный эффект, спонтанно осуществляющийся в результате адекватного взаимного отражения и кропотливой перепроверки друг другом четырех низших познавательных способностей (именования, изображения, определения и понимания). На пятой ступени, вероятно, неожиданно обнаруживается общая для всех предыдущих ступеней единая саморефлектирующаяся структура, наступает озарение и опытно достигается самоопределяющееся знание абсолютного бытия Блага, когда может сразу "просиять разум" (Письмо VII, 344 b), и, "внезапно, как свет, засиявший от искры огня, возникает в душе это сознание и само себя там питает" (Письмо VII, 341 c-d).

В неоплатонических системах рефлексия представлена в контексте принципа всеединства, выражающем предельную интеллектуальную интуицию отражения всего во всем. По Плотину, все исходит из Единого в виде иррадирующих кругов, способных быть отражающими экранами, благодаря чему возможно обратное движение к Единому. Первым исходением является Ум, который возвращается к Единому, обнаруживая единство в себе самом. По тому же эманационному сценарию возникает Душа, служащая принципом жизненного движения тела космоса. Способность к рефлексии ослабевает в серийности ее актов, вплоть до достижения последнего предела отражения – материи, которая сама по себе уже не способна обрести единства, противопоставляясь Единому как его конечная граница, за которой – чистое небытие. В плотиновской антропологии рефлексия (вхождение в себя) соотносится с экстазисом (выхождением из себя) – единением с Единым, обретением состояния, в котором персональное имманентное единство спекулятивно совпадает по сущности с трансцендентным всекосмическим единством. Прокл обобщает неоплатонические идеи по данной тематике, представляя внутреннюю картину космической жизни в итоговой онтологической схеме порождения всего сущего: 1) *monē* – неущербляемое покоящееся пребывание первоначала в себе самом; 2) *proodos* (*αποποία, probole*) – исходение из себя, эманация; 3) *epistrophe* – возвращение обратно. (Последнее слово – *epistrophe* – приведение в круговое движение, свивание, круговорот, переводилось на латинский язык в различных вариантах: *reversio, conversio, reditio, revolutio, replicatio*, в том числе и как *reflexio*, которому впоследствии конвенционально пытались придать однозначный терминологический статус, выделив его

из данного синонимического фона). Эманация и реверсия не есть последовательные временные фазы – они одновременны в своей онтологической суперпозиции (сосуществовании), являясь вечным логическим ритмом бытия Абсолюта. В эманации Единое мультиплицирует себя, т.е. генерирует множество своих образов, служащих в качестве образцов для подражания создающихся вещей, а в реверсии множественность снимается за счет свивания в единичность каждого ее элемента, стремящегося уподобиться Единому. Тем самым, эманация и реверсия образуют диаду (двоицу), которая, совместно с генадой (единицей), является двуединым принципом происхождения всякого сущего.

Для стоицизма характерно представление рефлексии в едином космическом цикле огненного дыхания пневмы, распространяющейся в центробежном и центростремительном направлениях и пронизывающей весь мировой организм. Отражаясь от космической периферии и сосредотачиваясь в центре, пневма предстает как Логос – имманентный природный закон и самопорождающая сила, изливающая "разумные семена" (*logoi spermatikoi*), коими порождается и гармонизируется многообразие вещей в целом космосе. Из этой натурфилософской доктрины выводятся принципы стоической этики, содержащей правила жизни в соответствии с природным законом, заключающемся в стремлении к самосохранению и присвоению бытия, призывающим существовать в любви и гармонии с собой и со всем окружающим. Практическое осуществление этого этического идеала духовной свободы личности возможно при достижении внутреннего самодовления (автаркии) и бесстрастия (апатии) – отражения и отсечения от своего личностного ядра страстей, явившихся результатом ошибочных отклонений разума. Апатия есть ограждение покоя души от страстей, но не внутреннее рефлексивное преобразование их энергии.

Радикально отлично от всех вышерассмотренных античных трактовок понимание рефлексии в атомистической традиции, основанной на плюралистической онтологии, постулирующей, в противовес парменидовскому учению о едином неделимом бытии, существование множества атомов-бытий, движущихся в пустоте. Отвергая принцип тождества бытия и мышления, и, как следствие, принцип онтологической автономности и самодостаточности разума, атомистика не нуждается в абсолютизации рациональной рефлексии. Так, Эпикур впервые обращает внимание на проявление свободы в космической жизни, заключающееся в том, что атомы спонтанно отклоняются от необходимого движения в свои "естественные места". Отклонение атома, или *clinamen* (греч. *parenklisis* – отворачивание в сторону, смещение; в противоположность *anaklisis* – заворачивание к началу по кругу), объясняет факт столкновения атомов, образующих тела вещей, а также с антропологической точки зрения обосновывает возможность свободы воли, индифферентной рефлектирующему разуму, который вторичен. Истинное познание, по Эпикуру, состоит в доверии чувствам, непосредственно воспринимающим истечения от атомов, следовательно, рефлексирование разума не необходимо как окончательный критерий истины, а скорее случайно. Согласно Эпикуру, самодостаточен не разум, а чувства, поскольку принимаемые ими истечения вещей (флюиды, или симулякры) являются адекватными целостными вещными подобиями. В соответствии с платоновской спекулятивной теорией, но исходя из иных гносеологических и этических оснований, Эпикур полагает, что истина есть опознание подобного подобным при контакте внутреннего и внешнего, что доставляет умеренное наслаждение; ложь есть расподобление и страдание. Вместе с тем, рефлексия в философии Эпикура все же предполагается, но не в отношении только разума, выполняющего скорее служебную роль, а в теории чувственного познания, в концепции атомарных истечений и, особенно, в общем ощущении счастья – в атараксии, или спокойствии души, обращенной к себе самой на фоне возмущающих иррациональных воздействий окружающей среды. Так в доктрине Эпикура отразился образ индивидуального человека эпохи эллинизма, взывающего свободу как цель жизни мудреца; рефлексия в рамках данного настроения приобретает черты экзистенциального, жизненно-практического смысла – для счастья человеку достаточно самого себя.

В эпоху средневекового теоцентризма понимание рефлексии и отношение к ней начинает кардинально меняться. Если в античности понятие рефлексии так или иначе тематизируется в контексте космологического учения об эманации, то в Средневековье оно истолковывается в свете доктрины креационизма. Здесь человек сотворен Богом по Его образу и подобию личным волевым актом свободного дарения. Образом Божиим в человеке является данность свободного разума, который, тем не менее, постоянно греховно искажается самим человеком. Разум в человеческом самостоятельном опыте подвержен мутациям (флексиям) и ошибкам, поэтому он нуждается в рефлексивной корректировке, в постоянном обнаружении и исправлении заблуждений. Рефлексия есть вынужденная мера по возвращению разуму исходного чистого образа его целостности и простоты. Если эманация произвольна и безлична, то творение *ex nihilo* есть волевой личностный акт, поэтому в теистическом понимании разум и его действия соотносятся с волей и верой, определяя бытие личности. Рефлектирование разума обусловлено волевым участием и проверяется в свете религиозных истин. Проблема соотношения веры и разума по-разному решалась представителями различных направлений средневековой теологии и философии, зачастую предлагавших альтернативные и конкурирующие подходы к исследованию этой темы.

В соответствии с теологическими нормами для санкционирования постановки теоретической проблемы в средневековом контексте должен быть найден соответствующий источник и прецедент в содержании Библии. Разработка темы рефлексии оправдывается обращением к образу Софии, Премудрости Божией, в Ветхом Завете. Можно сказать, что именно София, будучи образом самораскрытия Бога в процессе творения, отражая божественные действия без искажения и направляя их на творимый мир, является первой рефлексией как таковой, вплоть до ее персонификации, рефлексией, допускаемой самим Богом. София выступает подвижной границей между Творцом и тварью, приуготовляя возможность творения: "Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони; от века я помазана, от начала, прежде бытия земли. Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источников, обильных водою. Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов, когда еще Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной. Когда Он уготовлял небеса, я была там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны..." [Притч. 8, 22-27]. София есть мгновенное предвосхищение творения и его проводник одновременно: "Она есть дыхание силы Божией и чистое изливание славы Вседержителя: посему ничто оскверненное не войдет в нее. Она есть отблеск [араугасма – отражение] вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благодати Его" [Прем. 7, 25-28]. В момент творения София соприсутствует Богу и человеку: "Тогда я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время, веселясь на земном кругу Его, и радость моя была с сынами человеческими" [Притч. 8, 30-31]. В новозаветном контексте софийные качества присваиваются Христу-Логосу, выражающему волю Бога-Отца.

Переходной фигурой между античной и христианской эпохами является Филон Александрийский, пытавшийся объединить, достаточно противоречиво, древнееврейскую религию абсолютно трансцендентного Бога и эллинистические направления философской мысли, прежде всего стоическо-платонические. Согласно Филону, сущий Бог творит материю из ничего, а затем придает ей форму, образующуюся из Его действий. До творения чувственного мира создается интеллигибельный мир идей (ангелов), являющихся "излучениями" и "отображениями" Божества. Многообразие идей объединяется и помещается в Логосе – "втором Боге", посреднике между Творцом и творением. Логос есть единый образ трансцендентного Бога-Отца, "Сын Божий", и даже сын Премудрости (Софии) от Бога. Филон аллегорически определяет Логос как отражение, тень, покров сияющих лучей единого Сущего. В этом качестве Логос служит первообразом сотворяемого мира и человека, который на путях экстатического восхождения посредством Логоса возвращается обратно к Богу. Человеческая личная рефлексия становится

актуализированной при совпадении с универсальной рефлексией в Логосе творящих мыслей Бога. Путь к Богу начинается с познания чувственно-воспринимаемого космоса, затем наступает этап самопознания души, далее следует акт экстатического трансцендирования за собственные пределы, в котором человек, признав свою тварность, возвращает осознанное единство себя самого в недра Творца.

Христианская корректировка и канонизация предшествовавших идей велись достаточно долго и приводили к различным результатам, имевшим весьма дискуссионный характер. Для Августина Блаженного вера есть обращение к Богу, в процессе которого преобразуется разум. В данном отношении вера имеет приоритет перед разумом, в задачи которого входит приведение в единство многообразия чувственно-телесных впечатлений. В вере возврат к Богу, и, как необходимое следствие, к себе самому, дан непосредственно и самоочевидно, в разуме – опосредованно. Высшая истина за пределами разума, однако он может трансцендировать к ней, будучи ведом ортодоксальной верой. В этом случае рефлексия разума имеет своим пределом его "иллюминацию", воссияние или озарение свыше, инспирированное божественным откровением, во вспышке которого освещается и становится умозримым акт творения из небытия. Рациональная рефлексия конкретизируется в "Исповеди" Августина в форме психологического самонаблюдения и самоанализа, в концепции памяти и психического времени. Сократовский принцип самопознания вводится в контекст богопознания, при этом познание души человека взаимозеркально познанию Бога: человек может познать собственную душу, только отраженной в Боге, и взаимнообратно, познание абсолютной личности Бога происходит в глубинах персональной души. В учении Августина креационистский догмат сочетается с элементами неоплатонизма, что создает теологические трудности при размежевании с пантеизмом. Августин допускает предсуществование идей творения в гипостазированном разуме Творца, к которым должен приобщиться конечный человеческий разум, что является рецидивом платонической теории идей в пределах средневековой религиозно-философской парадигмы.

Понятие «среда» не имеет четкого и однозначного определения в мире науки. В самом общем смысле «среда» понимается как окружение.

В толковом словаре русского языка дается следующее объяснение понятию «среда»: окружение, совокупность природных и социально-бытовых условий, а также совокупность людей, связанных общностью этих условий в которых протекает деятельность человеческого общества, организмов. В философию термин среда был введен еще в эпоху Просвещения и понимался как окружающие человека общественные, материальные и духовные условия его существования, формирования и деятельности. В этом значении среда рассматривалась как: макросреда, как общественно-экономическая система в целом (производительные силы, совокупность производственных отношений и социальных институтов, сознание, религия и культура данного общества) – и микросреда как непосредственное социальное окружение человека (семья, коллектив и группы различных уровней).

В отечественной педагогике и психологии термин «среда» появился в 20-е годы предыдущего столетия, когда достаточно часто употреблялись понятия «педагогика среды» (С. Т. Шацкий), «среда коллектива» (Л. И. Новикова), «окружающая среда» (А. С. Макаренко).

Шацким С.Т. была разработана концепция взаимодействия школы со средой – «педагогика среды». Термин «педагогика среды», во-первых, характеризовал процесс социализации личности в общественной среде, во-вторых – характеризовал проблему организации воспитательного процесса внутри школы с учетом влияния окружающей среды на коллектив, и вместе с тем – проблему активного участия коллектива школы в общественно – полезной деятельности, преобразования среды. В педагогике среды С.Т. Шацкий особое внимание уделял проблеме организации школы как центра детской жизни и взаимодействия школы с окружающей средой.

В структуре среды им выделялись: внутренняя среда (учет влияния среды на идейно-моральную ориентацию учащихся, на формирование их жизненных планов, на стиль общения; учет влияния средств массовой коммуникации на внешкольное общение, на выбор внутришкольных мероприятий); внешняя среда (связи школы с семьями, микрорайоном, шефами, общественностью, группировками, неформальное общение вне школы).

Для исследования проблемы развивающей среды принципиально важен также педагогический опыт А.С. Макаренко, который развил мысль о том, что решение уникальных педагогических проблем традиционными средствами невозможно. Перед обществом со всей остротой встала масштабная социально-педагогическая задача: необходимо было создать адекватные формы социальной жизни детско-взрослого сообщества и разрабатывать принципиально новую практику образования. Решая эту задачу, А.С. Макаренко создал прецедент социально-педагогического проектирования развивающей среды, а также заложил основы практического решения данной проблемы, апробировав на практике схему деятельности по созданию развивающей педагогической среды:

- 1) педагогический замысел (для организации деятельности в неопределенной ситуации);
- 2) механизмы его реализации (детско-взрослая общность, система разновозрастной кооперации, демонстрация образцов педагогического взаимодействия в «живой» коммуникации);
- 3) осмысление опыта деятельности (педагогические труды).

В основу проектирования была положена идея искусственно созданного процесса специально организованного в педагогических целях; широкая социальная открытость образовательной системы, её кооперация и коммуникативное отношение с многообразными ведомствами, производственными, культурными центрами.

Тенденции рассмотрения понятия «среда» в рамках открытых педагогических систем еще больше усиливаются в 90-е годы, когда ведущими принципами государственной политики в образовании становятся: гуманистический характер образования, приоритет общественных ценностей жизни, здоровья, свободы, развития личности. Само демократическое общество не только позволяет образованию реализовать свой гуманистический потенциал, но и создает условия для обогащения, выдвигая на первый план его развивающую «человекообразующую» функцию, не отменяя, а качественно преобразуя адаптивную функцию. Это приводит к изменению аспекта изучения среды в педагогике, так как предыдущие исследования рассматривали среду как составную часть воспитательной системы, т.е. в рамках адаптивной функции образования. В настоящее время современные подходы к среде в педагогике лежат в русле развивающей функции образования (развивать способность менять самого себя и свое бытие).

Понятие среда соединяется по значимости с образованием, роль которого в современном обществе неуклонно возрастает, такая подчеркнутая взаимозависимость понятий «среда» и «образование» требует отдельного рассмотрения.

Анализ работ С.Г. Вершловского, Г.С. Сухобской, И.В. Слободчикова позволяет отметить современные подходы к раскрытию феномена образования, рассмотрению его в качестве сферы социальной жизни. В этом контексте образование не сводимо к специальной деятельности по освоению ценностей культуры. Образование выходит из тисков отдаленности от реальной жизни, любое место встреч, рабочее место, общественное здание могут стать местом для образования. «Расширение» мест образования ведет за собой изменение статуса, при котором места для образования становятся центрами образовательных ресурсов, и приводит к реформированию классической системы образования, когда планирование, социальное и организационное проектирование, исследования и эксперименты не замыкаются в рамках самих педагогических систем, а затрагивают другие субъекты культуры и разные социальные институты, социокультурные процессы

и движения. В связи с чем и выдвигается идея создания образовательной среды, способной обеспечить формирование основ нового культурно-образовательного и социально-педагогического мышления. Такой подход дает основание рассматривать понятие образовательной среды как отражения единства социокультурной и духовной жизни общества и непрерывной системы образования.

Проблема отбора и построения содержания образовательной среды на протяжении веков привлекала внимание ученых и практиков. Анализ педагогической литературы показывает, что идеи Я.А. Коменского, Л. Корчана, Д. Локка, А.С. Макаренко, И. Песталоцци, Г. Спенсера и других педагогов привели к определенным переменам в определении «образовательной среды». Ж.-Ж. Руссо, являясь сторонником К. Юнга, под образовательной средой понимает систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможности для ее развития, содержащиеся в социальном и пространственно-предметном окружении. Нами установлено, что под термином «образовательная среда» в педагогике понимается совокупность условий, влияющих на формирование и функционирование человека в обществе, на предметную и человеческую обстановку личности, ее способностей, потребностей, интересов, сознания.

В приведенной ниже схеме мы попытались дать общую характеристику понятию «образовательная среда», которое включает в себя все определения

Понятие «образовательная среда» коррелирует с понятиями образовательное пространство и образовательная система. Несмотря на схожесть в названии эти понятия абсолютно не сопоставимы. Образовательное пространство представляет собой набор условий, факторов, тем или иным образом связанных между собой и оказывающих влияние на образование человека. Образовательное пространство может существовать как некая абстрактная система независимо от обучающегося.

Самое общее представление о пространстве связано с порядком расположения (взаимным расположением) одновременно сосуществующих объектов. Говоря об образовательном пространстве, мы имеем в виду набор определенным образом связанных между собой условий, которые могут оказывать влияние на образование человека. При этом по смыслу в само понятие образовательное пространство не подразумевается включенность обучающегося. Образовательное пространство может существовать и независимо от обучающегося.

Понятие образовательная среда также отражает взаимосвязь условий, обеспечивающих формирование человека. В этом случае предполагается присутствие обучающегося в образовательной среде, взаимовлияние, взаимодействие окружения с субъектом (в нашем случае – с обучающимся). Если задаться вопросом, какое из этих двух понятий в большей мере соответствует идее образования, которая состоит в «обращении» образовательного процесса к потребностям человека в общекультурном смысле, то ответ очевиден. Когда речь идет об образовательной среде, то имеется в виду влияние условий образования на обучающегося (точно так же, как и влияние обучающегося на условия, в которых осуществляется образовательный процесс). Это обратное влияние по существу задает направленность определенному типу образовательной среды через включение значимых для человека знаний и использование комфортных, принимаемых слушателями технологий обучения. В образовательном пространстве в большей степени фигурируют не столько значимые для слушателя образовательные задачи, которые ставятся самим слушателем, сколько видение их со стороны организаторов педагогического процесса – преподавателей.

Переход к информационному обществу в условиях интеграции наук и диалога культур меняет базовые образовательные ориентиры: от «образования на всю жизнь» – к «образованию через всю жизнь», к самообразованию. В связи с этим высшая школа ориентируется на подготовку специалиста, способного работать не на уровне действий и операций (когда цель задана и рефлексии не подлежит), а на уровне деятельности (когда

цель освещается смыслом, и у человека возникает возможность выбора). Речь идет не просто о повышении уровня образованности и самостоятельности слушателей, а о формировании у них рефлексивных способностей, что требует создания особой образовательной среды.

Составляющей процесса становления образовательной среды, считают современные ученые, является рефлексивная деятельность.

Помимо образовательной среды существует и такое понятие, как рефлексивная среда. Определение «рефлексивная среда», ставшее в последние годы столь популярным в педагогике и психологии, имеет сложное и, зачастую, противоречивое толкование. В самом широком (социальном) контексте рефлексивная среда представляет собой психологическое понятие для обозначения всего комплекса факторов, обуславливающих рефлексивные акты. Особенная часть понятия есть описание факторов, где субъект является не только носителем рефлексии, но и объектом воздействия, фактором объективного и случайного характера. Понятие разрабатывается на стыке общей, социальной, педагогической и организационной психологии. Понятие «рефлексивная образовательная среда» в науке до конца не изучено, вот почему оценка сущности рефлексивной образовательной среды учебного заведения в настоящее время стала одной из центральных проблем психолого-педагогических исследований.

Педагогическая процедура организации культивирования рефлексивной среды отличается от процедуры формирования какого-либо заданного способа мыслительной деятельности качеством взаимодействия учителя с учеником. Со стороны учителя данное взаимодействие отличается тем, что включает в себя активность учителя не только по реализации своих рефлексивных эталонов, но и активность по их созданию в ответ на требование ситуации. Процесс рефлексивного средообразования начинается с проявления и кристаллизации структуры субъективного проблемно-конфликтного поля участников посредством фиксации актуализировавшегося в данной ситуации уровня конфликтности и путем его углубления через управление конфликтностью. Таким образом, объективно заданная рефлексивная среда в виде включенных в неё носителей стихийной и организованной рефлексии, метода психологии рефлексии, проблемной ситуации содержит в себе возможность овладения ею как внутренним рефлексивным механизмом творчества каждого участника.

Понятие «рефлексивная образовательная среда» в педагогике ново и недостаточно изучено. Одно из определений дано А.А. Бизяевой и Г.Г. Ермолаевой. Исследователи под рефлексивной средой понимают систему условий развития личности, открывающую последнюю возможность самоисследования и самокоррекции социально-психологических и профессиональных ресурсов. Основной функцией подобного рода среды исследователи называют «способствование возникновению у личности потребности в рефлексии». Данное определение вполне применимо и для рефлексивной образовательной среды с поправкой на педагогические ресурсы.

Авторы подметили важную черту рефлексивной среды ее вариативный характер, возможность выбора, в ситуации, которых должны находиться ее субъекты.

В работе мы находим следующую ценную для нас мысль: рефлексия способствует достижению соразмерности среды и существования личности. Возможности, условия, способы деятельности, отношения, которые развивает педагог и слушатель, являются параметрами данной среды, которые складываются в результате усвоения культуры через личный опыт. При этом встает вопрос о функционировании среды, в которой личность, проходя «образовательный цикл», развивается и которая сама представляет собой динамическую структуру. Поскольку рефлексия понимается как «общий принцип существования, реализующий фундаментальную способность человека быть в практическом отношении к условиям своей жизни, а не сливаться с ними», в рефлексивной среде и пе-

дагог, и слушатель выступают в роли субъектов, которые могут вынести из нее лишь то, что им необходимо; каждый имеет возможность изменять образовательную среду, внести в нее то новое, что сформировалось в результате рефлексии.

Проведенный психолого-педагогический анализ по исследуемой проблеме позволил выделить особенности рефлексивной образовательной среды:

- 1) рефлексивная образовательная среда соразмерна развивающейся в ней личности;
- 2) педагог и слушатель в ней выступают в роли субъектов;
- 3) организация в ней носит социально-личностный характер;
- 4) в ней обязательно должно быть внутреннее противоречие или субъективное затруднение (связанное с педагогической или учебной деятельностью самого субъекта);
- 5) рефлексивная образовательная среда представляет собой совокупность внешних и внутренних условий;
- 6) рефлексивная образовательная среда культуросообразна, поскольку именно в ней возможно переосмысление старых и создание новых культурных норм в процессе образования;
- 7) рефлексивная образовательная среда вариативна. Слушатель и педагог имеют возможность строить образовательную среду на основе своих потребностей и в соответствии со своим направлением развития. Поэтому для рефлексивной образовательной среды не характерно наличие навязанных извне и жестко регламентированных методов работы и программ;
- 8) рефлексивная образовательная среда предполагает выбор таких обучающих методик, в которых упор делается не на содержание, а на способы деятельности педагога и учащегося;
- 9) любая деятельность ее субъектов, в том числе и педагогическая, является креативной и исследовательской.
- 10) рефлексивная образовательная среда направлена на формирование у ее субъектов всех видов рефлексии и развитие всех четырех ее уровней:

– *нарративного* (повествование) – констатирует появление возможности осознания субъектом ранее неосознанного психологического материала, а также самого намерения его осознать;

– *диалогического* (реплика) – в тексте проявляется как высказывание внутреннего собеседника. В данном случае субъект вербализует позицию одного из участников своего внутреннего диалога, что требует более высокого уровня осознанности смысла высказывания, чем непосредственное выражение содержания сознания;

– *когнитивного* – наблюдение и анализ собственных мыслей и переживаний;

– *аксиологического* – отношение (с позиции личных ценностей) к собственным мыслям, переживаниям, их сущности и возможным причинам.

Выделенные сущностные характеристики и особенности позволяют нам дать определение рефлексивной образовательной среде как совокупности внешних и внутренних педагогических условий, в которых осуществляется активное формирование культуры педагогической деятельности, то есть возникает возможность выбора личностью целей, содержания и методов самообразования и саморазвития, происходит изменение представлений о себе как о личности и профессионале.

Мы согласны с исследователями в том, что рефлексивная образовательная среда может рассматриваться как система, если она обладает тремя обязательными признаками системности: 1) подчиненностью всей организации определенной цели (целостностью); 2) структурированностью (наличием элементов, частей); 3) взаимосвязанностью и взаимодействием элементов (самоорганизованностью, управляемостью в процессе развития).

Главная цель рефлексивной образовательной среды в системе дополнительного профессионального образования «ввод» слушателя в культуру, осмысление культурных норм и образцов, создание возможности на основе их переработки новых.

**NOTION “REFLEXIVE EDUCATIONAL MILIEU”
IN PHILOSOPHY OF EDUCATION**

I.A. Shumakova

Belgorod State University, Pobedy str., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: shumakova@bel.ru

The article presents the philosophical, sociological, psychological and pedagogical analysis of core features of the reflexive educational milieu as a factor of human development. The specifics of development of educational milieu are characterized in the paper.

Key words: educational milieu, philosophy of education, reflection.

УДК 301.085

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ СВОЙСТВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ XXI ВЕКА

В.В. Бахарев

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: bacharev@bsu.edu.ru

В статье рассматривается феномен экологической культуры в системе ее пространственно-временных свойств. Автор анализирует различные концепции трансформации экологической культуры и отстаивает тезис о прямой зависимости между развитием социологии культуры и духовной жизни в XXI веке и трансформацией пространственно-временных свойств экологической культуры.

Ключевые слова: социальное пространство и социальное время, социокультурная трансформация, экологизация массового и индивидуального сознания, «живая» социология, космические энергоинформационные потоки, социология культуры и духовной жизни.

В экологической культуре, востребованность которой определяется форсированными ритмами жизни современного общества, особое место занимает социальное пространство и время. Время перестало быть лишь мерой организации социального бытия. Оно превратилось в ресурс и поле для широкомасштабных экспериментов в системе «человек – общество – природа», смысл которых базировался на иллюзорной надежде увенчать доминирование человечества над внешней природой, укротить пространство и время, создать совершенное во всех отношениях общество.

Всякая попытка рассмотреть жизнь, общество и экологическую культуру в качестве целостного пространственно-временного образования должна опираться не только на общие универсальные для них свойства, такие, как субстанциальность, непрерывность и т. д., но и учитывать те специфические признаки, характерные как для пространства, так и для времени, которые оказывают существенное влияние на процесс трансформации и становление модифицированной реальности. В контексте социального времени возможна реализация идей обновления социоэкокультурных отношений, воспроизводства социума и его экологической культуры, становление и развитие которых подчиняется как циклическим, так и линейным характеристикам времени. А объективная оценка ресурсного потенциала такого социального феномена, как экологическая культура, ее социокультурного вещества и энергии требует тщательного измерения. Дело в том, что трансформация экологической культуры – это процесс, который всегда идет в определенном направлении, связанном с действиями векторов созидания или разрушения (энтропии), переструктурированием, укреплением или ослаблением одних связей и отношений в противовес другим, становлением инновационных нравственно-экологических структурных образований, деформации старых взаимоотношений общества и природы под натиском формирующегося глобального экологического кризиса.

В качестве метрик социального времени исследователи отмечают эффект его длительности, определяемой мерой глобальности и локальности. При этом локальное

время всегда конечно, а глобальное время «совпадает с длительностью бытия человечества»[1]. Этот эффект не требует подтверждения или опровержения. Он отражает качественную особенность действия фактора времени в масштабном развертывании процесса трансформации экологической культуры.

Тем не менее, куда более существенное значение для характеристики трансформации экологической культуры имеет другой временной фактор, действующий как закон циклической пульсации истории. Последующие фазы развития культуры общества зачастую являются не простым продолжением предыдущих, а выступают как духовная и нравственная реакция на крайности и изъяны предыдущих фаз. «Культура нередко утоляет свою печаль на "дне отчаяния": "темные эпохи" рождают светлое искусство, окружающая распущенность – прорывы к святости и аскезу покаяния»[2].

В оценке истории взаимодействия общества и природы, формировании и трансформации экологической культуры следует исходить из единства биосферы и человечества. Историческое бытие человечества, его культура, в том числе и экологическая, неразрывно связаны с организованностью биосферы. Как отмечал В.И. Вернадский, появление человека есть функция биосферы, проявление ее организованности[3].

Вместе с тем человеку еще предстояло открыть биосферу. В связи с развертыванием исторического процесса человек своей деятельностью выходил на различные уровни организованности биосферы. Разделяя точку зрения Г.В. Платонова, мы выделяем в истории взаимодействия общества и природы три периода: биогенный (адаптационный), техногенный (частично-преобразовательный) и ноогенный (системно-преобразовательный). Кроме того, второй период включает два этапа: аграрный (сельскохозяйственный) и индустриальный (промышленный).

Человек – адаптивно-адаптирующаяся система. Как любой биологический вид, он приспосабливается к среде, но одновременно и «творит», создает среду. Ныне для адаптации оказывается недостаточно ни биологических резервов, ни нынешних культурных достижений человека. Д.Б. Думаревский пишет: «Эпоха НТР раскрыла технологии способные гармонически соотносить деятельность общества с процессами природы. Это прежде всего комплексные замкнутые системы переработки и использования сырья, к примеру, мембранные технологии. Энергосбережение и высокоточная обработка материалов (лазерный резец) радикально повысили КПД промышленного производства. Но наиболее фундаментальные перемены связаны с биотехнологией, геной и клеточной инженерией, нанотехнологией. Суть последней в управляемом компьютерном конструировании молекул вещества. Здесь ярко видно как сходятся два русла НТР: развитие информационной техники и углубление технологий в микроуровни строения вещества... Вся эта инфраструктура с компьютерным управлением и контролем формирует интенсивную экономику, направленную на минимизацию потребления энергии и сырья»[4]. В культуре развиваются разнонаправленные тенденции. С одной стороны, по инерции, продолжает развиваться «природопокорительская» тенденция, с другой – возникает стремление найти способ мирного сосуществования общества и природы. Эта неоднозначность проявляется во всех языках культуры, во всех основных формах ее воспроизводства – в искусстве, науке, нравственности, религии, мифологизации общественного и индивидуального сознания.

Очевидно, последнее десятилетие XX века останется в истории и социологии культуры и духовной жизни как время изменения приоритетов в сторону коэволюционного развития общества и природы, экологизации массового и индивидуального сознания, перехода к экологической культуре. В это время в среде очень влиятельных социальных субъектов – политиков государственного, общемирового уровня явно обозначилось стремление к реализации принципов экологической культуры, однако, по-прежнему активно реализуется антиэкологическое поведение большинства людей. Парадокс заключается в том, что практически все люди настроены не антиэкологически,

вовсе не стремятся сознательно уничтожить природу. Но действия людей неэкологичны. Само человеческое мироотношение является не преданным и не заданным как природа, конституируется через построение смыслов событий, упорядочивание смысложизненных ценностей.

Один из основоположников феноменологической социологии М. Мерло-Понти, указывая на связь человека с миром через феномен восприятия, отмечал, что мироотношение конструируется в нем через единство субъекта, акта и содержания сознания в их отнесенности к объективному миру. Благодаря связи с мышлением, герменевтическим контекстом мысли мироотношение является рефлексивным, интегральным, полиперспективным целым, которое проявляется в восприятии как мировосприятие. Сущность мироотношения феноменологическая социология сводит к субъективным переживаниям времени, пространства, телесности. В человеческом мироотношении природа становится культурой, а социокультурные формы получают естественно-историческое выражение. Природная единичность здесь возводится до уровня всеобщности, переживание принимает онтологический статус, благодаря чему человеческая природность становится предметом гуманистики, в том числе и социологического анализа[5].

Восприятие практикуется в современной феноменологии как интенциональная связь телесного бытия и окружающего мира, развивающейся во времени и пространстве системы «человек – общество – природа». «Человек смотрит на деградацию (экосистемы – авт.), а его галлюцинирующее сознание оценивает то, что он видит как прогресс. То есть, фактически, ядром конфликта общества и природы является конфликт внутрикультурный, конфликт разных способов восприятия и отражения человеком действительности, перерастающий в конфликт разных систем деятельности: системы социально своемерной, природонесообразной и системы природосообразных, экологически оправданных действий»[6].

Время концепций с определяющими категориями покорения, потребления, разрушения, освоения природы, где человек – самоцель, а природа – средство, закончилось. Будущее человека и общества XXI века напрямую связано с приведением культуры и цивилизации в соответствие с возможностями природы, преодолением разрухи в своем сознании, развитием экологической культуры.

Важнейшей характеристикой социального времени является его событийность, которой наполнены прошлое и настоящее экологической культуры. Будущее, не содержащее в себе реальных событий, выполняет ориентирующую функцию. Мы представляем себе будущее как реализацию тех направлений развития, которые существуют в настоящем. В культуре настоящего времени существуют два основных направления – на обособление общества от природы и на сближение, взаимное приспособление или коадаптацию и коэволюцию общества и природы.

В последние годы в культуре наблюдается отход от «точного», детального прогнозирования и используется описание «вероятностной» картины будущего, для получения которой применяются метод пределов. Пределы – это границы, внутри которых располагаются все вероятностные значения. «Когда мы пытаемся говорить о будущем глобальной экосистемы, то мы можем обозначить два предельных вероятных варианта: – экосистема вернется в досоциальное состояние (при сохранении в качестве доминирующей социально своемерной тенденции развития социосферы); – экосистема усовершенствуется за счет оптимизации роли социосферы в ней, вследствие гармонизации отношений между основными подсистемами – гео-, био- и социосферами. Первый не требует изменений, но крайне нежелателен для людей. Второй – единственный, при котором сохраняется человечество. Но его осуществление требует мощного поворота большинства траекторий развития. В ближайшем будущем человечеству предстоит осуществить действительно радикальный поворот в развитии, который отразится на всех сферах воспроизводства общественной жизни: на экономике, на политике, на самой духовной культуре и, пожалуй, наиболее явно и ощутимо для каждого – на бытовой сфере»[7].

М.В. Рац в работе «Что такое экология или как спасти природу» доказывает необходимость стратегии устойчивого развития системы «общество – окружающая среда», которая в качестве принципиальных моментов включает: приоритет качественных показателей (приоритет жизни) над количественными (численностью, потреблением); противостояние энтропийным процессам (милитаризации, росту отходов, тиражированию культурных ценностей, ритуализации духовной жизни); сохранение биологического и культурного разнообразия; согласование программ природопользования с эволюционной периодичностью природных процессов; предпочтение устойчивости экосистемы извлечению максимальной прибыли[8].

В результате становления экологической культуры возникают фрагменты нового мировоззрения, с позиций которого все элементы единой глобальной экосистемы должны быть соразмерны и взаимообусловлены. Будущее развитие социоэкосистемы должно стать безотходным во всех сферах общественной жизни – экономической, социально-политической, духовной, образовательной.

Трансформационные процессы развития проходят через хаос, период исчезновения прежней структуры и оформления новой. При этом можно выделить следующие основные этапы: 1) зарождение нового элемента системы; 2) его обособление в системе; 3) отчуждение в системе и отрицание новым элементом всей «старой» системы; 4) становление новой структуры, нового порядка, новой гармонии, или абсолютизация антагонизма между элементами системы, и ее возвращение в «нулевое» состояние. Современное «осевое время» характеризуется переходом от третьего к четвертому этапу.

Ярким примером трансформационной идеи является концепция О. Тоффлера, изложенная в его работах «Шок будущего», «Третья волна» и др. Согласно данной концепции, ускорение социальных и технологических изменений в системе «общество – природа» нарушает сложившуюся адаптацию и ведет к деформации и краху всех социальных институтов и глобальным изменениям в экосистеме планеты. Выявляется тенденция, в которой трансформация экологической культуры общества захватывает все его сферы и институты и происходит в направлении признания и расширения плюрализма как основного социального принципа. «Если я прав в своей оценке перехода к более гетерогенному, более дифференцированному обществу, – пишет О. Тоффлер, – то нам следует ожидать гораздо большего разнообразия идентификаций и группировок»[9]. Этот процесс захватывает прежде всего постиндустриальные высокотехнологические страны, где «все больше сегментируется потребительский рынок... все большее число субкультур отпадает от господствующих ценностей общества, но и те же самые центробежные процессы действуют внутри самих меньшинств» (там же). Приход третьей волны качественно изменяет даже такую древнейшую из проблем, как идентичность, что влияет на трансформацию культуры, социальных институтов и групп. Концепция О. Тоффлера выражает широкий спектр идей, ориентированных на демократизм, анти-монополизм, экологизм, под влиянием которых все более подпитывается волна современных эколого-культурных изменений.

Развитие во времени экологической культуры в терминах социоприродного развития системы «общество – природа» предстает в оценочном звучании как трансформация. Понятие «трансформация» в социологии представляет собой продукт позднего заимствования из языка других наук. В переводе с латинского, буквально означает преобразование. Социальное значение оно приобрело в связи с появлением идей конвергенции и трансформации индустриального общества в постиндустриальное. Термин «конвергенция» заимствован из биологии, где его принято понимать как независимое развитие в процессе эволюции сходных признаков у разных групп организмов в сходных условиях внешней среды.

Существенную роль для раскрытия процессов трансформации экологической культуры и определения духовного вектора России XXI века играют работы

К.И. Шилина[10], в которых вскрыта мощная линия экософии живого знания как главенствующего потенциала духовного возрождения и развития России в XXI веке.

Организация новых видов и трансформирование известных видов социоэкокультурной и духовной практики наилучшим образом может происходить с учетом космической сущности человека-творца, в единстве социума с Природой. Человек обязан сделать планету цветущей. Это проблема и человека, и социологии культуры и духовной жизни, поскольку люди бездуховные, с низким уровнем культуры – не преобразователи, а потребители. Но духовный человек – это творец, а социология культурного и духовно-творчества – это живая социология (термин введен Ю.П. Буданцевым).

Для формирования новой экологической культуры и возрождения духовности России необходимо защитить сознание человека от негативных посягательств, чтобы он смог самостоятельно избрать систему ценностей в качестве ориентира своего развития в социуме. Важно чтобы каждый человек имел возможность гармонизировать свою личность и свое сознание, имел представление о подлинной духовности и ее значении для себя самого и для всего социума.

Раскрывая основы новой парадигмы социологии духовной жизни России будущего, М.М. Тоненкова отмечает, что «для осуществления возможности выхода социума из кризиса с дальнейшим духовно-творческим развитием необходимы изменение сознания людей в сторону позитивного творчества жизни, выработка новой концепции нормальных, гармоничных человеческих отношений, установление гармоничных взаимоотношений человека с Природой и живая, гармонизирующая логика человечества в строительстве собственной жизни, учитывающая жизненные цели человека в соответствии с его духовным опытом и устремлением»[11].

Социология культуры создала ряд предпосылок для подготовки общественного сознания к преломлению в нем главных духовно-творческих идей. Среди исследований трансформации социологии культуры, связанной с выявлением духовного пути в третье тысячелетие выделяется работа Л. Г. Ионина «Социология культуры: путь в новое тысячелетие»[12]. В ней анализируется процесс современной социокультурной трансформации, ведущий к резкому усилению роли культуры в социальной жизни.

В социологии неоднократно делались попытки исследования связи пространства и времени как социологических категорий с точки зрения возможности их взаимосвязанных измерений на разных исторических этапах жизни человечества. По мнению Н.И. Лапина, на одном из таких исторических этапов может быть более ярко выступать одна из форм бытия (допустим, – социально-экономическое измерение истории), на другом – деятельно-культурное измерение, на третьем – ориентированное существование человека в социоэкологическом пространстве и т. д. При этом их паритетное взаимодействие характерно для социокультурных систем[13].

Однако, как отмечает М.М. Тоненкова, «современная социология должна учитывать, что социоэкологическое пространство жизни организуется не только человеком, но и космическими энерго-информационными потоками»[14].

Достаточно вспомнить «магнитные дни» в зависимости от состояния солнца. «Очень многие и гораздо более мощные влияния Космоса человек просто не может учесть ввиду своего незнания или недостаточного понимания глобальных космических процессов. Но именно эти мощнейшие космические энерго-информационные потоки определяют условия элементарного физического бытия человека, его эмоционально-чувственных проявлений, интеллектуальной силы индивида, человеческих сообществ и планетарного социума в целом» (там же).

Именно поэтому в экологическом пространстве социума явственно видна зависимость людей, как и других живых существ, от действия гравитационного вектора и солнечно-лунного влияния, вплоть до усиления девиантного, в том числе антиэкологического, поведения людей, социальной дезорганизации.

Важно отметить, что преднамеренные или непреднамеренные антиэкологические действия людей, направленные на уничтожение жизни или ухудшение параметров социокультурного пространства, существенно влияют на общее состояние социума и стабильность социальных процессов (влияние последствий Чернобыля, испытаний ядерного оружия на Семипалатинском полигоне и др.)

С.И. Григорьев и А.И. Субетто в своей работе «Основы неклассической социологии...» отмечают необходимость «целостного анализа человека как биопсихосоциального существа, имеющего не только актуальный социальный контекст бытия, но и биопсихосоциальную историю»[15]. Авторы делают вывод о том, что многие черты и особенности социального поведения и образа жизни индивида предопределены генетически, его эндокринной системой, биологическими особенностями организма человека. (Еще 20-30 лет назад такого рода заключения социологов осуждались за биологизаторство в социальных науках). Развивая мысли этих авторов, М.М. Тоненкова отмечает, что социология обязана «провести широкомасштабные исследования с привлечением специалистов – в том числе и энерго-информационного профиля, – для того, чтобы держать руку на пульсе «времени и пространства» и давать социологический прогноз хотя бы на ближайшее будущее»[16]

Проявление социоэкологического пространства и социального времени в современной России характеризуется началом периода отмирания чуждых ей состояний, ее духовного возрождения, обновления социального, информационно-энергетического, биопсихического, культурного, научного, технического. Это одно из перспективных направлений внутри самой социологии, но не прежней – схематизированной и зашедшей в тупик, – а новой живой социологии культуры, духовной жизни российского социума XXI века.

Формирование социологии XXI века и, прежде всего, социологии культуры и духовной жизни возможно лишь при осознании необходимости нового отношения к системе всего знания как к живому существу во Вселенной, с учетом законов его развития как живого существа и применения новых пространственно-временных подходов на духовно-творческом пути современного социума как самоорганизующейся диссипативной системы.

Список литературы

1. Ильин, В.В. Философия политики / В.В. Ильин, А.С. Панарин. – М.: МГУ, 1994. – С. 45.
2. Панарин, А.С. Российская культура как фактор планетарной реформации / А.С. Панарин // Культура и экология. Поиск путей становления новой этики. – М.: Интеллект, 1996. – С. 206.
3. См.: Вернадский, В.И. Размышления натуралиста. В 2 кн. Кн.2. Научная мысль как планетарное явление / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1977. – 192 с.; Вернадский, В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружение / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1987. – 390 с.
4. Думаревский Д.Б. Технологические формы соотношения общества и природы: логико-исторический аспект // История взаимодействия общества и природы: факты и концепции. – М.: МГУ, 1990. – С. 102.
5. См.: Мерло – Понти, М. Феноменология восприятия: пер. с фр. / М. Мерло – Понти // Зарубежная социология: сб.тр. – Минск: Наука и техника, 1989. – С. 49-50.
6. Глазачев, С.Н. Экологическая культура / С.Н. Глазачев, О.Н. Козлова. – М.: Горизонт, 1997. – С. 91.
7. Глазачев, С.Н. Указ. соч. – С. 97-98.
8. См.: Рац, М.В. Что такое экология или как спасти природу? / М.В. Рац – М.: СКМЦ Касталь, 1993. – 179 с.
9. Тоффлер, О. Будущее труда / О. Тоффлер // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Мир, 1986. – С. 282.
10. Шилин, К.И. Метасоциология духовной жизни: категориальный синтез-прогноз / К.И. Шилин. – М.: ИСПИ РАН, 1997; Шилин, К.И. Экософия культуры востока. Кн. 1-3. / К.И. Шилин; Междунар. акад. Информатизации; Акад. Жизни; «Духовное движение России». – М.: Очаг, 1997; Шилин, К.И. Экософия религии и этноса / К.И. Шилин; Лаборатория Экологии культуры Востока Ин-та стран Азии и Африки при МГУ; Междунар. акад. Информатизации; Акад. Жизни. – М.: Очаг, 1997. – 114 с.;

Шилин, К.И. Россия гармоничного будущего. Социология духовной жизни / К.И. Шилин – М.: ИСПИ РАН, 1998. – 425 с.; Шилин, К.И. Социология одухотворенного творчества жизни / К.И. Шилин – М.: ИСПИ РАН, 1998. – 239 с. и др.

11. Тоненкова, М.М. Социология духовной жизни будущей России: новый социологический вектор / М.М. Тоненкова. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2001. – С. 8-9.

12. См.: Ионин, Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: учебное пособие / Л.Г. Ионин. – М.: Логос, 2000. – 432 с.

13. См.: Лапин, Н.И. Пути России: социокультурные трансформации / Н.И. Лапин. – М.: Ин-т философии РАН, 2000. – С. 17.

14. Тоненкова, М.М. Указ. соч. – С. 84.

15. Григорьев, С.И. Основы неклассической социологии: новые тенденции развития культуры социологического мышления на рубеже XX-XXI веков / С.И. Григорьев, А.И. Субетто; Рос. акад. образования, Рос. об-во социологов. – М.: Русаки, 2000. – С. 89

16. Тоненкова, М.М. Указ. соч. – С. 89.

TRANSFORMATION OF SPACIAL AND TEMPORAL FEATURES OF THE ECOLOGICAL CULTURE AS A BASIS FOR CONSTRUCTING THE SOCIOLOGY OF CULTURE AND MENTALITY IN XXI CENTURY

V.V. Bakharev

Belgorod State University, Pobedy str., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: bakharev@bsu.edu.ru

The article deals with the phenomenon of the ecological culture in terms of its special and temporal features. The author analyzes different conceptions of the transformation of the ecological culture and puts forward the thesis on the direct correlation between the development of sociology of culture and mentality in XXI century and the transformation of special and temporal features of the ecological culture.

Key words: social space and social time, sociocultural transformation, ecologisation of the mass and individual consciousness, “lively” sociology, cosmic energo-informational flows, sociology of culture and mentality.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

А.С. Киселев

Министерство образования и науки РФ, 125993, г. Москва, ул. Тверская, 11
e-mail: mchs-dtv@mail.ru

Предлагаемая научная статья посвящена дополнительному научному анализу некоторых идей социологии управления с позиций проблем современного общественного развития. Главным результатом проведенного научного исследования является возможность формирования социоинновационной кибернетики-нового научного направления об общих законах управления общественными подсистемами и об использовании управленческой информации в процессах управления социоинновационным развитием.

Ключевые слова: социология управления, общественное развитие, социоинновационная кибернетика, социальная саморегуляция.

В настоящее время в социологических исследованиях представляют особой интерес такие направления социологии управления как социологические концепции управления, методы и процедуры социологии управления, институциональные уровни управления, детерминанты управленческого поведения индивидов в социальных институтах и организациях, принципы, структуры, функции и методы управления в основных институтах административно-политической деятельности, культура управления, социальные технологии в системе управления, типологические модели управленческого процесса, социальное прогнозирование, социальные программы, как области реализации управленческих ресурсов, инновации в системе управления.

Важнейшей функцией социологии управления является функция приращения нового знания в различных сферах социальной жизни, раскрытии закономерностей и перспектив эволюции общественной системы. Этому способствуют фундаментальные и прикладные исследования, содержащие аргументированные методы и способы решения актуальных проблем общества, функционирование которого осуществляется через личности, социальные общности, социальные институты, общественные подсистемы.

Методологические основания социологии управления включают систему исходных, основополагающих принципов, определяющих способы анализа общественных явлений, выработку характера и направленности познавательной и управленческой деятельности в интересах развития социума.

«Социология управления» официально вошла в перечень научных специальностей ВАК всего 10 лет назад. Она занимается исследованием социальных механизмов и способов управленческого воздействия на общество, его отдельные сферы (экономическую, социальную, политическую, духовную), социальные группы и организации, на сознание и поведение людей. Она постоянно развивается, формируя свою структуру, систему ценностей, понятийно-категориальный аппарат, ставит перед собой цели и достигает их. Социология управления – это субъект, реализующий себя и как индивидуальный субъект и как социальный макросубъект.

Касаюсь функционирования социологии управления как индивидуального субъекта, отметим, что научные разработки всегда опираются на определенные факты, их логическое и философское осмысление. Дадим в этой связи разделение совокупной научной активности на два основных вида:

1) Творческая, или креативная (от латинского creatio – творение) – деятельность, связанная с научным познанием как творческим процессом, предусматривающим от-

крытие новых идей, освоение уже достигнутого, создание теорий или постановку социальных экспериментов и т.д. Это преимущественно индивидуальный этап научной деятельности, подчеркивающий проявление активности креативного под субъекта .

2) Основной вид деятельности по распространению знаний в сфере социологии управления – **социализирующая деятельность**.

Дополнительно проанализируем некоторые идеи Т. Парсонса, изложенные им в работе «Общетеоретические проблемы социологии». Отметим, что по Т. Парсонсу общая система управления содержит четыре группы иерархических подсистем в зависимости от принадлежности людей к тому или иному уровню иерархии.

Первая группа – это подсистема управления, занятая производством определенной продукции, необходимой для других общественных звеньев и для общества в целом. Она составляет «технический» или «первичный» уровень. Это, по его разумению, конечная ступень управления, по существу его элементарный объект, которому управленческие функции не присущи.

Вторая группа объединяет людей, занятых управлением в производстве и распределении. Она образует уровень «организации бизнеса» или как его называет Парсонс Т. «менеджеральный уровень», к которому относятся менеджеры и управляющие, занимающиеся организацией производства, сбытом товаров, заготовкой материалов, набором кадров и т.д. Этот уровень, по его убеждению, действует не от собственного имени, а управляет по уполномочию очередного более высокого уровня.

Третья группа составляет «институциональный уровень» управления, задача которого, по Парсонсу Т. , состоит в выработке правил для менеджерального уровня. Институциональный уровень представлен советами директоров или членами правления монополистических объединений.

Четвертая группа объединяет людей занятых в правительственных органах, определяющих политику государства. Они, по разумению Парсонса Т., составляют высший «социетальный уровень» управления, в конечном итоге олицетворяющий целостность общественной системы на что указывает в своей работе «Научное управление обществом» Афанасьев В.Г.

В связи с вышеизложенным отметим:

Во-первых, идеи Т. Парсонса не имеют универсального характера;

Во-вторых, с учетом современного социально-экономического развития Российской Федерации и темы исследования четвертая группа (по классификации Т. Парсонса) сегодня фактически несет полную ответственность за формирование «институционального уровня» управления и законодательно определяет правила не только для «менеджерального» уровня, но и для научной, образовательной, экономической подсистем, общественной системы, а главное для нового общественного института – «государственно-частного партнерства».

В-третьих, вторая группа (по классификации Т. Парсонса) фактически представляет из себя класс «топ-менеджеров» и хотя представители этого класса сегодня назначаются и управляют по уполномочию третьей группы (по классификации Т. Парсонса) их полномочия в определении тактики менеджмента, с учетом маркетинга, основанного на выдающейся идее, вложенной в перспективные продукты (маркетинг, при этом, выступает как основной инструмент социального контроля) фактически превращает эту группу управленцев в основных игроков на «поле чудес», приносящих самую высокую прибыль, прежде всего, транснациональным корпорациям. При этом уникальной задачей топ-менеджмента становится эффективное применение «венчурного капитала» для финансирования перспективных научных исследований, приобретения патентов, ноу-хау, способствующих поддержанию легитимности транснациональных корпораций в глазах общества и конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках.

В-четвертых, невозможно согласиться с мнением Т. Парсонса о том, что первой группе (по его классификации) управленческие функции не присущи. Подчеркнем, что,

именно в этой группе осуществляется управление качеством продукции и именно в ней практически реализуются управленческие действия, способствующие, к примеру, технологическому энергосбережению, что напрямую связано с себестоимостью продукции. Иными словами в этой подсистеме управления отражается результат стратегии четвертой группы, оперативное искусство третьей группы и тактика второй группы (по классификации Т. Парсонса).

Кроме того, с позиций управления социальными процессами, автором проанализированы основные характеристики социальных ролей по Т. Парсонсу, которые, по его мнению, включают а) Масштаб (часть ролей может быть строго ограничена или размыта); б) Способ получения (предписанные или завоеванные, достигаемые); в) Формализацию (деятельность может протекать как в строго установленных рамках, так и произвольно); г) Мотивацию (в качестве мотивации может выступать личная прибыль, общественное благо и т.д.). Вместе с тем, отметим, что, по мнению автора исследования, в этой классификации с учетом перманентно усложняющегося социального мира не достаёт такой важной характеристики социальных ролей как **модифицированность**, которая «управляется» таким уникальным фактором как **альтерантность** (способность личности вызвать изменения по отношению к своей персоне за счет спонтанного или закономерного улучшения или ухудшения персонального социального статуса).

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что наука управления – это живая наука, которая на постоянной основе вбирает в себя синергетический потенциал развития социума в условиях меняющегося социального времени и пространства, впитывает опыт развития системы государственного и бизнес управления, а, кроме того, создает и помогает адаптировать новые инструменты и механизмы управленческих инноваций.

Отметим, что важнейшим механизмом управленческих инноваций становится механизм принятия современных управленческих решений. Констатируем, что основной целью механизма принятия управленческих решений сегодня становится, согласованный между государством и бизнесом обществом, поиск, отбор и внедрение научно обоснованных технологических (организационных) инноваций.

Таким образом, успешная реализация механизма принятия управленческих решений должна базироваться на новой методологической стратегии, которая влияет на создание усовершенствованного комплекса компетенций участников этого процесса и логично может привести к более модернизированной структуре занятости, повышению уровня и качества социального взаимодействия в различных социальных группах, способствовать модернизации электронного информационного обмена – важнейшего инструмента нынешней социальной коммуникации, способствующего динамичному принятию квалифицированных управленческих решений в интересах социально-экономического развития.

Значительный вклад в изучение проблем, связанных с управлением социально-экономическими процессами внесли академик РАН В.И. Жуков, В.Н. Ковалев, В.А. Никитин, Г.И. Осадчая, Т.Н. Юдина, С.С. Новикова, В.А. Садовничий, И.В. Соколова, Р.Г. Стронгин, Д.К. Танатова, Г.В. Осипов, А.И. Пригожин, Ж.Т. Тощенко, В.И. Чупров, В.Я. Ядов, Р.Г. Яновский и т.д. Анализ их трудов в свете рассматриваемой темы помогает сформулировать сущность объекта и субъекта управления. Подчеркнем, что субъект управления представляет собой строго структурированную иерархию элементов, включающих:

- собственно управленческие структуры, определяющие цель управления и разработку концепции и программы ее достижения;
- государственные, общественные и бизнес структуры, обеспечивающие возможность воплощения концепции и программы управления;
- исполнительные структуры, осуществляющие конкретные управленческие воздействия во всех сферах жизнедеятельности общества.

Объект управления обычно включает все виды ресурсов: кадровые, финансовые, материально-технические, недра. Таким образом, налицо три основных элемента: субъект управления, объект управления и система связей между ними и социальной средой.

Поскольку система государственного управления подчинена цели удовлетворения общественных потребностей, то и гражданское общество обязано принимать участие в управлении этим процессом через деятельность политических партий, общественных объединений, новых общественных институтов. Особо подчеркнем важность результатов II гражданского форума «Роль гражданских инициатив в развитии России в XXI веке» (Москва, 2008 г.), которые показали государственную ориентацию гражданского общества на человека как основного объекта вложения ресурсов. Структурированное гражданское общество, по мнению государства, должно стать итогом нашего перспективного развития. Дадим авторскую характеристику этого нового понятия: **Структурированное гражданское общество** - это общество, в котором, на постоянной основе, присутствует:

1. Политика предвидения;
2. Экономика знаний;
3. Юридическое обеспечение внутреннего и внешнего суверенитета;
4. Наука междисциплинарного уровня;
5. Образование, как важный объект инвестиций;
6. Семья, формирующая ядро социализации личности;
7. Искусство, развивающее культуру нации;
8. Социоинновационное управление, прежде всего, высококвалифицированными инженерными кадрами.

По нашему мнению, под принципами социоинновационного управления следует понимать правила, главные положения и нормы поведения, которыми обязаны руководствоваться органы управления федерального, регионального и муниципального уровней с учетом социально – экономических условий, сложившихся на определенном этапе развития нашего общества. Подчеркнем, что эти принципы управления должны основываться на законах развития общества и на понятных обществом законах управления, соответствовать целям управления и в обязательном порядке опираться на определенную нормативную базу.

Предложим перечень основных управленческих мер с элементами социальной инноватики: содействие в формировании высокотехнологичных производств (с повышенными требованиями по вопросам энергоэффективности и корпоративной социальной ответственности), в том числе в создании социально-ориентированной системы трансфера энергосберегающих технологий; создание и поддержка элементов социоинновационной инфраструктуры (технопарков, особых экономических зон, наукоградов, бизнес-инкубаторов, социо-инновационных кластеров, центров трансфера технологий, центров субконтрактации, центров развития дизайна, центров энергопотребления) в городах, где имеется сеть научно-технических и промышленных организаций и предприятий с высоким научно-технологическим потенциалом; формирование необходимых условий для проведения исследований в области современных научно-технических направлений, таких, как: новые материалы для нужд энергетики; информационные технологии для обеспечения надежного функционирования энергообъектов и т.д.; совершенствование законодательной базы, направленное на стимулирование инновационной деятельности научно-технических и производственных организаций и предприятий, привлечение инвестиций в сферу науки и инноваций, скорейшее вхождение инноваций в сферу энергетики.

Констатируем, что материальное развитие в инновационном обществе постепенно замещается инновационным развитием. При этом выживаемость социума коррелирует не с количественными показателями ВВП, а с качественными, инновационными показателями ВВП, которые формируются под воздействием процессов, интегрирующих

науку, технику, экономику, бизнес, власть и гражданское общество. В такой ситуации вектор финансовых инвестиций перенацеливается от экономики как таковой к интеллектуальным человеческим ресурсам и в этом заключается **основной социальный феномен социоинновационного развития**. Инвестиции в развитие человека становятся главным национальным приоритетом.

Отметим, что существование общества во многом зависит от определенной системы динамичной саморегуляции, которая поддерживает состояние основных факторов общественной среды. Каждое отклонение от нормы вызывает определенную социальную реакцию. В этой обратной связи и заключается активное социальное равновесие. Предполагается, что безопасное, естественное состояние общества зависит от такой системы динамичной саморегуляции, которая должна поддерживать постоянство всех факторов общественной среды. Активное равновесие общественной системы переходит в фазу неустойчивого равновесия, если какой-либо из сегментов социальной саморегуляции выходит из подчинения внутренней системы саморегуляции. Получается, что этот сегмент уже не участвует в поддержке постоянства социальной внутренней среды. На этой основе сформулируем **правило динамичной социальной саморегуляции**, в соответствии с которым всякое отклонение от константного уровня какого-либо жизненно важного фактора служит импульсом к немедленной мобилизации основных общественных подсистем (политическая, экономическая, юридическая, научная, образовательная, семейная, искусств, социоинновационная) стремящихся восстановить равновесие общественной системы. При этом, чем больше основных общественных подсистем мобилизовано на участие в этом процессе, тем менее остро стоит проблема восстановления равновесия общественной системы в целом.

Отметим, что **динамичная социальная саморегуляция** по своей природе является специфическим процессом, в котором факторы, отклоняющие социальные константы и силы, восстанавливающие ее должны быть всегда в определенных количественных (качественных) соотношениях.

Таким образом, **общество-это система высочайшей степени динамичной социальной саморегуляции, сама себя поддерживающая через общественные подсистемы и социальные институты, восстанавливающая, корректирующая и совершенствующая.**

Благодаря функции защиты общества его жизненно важные константы стремятся, с учетом синергии, к самостоятельной поддержке на требуемом уровне.

Понятие «защита», означает, что многочисленные адаптационные изменения функциональной общественной системы «охраняют» постоянство ее конечного приспособительного эффекта.

Важное значение, по нашему мнению, приобретает динамика развития гетерогенности в социальной среде, которая лежит в основе диффузии инноваций, как промежуточного результата преобразования материальной и социальной среды. Эта перестройка в определенной степени влияет на все элементы общественной системы, придавая им новые свойства, которые в свою очередь становятся предпосылками для создания базиса новых преобразований в обществе.

Все вышеизложенные данные приводят нас к заключению о возможности формирования нового научного направления – **социоинновационной кибернетики** – науки об общих закономерностях управления общественными подсистемами и об использовании управленческой информации в процессе инновационного развития этих подсистем. Социоинновационная кибернетика формирует методологию обратной связи между общественными подсистемами, находящимися в состоянии динамичной социальной саморегуляции и обществом в целом. Базовым алгоритмом социоинновационной кибернетики является комплекс управляющей информации X , который воздействует на определенные общественные подсистемы Y (Y_1 - Y_7) с целью получения на выходе инновационного результата Z , который способствует решению важнейших задач в интересах общественного развития.

Социоинновационная кибернетика может использовать математические модели для разработки важнейших методологических подходов в оценке социально-экономической ситуации, выбора оптимального соотношения интеллектуальных, материально-технических, финансовых и трудовых ресурсов, прогнозирования их эффективного применения, а также выработки необходимых управленческих решений в интересах инновационного развития основных общественных подсистем. В этом случае, к примеру могут использоваться формализованные описания федеральных целевых программ, отражающих совокупность, целей, разнородных ресурсов для их реализации, что может способствовать применению широкого набора средств информатизации, осуществлять прогнозирование результатов, корректировку управленческих решений и таким образом определять инновационный характер развития общественных подсистем для конечного достижения интегрального конечного результата реализации не только конкретной федеральной целевой программы, а комплекса программ, обеспечивающих успешную реализацию, прежде всего, приоритетных национальных проектов.

Социоинновационная кибернетика учитывает факторы, обуславливающие социоинновационную деятельность. Они представляют из себя совокупность социальных, экономических, общественно-политических обстоятельств, влияющих на развитие собственно инновационной деятельности и ее конечные результаты. По характеру эти факторы могут быть объективными и субъективными, по роду влияния на инновационный процесс и его результаты – временными и постоянно действующими, по уровню значения-определяющими и второстепенными. На разных этапах применения социоинновационной кибернетики в интересах опережающего общественного развития работает правило, в соответствии с которым чем дольше период инновационного цикла (от идеи до конечного результата, успешно реализованного на рынке), тем сильнее ощущается влияние постоянно-действующих факторов, к которым относятся обстоятельства, связанные с необходимостью осуществления инновационной деятельности.

Социоинновационная кибернетика помогает воплощать инновационную политику, которая включает:

цели, приоритеты инновационной стратегии и механизмы ее реализации органами государственной власти;

методы воздействия государственных структур на экономическую подсистему, юридическую подсистему, научную подсистему, образовательную подсистему, семейную подсистему, подсистему искусств, инновационную подсистему с целью инициирования масштабных инновационных преобразований;

освоение результатов научных разработок в целях модернизации экономики, обеспечения прогресса инфраструктурных наработок, повышение конкурентоспособности продукции национальной экономики и сферы услуг (при этом важнейшим вопросом является способствование переходу фундаментальных наук в прикладные науки, и формирование новых фундаментальных наук с перспективой их перехода на прикладной уровень, как закономерный результат поиска и применения нового знания);

Социоинновационная кибернетика помогает созданию благоприятной инновационной среды. Она создает условия экономической выгоды для всех участников инновационного процесса; обеспечивает создание инструментов и механизмов для коммерциализации инноваций; способствует формированию малого инновационного предпринимательства; развитию регионов с высоким научно-техническим потенциалом; и самое главное на основе диверсификации научно-технологического и производственного потенциала, обеспечивает переход на более совершенные технологические уклады (наноиндустрия); помогает укреплению технологической базы отраслей, продукция которых пользуется устойчивым спросом на рынке, обеспечивая импортозамещение.

Социоинновационная кибернетика предполагает поэтапное обеспечение инновационного процесса, при котором на первом этапе обеспечивается рост количества новых услуг и совершенствование существующих услуг, а на следующем этапе развитие новых технологических решений.

Социоинновационная кибернетика оказывает содействие в оценке качества трудовых ресурсов и способствует повышению производительности труда. Эта область работы, касается различных звеньев управления производством и научных организаций при реализации инновационной политики. При этом разрабатываются меры по повышению эффективности деятельности за счет внедрения моделей рациональной организации труда и совершенствования способов профессиональной подготовки. Основными методами при этом являются системный анализ реальной эргономической системы. Кроме того, формируется распределение стратегических и тактических управленческих функций, выявляются направления создания более эффективных орудий труда (средства управления, использование средств информатизации и т.д.), трансферт более эффективных методов и средств профессионального отбора и профессиональной подготовки.

Список литературы

1. Киселев А.С. Инновационная система опережающего образования в контексте социологической перспективы общественного развития: Монография. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.Н. Герцена, – 2007.

2. Киселев А.С. Социологическая перспектива инновационного общества в контексте стратегии развития наноиндустрии в Российской Федерации: Монография.– Белгород, Белгородский государственный университет, – 2007.

PROBLEMS OF SOCIOLOGY OF MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIAL DEVELOPMENT

A.S. Kiselyov

Ministry for Education and Science of the Russian Federation, Tverskaya st., 11, Moscow, 125993, Russia
e-mail: mchs-dtv@mail.ru

This article is analyzing some ideas of sociology with positions of modern social development problems. The main result of this scientific research is the possibility of creation new scientific trend –socioinnovation cybernetic, which will study common laws of governing social subsystems and using governing information during socioinnovation development.

Keywords: sociology of management, social development, socioinnovation cybernetics, social self-control.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ВУЗОВ

В.Б. Тарабаева

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: tarabaeva@bsu.edu.ru

Отмечены проблемы, возникающие в процессе инновационного развития вузов. Проанализированы условия, обеспечивающие становление инновационного вуза. Намечены пути разрешения противоречий, проявляющихся в ходе внедрения инноваций в образовательный и научный процессы вуза.

Ключевые слова: инновационное развитие вузов, учебно-научно-инновационный комплекс, противоречие, конфликт, управление.

Введение

В связи с бурным ускорением процессов общественного развития на рубеже тысячелетий, по-новому встает вопрос о формировании у людей нового мировоззрения и роли образования в этом процессе. Вузовская система образования по своему содержанию является отражением текущего и укоренившегося состояния науки и производства, отбирая проверенные практикой гипотезы и теории. Однако, в условиях глобализации, такой консерватизм может снижать скорость и эффективность реагирования на изменения во внешней среде. Поэтому, в настоящее время у вузов появляются принципиально новые функции. Прежде всего, инновационная функция, требующая активного влияния университетов на жизнь людей через инновационную деятельность.

Теоретический анализ

В стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года отмечается, что вузы, и в особенности, университеты на современном этапе обязаны вести не только фундаментальные, поисковые и прикладные научные исследования, но и выполнять опытно-конструкторские разработки, создавать образцы новой техники и технологии, обеспечивать их финансирование, осуществлять коммерциализацию результатов научных исследований ученых, преподавателей и студентов и обеспечивать передачу готовой продукции (технологический трансферт) потребителю [1].

В основе инновационного процесса в вузах лежат новые идеи и возможности, которые возникают как результат, с одной стороны, неудовлетворенной потребности общества в темпах развития; с другой стороны, как следствие лоббирования новых достижений в среде науки и технологии.

Для того, чтобы вуз можно было назвать инновационным, необходимо наличие комплекса условий (организационных, методических, ресурсных), обеспечивающих:

- 1) генерацию идей, проведение функциональных и поисковых исследований, получение патентов.
- 2) организационное обеспечение прикладных исследований, опытно-конструкторских разработок, создания макетных и опытных образцов новой техники и технологии.
- 3) производство инновационной продукции, проведение маркетинговых исследований, передачу готовой продукции на рынок, обеспечение диффузии нововведений (инновации).

Таким образом, современный вуз должен стать не только научно-образовательным центром. Он, в силу развития инновационной деятельности, инфраструктуры ее поддержки, установления тесных связей между учебным, научным и инновационными сегментами закономерно трансформируется в особый вузовский комплекс – учебно-научно-инновационный комплекс (УНИК). Именно наличие такого комплекса позволяет характеризовать вуз в качестве инновационного.

Однако органы государственной власти и субъекты экономической деятельности часто не располагают необходимыми ресурсами для поддержки научных исследований в вузах, не смотря на то, что довольно остро в них нуждаются. Так, по данным журнала «Экономика и жизнь», высшие учебные заведения выполняют только 9,7% инновационных работ [4]. Особенно это относится к инновациям в социальной и культурной сферах, испытывающих хронический дефицит ресурсов. Без поддержки инновационного вуза из средств Министерства образования и науки и региона его стремительное развитие невозможно.

В качестве примера можно привести инновационное развитие Белгородского государственного университета, которое во многом обусловлены такой решающей поддержкой. Только в развитии материально-технической базы было вложено 2,4 миллиарда рублей, из которых свыше 70% профинансировано из средств региона. Таким образом, программа развития БелГУ практически с самого начала приобрела региональное измерение. Гарантом ее реализации выступил Попечительский совет университета под председательством губернатора области Е.С. Савченко.

Но вузы и сами для укрепления своих позиций в ужесточившихся условиях используют многообразные средства, одно из которых – расширение межвузовской кооперации в проведении НИОКР, использовании уникального и дорогостоящего оборудования, высококвалифицированных кадров. Преимущества подобной кооперации заключаются в следующих эффектах: 1) снижение затрат на НИОКР и повышение их эффективности; 2) возможность координации научных работ, устранение дублирования; 3) возрастание гибкости в маневрировании ресурсами; 4) активизация и стабилизация контактов между учеными; 5) прямой обмен информацией между участниками; 6) повышение интенсивности использования экспериментальной базы; 7) возможность проведения междисциплинарных исследований на кооперационной основе.

Наиболее распространенной и гибкой формой организации совместных НИОКР в высшей школе стал университетский консорциум. В развитых странах существуют уже сотни подобных консорциумов, в которые иногда входят не только университеты, но и бесприбыльные организации, и промышленные фирмы. Получают распространение и международные консорциумы – между университетами разных стран. В качестве примера можно привести Приграничный Российско-Украинский университетский консорциум, членом которого является Белгородский государственный университет. Одним из важнейших вопросов при создании университетских консорциумов является выбор форм и методов управления ими, позволяющих оптимально согласовать интересы отдельных университетов. Чаще всего это осуществляется на базе независимого органа управления консорциумом – директората, состоящего из квалифицированных экспертов и осуществляющего определение направлений исследований; распоряжение средствами консорциума, и т.д. Постоянно действующим органам Приграничного Российско-Украинского университетского консорциума является координационный Совет, в который входят по два представителя от Белгородского государственного университета, Донецкого национального университета, Ростовского государственного университета, Таврического национального университета и Харьковского национального университета и представитель Исполнительного комитета Совета руководителей приграничных областей Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины. Приграничный Российско-Украинский Университетский Консорциум ведет разработку совместных образовательных программ на базе традиционных научных школ и ведущих кафедр университетов –

участников для повышения уровня обучения и интегрирования объединенного интеллектуального потенциала в европейское научное пространство. Высшим органом Консорциума является собрание Совета ректоров, в которое входят руководители всех университетов – членов Консорциума. В качестве основных направлений работы Консорциума выделяются: образовательная деятельность; гуманитарная деятельность, а также внешняя (за пределами стран-организаторов Консорциума) деятельность.

Консорциум помогает университетам-участникам реализовать образовательные и научные проекты, масштаб и стоимость которых находятся за пределами возможностей одного университета или даже страны.

Для ведения работ по единой тематике создаются также специализированные исследовательские центры. Развиваются формы кооперации, преследующие более узкие цели – совместные вычислительные центры и др.

В БелГУ, например, создан Центр коллективного пользования – Федерально-региональный центр аэрокосмического и наземного мониторинга объектов и природных ресурсов.

Одно из направлений деятельности ученых, реализуемое на базе этого центра «Региональная модель устойчивой системы «технологических коридоров» для продвижения знаний к рынку в области геоинформатики и ее окружения».

Кооперация в использовании исследовательских ресурсов выходит в настоящее время за пределы не только секторов науки (вузовского, промышленного и т.д.), но и за пределы отдельных регионов и стран. Так, в 2000г. Европейский Научный Фонд выдвинул инициативу «более взаимосвязанного подхода к европейской исследовательской инфраструктуре» – объединения и совместного использования как материальных, так и виртуальных ресурсов, от оборудования до баз данных, которые «должны служить средством скорее партнерства, нежели конкуренции» [2; 5-6].

В БелГУ ученые работают и в этом направлении. Заключено соглашение о сотрудничестве в области научных исследований с Луисвилльским Университетом (США), с Бременским Университетом (ФРГ), с Преторийским университетом (ЮАР).

Однако межвузовская кооперация улучшает использование ресурсов, но слабо решает проблему привлечения новых источников средств. Поэтому вузы сегодня уделяют большое внимание поиску новых механизмов финансирования.

И, прежде всего, они решают эту проблему, устанавливая тесные связи с промышленностью.

Но университеты и промышленность – это две различные сферы общества, с весьма отличающимися друг от друга ценностными установками, мотивационными факторами, движущими силами развития и принципами деятельности. Чтобы две разнородные по характеру сферы вступили в достаточно тесное взаимодействие, недостаточно только мероприятий, предпринимаемых правительством, необходимы мощные внутренние стимулы к сотрудничеству. Эта проблема часто анализируется в зарубежной литературе с позиции спроса и предложения научного и технологического знания, или с позиции «технологического толчка» со стороны университетов и «технологического давления» (или «давления рынка») со стороны промышленности.

В мотивации вузов в данной области, доминируют следующие факторы: а) поиск дополнительных финансовых средств, б) желание увидеть практическое воплощение результатов своих исследований, подтверждение их реальной нужности, в) желание получить экономическую выгоду от реализованной разработки. Препятствуют этому традиционные представления о вузе как о средоточии «чистой науки», свободы научного поиска и открытого распространения новых знаний. Эти взгляды преобладают в классических университетах и практически отсутствуют в технических вузах, что отражает специфику эволюции этих типов заведений.

Взаимодействие университетов и промышленности реализуется через множество различных форм и механизмов, как формальных, так и неформальных. Среди наиболее

развитых формальных механизмов такие, как: частичная занятость профессорско-преподавательского и научного персонала вуза в промышленных компаниях; приобретение промышленностью исследовательского оборудования для вузов; спонсирование промышленными компаниями научных работ преподавателей и студентов; стажировки и подготовка студентами и аспирантами курсовых, дипломных и диссертационных работ на предприятиях; участие предпринимателей в наблюдательном и попечительском советах вуза. Сюда также относится и передача знаний и технологий малым и средним предприятиям через специально созданные для этого компании, вузовские бюро связей с промышленностью, совместные венчурные предприятия вуза с другими высшими учебными заведениями данного региона (иногда и других регионов и даже стран); технопарки и бизнес-центры для начинающих предприятий; выполнение работ по контрактам через ряд связанных с вузом компаний; последипломные магистерские программы; участие представителей местных торгово-промышленных палат в попечительском совете вуза; функционирование под эгидой вуза организаций по оказанию технологических услуг для малых и средних предприятий. Взаимодействие вуза и промышленности реализуется и через участие вуза в ассоциациях работодателей; участие вуза в исследовательских и инновационных проектах и программах международного, национального и регионального уровней; множество неформальных контактов с представителями и организациями промышленности своего и других регионов и стран.

Организовано такое взаимодействие и на Белгородчине. На базе Белгородского Государственного Университета создан Центр наноструктурных материалов и нанотехнологий. На предприятиях Белгородской области уже заинтересовались разработками этого центра. На металлургических предприятиях новая технология позволит менять свойства металлов на атомном уровне – делать их прочнее и устойчивее, в медицине с ее помощью можно будет изготавливать сверхпрочные протезы суставов, которые не будут отторгаться организмом. В ближайшие годы эта технология изменит производство и принесет прибыль ее создателям и университету в целом.

БелГУ включен в общероссийскую инфраструктуру наноиндустрии. На базе университета будет создан научно-образовательный центр, и уже в следующем году вуз дополнительно к основному объему финансирования (он составляет 423 млн. рублей) получит еще 130 млн. для проведения исследований и подготовки специалистов. Вуз стал участником «Приоритетного национального проекта «Образование».

В БелГУ функционирует Инновационно-технологический центр «Стратегическая инициатива», создан бизнес-инкубатор, где могут открыть свои малые предприятия студенты.

В связи с этим возникает проблема открытия новых специальностей в инновационных вузах.

С одной стороны, учебные заведения территориально прикреплены к определенным регионам, готовят специалистов в первую очередь именно для местных отраслей. Так, Белгородские вузы нацелены, прежде всего, на подготовку специалистов для нужд области – учителей, врачей, инженеров для сельского хозяйства, инженеров – строителей, экономистов и юристов и т.д. Но, с другой стороны, существует насущная необходимость и в открытии специальностей будущего, потребность в которых уже есть в крупных научных центрах России и зарубежья, однако на территории Белгородской области они пока еще мало востребованы. Это такие специальности, которые в последние годы активно открываются в Белгородском Государственном Университете: «Наноматериалы», «Медицинская физика», в других вузах области: «Инноватика», «Управление инновациями». Без такого взгляда в будущее, невозможно развитие современного вуза.

Все вышеперечисленные факторы и тенденции не могли не привести к существенным изменениям во внутренней среде вуза, развивающегося в направлении ее усложнения, которое, на наш взгляд, является следствием:

а) усложнения и изменения характера внешней среды (прежде всего растущей интеграцией науки и производства),

б) увеличения в результате этого количества функций, выполняемых вузом в обществе (возникновение «третьей миссии» университета),

в) усложнения внутреннего содержания самих функций (например, углубление междисциплинарного характера образования и НИОКР).

Эти изменения приводят к тому, что современный вуз становится сложноорганизованной системой, что в свою очередь порождает противоречивое отношение преподавателей вуза к инновационным процессам.

Отечественные исследователи противоречий инновационного развития вузов (Константиновский Л.Д., Овсянников А.А., Покровский Н.Е. и др.) отмечают, что в результате внедрения инноваций современные вузы превращаются «... в нечто иное в сравнении с тем, что мы хорошо знаем из прошлого. Если прежде знание, наука опирались на просветительскую картину мира и рассматривались как абсолютная и безбрежная ценность, то отныне возоблададо понятие полезного знания (useful knowledge), т. е. знания, ограниченного в принципе, сфокусированного на конкретике и нацеленного на результат, приносящий немедленную экономическую выгоду. Это приводит к перенастройке основных параметров и всей системы университетского образования, а также влечет за собой развенчание образа ученых (равно и преподавателей) как людей, приближенных к недоступным другим истинам, превращение их в группу экспертов, ничем не отличающихся от других субъектов рыночных отношений. Отныне университет – это не храм науки, а market place в самом широком смысле этого понятия» [3; 22].

В связи с этим фундаментальные знания постепенно вытесняются на периферию, приобретают, если угодно, эзотерический характер, представляя интерес для немногих, и исчезают из учебных программ факультетов. Причем это происходит либо скрыто, под давлением непреодолимых императивов управления учебным процессом, либо вполне открыто – как программа переориентации факультетов на запросы жизни. К активизации этих процессов далеко не в последнюю очередь приводит и резкое возрастание преподавательских рейтингов, и введение многочисленных курсов по выбору. Своими рейтингами и своим выбором предметов студенты в подавляющем большинстве голосуют за «полезные» дисциплины. А это, в свою очередь, ведет к структурным изменениям учебных планов факультетов и кадрового набора преподавателей. Более того, это порождает конфликты между преподавателями кафедр, отстаивающими фундаментальность в образовании и руководителями кафедр, ратующими за изменения.

Все звенья университетской структуры самоопределяются по признакам конкурентоспособности и доходности.

Факультеты, лаборатории, научные центры и даже отдельные профессора рассматриваются теперь под углом зрения того, сколько «доходоприносящих» студентов они смогли привлечь, сколько внешних грантов и дотаций они «внесли в общую копилку», каков их вклад в бренд университета на рынке образовательных услуг.

Обнаруживают себя и новые роли студентов (магистров, аспирантов). «Теперь они выступают в качестве покупателей на рынке образовательных услуг, предлагаемых университетом. И хотя известные дисциплинарные ограничения в отношении студенчества по-прежнему существуют, но по всем позициям изменился статус студентов. Вуз как никогда, оказывается зависимым от своих клиентов – от их запросов, желаний, жизненных целей и даже капризов. «Покупатель всегда прав!» – эта старая истина, пришедшая к нам из мира торговли, громко заявляет о себе и в университетах, и на составляющих их факультетах» [3; 23-24]. Поэтому и от профессорско-преподавательского состава и от управляющих учебным процессом администраторов требуется овладение «мягкими» технологиями и бесконфликтность в отношении со студентами – клиентами. Любые проблематические ситуации, возникающие в учебном процессе, заведомо будут разрешаться в пользу студентов по принципу «Надо делать так, чтобы конфликт не возникал вообще». Да и сам учебный процесс ныне подразумевает новые потребительские качества – доступность и легкую усваиваемость сложных вопросов, создание у клиентов при-

ятного чувства полноты полученного знания, упакованности в красивые формы (игровые методы преподавания, мультимедийность и пр.).

Это особенно проявляется на уровне бакалавриата, несколько сокращаясь в магистратуре и аспирантуре, но в целом оставаясь неизменным принципом построения нового университета. Исключение студента рассматривается как чрезвычайное обстоятельство со всеми вытекающими последствиями. Это потеря клиента. В случае если студент по тем или иным причинам не справляется с учебными программами, ему подыскиваются щадящий режим работы, облегченная программа, дополнительные занятия с преподавателями, но студент удерживается всеми доступными способами, что в свою очередь вызывает негативную реакцию профессорско-преподавательского состава, вынужденного тратить дополнительные усилия на работу с подобного рода «нерадивыми студентами», снижает общий уровень преподавания, делая его доступным для самых слабых.

Такого рода последствия инновационного развития вузов в значительной мере и обусловили ориентацию преподавателей при определении ценности инновации на себя, на свой здравый смысл и профессиональный опыт.

Заключение

Таким образом, инновационное развитие вузов – весьма противоречивый процесс. Эти противоречия проявляются на нескольких уровнях: на экономическом уровне, в сфере управления вузом; в сфере взаимодействия преподавателей и студентов в учебном процессе вуза, на социально-культурном уровне. От того, в какой мере удалось разрешить эти противоречия, зависит дальнейшая судьба инновационного развития вуза: пойдет ли оно дальше высокими темпами, или породит конфликты в коллективе, что приведет к отказу от внедрения инноваций.

Список литературы

1. Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года /Инновации № 7 (84), 2005.
2. The Third Dimension//Innovation and Technology Transfer/ Special Edition, June 2000.
3. Константиновский Л.Д., Овсянников А.А., Покровский Н.Е. Совершенствование социологического образования. Аналитический доклад. М.: Логос, 2005.
4. Экономика и жизнь. 2002, № 14. – С. 2.

SOME PROBLEMS OF THE INNOVATIONAL DEVELOPMENT OF HIGHER SCHOOL

V.B. Tarabaeva

Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: tarabaeva@bsu.edu.ru

The problems of the innovative development of higher school are described. The opportunities of the innovative development of higher school are analyzed. The ways of solving the contradictions of innovative development are given.

Key words: innovative development; contradictions; conflicts; management.

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

УДК 343.721; 343.51

ВЕКСЕЛЬНОЕ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

А.С. Бурцев

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: burtsev@bsu.edu.ru

Данная статья посвящена рассмотрению актуальных проблем связанных с квалификацией такого преступления как фальшивомонетничество. При этом в статье исследуются вопросы отграничения названного состава преступления от мошенничества.

Ключевые слова: фальшивомонетничество, мошенничество, преступление, квалификация преступлений, простой вексель, переводной вексель.

Анализ ситуации, сложившейся на рынке ценных бумаг, показывает дальнейшее развитие процессов его криминализации. Устойчивые тенденции к изменению в структуре и динамике преступности в данном секторе экономики, повышению организованности, профессиональности и интеллектуализации преступной деятельности, появлению новых способов посягательств – все это свидетельствует о выходе преступности на качественно иной уровень. Открывшиеся возможности совершения преступлений, в том числе хищений значительных денежных средств, сделали сферу оборота ценных бумаг притягательной для преступников.

Весьма актуальными и сложными с точки зрения выявления и раскрытия, а также уголовно – правовой квалификации на сегодняшний день являются преступления с использованием векселей.

Отношения, связанные с обращением векселей, регулируются Федеральным Законом от 11 марта 1997 г. № 48-ФЗ «О переводном и простом векселе», Постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 7 августа 1937 г. № 104/1341 «О введении в действие Положения о переводном и простом векселе», применяемым в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации, вытекающими из ее участия в Конвенции, устанавливающей Единый закон о переводном и простом векселе, и Конвенции, имеющей целью разрешение некоторых коллизий законов о переводных и простых векселях (Женева, 7 июня 1930 г.).

С 1 ноября 1994 г. Постановлением Правительства РФ от 26 сентября 1994 г. № 1094 «Об оформлении взаимной задолженности предприятий и организаций векселями единого образца и развитии вексельного обращения» на территории России введены единые бланки простого и переводного векселя. Изготовление векселей осуществляют предприятия, имеющие лицензию Министерства финансов на производство бланков ценных бумаг.

Образец формализованного бланка векселя, как простого, так и переводного, закреплён в Положении о переводном и простом векселе (приложение к Постановлению

ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1937 г. №104/1341), в котором указаны его обязательные реквизиты: 1) «вексельная метка», т.е. наименование «вексель», включенное в текст и выраженное на языке составления документов; 2) простое или не чем не обусловленное обязательство уплатить определенную сумму денег; 3) указание срока платежа; 4) указание места, где должен быть произведен платеж; 5) наименование лица, кому или по чьему приказу должен быть произведен платеж; 6) указание даты и места составления векселя; 7) наименование и подпись векселедателя. Документ, в котором отсутствуют перечисленные реквизиты, не имеет силы простого векселя.

Переводной вексель, в котором отсутствует хотя бы один из перечисленных реквизитов, также не имеет силы.

Вексель является сложным финансовым инструментом и может выступать в качестве: 1) средства платежа; 2) инструмента самокредитования фирм; 3) ценной бумаги, выступающей в качестве инвестиции, а именно выгодного вложения денег; 4) залогового инструмента.

Можно выделить следующие группы векселей, имеющих хождение в стране:

1. Государственные векселя, в частности векселя Министерства финансов РФ, выпущенные для погашения задолженности предприятий агропромышленного комплекса, организаций, осуществляющих завоз продукции в районы Крайнего Севера по централизованным кредитам.

2. Векселя местных администраций. Так, 10 октября 1994 г. было издано распоряжение мэра Москвы № 505-РМ «О системе вексельного кредитования», 14 октября 1998 г. - распоряжение премьера правительства Москвы № 1145-РП «О компенсации убытков организаций и предприятий, связанных с расчетами векселями за выполненные работы и услуги в строительстве», 27 января 1997 г. - постановление главы администрации (губернатора) Калининградской области №79 «О выпуске целевых бюджетных векселей администрации области» и т.д.

3. Векселя, выпускаемые отдельными министерствами и ведомствами). К ним можно отнести, в частности, энергетические, транспортные и другие. Так, 3 апреля 1996 г. Министерство путей сообщения РФ издало указание № А-287 о выпуске переводных единых векселей МПС для урегулирования финансовых взаиморасчетов железных дорог между собой и с МПС.

4. Банковские векселя.

5. Корпоративные векселя (векселя, выпускаемые различными хозяйственными обществами и товариществами).

Анализ материалов уголовных дел свидетельствует о том, что в большинстве случаев противоправные действия связаны с изготовлением полностью поддельных бланков векселей, либо подделкой векселей уже находящихся в обороте.

Наиболее часто подделываются векселя с использованием неподдельных бланков векселей, выпущенных типографией на договорных условиях по заказу той или иной организации, (но впоследствии похищенных), путем внесения в них необходимых реквизитов с соблюдением требований, предъявляемых к векселям, но с подделкой подписей лиц, обладающих правом подписи финансовых документов, внесением заведомо ложных сведений об их выдаче, предыдущих держателях и оттиска печати эмитента (юридического лица, выпускающего вексель), деловая репутация и стабильность положения которого ни у кого не вызывает сомнения. [1, с.48]

Способствует этому и то, что в настоящее время номинал векселя, а также остальные реквизиты впечатываются на лазерном принтере, а не заполняются шариковой ручкой. Подписи зачастую наносятся не собственноручно, а с помощью факсимиле.

Так, например, *Ф. по сговору с Г. приобрели 100 бланков векселей финансового управления Администрации Калининградской области. Затем по ксерокопиям различных оттисков печатей, в том числе и финансового управления, заказали и приобрели поддельные печати, в 23 векселях заполнили титульный лист, индоссаментные записи,*

заверили их оттисками поддельных печатей. Затем они вступили в сговор с С. и Н., чтобы последние реализовали векселя. Для реализации 23 векселя были переданы В., а тот свою очередь передал их для сбыта Д.

Д. из объявлений, размещенных в газете, узнал, что АОЗТ «Сельхозинвест» реализует линолеум. Предварительно приняв меры для изменения внешности (покрасив волосы в черный цвет), Д. направился туда для реализации векселей с паспортом на имя П. и печатью ООО «Ленком». В АОЗТ «Сельхозинвест» он представился начальником коммерческого отдела ООО «Ленком» и путем обмана заключил договор купли-продажи линолеума на сумму 229703467 рублей. В уплату за линолеум от имени «Ленкома» по акту приема-передачи Д. передал поддельные векселя на общую сумму 230000000 рублей. В результате этих преступных действий Д. получил в АОЗТ «Сельхозинвест» линолеум и вывез его на реализацию в Москву.

В случае отсутствия подлинного бланка векселя для его изготовления используется типографическая и копировально-множительная техника, капельно-струйные печатающие устройства. Несмотря на высокую степень защиты ценных бумаг (они печатаются на бумаге высокого качества, содержащей водяные знаки и защитные волокна красного цвета. Краска, которой печатаются серия и номер, обладает магнитными свойствами.), подделки достигают значительного сходства с подлинными. После изготовления бланка векселя преступники подделывают печати и подписи. Так, В Уральский трастовый банк г. Ижевска, с целью получения кредита от имени ТОО «Крона», обратился гр. Д., который предъявил поддельный вексель Сберегательного банка России номиналом 5 млрд. рублей, изготовленный на цветном капельно – струйном принтере.

В Ижевске сотрудниками МВД Удмуртской республики был задержан директор ТОО «Провинция», у которого изъято 11 поддельных векселей Сберегательного банка России на общую сумму 11 млрд. рублей, изготовленных на типографском оборудовании. [2, с.9-10]

В последнее время среди противоправных действий, совершаемых на рынке ценных бумаг, возросло количество преступлений с использованием поддельных простых векселей ОАО «Газпром» серии АА.

Частичная подделка заключается в устранении первичных изображений отдельных реквизитов (например, номер, серия) и в нанесении на подлинный бланк ценной бумаги не соответствующих действительности обозначений и записи об эмитенте (владельце) и индоссанте (держателе) ценной бумаге. [3, с.64]

Пункт 3 Постановления №2 Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. гласит, что «изготовление может осуществляться любым способом, обеспечивающим сходство по форме, размеру, цвету и другим основным реквизитам с находящимися в обращении подлинными денежными знаками или ценными бумагами». Т.е. отсутствие такого существенного сходства поддельного векселя с подлинной ценной бумагой исключает ответственность по ст. 186 УК РФ и предполагает наступление ответственности по ст. 159 УК РФ.

В связи с изложенным особое внимание следует обратить на использование термина «сходство». Государство обладает единоличным правом на эмиссию денежных знаков и выпускает их в оборот в огромных количествах. Вексель же является специфическим финансовым инструментом, используемый в предпринимательской деятельности банков, корпораций и прочих юридических лиц. Если к правоприменителю попадет поддельный денежный знак того или иного достоинства ему достаточно легко будет определить, насколько он схож с подлинным денежным знаком, т. к. образец всегда находится под рукой. В случае с векселем правоприменитель находится в совершенно иных условиях. К сожалению, государство слишком поздно обратило внимание на противоправные действия в сфере вексельных отношений. К этому времени экономика государства уже до предела была насыщена различного рода фальшивками. Только 24 января 1995 г. Правительство Российской Федерации приняло постановление № 78 «О неотложных

мерах по предотвращению подделки бланков ценных бумаг, применяемых в Российской Федерации», в соответствии с которым производимые и вводимые в установленном порядке на территории Российской Федерации векселя подлежали экспертной оценке, а также учету Министерством финансов и Министерством внутренних дел Российской Федерации.

Предприятия и организации, имеющие лицензии Минфина России, были обязаны представлять ежемесячно в этот орган по шесть экземпляров всех изготовленных бланков с приложением сертификата качества. По три экземпляра всех бланков ценных бумаг с приложением сертификатов качества должны были оставаться в справочно-информационном фонде Министерства финансов, созданном на базе ВНИИ Гознака, и по три экземпляра передавались в Министерство внутренних дел, где в экспертно-криминалистическом центре (ЭКЦ МВД России) был создан справочно – информационный фонд ценных бумаг, образцы которого до настоящего времени используются для сравнения при проведении криминалистических исследований поддельных векселей и других ценных бумаг.

Была даже сделана попытка перевести вексель в безбумажную форму. [4]

Таким образом выявить подлинность векселей, запущенных в оборот до 1996 года очень затруднительно, т.к. невозможно установить насколько существенно сходство представленного (предположительно фальшивого) векселя по форме, размеру, цвету и реквизитам с находящейся в обращении подлинной ценной бумагой.

Поэтому введение вексельных центров в таких компаниях, как Газпром, РАО ЕЭС России и других снижает риски от фальшивок до минимума, т.к. вексель, прежде чем принять к оплате в таких центрах всесторонне проверяется. [5; 6]

При этом должно учитываться то обстоятельство, что в соответствии со ст. 144 ГК РФ вексель как ценная бумага очень формализован и несоответствие предъявляемых к нему требований по форме и реквизитам влечет его ничтожность со всеми вытекающими последствиями. В специальной литературе это именуется «вексельной строгостью». [7, с.12]

Как мошенничество (при наличии умысла на хищение) следует квалифицировать заведомо неправильное оформление векселей, не позволяющее их своевременно опротестовывать и получать по ним средства:

- отсутствие наименования «вексель» в тексте документа;
- написание слова «вексель» на иностранном языке, когда сам текст документа составлен на русском языке;
- отсутствие даты составления векселя и подписи векселедателя;
- отсутствие предложения (обещания) уплатить определенную сумму (т.е. того, что определяет само понятие векселя) и т.д.

Связано это с тем, что вексель с неправильно указанным каким – либо реквизитом превращается в документ, лишенный признаков данной ценной бумаги. [8, с.73; 9, с. 42]. Однако зачастую неправильное понятие вексельной строгости влечет за собой практические ошибки. Примером тому может служить дело по спору в связи с векселем, ставшее предметом рассмотрения Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ. Сутью его было определение того, что же является формой векселя, нарушение требований к которой влечет за собой признание векселя недействительным. [10]. Пленум занял ошибочную позицию, установив, что, поскольку вексель является одним из видов гражданско – правовых сделок, в отношении его действуют правила о форме сделок, содержащиеся в Гражданском кодексе РФ. Из этого последовал вывод о том, что неправильное указание в векселе какого – либо из его реквизитов не является дефектом формы векселя. [7, с. 12]

Так же, как мошенничество должно быть квалифицировано изготовление векселей несуществующих эмитентов. В этой ситуации в обмен на имущество и денежные средства передается долговое обязательство организации, которая или никогда не существовала, или ликвидирована. Как правило, в такой схеме главное это звучное наимено-

вание эмитента, которому преступники стремятся придать сходство с известными брендами: «Энергогаз», «Юганск – Инвест» и т.д.

Примечательно, что в середине 90 – х годов были созданы организации, которые ничем более не занимались, кроме выпуска векселей. Эти векселя использовались покупателями для раздувания активов в балансе, поэтому их так и называли балансовыми. Они до сих пор ходят по стране, поскольку отличительными признаками таких «ценных» бумаг помимо громадного номинала является длительный срок их погашения – их выписывали на 10 – 15 лет. Думается, что в данной ситуации составы преступлений, предусмотренных ст. 186 и ст. 158 УК РФ отсутствуют.

Порой преступники стремятся подделать не сам вексель, а проставленное на нем вексельное поручительство (аваль). Если даже на сомнительном векселе стоит внушающий уважение аваль (например, Сбербанк РФ), ликвидность его существенно повышается. Проверить факт его проставления у авалиста довольно сложно. Отличительными признаками подобных векселей является, во – первых, большой номинал, а во – вторых, – явное несоответствие между скромным деловым статусом векселедателя и громким именем авалиста. В описанной ситуации преступник злоупотребляет доверием лица, которому он желает сбыть вексель, т.е. совершает мошенничество.

Распространено совершение преступлений путем подделки индоссаментов, что приводит к неправомерности действий участников вексельного обращения. Лицевая сторона таких векселей, как правило, составлена и заполнена с соблюдением всех предусмотренных законодательством норм, зато на обратной стороне отсутствуют или неправильно записаны реквизиты предполагаемых индоссантов, что делает передаточные надписи (индоссаменты) недействительными. Векселя, в которых индоссаменты недействительны, не могут быть признаны ценной бумагой, так как в силу своих юридических и физических свойств не могут быть переданы от одного лица к другому (т.е. не обладают свойством передаваемости).

Так, Спирина совместно с Быковым в г. Грязи Липецкой области организовала преступную группу с целью завладения имуществом АОТ «Плавицкий ферментный завод», расположенного в Добринском районе Липецкой области, путем использования поддельных векселя и других документов от имени несуществующего ЗАО «Воланд» (г.Воронеж). Целью преступников было получить на заводе продукцию (спирт), «оплатив» ее поддельным векселем.

Спирина и Быков приобрели в г. Москве несостоятельный и неакцептованный, неавалированный переводной вексель Финансово-энергетического союза Министерства топлива и энергетики на сумму 1000000000 рублей, алонже которого имело прерванный индоссамент. На этом векселе сообщники сделали индоссамент, в котором индоссантом указали несуществующее ЗАО «Воланд», а индоссатом – АОТ «Плавицкий ферментный завод». Для оформления векселя Быков заранее приобрел в Воронеже у бывшего директора ООО «Дионис» Яковлева В.В. клише круглой печати несуществующего ЗАО «Воланд».

Указанный вексель был предъявлен в бухгалтерию АОТ «Плавицкий ферментный завод» в оплату полученного на заводе спирта вместе с актом приемки-передачи векселя, в котором подписи от имени директора несуществующего ЗАО «Воланд» и директора АОТ «Плавицкий ферментный завод» выполнены неустановленными следствием лицами. [11]

Поэтому в целях установления факта вексельного фальшивомонетничества правоприменитель должен установить не только соответствие формы, цвета и наличие необходимых реквизитов векселя (в зависимости от того простой он или переводной), но и их подлинность, т.е. существование в реальности (например, сведений указанных в индоссаменте о векселедержателе, трассате). Последнее, является важным, т.к. установление их ложности позволяет вести речь о мошенничестве, а не о вексельном фальшивомонетничестве. На это прямо обращает внимание постановление Пленума ВС РФ от 28 апреля 1994 г. указывая на существенное сходство фальшивки с «...находящимися в

обращении подлинными денежными знаками или ценными бумагами». Здесь уместна аналогия со ставшим уже хрестоматийным случаем, когда злоумышленник искусно изменил номинал 5 – долларовой купюры на 50 – долларовую, оставив на купюре надпись на английском языке о номинале в пять долларов. Кроме того, под портретом президента стояла подпись «Грант», хотя на портрете был изображен президент Линкольн. [12]. В приведенном примере законодатель справедливо квалифицировал действия преступника как мошенничество.

Не следует забывать, что вексель является, прежде всего, средством обеспечения и оформления коммерческого кредита (аванса, предварительной оплаты, отсрочки или рассрочки оплаты товаров, работ, услуг), поэтому, как правило, поддельные векселя используются в качестве залогового инструмента при совершении различных мошеннических сделок, и сбываются в государственных и коммерческих организациях при совершении сделок с продуктами питания, нефтепродуктами и пр. Нередко их сбыт осуществляется по предварительному сговору.

При этом в соответствии с п. 7. постановления Пленума Верховного суда РФ от 14.07.1994 г. «Незаконное приобретение лицом чужого имущества в результате проделанных им операций с фальшивыми деньгами или ценными бумагами охватывается составом ст. 186 УК РФ и дополнительной квалификации по соответствующим статьям, предусматривающим ответственность за хищение, не требует». Вместе с тем данное указание вызывает сомнение в связи с тем, что составом преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ не предусматривается причинение вреда отношениям собственности. Сбыт фальшивых ценных бумаг (в т.ч. векселей) не обязательно связан с противоправным и безвозмездным завладением чужим имуществом (например, сознательное приобретение фальшивых векселей для «раздувания» активов при преднамеренном банкротстве).

Поэтому думается, что если такое происходит, то содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений.

В данной статье отражена лишь часть проблем, возникающих у правоприменителя при столкновении с вексельным фальшивомонетничеством и мошенничеством. Однако их разрешение, несомненно, будет способствовать правильной правовой оценке действий, совершаемых злоумышленниками в сфере вексельного обращения.

Список литературы

1. Сотов А.И. Эти коварные векселя // Ваш налоговый адвокат. 2005. №3.
2. Мишин Ф.А. Иметь вексель – еще не значит иметь деньги. Вестник МВД России // Борьба с преступностью в сфере экономики. – М., 2000.
3. Фирсов Е.П. Расследование изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг, кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов / Монография под науч. ред. докт. юрид. наук, профессора Комисарова В.И. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2004.
4. Постановление ФКЦБ РФ при Правительстве РФ от 21 марта 1996 г. №5 «Об утверждении Положения об обращении бездокументарных простых векселей на основе учета прав их держателей, Положения о сертификации операторов системы обращения бездокументарных простых векселей, Стандарта деятельности участников системы обращения бездокументарных простых векселей» // Вестник ФКЦБ РФ при Правительстве РФ. 1996. №2.
5. Инструкция ЦБ РФ №8 «О правилах выпуска и регистрации ценных бумаг кредитными организациями на территории РФ» // Вестник Банка России. 1996. №46.
6. Письмо Минфина РФ № 05-01-17 «О техническом уровне бланков ценных бумаг, изготовленных в 1996г.» // Финансовая газета. 1997. №18.
7. Ротко С.В. Формализм вексельного обязательства // Банковское право. 2006. №5.
8. Терещенко Е.А. Вексель и вексельное право в Советской России (1921 – 1930): Дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2000.
9. Ефимова Л.Г. Очерк вексельного права // Вексель и вексельное обращение в России. Изд. 2. – М., 1996.
10. Постановление Пленума ВАС РФ от 21 сентября 1994 г. №36 // Вестник ВАС РФ. 1995. №2.
11. В.Д. Ларичев, Е.А. Орлова, В.Н. Токаренко. Преступность на рынке ценных бумаг // Адвокат. 2003. №11, 12.
12. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. №8.

BILL COINAGE OFFENCE: PROBLEMS OF QUALIFICATION

A.S. Burtsev

Belgorod State University, Pobedy str., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: burtsev@bsu.edu.ru

Given clause is devoted to consideration of actual problems connected with qualification of such crime as coinage offence. Thus in clause questions of differentiation of the named structure of a crime from swindle are investigated.

Key words: coinage offence, swindle, a crime, qualification of crimes, the promissory note, the translation bill.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НАЛОГОВОГО ПРЕСТУПНИКА

С.Л. Нудель ¹⁾, Е.Л. Нудель ²⁾

¹⁾ Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: nudel@bsu.edu.ru

²⁾ Славянский государственный педагогический университет, 84116, Донецкая область,
г. Славянск, ул. Батюка, 19

Данная статья посвящена выявлению и изучению основных личностных характеристик налоговых преступников на основании обобщения данных о лицах, осужденных за совершение налоговых преступлений в целом по Российской Федерации и в Белгородской области.

Ключевые слова: преступник, личность преступника, криминологическая характеристика, налоговые преступления.

Под личностью преступника понимается личность человека, умышленно или по неосторожности совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом [8, с.26; 20, с.16], а также «совокупность ее социально значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями (ситуацией) на преступное поведение» [1, с.84].

Как совершенно обоснованно отмечают многие криминологи, изучение личности преступника подчинено выявлению закономерностей преступного поведения, преступности, как массового явления, их детерминации, причинности и разработке научно обоснованных рекомендаций по борьбе с преступностью [9, с.274]. Обобщение данных о лицах, совершающих преступления, типизация этих лиц позволяют точнее прогнозировать динамику преступности, масштабы ее влияния на другие социальные явления и процессы [14, с.248].

Исходя из указанных целей, необходимо выделить социально значимые особенности, свойства или характерные признаки личности преступника. Подход криминологов в этом вопросе довольно разнообразен. Так, например, Н.Ф. Кузнецова при характеристике личности преступника выделяет социально-демографические, социально-ролевые и другие свойства личности преступников [11, с.124-132]. Алексеев А.И. анализ структуры личности преступника проводит по социально-демографическому критерию (пол, возраст, семейное положение, образование, должностное положение); уголовно-правовому критерию (наличие или отсутствие судимости на момент совершения преступления, единоличный или групповой характер преступной деятельности); нравственно-психологическому критерию (потребности, мотивы совершения преступления, ценностные ориентации) [1, с. 84-91].

На наш взгляд, для проведения анализа личности налогового преступника, следует использовать социально-демографические (пол, возраст, место проживания, наличие постоянной работы, наличие судимости), социально-ролевые (гражданство, образование, профессия, занимаемая должность, возможность привлечения сообщников, социальный статус) и социально-психологические (отношение к действующему законодательству и желание соблюдать его нормы, заинтересованность в совершении противоправного действия, субъективно предполагаемая преступником степень риска быть разоблаченным, отношение к понесенному наказанию) характеристики качеств личности преступника [12, с. 166; 13, с. 339-340; 10, с. 277].

Также, на наш взгляд, для выявления комплекса типологических черт современного российского налогового преступника следует представить результаты исследований в сопоставлении с типологическими чертами преступников, совершивших общеуголовные преступления.

При формировании модели личности налогового преступника были обобщены и приняты за основу статистические данные, полученные при исследовании личности налогового преступника за период 1996-1999 годов специалистами научно-исследовательской лаборатории и научно-исследовательского отдела Всероссийской государственной налоговой академии (НИЛ и НИО ВГНА), статистические данные, полученные при исследовании личности налогового преступника за период 1999-2001 годов И.Н. Соловьевым и др. [21, с. 455-480; 24; 16; 15, с. 44-53; 25, с. 84-91; 28] А при формировании модели личности общеуголовного преступника за основу были приняты статистические данные Главного информационного центра МВД РФ [28].

Также нами было проведено аналитико-статистическое исследование личности налогового преступника в Белгородской области. Эмпирической базой исследования послужили 189 оконченных уголовных дел по ст.198, 199, 199-1, 199-2 Уголовного кодекса РФ за период 1999-2006гг., по которым вынесены приговоры суда либо, которые прекращены по нереабилитирующим основаниям.

Социально-демографическая характеристика.

Пол. Можно отметить, что в последние годы наметилась стойкая тенденция снижения доли «мужской» преступности на общеуголовном уровне. Так, за период с начала 1998 по начало 2007 года доля мужчин в совершении преступлений, зарегистрированных органами МВД России, снизилась почти на 3% и составила 84,9%.

Увеличение доли женщин в совершении преступлений (до 40%) отмечается в тех случаях, когда объективная сторона преступления не требует от субъекта применения каких-либо особых физических навыков и умений. К таким деяниям можно отнести часть экономических преступлений, связанных с различными хищениями имущества или противоправным использованием служебного положения [10, с. 278].

Типологические черты личности налогового преступника, совершившего противоправное деяние в налоговой сфере, незначительно контрастируют с приведенными общеуголовными показателями. Так, в настоящее время около 76% (в Белгородской области – 80%) лиц, чьи действия квалифицированы как совершение налогового преступления, – мужского пола. При этом прослеживается стойкая тенденция увеличения доли женщин в совершении данного вида преступлений (с 10% в период 1996-1999гг. до 24% в период 1999-2005 гг.). Данное обстоятельство можно объяснить тем фактором, что мужчины чаще женщин занимают руководящие должности. Женщины среди лиц, совершающих налоговые преступления, традиционно занимают должности, связанные с ведением бухгалтерского учета [27, с. 55].

Возраст. Общеуголовные преступники чаще всего принадлежат к возрастной группе до 29 лет, далее следует группа 30-39 лет, после криминальная активность значительно спадает [1, с.86]. При этом необходимо отметить, что на долю лиц моложе 20 лет приходится около 13% совершаемых преступлений.

Распределение налоговых преступников по возрастным категориям дало следующие результаты: от 18 до 24 лет – 0,64% от общего количества привлеченных к уголовной ответственности по налоговым составам преступления; от 25 до 29 лет – 5,4%; от 30 до 49 лет – 60,7%; от 50 лет и старше – 32%.

Средний возраст налогового преступника составляет около 40 лет (в Белгородской области – 39 лет), что на 16 лет больше среднего возраста общеуголовного преступника.

Столь значительное различие в возрасте среднестатистического общеуголовного и налогового преступников можно объяснить такими факторами: в отличие от общеуголовных, совершение налоговых преступлений требует высокого уровня знаний в экономико-правовой сфере; для получения реальной возможности совершить налоговое преступление человеку необходимо также иметь определенное положение в обществе, опыт работы с финансами, он должен занимать определенные руководящие посты в организации.

Можно отметить, что лица, совершившие различные виды экономических преступлений, как правило, старше 30 лет. Наибольшее сходство налоговых преступников по данным показателям отмечено с преступниками, совершившими таможенные преступления (распределение по возрастным категориям дало следующие результаты: от 18 до 24 лет – 10%; от 25 до 29 лет – 28%; от 30 до 49 лет – 62% [4, с.68]).

Место жительства. Среди общеуголовных преступников около 85% являются городскими жителями. Среди налоговых преступников доля городских жителей выше – ими были совершены 91% (в Белгородской области – 88%) налоговых преступлений.

Данный факт можно объяснить значительно более высоким уровнем экономического развития городов и уровнем предпринимательской активности в них. Тот факт, что количество налоговых преступников из числа лиц, проживающих в сельской местности, в Белгородской области выше, чем в среднем по Российской Федерации, можно объяснить высоким уровнем развития сельского хозяйства в данном регионе.

Наличие постоянной работы. Безработными являются 10% лиц, совершивших общеуголовные преступления. А доля лиц, не имеющих на момент совершения преступления постоянного источника дохода, составила 59,6%. Среди налоговых преступников официально 6,5% являлись безработными.

Наличие судимости. В 2006 году 28,8% преступников совершили преступления уже не в первый раз.

Среди налоговых преступников число лиц, совершивших налоговое преступление, имея уже одну или несколько судимостей, составляет лишь 6% (в Белгородской области – 5%) от общего числа налоговых преступников.

Столь незначительное количество лиц, имеющих судимости, характерно для всех преступлений в сфере экономической деятельности. Так, например, среди лиц совершивших мошеннические посягательства доля ранее судимых составляет 7,02% [18, с. 54], а среди лиц совершивших уклонение от уплаты таможенных платежей – 3% [4, с. 69].

Такое низкое количество лиц, имеющих судимости, среди налоговых преступников можно объяснить наличием высокого социального статуса данной категории преступников, а наличие судимости, как правило, не позволяет его достичь.

Социально-ролевая характеристика.

Гражданство. Число граждан иностранных государств, совершающих любые виды преступлений на территории Российской Федерации, довольно незначительно и составляет 3,5% всех преступников.

Образование. Уровень образованности среднестатистического преступника существенно ниже среднестатистического уровня образования населения России и, как правило, соответствует незаконченному среднему образованию (60% среднестатистических преступников). При этом высшее образование имеют не более 4% [10, с.280].

Говоря об образовательном уровне налоговых преступников, необходимо отметить, что он весьма высок. При достаточно высоком уровне образования лиц, совершающих другие экономические преступления, уровень образования налоговых преступников оказался самым высоким.

	В сфере малого бизнеса [2]	Мошенничество [18]	Таможенные преступления [4]	Налоговые преступления
Высшее	28%	10,53%	35%	64%
Неоконченное высшее	7%	7,46%	24%	
Среднее специальное	32%	32,02%		41%
Среднее	27%	37,72%	-	8,3%
Неполное среднее	6%	12,28%	-	-
Иное	-	-	-	6,7%

Ситуация с уровнем образования налоговых преступников в Белгородской области во многом повторяет среднероссийскую. Так, высшее образование имеют 62% налоговых преступников, неоконченное высшее – 3%, среднее (в том числе среднеспециальное) – 28%.

Столь высокий уровень образования налоговых преступников объясняется тем фактом, что для совершения налоговых преступлений преступник должен обладать определенной квалификацией, в том числе хорошим знанием законодательства, бухгалтерии и другими специальными познаниями.

Профессия. Среди общекриминальных преступников встречаются выходцы абсолютно из всех социальных слоев населения, однако все же среди них преобладают те, чей социально-экономический уровень ниже среднего по России. Доля лиц, имеющих рабочие профессии, среди совершивших общеуголовные преступления составляет 27-30%. Крестьяне совершают до 3% преступлений, а служащие — примерно 23% [10, с. 281].

Среди налоговых преступников, напротив, преобладают те, чей социально-экономический уровень выше среднего по России. Для налоговых преступников свойственны профессии, связанные с интеллектуальной деятельностью. Можно отметить, что предпринимателями (или собственниками) являются 47,2% от общего количества привлеченных к уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений, а служащими – 36,2% и др.

Должность. Подавляющее большинство привлеченных к ответственности за совершение налоговых преступлений составляют руководители организаций – 82,95% (наиболее распространенный тип организации – общество с ограниченной ответственностью), бухгалтеры – 8,4% (более 90% которых составляют женщины), служащие организаций – 4,4%. В Белгородской области – руководители составляют – 79% привлеченных к ответственности, бухгалтеры – 9%.

Создание преступных групп. В Российской Федерации в 2003г. 16,2% преступлений совершается преступными группами.

Среди налоговых преступлений доля групповых составляет менее 10%. Среди участников налоговых преступлений встречаются заместители руководителя организации, кассиры, кладовщики, водители и др. При этом количество лиц, состоящих в группе совершившей налоговое преступление, как правило, не превышает трех человек.

На наш взгляд в действительности доля групповых преступлений среди налоговых преступлений значительно выше, т.к. для совершения налогового преступления, как правило, необходимо участие нескольких лиц: руководителя предприятия и бухгалтера [27, с. 55-58]. Таким образом, в большинстве случаев, лица, уличенные в совершении преступления, сознательно укрывают от правоохранительных органов остальных участников преступной группы (ответственность за преступление, совершенное группой лиц, значительно выше чем за преступление, совершенное единолично); либо же правоохранительным органам не удастся доказать факт соучастия в преступлении некоторых членов преступной группы.

Социальный статус. Официально не состоят в брачных отношениях примерно половина общеуголовных преступников.

Исследование налоговых преступников дает иную картину. Так их высокий социальный статус, помимо высокого образовательного уровня, подтверждается и стабильным семейным положением: 58% лиц на момент расследования налогового преступления состояли в браке, из них 60% имели детей. Среди женщин доля связавших себя узами брака на момент совершения преступления составляет 25% (столь незначительное количество женщин можно объяснить тем фактом, что, как правило, успехов в бизнесе достигают женщины не связанные семейными отношениями); среди мужчин – 61%. Официально находились в разводе 12% налоговых преступников. Налоговые преступления в 63% случаев были совершены лицами, не имеющими ребенка, в 33% – имеющими одного-двух детей, а трех и более – не выше 4% [21, с.476]. Подобная ситуация прослеживается и в Белгородской области.

Социально-психологическая характеристика.

В отдельных работах отечественных криминологов сделан важный вывод, с которым мы не можем не согласиться, что по своим социально-психологическим характеристикам лица, совершающие экономические (в том числе и налоговые) преступления, в меньшей степени, чем другие категории преступников, отличаются от законопослушных граждан [23, с.23].

Отношение к действующему законодательству и желание соблюдать его нормы. Уровень правовой грамотности в современном российском обществе весьма низок. Но для налогового преступника, в отличие от общекриминального, характерно хорошее знание законодательства и, как следствие, использование «пробелов» в нем, для того чтобы избежать ответственности за противоправное посягательство.

Налоговым преступникам, как правило, свойственен правовой нигилизм. Они, как и большая часть населения страны, не испытывают уважения к органам государственной власти и, как следствие, без уважения относятся к издаваемым государственными органами нормативно-правовым актам. Необходимо отметить, что согласно проведенным опросам, около 90% респондентов отметили, что за последние десять лет обществом полностью потеряно уважение к системе действующего законодательства (по данным ВЦИОМ, полученным в сентябре 2000 года).

При этом уклонение от уплаты налогов не рассматривается налоговыми преступниками как преступление. Так, по данным директора Российского независимого института социальных и национальных проблем М. Горшкова, около 45% молодых людей в возрасте до 30 лет относятся с одобрением к уклонению от уплаты налогов. А опрос студентов-юристов показал, что уклонение от уплаты налогов не только не признают преступлением, но и считают нормой 90% опрошенных [6, с.85-86].

Необходимо отметить, что налоговый преступник формируется под воздействием определенных представлений и иллюзий. «Эти иллюзии касаются, прежде всего, неверного представления о том, что умный человек способен пройти по грани, отделяющей закон и преступление, удовлетворив при этом определенные личные потребности. Человек, который попытался реализовать эту иллюзию, рассматривается как герой, достойный уважения и почитания» [22, с.31].

Отмечается, что в процессе совершения налоговых преступлений в отношении преступника к своей жертве (под «жертвой» налоговых преступлений понимается в первую очередь государство) наблюдается устойчивый феномен обезличивания – эффект «нематериальной жертвы». Поскольку преступление ни на кого конкретно не направлено, жертвы в сознании преступника утрачивают свой человеческий статус и становятся неким неопределенным объектом посягательства. Вследствие этого лица, совершившие налоговые преступления, как правило, не относят себя к категории преступников. Они пытаются оправдать свою противоправную деятельность ссылками на то, что факты их деяний – лишь «капля в море», что они не наносят ущерба гражданам, что, по их мнению, совершенные действия, хотя и являются нарушением закона, в современных условиях жизни не могут быть признаны преступлениями [10, с.285-286].

Данные факты интересно объясняет теория аномии, т.е. достижения цели недопустимыми, незаконными средствами. Аномия относится к основным понятиям современной уголовной социологии постиндустриальных стран и в своем первоначальном значении означает «безнормативность». Эта теория исходит из следующей гипотезы. Те, кому истэблшмент не дает шансов достичь легальным путем благосостояния и признанных в обществе престижных целей (реализовать ценностные ориентации), вынуждены стремиться к ним часто посредством противозаконных способов. Эмиль Дюркгейм (родоначальник французской социологической школы права) считал, что во времена социальных переворотов ослабевает чувство ответственности перед коллективом, перед обществом. Прежние нормы и меры контроля становятся неэффективными; в таком состоянии человек не признает ограничений, установленных государством. Он склоняется к выполнению своих притязаний часто противозаконными методами [5, с.198].

Заинтересованность в совершении противоправного действия. В последние годы общественное мнение переориентируется в сторону возрастания стремления к материальному насыщению. Так, основное желание 35% населения страны — добиться достатка, хорошей зарплаты, сытости [26].

Исходя из ориентации общественных ценностей, направленных исключительно на личное обогащение, растет количество противоправных деяний в сфере экономики, в т.ч. налоговых преступлений.

Опрос студентов юридического факультета МГУ выявил, что 52,7% респондентов готовы уклониться от уплаты налогов в целях достижения материальной обеспеченности; 58,1% ради открытия своего бизнеса. Совершить налоговое преступление ради благополучия близких готовы 68,9%, а боязнь нищеты может являться достаточной причиной для совершения подобных действий по мнению уже 71,6% опрошенных [6, с. 85-86].

Показательно, что 53% лиц, совершивших экономические преступления умышленно, имеют склонность к так называемым «завышенным стандартам потребления» [23, с. 21].

Как следствие, мотивом совершения налоговых преступлений выступали корысть (61,9%), другие побуждения — использование сокрытых от налогообложения средств для модернизации производства, выдачи зарплаты работникам и т. п. (38,1%) [17, с.49].

Субъективно предполагаемая преступником степень риска быть разоблаченным. В последнее время отмечается снижение показателей раскрываемости общеуголовных преступлений. В 2006 году он составил около 46% от числа зарегистрированных преступлений.

В соответствии с проведенным ВГНА криминологическим исследованием лицам, совершившим налоговое преступление в силу некорыстной мотивации, назначается более мягкое наказание, чем к совершившим налоговое преступление из корыстных побуждений: лишь 31% некорыстных преступников в сфере налогообложения были приговорены к лишению свободы (69% — к менее суровым видам наказания, предусмотренным ст. 199 УК РФ), тогда как данный показатель среди корыстных налоговых преступников соответствует 93% (при этом преобладает так называемое «реальное» лишение свободы). Из приговоренных к лишению свободы некорыстных налоговых преступников 89% были осуждены условно, оставшиеся 11% подпадали под амнистию, о чем, безусловно, не могли не знать члены суда, принимавшего решение по делу.

Для большинства налоговых преступников совершение налоговых преступлений является само собой разумеющимся действием (порой частью бизнес-плана), совершаемым с заранее обдуманном умыслом, хотя и сопряженным с некоторой долей риска быть обнаруженным. В данном случае под риском может подразумеваться действие (поступок), выполняемое в условиях выбора, когда существует опасность в случае неудачи оказаться в худшем положении, чем до выбора [19].

Необходимо отметить, что среди причин, определяющих уголовно наказуемое поведение, на первое место опрошенные студенты-юристы МГУ поставили отсутствие у потенциальных преступников страха перед уголовной ответственностью из-за неудовлетворительной работы правоохранительных органов. На второе место они поставили надежду на условные меры наказания благодаря связям, подкупам, взяткам. И только 12% опрошенных полагали, что, несмотря на страх перед наказанием, некоторые идут на риск под влиянием тяжелой жизненной ситуации [7, с.64].

Таким образом, риск быть привлеченным к уголовной ответственности, для налогового преступника означает в случае обнаружения преступления, как правило, условное осуждение и обязательство заплатить штрафы и пени, а в противном случае — значительную материальную выгоду. Следовательно, для отличающихся прагматизмом налоговых преступников риск привлечения к уголовной ответственностью незначителен в сравнении с возможной выгодой.

Отношение к понесенному наказанию. Необходимо отметить, что, как правило, признают справедливость и заслуженность наказания виновные в совершении материально выраженных посягательств, связанных с наступлением необратимых последствий

(как, например, убийство, причинение вреда здоровью и т.п.). Зачастую признание виновным той или иной санкции в отношении него совпадает с его раскаянием в совершении преступления.

Так, признают справедливость понесенного наказания 93% несовершеннолетних правонарушителей, совершивших общеуголовные преступления и впоследствии раскаявшиеся в содеянном [3].

Значительно реже признают справедливость и заслуженность наказания лица, чье посягательство не имеет необратимых последствий, а нанесенный ущерб может быть тем или иным образом возмещен (это свойственно в основном для экономических преступлений). Так, по данным И.Н. Соловьева, на предварительном следствии и в ходе судебного разбирательства полностью признали свою вину и раскаялись в содеянном 46% налоговых преступников, частично признали вину – 27% и не признали вину – 29%.

В заключение, подводя итоги анализа личности налогового преступника, можно выделить наиболее распространенный его тип. Это мужчина в возрасте около 40 лет, имеющий высшее образование, проживающий в городе, ранее не судимый, занимающий должность руководителя общества с ограниченной ответственностью, женатый, имеющий детей. При этом для налогового преступника также свойственны правовой нигилизм, завышенные стандарты потребления, ориентация на успех, прагматизм. Также следует отметить, что основные личностные характеристики налогового преступника, совершившего данное преступление в Белгородской области, практически повторяют общероссийские показатели.

Список литературы

1. Алексеев А.И. Криминология: Курс лекций. – М.: ЩИТ-М, 1998.
2. Баранов А. А. Криминологический анализ и предупреждение экономических преступлений в сфере малого предпринимательства: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999.
3. Бочкарева Г.Г. Психологическая характеристика мотивационной сферы подростков-правонарушителей // <http://www.flogiston.ru/arch/pravo.shlml>
4. Гильмутдинова Н.С. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998.
5. Кайзер Гюнтер. Криминология. Введение в основы. – М., 1979.
6. Клочкова А.В. Правовое сознание студенческой молодежи: результаты криминологических исследований // Вестник Московского университета. – Сер. 11. Право. – 1998.- №1.
7. Козлов Ю.М. Кого готовим, господа? // Юрист. 1998. № 7.
8. Криминология / Под ред. Н.В. Кузнецовой, В.Е. Эминова. — М.: Изд-во «Юрист», 1995.
9. Криминология / Под общ. ред. проф. А.И. Долговой. — М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997.
10. Криминология / Под общ. ред. Ю.Ф. Кваши. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002.
11. Криминология: Учебник / Под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. Г.М. Миньковского. – М.: БЕК, 1998.
12. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999.
13. Криминология – XX век / Под ред. В.Н. Бурлакова и В.П. Сальникова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2000.
14. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. – М.: Юрид. лит., 1985.
15. Кучеров И.И. Налоги и криминал. – М.: ГМП «Первая образцовая типография», 2000.
16. Кучеров И.И. Налоговые преступления. – М.: ЮрИнфоР, 1997.
17. Ларичев В.Д., Бембетов А.П. Налоговые преступления. – М.: Экзамен, 2001.
18. Лимонов В. Н. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика мошенничества: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1998.
19. Лиховидов К. Риск как условие дифференциации объема и мер юридической ответственности // Законность. 2001. №12.
20. Личность преступника / Под ред. В.Н. Кудрявцева, Г.М. Миньковского, А.Б. Сахарова. – М., 1975.
21. Налоговое расследование: Экспериментальный учебник для юридических и экономических вузов и факультетов / Под общ. ред. Ю.Ф. Кваши. – М.: Юристъ, 2000.

22. Подольный Н.А. Криминологическая характеристика личности мошенника, совершающего преступную деятельность на рынке ценных бумаг // Следователь. 2002. №5.
23. Рогов И.И. Проблемы борьбы с экономической преступностью (уголовно-правовое и криминологическое исследование): Автореферат дис. ... докт. юрид. наук. – Алма-Ата, 1991.
24. Соловьев И.Н. Криминологическая характеристика личности налогового преступника // Налоговый вестник. №9. 2002.
25. Соловьев И.Н. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов и сборов. – М.: Главбух, 2000.
26. См. Фенько А. Мертвый день календаря // Коммерсантъ ВЛАСТЬ. – 2000. 7 ноября. – №44.
27. Чельшева О.В., Феськов М.В. Расследование налоговых преступлений. – СПб.: Питер, 2001.
28. Официальный интернет-сайт МВД России // <http://www.mvdinform.ru>

THE CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTIC OF THE PERSON OF THE TAX CRIMINAL

S.L. Nudel¹⁾, E.L. Nudel²⁾

¹⁾ Belgorod State University, Pobedy str., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: nudel@bsu.edu.ru

²⁾ Slavyansk State Pedagogical University, Batyuk str., 19, Slavyansk, 84116, Ukraine

Given clause is devoted to revealing and studying of the basic personal characteristics of tax criminals on the basis of generalization of data about the persons condemned for fulfilment of tax crimes as a whole across the Russian Federation and in the Belgorod area.

Keywords: the criminal, the person of the criminal, the criminological characteristic, tax crimes.

ПРИЧИНЫ И ОСОБЕННОСТИ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ. МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЁЖНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ

О.В. Попов ¹⁾, О.О. Попова ²⁾

¹⁾ Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород ул. Победы, 85
e-mail: o_popov@bsu.edu.ru

²⁾ Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород ул. Победы, 85
e-mail: olesya-popova2005@yandex.ru

В статье рассмотрены основные факторы, влияющие на возникновение у определённой части российской молодёжи экстремистских взглядов на важнейшие социально-экономические и политические сферы развития общества. Даны основные характеристики формам экстремизма. Предпринята попытка систематизации мер воздействия на исследуемую проблематику.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистское поведение, типология молодёжных объединений с девиантным поведением, субкультурные организации.

В настоящее время наша страна переживает достаточно сложный период – период нестабильности, социально-экономических и политических противоречий. В условиях сложившейся ситуации неудивительным является факт возросшей экстремистской направленности в поведении населения (*экстремизм* (от латинского *extremus* – крайний) – склонность, приверженность к крайним взглядам и мерам, преимущественно в политике.[1]). Особенно неутешительным представляется распространение данных негативных, разрушительных тенденций в молодёжной среде (в том числе в среде несовершеннолетних). Молодёжь – будущее государства. Этот факт неоспорим. Именно молодое поколение, обладающее поистине огромным жизненным потенциалом, во все времена было деятельностным творцом развития государства по всем направлениям. В этой связи крайне неблагоприятным представляется то, что данная группа населения подвержена такому негативному фактору как экстремизм.

Экстремизм – это приверженность крайним взглядам и мерам, это всегда противопоставление, размежевание и даже борьба. Различаются виды экстремизма: политический, религиозный, национальный, государственный, бытовой, возрастной, поведенческий и др. В сфере политики противоположными по смыслу экстремизму будут понятия умеренности и центризма (то есть экстремистскими следует считать крайне левые или крайне правые силы)[2].

Ни для кого не секрет, что в настоящее время российская молодёжь подвержена экстремистским тенденциям. Страницы газет, журналов, интернет-сайты пестрят сообщениями о происшествиях с участием молодёжных экстремистских группировок. Бьют тревогу учёные: юристы, социологи, психологи и др. Молодёжный экстремизм приобретает поистине угрожающие масштабы. В чём же причина этого крайне негативного явления? Постараемся разобраться, сопоставив различные точки зрения.

Может помочь в исследовании заявленной проблемы существующая теория поколений американских социологов Нейли Хоув и Уильяма Штрауса. В соответствии с данной теорией важнейшими факторами, определяющими мышление, действия поколений, являются не возраст, а среда, в которой человек рос до 10-12 лет (все, что происходит вокруг, человек в таком возрасте оценивает не в категориях «хорошее или плохое», «правильное или неправильное», а как нормальное) и нормы воспитания в семье, воспринимаемые ребенком как абсолютно адекватные. «Так у человека формируются базовые ценности. Они неосознанно проявляются в течение всей последующей жизни, как

отдельного человека, так и целого поколения, влияют на наше поведение» Считается, что в России сегодня сосуществуют пять поколений (а если учесть людей, родившихся на стыке – плюс-минус 3 года от границы поколений – и представляющих так называемые переходные, или эхо-поколения, обладающих характеристиками тех и других, то – все десять): «Дети революции (родились с 1900 по 1923 г.); Молчаливое поколение (с 1923 по 1943 г.); Бумеры (с 1943 по 1963 г.); Поколение X (1963 – 1983 г.р.); Поколение Y (1983 г.р. и младше)». Нас интересуют в рамках заявленной проблематики три поколения: X, Y и переходное между ними эхо-поколение (назовем его Z). Представители Поколения X воспитывались в годы холодной войны и смены коммунизма на перестройку, потом – на демократию, появления СПИДа и наркотиков (для них характерны гибкость, индивидуальность). Представители Поколения Y заботятся о здоровье, для них важна возможность выбора; их детские годы ознаменованы распадом СССР, терактами в прямом эфире (кредо – мода, цель жизни – удовольствия) Понимая условность вышеозначенных характеристик, отметим право на существование такого – системного – взгляда на поколения. Руководствуясь этой теорией, можно объяснить появление экстремизма в молодежной среде, исходя из особенностей исторического периода, в процессе которого происходило становление и развитие этих групп населения. Важны здесь является тот факт, что последние десятилетия для России это время исторического слома, концентрации нескольких «эпох», время перманентной конфронтации. Молодежь в таких исторических реалиях привыкла к состоянию борьбы, воспринимает его как нормальное, и это напрямую отразилось на их формировании как индивидуумов, членов общества, граждан. «Кризис российской семьи – также не новость. Количество неполных семей, количество разводов неуклонно растет. Тяжелая ситуация в стране негативно отражалась на каждом. Агрессия во взаимоотношениях близких стала нормой. Изменилась парадигма отношения к жизни – доминантой стал эгоцентризм (я – все остальные; моя семья – все остальные; моя родня – все остальные; моя нация – все остальные и т.д., и т.п.), а также культ силы и денег. Когда развалилась система воспитания (коллективного, бесплатного, интернационального и др.), телевидение, а затем видео и Интернет заменили воспитателей, родителей и нянь. При этом СМИ, также, борясь за выживание, шли на поводу «рынка», активно преподносили «жесткие уроки жизни». Преобладание негативной информации, сцен насилия, вербальной и визуальной агрессии в репортажах, фильмах, программах и передачах, засилье пошлой культуры и низкого вкуса – через все это, к сожалению, прошли «поколения X, Y и Z». И в этом видятся приверженцам теории истоки современного экстремизма и агрессии в молодежной среде»[2]. С данной точкой зрения, безусловно, нельзя не согласиться. Исторические реалии бесспорно в значительной степени меняют облик поколения. И, если человек с детства видит вокруг агрессию, негатив и т.п., он вольно или невольно начинает воспринимать это, условно говоря, как «руководство к действию». То есть ищет наиболее оптимальную модель поведения, в качестве которой для многих в сложившейся ситуации выступает приверженность экстремистским взглядам.

Но рассмотрим другую, не менее интересную теорию. В качестве исходного критерия при определении причин появления экстремизма в среде молодежи здесь исследуются политические взгляды, политическое сознание молодого поколения, степень поддержки националистов и террористов. Вышеперечисленные факторы рассматриваются в зависимости от их влияния на распространение экстремизма.

Итак, связь различных сторон политического сознания с отношением к экстремистским партиям и движениям представлена в составленной нами таблице.

№		Отношение к экстремистским партиям		
		В чём-то я их поддерживаю	Сам(а) бы в них вступил(а)	Считаю, что их нужно запретить
1	Демократические ориентации:			
	– Я сторонник демократии (Европа);	32,1	3,3	64,6
	– Я за крепкую власть с сильным лидером, но демократическую;	39,6	6,2	54,1
	– Скорее, я сторонник диктатуры	44,4	11,1	44,4
2	Национальные ориентации:			
	– Скорее, я интернационалист;	32,9	3,7	63,4
	– Скорее, я националист	46,4	10,9	42,7
3	Политические симпатии:			
	– Единая Россия;	33,8	2,8	63,4
	– Коммунисты;	65,2	-	34,8
	– ЛДПР;	45,5	7,3	47,3
	– СПС;	35,4	6,2	58,5
	– «Яблоко»;	38,5	7,7	53,8
	– РНЕ;	44,4	22,2	33,3
	– Никакие	34,8	5,5	59,6

Из таблицы можно проследить отчетливую прямую зависимость отношения к экстремистским организациям от демократического выбора респондента. Из приведённых данных следует, что сторонники демократии европейского типа наименее всего поддерживают экстремистские организации; среди них больше всего тех, кто является сторонником запрета этих организаций. И, наоборот, среди сторонников диктатуры экстремизм находит большую поддержку, а за запрет экстремистских организаций выступает относительное меньшинство. Связь экстремизма и национализма также хорошо видна из приведенных данных. Интернационально мыслящая часть молодежи менее склонна поддерживать экстремизм, среди нее значительная часть (63,4 %) выступает за запрет экстремистских организаций. В то же время те, кто обозначил себя националистами, более склонны к поддержке экстремизма. Немаловажно, что принадлежность к молодежным организациям в значительной мере влияет на отношение к экстремизму: члены таких организаций более склонны к поддержке и менее к запрету экстремистских партий и организаций. Более того, среди членов политических молодежных организаций поддержка экстремизма выше, чем среди членов неполитических организаций: так, если из членов политических организаций в чем-то поддерживают экстремистов 38,9 %, то из неполитических – 33,3 %; сами вступили бы в такие организации 22,5 % членов политических организаций и только 12,5 % – неполитических. Отношение к экстремизму также зависит от стремления оказывать воздействие на власть, на положение дел в городе, стране. Это можно проследить на основании данных помещённых в следующей таблице.

	Отношение к экстремистским партиям		
	В чём-то их поддерживаю	Сам(а) бы в них вступил(а)	Их нужно запретить
Являетесь ли Вы членом какой-либо молодёжной организации? – Да – Нет	42,6 37,1	16,4 5,2	41,0 57,7
Хотели бы оказывать воздействие на власть, положение дел в городе, стране? – Да – Нет	42,3 35,4	12,7 7,3	45,0 57,3
Затруднились ответить	29,7	5,9	64,4

Из приведённых данных видно, что среди тех, кто хотел бы вместе со своей организацией оказывать воздействие на власть, процент в чём-то поддерживающих экстремистов значительно выше, чем у тех, кто такого желания не имеет. Примечательно также, что среди тех, кто в чём-то поддерживает экстремистские партии и организации, 49,6 % хотели бы оказывать влияние на власть, тогда как среди не поддерживающих эти структуры хотели бы воздействовать на власть 26,8 %; более того, среди тех, кто сам бы вступил в экстремистскую организацию, доля тех, кто хотел бы влиять на власть, – 59,4 %! Интересна также связь экстремизма с личным отношением к террористам.

1	Отношение к террористам	Отношение к экстремистским партиям		
		В чём-то их поддерживаю	Сам(а) бы в них вступил(а)	Их нужно запретить
1	Им нет оправдания, с ними нужно вести борьбу на уничтожение, им нет прощения	34,0	6,2	59,8
2	В каждом случае нужен особый подход, у террористов может быть оправдание	51,7	6,2	42,1
3	Действия террористов иногда заслуживают поддержки	50,9	9,1	40,0

Изучив приведённые статистические данные, видим, что здесь наблюдается прямая зависимость: чем выше поддержка террористов, тем более положительна оценка экстремистских партий и организаций, максимальна эта связь: среди тех, кто считает, что иногда действия террористов заслуживают поддержки, наиболее велика поддержка экстремистских организаций и готовность вступить в такие организации. С другой стороны, те, кто думают, что экстремистские организации нужно запретить, считают также, что террористам нет оправдания (76,1 %), что логично. В то же время среди тех, кто в чём-то поддерживают экстремистские организации, 31,1 % считают, что у террористов может быть оправдание, а 9,5 % – что они бывают полезными и заслуживают поддержки. То есть наблюдается эффект кумуляции экстремизма и отношения к террористам [3].

Приведём ещё одно представляющее интерес мнение, относительно причин распространённости экстремистских взглядов среди молодёжи. Надо предварительно отметить, что это мнение бытует в значительной степени среди представителей старшего по-

коления. В частности, по мнению председателя правления республиканского "Союза ветеранов Афганистана" Станислава Хахалкина проявлениям экстремизма в Коми (в принципе, и в других регионах страны) приводит отсутствие национальной идеи в молодежной культуре. Господин Хахалкин считает, что «современной молодежи нужны спортивные клубы, музыкальные тусовки, компьютерные центры, и в этой привлекательной для молодежи сфере есть «слэнг» и нет национальной идеи, – говорит он. – Ее нет даже в архитектуре, ежедневно влияющей на людей, – ни истории, ни национальных традиций». Почву для проявлений экстремизма дает и экономическая ситуация. «Материальная и социальная неудовлетворенность требуют выплеска энергии; вспышки, даже нелепые, притягивают молодых – и бездельников, и авантюристов, и желающих разобратся», – указал С.Хахалкин. [4]

Конечно вышеперечисленные мнения, на наш взгляд, не характеризуют в полном объеме все причины проявления экстремизма в молодежной среде. Если обобщить данные этих и других источников, то в качестве основных причин экстремистского поведения молодежи можно выделить:

- ослабление и отсутствие воспитательной работы в школах, училищах, институтах и на предприятиях;
- упразднение массовых детских и молодежных общественных организаций;
- разлагающее влияние средств массовой информации, в первую очередь телевидения, с его пропагандой насилия всех видов, преступности;
- снижение уровня жизни;
- смена подлинных общечеловеческих ценностей ценностями мнимыми суррогатными;
- отсутствие высоких идеалов у молодежи и взрослого населения;
- массовое распространение и доступность для детей и подростков алкоголя и наркотиков;
- уничтожение доступной, демократичной культурно-досуговой сферы, коммерциализация центров досуга, спортзалов, работы музыкальных школ, школ эстетического воспитания, различных кружков и студий;
- массовая безработица;
- общее снижение культурного уровня;
- массовая миграция населения;
- политическая нестабильность;
- ухудшение физического и психического здоровья подрастающего поколения.
- снижение политической активности молодежи, отказ от участия в политических партиях и движениях умеренной направленности.

По сообщению начальника отдела Главного управления по борьбе с организованной преступностью службы криминальной милиции МВД РФ Валерия Комарова в настоящий момент в стране насчитывается около 50 молодежных организаций экстремистского толка [5]. Не стоит забывать, однако, что это лишь официальная статистика. По другим данным таких организаций значительно больше. Говоря об экстремизме в молодежной и подростковой среде необходимо делать упор именно на групповом проявлении данного явления. Подростки и молодежь в силу психологических особенностей возраста нуждаются в повышенном внимании к совершаемым ими действиям и в одобрении этих действий со стороны единомышленников. Эти категории лиц проходят в жизни важный период – период становления. В этот период в человеке закладываются такие фундаментальные качества, которые затем отражаются на его будущей жизни. Так, у подростков к 10 – 12 годам формируются суждения, которые перенимаются от родителей, сверстников, от бытовых ситуаций, свидетелем которых он постоянно бывает и которые самопроизвольно проходят через его сознание и откладываются там в глубине, пока не наступит подобная ситуация в его жизни и он почувствует себя ее хозяином. На основе

этих суждений к 14 – 16 годам у подростка возникают убеждения. Так называемая позиция его взглядов на жизнь, окружающую его среду и общество в целом. На основе суждений и убеждений к 18 – 20 годам возникает мировоззрение, определяющее жизненный путь молодого человека, но сформированное мировоззрение с трудом поддается преобразованию в обществе. Подросток, молодой человек постоянно нуждается в общении, нуждается в гораздо большей мере, нежели взрослый сформировавшийся человек. Именно в процессе общения происходит самовыражение. И, как верно отмечает И.А.Бурмистров, «несовершеннолетние, не приспособленные и не адаптированные к определённым условиям жизни ни в социальном, психологическом, правовом, ни в либо другом плане, ищут своё самовыражение в неформальном общении»[6].

Таким образом, мы выяснили, что членами молодёжно-подростковых групп экстремистской направленности являются, как правило, индивиды, выросшие и воспитывавшиеся в социально неблагополучной обстановке, семьи которых нередко проживают за чертой бедности. Но мы уже отмечали, что среди учёных бытует мнение (с которым также нельзя не согласиться) о том, что нередко «совершаются преступления молодёжью и несовершеннолетними из привилегированных слоёв общества, из богатых семей» [7]. Общим для данных категорий лиц, что способствует их объединению в группы антиобщественной направленности, является, на наш взгляд, то, что они чувствуют себя ненужными обществу, семье, государству. Эти молодые люди хотят хотя бы как-то заявить о себе и объединиться с единомышленниками, дабы совместно противостоять сложной социально-экономической и политической ситуации в стране пусть даже и радикальными методами.

Антиобщественная направленность личности – это система в той или иной степени искаженных взглядов, представлений, негативное отношение к социальным и моральным ценностям, определенный характер потребностей и избираемые подростком в соответствии с его взглядами способы их удовлетворения. У молодых людей с антиобщественной направленностью сознания не выработаны твердые общественно положительные установки; их инстинкты, влечения и рефлексы могут вызвать соответствующее антиобщественное поведение. Как правило, всем экстремистским молодёжным объединениям свойственна антиобщественная направленность, так как, не стоит забывать, эти организации, избирая крайние пути решения проблем, противостоят установленным в обществе нормам, правилам поведения. В данном контексте мы употребляем понятия «антиобщественная группа» и «экстремистская группа» в качестве синонимичных понятий.

В этой связи для нашего исследования особый интерес представляет выделение отдельных видов молодёжных неформальных объединений антиобщественной направленности (субкультурные организации, сообщества), которые обладают определённой видовой спецификой.

Итак, учёными «установлена следующая примерная типология объединений с девиантным поведением и антиобщественным сознанием:

1. Случайная группа, например, затевающая драки на дискотеках, стадионах и в других местах, однако имеющая свои неписанные групповые нормы и ценности. Причем вхождение в случайную группу воспринимается как сигнал об освобождении от социального контроля, как возможность «отпустить тормоза». Кроме того, хорошо известно, что действия, совершенные индивидом, в итоге кажутся ему анонимными, как бы не личными действиями.

2. Ретристская группа. Под ретризмом в социологии и психологии понимается стремление к уходу от действительности, от жизненных трудностей. Крайний вариант ухода от действительности – это суицид. Обычные занятия ретристских групп – бесцельное времяпрепровождение, сомнительные развлечения, токсикомания, наркомания.

3. Агрессивная группа – основана на наиболее примитивных представлениях об иерархии ценностей и минимуме культуры. Она дошла из глубокой древности до наших дней практически в неизменном виде. Характерными особенностями агрессивной груп-

пы являются жесткая иерархическая структура, сильное групповое давление на участников, серьезные санкции за нарушение групповых норм, психологической основой которых является резкое противопоставление: «мы – они» [8].

Разрабатывая меры противодействия экстремизму в молодежной среде, необходимо исходить из целого комплекса причин появления данного негативного явления. Отметим лишь то, что по небезосновательному, на наш взгляд, утверждению С.Л.Сибирякова все отклонения в поведении молодежи (в том числе и распространение экстремизма) «определяются многими факторами, но, если их обобщить, то получим два основных (основополагающих) «полюса влияния» – это семья и общество» [7].

Необходимо также отметить, что в стране до сих пор отсутствует целостная государственная молодежная политика. Для выработки такой программы необходимо объединение усилий ученых и практиков, представителей различных ведомств, в чью компетенцию в той или иной мере входят проблемы молодежи. В настоящее время культурно-досуговая работа с молодежью часто носит спонтанный, бессистемный характер. Зачастую она сводится к организации дорогостоящих массовых культурно-досуговых или зрелищных акций, шоу-программ, гала-концертов, формальных смотров или не имеющих массовой молодежной поддержки фестивалей, других акций, вместо кропотливой, повседневной, индивидуальной работы с детьми и молодежью по месту жительства, учебы или работы. Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о том, что сама молодежь зачастую ощущает свою ненужность обществу и государству, пренебрежение к ней со стороны институтов власти, и это вызывает в ней если не пассивные, то агрессивные настроения. Она все более предпочитает самостоятельный, самоорганизованный досуг, индивидуальные, а порой асоциальные, аморальные его формы. Такое явление способствует развитию негативных тенденций в молодежной среде, разобщенности поколений, оторванности молодежи от государства и противопоставлению ее обществу [8].

На наш взгляд, одно из наиболее действенных направлений противодействия молодежному экстремизму является создание «официальных» детских, молодежных и подростковых организаций, которые должны культивировать в подрастающем поколении такие качества, как толерантность, политико-правовая грамотность, гуманизм, законопослушность и т.п. При этом для этого нет необходимости разрабатывать какие-то новые, ранее не действовавшие концепции. Достаточно просто использовать опыт предшествующей эпохи (имеются в виду пионерские организации), изменив существовавшую систему в соответствии с нынешней исторической эпохой. Радует, что подобные организации постепенно начинают возрождаться на уровне школ, гимназий, лицеев и т.д. На уровне города и области также происходит развитие молодежных общественных организаций. В г. Белгороде и в Белгородской области есть подобные организации. Например, «Новая цивилизация», объединяющая и воспитывающая подростков-лидеров в коллективах.

Список литературы

1. Толковый словарь русского языка: В 4т. Т.4 /Под ред. Проф. Д.Ушакова. – М.:ТЕРРА, 1996. – 752 с.
2. [Эл.ресурсы] <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=910&level1=main&level2=articles>
3. [Эл.ресурсы] <http://antiextremism.narod.ru/text/socpol.htm>
4. [Эл.ресурсы] <http://www.regions.ru/news/1941580/>
5. [Эл.ресурсы] http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_40_aId_143475.html
6. Бурмистров И.А. Сущность и специфика преступлений, совершаемых неформальными группами несовершеннолетних. // Российский следователь. 2000. №6. С.31-35.
7. Сибиряков С.Л. О некоторых истоках современного терроризма и возможных путях его раннего предупреждения. // Российский криминологический взгляд. 2005. №1. С.79-82.
8. [Эл.ресурсы] <http://uprava.iminform.ru/num9st19.html>

**THE REASONS AND FEATURES OF EXTREMISM
IN THE YOUTH ENVIRONMENT.
MEASURES OF COUNTERACTION TO YOUTH EXTREMISM**

O.V. Popov ¹⁾, O.O. Popova ²⁾

¹⁾ Belgorod State University, Pobedy str., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: o_popov@bsu.edu.ru;

²⁾ Belgorod State University, Pobedy str., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: olesya-popova2005@yandex.ru

In clause the major factors influencing occurrence at a certain part of the Russian youth of extremist sights at the major social and economic and political spheres of development of a society are considered. The basic characteristics are given to forms of extremism. Attempt of ordering of measures of influence on an investigated problematics is undertaken.

Keywords: extremism, extremist behaviour, typology of youth associations with девиантным behaviour, the subcultural organizations.

МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Е.Е. Тонков ¹⁾, С.В. Масалыгина ²⁾

¹⁾ Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

²⁾ Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: masalytina@bsu.edu.ru

Рассматривается функциональность механизма управления процессом совершенствования правового режима на постсоветском пространстве, его сущность и структурные характеристики. Осуществляется критический анализ позиций ряда российских и зарубежных авторов, послуживший разработке и обоснованию авторами диспозитивно-личностного подхода, направленного на обеспечение правового режима государства с одновременной защитой прав и свобод граждан.

Ключевые слова: управление, правовой режим, правовой механизм, власть и общество, право и политика.

Содержание управления, как особого вида социальной регуляции, заключается в административно-правовом согласовании интересов различных общностей, слоев, групп, выработке правил и норм, обязательных для исполнения всеми гражданами. Связь управления и основных сфер социальной жизни характеризуется взаимопроникновением. Если же управление утрачивает способность реагирования на социальные изменения в обществе, игнорирует правовые нормы, не может предложить разделяемой большинством граждан программы эффективных действий и преобразований, то постепенно лишается понимания и поддержки населения.

Об управлении, как особом виде деятельности людей в государстве, каждый человек имеет собственное представление, формирующееся на основе жизненного опыта, непосредственного общения с теми, кто причастен к административной «кухне». Ученые, рассматривая сущность и структуру управления, вкладывают в это понятие также самое различное содержание, основанное на его органическом соединении с функционированием правового режима государства. Функциональность управления, его свойство служить обществу не только позволяет воздействовать на различные сферы государственного организма, но и управлять процессом обеспечения и упрочения правового режима государства.

Немецкие философы, рассуждая о праве, соотносили его развитие с процессом управления обществом. Управление прямо связывалось с принуждением правовыми средствами. Воспитательное воздействие принуждения расценивалось особенно высоко, оставаясь в значительной мере на точке зрения этической, естественно-правовой теории государства. Будучи «организацией собственников», основанной на их «договоре», государство сосредоточивает всю власть, декретизирует права и обязанности своих граждан. Для установления равновесия между сословиями и предотвращения социальных конфликтов, для совершенного управления прав всех граждан государственная власть должна активно воздействовать на хозяйственную жизнь.

Полицейский характер воздействия государства является лишь необходимым средством. Политико-правовые учреждения носят, например, у И.Г. Фихте принудительно-воспитательный характер, а цель мировой истории он видел в постепенном воспитании «человечества для более совершенного состояния» [1, с. 28].

Мы вполне разделяем позицию английского юриста М. Шоу, который считает, что «право и политическое управление не должны разделяться. Они пребывают в постоянном тесном взаимодействии. Ни одна из них не может принизить значение другой» [2, с. 57].

В юридической литературе значение термина «право» охватывает все правовые явления.

Так, по мнению Д.А. Керимова, понятие права включает «во-первых, правовые принципы, то есть устоявшиеся основы правового сознания и главные направления правовой политики; во-вторых, правовые предписания, имеющие как нормативный, так ненормативный характер; в-третьих, правовые действия, непосредственно реализующие правовые принципы и предписания, воплощающие их в реальную действительность, в правовую сферу жизнедеятельности общества» [3, с.127].

Нередко право рассматривается в трех формах – в форме правосознания, в форме правовых норм и в форме общественных отношений, порождающих правовые нормы и, в свою очередь, испытывающих воздействие этих норм. Сегодня является общепризнанным, что право и политика весьма важны для основных направлений деятельности современного либерального государства (политических процессов и процедур, социального контроля и режима легитимации).

Как отмечает А.В. Хованская, «дихотомия «режим – граждане» может быть устойчивой только за счет принципа паритетности: безопасность и гарантии личностной реализации сопровождаются добровольными уступками граждан (личной свободы) ради сохранения данного режима» [4, с.176].

Некоторые авторы (Ю.В. Голик, А.И. Коробеев, А.В. Усс) справедливо полагают, что государство определяет основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования законодательства, практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений [5, с. 134-137].

Думается, что, несмотря на столь подробный перечень характеристик, содержание понятия управления процессом обеспечения правового режима значительно шире и во многом определяется деятельностью органов государственной власти и государственного управления, функционированием партий и других общественных организаций, инициируется их интересами и целями.

Властно-управленческий аппарат со временем своего развития становится основной причиной социально-экономической инерции общества. Групповые интересы аппарата наиболее явно выражены в его бюрократизации. Как считает В. П. Макаренко, «конфликты аппарата с обществом исходная характеристика бюрократии» [6, с.93].

Истоками ее генезиса служат, как правило, типичные реакции аппарата на явления социальной жизни. Многие из них зависят от структуры общества, в котором формируются группы с разными целями, и могут быть вызваны различным социально-экономическим статусом, вероисповеданием, возрастом, местом жительства, половым различием. Разные причины социальных бед общества часто раскрываются, когда спорный политический вопрос связан с принятием закона, затратой денег или одновременно с тем и другим.

Вместе с тем, по словам Н.И. Матузова, «взаимодействие права и политики может быть вполне продуктивным; для этого нужно уметь всякий раз находить оптимальный баланс между ними» [7, с. 29]. Одновременно он резонно подчеркивает и то, что «правоохранительные ведомства по определению не могут стоять вне политики, быть политически «невинными».

Обеспечивая противодействие преступности, правоохранительные органы в первую очередь реализуют государственную политику, претворяют в жизнь те юридические предписания, в которых выражается политическая воля государства. Таким образом, право и политика не делимы и взаимообусловлены. Право представляет собой средство осуществления политики. Проблема власти в общественных науках издавна трактуется неоднозначно. Например, Т. Парсонс сравнивал власть с институтом денег: и то, и другое выполняет объединяющую, интегрирующую функцию в обществе. В ином подходе власть рассматривается как социальное отношение, асимметричное по сути, где один из участников имеет больше возможностей и прав влиять на другого. Власть неиз-

менно дает преимущества тем, кто оказывается близок к ней, держит ее в своих руках. Только властью определяется право на принятие авторитарных решений и использование законных мер принуждения по их реализации [8, с.71-75].

Возможность принуждения рассматривается как один из важнейших признаков власти. Как отмечал М. Вебер, власть – это способность осуществлять свою волю вопреки сопротивлению, в том числе, путем принуждения или угроз принуждения [9, с.53].

Сформулированный М. Вебером формально-рациональный тип права, который базировался на презумпции внутренней согласованности массива позитивных норм, содержащихся в отраслевых кодексах, доминировал в западном обществе до второй половины XX века. Он выделяет власть традиционную, легитимную и харизматическую, что отражает некоторые черты исторического процесса развития власти, определяющую роль традиций в ее функционировании, значение субъективного восприятия власти гражданами персонального момента в ее осуществлении.

Борьба по поводу завоевания лидирующих позиций во властных структурах распространена в любом обществе. Она не возникла с приходом рынка на российскую землю, а существовала и при так называемом развитии социализме. Изменились только формы противостояния, так как они определяются политическим режимом. Существование отношений власти в любом обществе состоит в том, что властная воля субъекта власти носит определяющий характер (доминирует) в отличие от другой стороны отношения (объекта власти), являющейся адресатом властной воли с требованием и установлением обязательства подчинения и его реальным исполнением.

Т.А. Эндикотт называет управление произвольным, если оно обладает следующими чертами: воплощает ничем не ограниченную волю управляющих, решает сходные дела по-разному, непредсказуемо (и в этом смысле противоположно господству права). Вместе с тем, неограниченность воли управляющих, непоследовательность и неопределенность не обязательно приводят к произвольности управления. Правление произвольно в том случае, если действия управляющих расходятся со смыслом закона, выраженным в его принципах. Правительство использует право как один из инструментов реализации своей воли [10, с.312-330].

Власть органически связана с организацией общества, в которой структурно закреплён статус доминирования воли одной из сторон властеотношения. Для власти характерно использование особой системы и совокупности методов, посредством которых обеспечивается проведение воли субъекта. Принуждение и убеждение (добровольное подчинение) характеризуют проявления власти в любом обществе, но существование отношений власти состоит в их конкретном соотношении. В качестве имманентного признака власти выступает ее обусловленность социальными нормами, на которых власть основывается и осуществлению которых она служит.

Французский философ Р. Баррен отождествляет понятия власти и управления [11, с. 15].

На наш взгляд, такая постановка вопроса, не совсем верна с точки зрения формальной логики. Власть является одним из методов управления, его специфической формой, особым средством. Дифференциация понятий власти и управления отражает исторический процесс разделения их функций, который приводит к возникновению особой организации власти, обладающей новыми качествами и свойствами. Диалектическая взаимосвязь этих понятий обуславливает перерастание организации власти в организацию управления, что, однако, не означает их слияния в силу несовпадения содержания и объектов.

По мнению Ю.А. Тихомирова, «нельзя не учитывать творческий, организующий характер власти, ее громадный авторитет и идеологический потенциал, наконец, многообразие форм и методов осуществления власти» [12, с.23].

Власть как статическое состояние, при котором статус доминирования воли строго закреплён за одной стороной и выражен императивно, отличается от управления как

динамического процесса обмена информацией, предоставляющего возможность диспозитивности, то есть свободы выбора.

Хотя, как справедливо подчеркивает С.А. Авакьян, «постсоциалистические концепции современного общества в основном отрицают классовую теорию ... однако в принципе все признают наличие «социальных», «общественных» сил, выражающих разные интересы» [13, с. 5].

Современное состояние исследований проблем управления характеризуется пестрым многообразием методологических, методических и процедурных подходов. На наш взгляд, основой обеспечения правового режима в государстве является эффективное управление, которое предполагает осмысление того, каково соотношение политики и права, чем вызываются и под влиянием каких детерминант возникают проблемные ситуации, каковы их основные типы, политические, правовые, педагогические, социально-психологические, культурологические, экономические и другие параметры, что содействует или препятствует предупреждению негативных противостояний.

В процессе управления возникают многочисленные виды отношений, которые нецелесообразно все без исключения трактовать как отношения власти. Различается потенциальная возможность и действительность возникновения отношений власти в процессе управления, при котором редко удается избежать конфликтов. Без обстоятельного изучения природы управления трудно представить эффективную организацию деятельности властных структур в обществе.

Отечественными исследователями сформирован базис понимания основных особенностей и эвристических возможностей личностно-деятельностного подхода к общественной реальности. С его помощью осуществлен весьма широкий и разносторонний социально-философский и частнонаучный анализ деятельной сущности личности, структуры человеческой деятельности, раскрыты специфика способа социального бытия и функционирования различных общественных сфер, социальный детерминизм и механизм действия социальных законов, своеобразие управленческих, образовательных, воспитательных процессов.

Сущность методологической позиции состоит в том, что она ориентирует на исследование феномена управления как диалектически противоречивого процесса субъект-объектных и субъект-субъектных отношений и на такой почве позволяет осмыслить конкретные типы, виды, формы социально-политической и правоохранительной деятельности, выявить ее основные детерминанты, взаимосвязь объективных и субъективных факторов.

При определении специфики управления следует выделять ряд условий, свидетельствующих о его сущностной направленности:

- целью управления является изменение каких-либо характеристик организации в целом или отдельных ее подразделений;
- используемые при этом средства носят организационный характер;
- результатом управления оказывается изменение организационных параметров (характеристик);
- в качестве объекта и предмета процесса управления выступают организационные характеристики.

Таким образом, исходя из перечисленных условий, можно сделать вывод о том, что управление непосредственно связано с деятельностью людей в обществе и направлено на изменение каких-либо характеристик общества при помощи организационных средств.

Учитывая, что общество представляет собой систему координируемой государством деятельности людей для достижения определенной цели, сам процесс координации всегда наполнен противоречивым содержанием из-за несовпадения взглядов, оценок, статусов и других параметров.

У. Мастенбрук рассматривает организации, создаваемые в государстве, как «сети организационных субъединиц, взаимосвязи и взаимоотношения между которыми характеризуются сочетанием сотрудничества и конкуренции (люди, испытывая взаимозависимость, преследуют в то же время личную выгоду)» [14, с.14]. Поэтому эффективное управление – это, во многом, умелое управление взаимозависимостью.

Как отмечает Д. Пфедфер, «спор и соперничество между организационными структурами представляет собой спор и соперничество за власть. Однако этот спор и соперничество в вопросах приоритета не являются неограниченными и беспредельными. Ограничения устанавливает взаимозависимость вовлеченных в спор сторон. В конце концов, сущность организаций заключается во взаимозависимости между взаимодействующими группами» [15, с.181].

Проблема правовых ограничений в области управления противодействием наркотизации комплексная и включает в себя не только правовые, но и политические, экономические, нравственные аспекты. Это обусловлено комплексным пониманием содержания управления. Оно включает в себя совокупность мер нормативно-правового, организационного, социально-экономического, воспитательно-педагогического характера.

Мы разделяем мнение А.В. Малько, что теория правовых ограничений «должна базироваться на информационно-психологическом и инструментальном подходах, имеющих более широкий выход на различные аспекты действия права» [16, с.89]. Под правовым ограничением он при этом понимает «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите... установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц» [16, с.91].

Как считал И.А. Ильин, «ограничивая свободу каждого известными пределами, закон обеспечивает ему зато беспрепятственное и спокойное пользование своими правами, т.е. гарантирует ему свободу внутри этих пределов. Свобода каждого человека простирается лишь до той границы, от которой начинается свобода других людей. Стремясь установить эти границы, закон содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился порядок, основанный на свободе» [17, с.96].

Развивая эту идею, мы сочли возможным предложить диспозитивно-личностный подход, т.е. совокупность принципов и методов правового регулирования, означающую, что в ходе управления процессом обеспечения правового режима государства гражданам в пределах установленных правовых ограничений обеспечиваются условия для реализации собственной социально-правовой активности и возможность свободно распоряжаться своими правами, психологическими и материальными ресурсами при выборе форм целесообразного поведения.

Правовые ограничения не только устанавливают границы субъективных прав, но и определяют ту нишу, в пределах которой человек может свободно действовать и развиваться как личность в случае правомерного поведения. При этом он самостоятельно избирает формы и методы достижения как лично значимых, так и социально полезных целей. Как известно, термин «диспозитивность» образован от латинского *dispositivus*, означающего право участников договора или процесса действовать по своему усмотрению.

Диспозитивный – это «допускающий выбор». В центре внимания данного подхода, с одной стороны, находятся цель и организационное обеспечение процесса управления, а с другой – правосубъектность структур и граждан, включенных в систему функционирования правового режима государства. Диспозитивно-личностное регулирование правоотношений предполагает, что участники находятся в равноправном положении, наделяются правом выстраивать свои взаимоотношения на взаимовыгодных (эквивалентных) условиях.

При этом «правомерное ограничение прав человека государством имеет цель поставить преграды на пути произвольному обращению с правами других субъектов» [18, с. 170].

Диспозитивно-личностный подход предполагает перенос диспозитивных правоотношений, традиционно присущих частноправовым отраслям права, в публично-правовую сферу, когда субъект, наделенный властными полномочиями, является государственным органом и наделен правом издания односторонне-властных предписаний, адресованных другому участнику. Государство предоставляет возможность участникам диспозитивно-личностных отношений выбирать для себя наиболее приемлемый вариант поведения, ограничивая этот выбор только требованиями соблюдения законности.

Ограничение прав осуществляется путем прямых запретов использования некоторых из них, а также посредством исключения какого-либо правомочия из содержания конкретного права или же установлением специального порядка реализации такого права. Институт ограничения прав включает нормы конституционного, административного, гражданского и других отраслей права, регулируя отношения власти и подчинения в обществе.

Государство и общество рассматриваются нами как равноправные партнеры в процессе обеспечения правового режима и, следовательно, как участники диспозитивных правоотношений. Фактически каждая отрасль права использует оба метода (императивный и диспозитивный), то есть всегда, как замечает С.П. Маврин, «имеет место их сочетание, которое, правда, характеризуется преобладанием императивных или диспозитивных начал, обусловленных природой регулируемых отношений» [19, с.208].

Содержание феномена свободы личности нельзя раскрыть на основе только объективного материального бытия, так как действительный смысл свободы обнаруживается в диалектике объективного и субъективного. Объективное содержание свободы обусловливается как отношением управляющего субъекта к объекту, так и всей совокупностью управленческих взаимодействий.

Субъективный момент в содержании свободы характеризуется тем, что отражение является в данном случае свойством объекта, выступающего одновременно в качестве субъекта самопознания и саморазвития. Именно субъективный момент, включая в себя познанную необходимость, становится предпосылкой упрочения правового режима. Поэтому особую актуальность данный подход приобретает в период развития в России гражданского общества, рассматриваемого как система внесударственных общественных отношений, институтов, которая формируется на основе реализации принципов индивидуальной свободы, правового равенства граждан, их самодеятельности и самоорганизации. Конструкция диспозитивно-личностного подхода определяется тем, что отношения, возникающие в процессе управления, представляют собой единство объективного и субъективного, являясь как результатом осознанных действий участников, так и следствием объективного развития ситуации, направленной на совершенствование и упрочение правового режима современного государства.

Список литературы

1. Вейнгольд Ю. Ю. Право как социологическая категория. – Фрунзе, 1962.
2. Shaw M. N. International Law. Third Edition. – Cambridge, 1991. – P. 57.
3. Керимов Д.А. Право и государство (Опыт философско-правового анализа). – М., 1993.
4. Хованская А.В. Суды в динамической правовой системе // Правоведение. – 2004. – № 1.
5. Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. – Красноярск, 1991.
6. Макаренко В. П. Групповые интересы и властно-управленческий аппарат: к методологии исследования // Социс. – 1997. – №7.
7. Матузов Н.И. Право и политика в их взаимодействии / Российская правовая политика: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Издательство НОРМА, 2003.
8. Parsons T. An Outline of Social System // Theories of Society, 1962. V.2. P. 71-75.
9. Weber M. Wirtschaft und Gesammelte. Tub., 1922. – P.53.

10. Endicott T.A. Impossibility of the rule of law // Oxford j. of legal studies. – 1999. – Vol. 19, № 2. – P. 312-330.
11. Barrain R. Dictionnaire de droit. – Paris, 1967. – P.15.
12. Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. – М.: Наука, 1972.
13. Авакьян С.А. Общество как объект конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. – 2004. – № 2.
14. Мастенбрук У. Управление конфликтными ситуациями и развитие организации / Пер с англ. – М.: ИНФРА-М, 1996.
15. Pfeffer J. Organizational design. Arlington Heights, Ill.: publishing Corporation, 1978. – P.181.
16. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. – М.: Юристъ, 2003.
17. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. – 1992. – № 3.
18. Гасанов К.К., Стремоухов А.В. Абсолютные права человека и ограничения прав // Правоведение. – 2004. – № 1.
19. Маврин С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. – 2003. – № 1.

THE MECHANISM OF MANAGEMENT OF PROCESS OF PERFECTION OF THE LEGAL REGIME OF THE MODERN STATE

Е.Е. Tonkov ¹⁾, S.V. Masalytina ²⁾

¹⁾ Belgorod State University, Pobedy str., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod State University, Pobedy str., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: masalytina@bsu.edu.ru

Functionality of the mechanism of management by process of perfection of a legal regime on the post Soviet space, its essence and structural characteristics is considered. The critical analysis of positions of some the Russian and foreign authors, served to development and a substantiation authors approach directed on maintenance of a legal regime of the state with simultaneous protection of the rights and freedom of citizens is carried out.

Keywords: management, a legal regime, a legal mechanism, authority and a society, the right and a policy.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА СОБСТВЕННОСТИ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 347.131

ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В СОВРЕМЕННОМ ЖИЛИЩНОМ ПРАВЕ

Е.Ю. Бакирова

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: bakirova@bsu.edu.ru

Определено место юридических фактов в правовом регулировании жилищных отношений. Рассмотрены виды юридических факты, которые легли в основу различных классификаций, разработанных видными цивилистами, определены критерии классификации. Показано соотношение видов юридических фактов в гражданском и жилищном законодательстве, особое внимание уделено новому Жилищному кодексу РФ. На примере регионального законодательства показана важность правильного определения вида юридического факта.

Ключевые слова: юридические факты, категории классификации, виды классификации, жилищные отношения, гражданские правоотношения.

Считается, что впервые выделил несколько видов юридических фактов в юридической науке Ф.К. Савиньи [1]. Речь идет о таком подразделении юридических фактов, согласно которому из всей их системы выделяются события и действия, а действия в свою очередь разграничиваются на поступки и волеизъявления, причем последние подразделяются на односторонние и двусторонние. Указанная классификация стала традиционной, прочно вошла во все учебники и используется до настоящего времени [2].

Позднее классификация, предложенная Ф.К. Савиньи, была дополнена специальным указанием на действия, противные нормам права или правонарушения [3]. Затем, в самостоятельную группу были выделены фактические составы [4].

Указанный выше критерий классификации юридических фактов в жилищном праве воспринят разработчиками нового ЖК РФ, как в своё время это было сделано в ст. 8 ГК. В частности, в статье 10 ЖК РФ в качестве оснований возникновения жилищных правоотношений (прав и обязанностей) названы основания, предусмотренные Кодексом, другими федеральными законами и иными правовыми актами, а также действия участников жилищных отношений, которые хотя и не предусмотрены такими актами, но в силу общих начал и смысла жилищного законодательства порождают жилищные права и обязанности. При этом далее дается перечень оснований возникновения жилищных прав и обязанностей, последними в котором именуются «действия (бездействие) участников жилищных отношений или наступление событий, с которыми федеральный закон или иной нормативный правовой акт связывает возникновение жилищных прав и обязанностей». В этой связи в цитированных положениях содержится явное логическое противоречие: если абзац 2 п. 1 статьи 10 предусматривает в качестве оснований возникновения жилищных правоотношений действия граждан и юридических лиц, которые

не только предусмотрены законом или иными нормативными правовыми актами, но и вытекают из смысла общих начал жилищного законодательства, то в пункте б уже говорится только о действиях, предусмотренных законом или иными нормативными актами. При этом аналогичная норма ГК указывает лишь, что только предусмотренное законом событие (а не действие) может повлечь возникновение гражданских прав. Однако, несмотря на явные технико-юридические недостатки этой статьи, следует отдать должное самому факту ее существования в новом жилищном законодательстве. Само по себе закрепление в законе хотя бы примерного перечня оснований возникновения жилищных правоотношений – явление, несомненно, прогрессивное.

По поводу волевого критерия классификации юридических фактов Е.Н. Трубецкой в своё время указывал, что все факты, как зависящие, так и не зависящие от человеческой воли, «...могут быть согласованы или не согласованы с правом. Стихийные силы природы не могут совершать правонарушения, но они могут производить так называемые неправомерные состояния, т.е. создавать положения вещей, противоречащие праву. Другая группа фактов, не зависящих от воли, не способна создавать правомерные или неправомерные состояния, но вызывает право». К этой последней группе фактов автор относил, в частности, смерть, пожар [5]. Все юридические факты, зависящие от воли человека, Е.Н. Трубецкой делил на правомерные и неправомерные. Последние, по его мнению, способны вызывать возникновение нового права: притязания на восстановление нарушенного права. Интересно, что все правомерные юридические факты он делил на частноправовые и публично-правовые, понимая под последними акты-распоряжения.

Видимо, под правомерными юридическими фактами автор понимал то, что в современной правовой литературе названо правомерными юридическими действиями. Как известно, они также подразделяются на два вида: юридические акты и юридические поступки. Разумеется, деление на частно-правовые и публично-правовые может относиться к юридическим актам. Судя по тому, что под публично-правовыми юридическими фактами автор понимал, в частности, акты-распоряжения, критериями такого разграничения вполне могли быть как субъекты, совершающие соответствующие акты, так и содержание самих актов. Более надёжным критерием такой классификации представляется сам характер такого акта, т.е. его содержания, поскольку публично-правовые образования могут, выступая в гражданском обороте на равных началах с другими субъектами, вступать в частно-правовые отношения, которые могут возникать на основании договоров как классической модели акта частно-правового характера. Не касаясь достаточно спорных в рассматриваемом аспекте отношений по социальному найму, можно сослаться на договоры коммерческого найма, которые владелец государственного жилищного фонда может заключать через свои органы.

Вполне применимо к жилищному праву деление юридических актов на односторонние и двусторонние. Примером первых может быть заявление гражданина о постановке на учёт для предоставления жилого помещения в порядке социального найма, о предоставлении субсидии на приобретение или строительство жилья, субсидий или компенсаций по оплате жилья и коммунальных услуг и т.п. К числу односторонних актов относятся решения органа государственной власти или органа местного самоуправления по указанным вопросам. Акт будет считаться односторонним, независимо от того, принято решение коллегиальным или единоличным органом. К числу двусторонних юридических актов в жилищном праве относятся названные выше договоры, договор об обмене жилых помещений.

По традиции юридические акты принято делить на акты, совершаемые самими участниками правоотношения, примеры которых проводились выше, акты федеральных органов исполнительной власти, акты органов исполнительной власти субъектов РФ, акты органов местного самоуправления, а также решения суда, которое порождает, изменяет или прекращает жилищное правоотношение, например, решение суда о разделе жилого помещения и т.п.

По мнению Е.Н. Горюновой, юридические факты могут быть классифицированы также по способу их совершения, или по способу закрепления. К ним относятся факты, совершаемые путём молчания, в устной форме, в частности, путём совершения конклюдентных действий, в письменной форме и др. [6]. Понятно, что это можно применить лишь к юридическим актам, причём только к одному их виду: к сделкам. С другой стороны, вряд ли правильно обозначать такое поведение термином «конклюдентные действия», который имеет узко специальное назначение и употребляется только для характеристики формы сделок.

Достаточно нетрадиционным является выделение в системе юридических фактов ничтожных и дефектных фактов [6]. К сожалению, автор не поясняет, что он понимает под дефектными фактами. Возможно, речь идёт о том, что лицо, совершающее правомерное юридическое действие, по всей видимости, юридический акт, не получает того правового результата, который было намерено получить, т.е. юридические последствия наступили, но не те, наступление которых лицо предполагало. Такой «дефектный» факт по своей природе скорее всего является оспоримой сделкой, как правило, совершённой под влиянием заблуждения относительно природы сделки или тождества либо таких качеств её предмета, которые значительно снижают возможности его использования по назначению (п. 1 ст. 178 ГК РФ). В жилищной сфере такие дела могут встретиться при обмене жилых помещений или при заключении договора дарения жилого дома, квартиры или иного жилого помещения вместо договора о пожизненном содержании с иждивением. Такие сделки могут быть признаны недействительными по иску лица, находящегося в состоянии заблуждения, независимо от того, при каких обстоятельствах и по чьей вине оно было введено в заблуждение: по своей собственной вине, по вине другой стороны в сделке, если она не была умышленной, или по вине третьих лиц. Учитывая, что при признании недействительным по этому основанию договора обмена жилых помещений недействительными признаются все последующие договоры обмена, высшие судебные инстанции СССР и РСФСР ориентировали суды на то, что основанием для признания обмена недействительным ввиду обнаруженных после совершения сделки и вселения в жилое помещение скрытых недостатков иск подлежит удовлетворению лишь в тех случаях, когда эти недостатки, касающиеся жилого помещения (строительные недостатки) являются существенными и неустранимыми вообще или обычным способом, либо когда их устранение связано с большими затратами. При этом, как справедливо отмечается в правовой литературе, презюмируется воля лица на приобретение жилого помещения без недостатков [7]. Разумеется, недостатки должны быть скрытыми, т.е. такими, которые при обычном осмотре помещения невозможно увидеть невооружённым глазом. При проведении судебной экспертизы эксперт должен описать дефект и указать его место нахождения, так как по этим данным суд оценивает характер дефекта: относится ли он к числу явных или скрытых недостатков. Если, к примеру, дефект скрыт под обоями, то вопрос об удовлетворении иска о признании договора обмена недействительным суд решает в зависимости от физических возможностей истца распознать дефект, его жизненного опыта и т.п. [8]. Что касается «ничтожных фактов», то они потому и являются ничтожными, что не порождают с самого момента их возникновения никаких юридических последствий, т.е. не имеют юридической силы.

Но такие факты уже не являются юридически значимыми, т.е. юридическими фактами, а потому включение их в систему юридических фактов не только лишено какого бы то ни было практического смысла, но и юридически некорректно. Правда, необходимо оговориться, что хотя ничтожная сделка (а судя по всему, именно её автор имел в виду) не порождает никаких юридических последствий с момента её совершения, она в течение какого-то времени может играть роль юридического факта, так как необходимо обращение в суд для применения последствий ничтожной сделки. Если же потерпевшая сторона сможет защитить свои интересы в неюрисдикционной форме, что в жилищных правоотношениях практически невозможно, другая сторона не получит судебной защиты.

В правовой литературе встречается классификация юридических фактов по способу их фиксации на оформленные и неоформленные [6]. Такое деление представляется не совсем точным, как и деление фактических обстоятельств на «ничтожные», «дефектные» и т.п., так как упускается из виду само понятие юридического факта как определённого жизненного обстоятельства, условия или ситуации. Другое дело, что юридическое значение некоторые жизненные обстоятельства приобретают лишь после их фиксации в требуемой законом форме или указанным законом способом. В некоторых случаях фиксации соответствующего обстоятельства придаётся не столько материально-правовое, сколько процессуальное значение в плане допустимости тех или иных доказательств [9]. Характерно, что стремление к фиксации тех или иных фактических данных прямо пропорционально степени «публичности» того правоотношения, на которое данный факт способен оказать влияние. В частности, при социальном найме жилого помещения требуется документальное подтверждение любого юридически значимого факта, в частности, правового состояния, которое нередко трудно зафиксировать. Для такой фиксации зачастую применяется, на наш взгляд, искусственный и не всегда оправданный с позиций охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина способ фиксации правового состояния, как признание наличия такого правового состояния. Так, для постановки лица на учет для предоставления жилого помещения ранее требовалось заключение комиссии по жилищным вопросам местной администрации или жилищно-бытовой комиссии по месту работы о признании лица нуждающимся в улучшении жилищных условий. В этом в принципе не было никакой необходимости, так как в ст. 29 ЖК РСФСР содержался достаточно чёткий, хотя и примерный перечень обстоятельств, при которых лицо уже самим законом признавалось нуждающимся в предоставлении жилища. Следовательно, достаточно было лишь подтвердить документально факт наличия основания, указанного в соответствующем законодательном акте, а заключение жилищной комиссии лишь «загромождало» фактический состав, необходимый для принятия на учет. Такого рода «двойная» фиксация одних и тех же жизненных обстоятельств не только бесполезна, но даже вредна, так как порождает либо коррупцию, либо конфликт, заканчивающийся обращением в суд, который вынужден принимать решения по делам, в которых нет спора и где толкование закона или иного правового акта не вызывает сложностей. Иначе говоря, сочетание нормативного и индивидуального акта, в котором фиксируются одни и те же факты, должно применяться только в исключительных случаях. К сожалению, и в новом ЖК РФ воспроизводится примерно такая же ситуация. Так, хотя ст. 51 ЖК РФ и именуется не иначе как «Основания признания граждан нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма», однако в ней скорее речь об основаниях постановки на квартирный учет, причем из сопоставления ее положений с положениями ст. 52 ЖК РФ видно, что решение о постановке на квартирный учет принимается на основании представляемых гражданином документов, и никакого дополнительного «акта признания» его нуждающимся в жилом помещении не требуется. В то же время в ч. 2 ст. 49 ЖК РФ упоминается факт признания органом местного самоуправления гражданина малоимущим в целях постановки его на учет нуждающихся в жилом помещении.

Наконец, в зависимости от юридических последствий, которые закон связывает с действием того или иного юридического факта, т.е. по характеру влияния юридических фактов на правоотношения, традиционно юридические факты принято делить на порождающие, правоизменяющие и прекращающие. Разумеется, из юридических фактов возникают, изменяются или прекращаются не только права, но и корреспондирующие им обязанности другого субъекта правоотношения, так как факты влияют на правоотношения в целом.

В правовой литературе нет единства по вопросу о наличии иных юридических фактов, таких, как правопрепятствующие и правовосстанавливающие. Так, О.А. Красавчиков не признавал их существования, полагая, что они являются либо порожд-

дающими либо правопрекращающими и не играют в классификации юридических фактов самостоятельной роли [10]. Следует, однако, согласиться с теми, кто признаёт за этими юридическими фактами самостоятельное значение [11]. Как отмечается в правовой литературе, в отличие от правопрекращающих фактов, которые воздействуют на уже возникшее правоотношение и прекращают его только на будущее время, правопрепятствующие факты не дают ему возникнуть, хотя предусмотренные законом правообразующие факты существуют [12]. Что касается праввосстанавливающих фактов, то В.А. Рясенцев по этому поводу отмечал, что «существуют факты, с которыми закон связывает восстановление прав и обязанностей, утраченных участниками правоотношения» [13].

В жилищном праве также наблюдается действие указанных юридических фактов; во всяком случае, легко можно обнаружить в гипотезах правовых норм правопрепятствующие факты. Представляется, что таким фактом является проживание лица в другом поселении, что при наличии правопорождающих фактов, таких, как принадлежность к числу малоимущих и нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, препятствует в постановке на квартирный учет (ч. 3 ст. 52 ЖК РФ). Ещё более наглядно о наличии правопрепятствующего факта можно судить из анализа ст. 73 ЖК РФ, в соответствии с которой не допускается обмен жилыми помещениями, если к нанимателю предъявлен иск о расторжении или об изменении договора социального найма, либо право пользования обмениваемым жилым помещением оспаривается в судебном порядке, либо оно признано непригодным для проживания, либо принято решение о сносе соответствующего дома или его переоборудовании для использования в других целях и т.п.

До принятия нового ЖК РФ к числу правопрепятствующих фактов можно было отнести проживание в соответствующем населённом пункте менее установленных законами субъектов РФ сроков (так называемый ценз оседлости), препятствующий постановке на учёт. К примеру, в г. Москве такой срок был равен 10 годам, в большинстве субъектов Российской Федерации – 5 годам.

В этой связи интересно отметить, что Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассматривая кассационный протест прокурора г. Москвы на решение Московского городского суда от 20 июня 2001 г., которым были признаны соответствующими федеральному законодательству нормы Положения о порядке улучшения жилищных условий граждан в городе Москве [14]., устанавливающие указанный ценз, пришла к выводу, что данные нормы являются незаконными. При этом Судебная коллегия исходила из того, что в силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Однако, федеральное законодательство, в том числе ст. 13 Закона РФ «Об основах федеральной жилищной политики», Примерные правила учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и предоставления жилых помещений, не содержали такого основания ограничения права граждан на получение жилого помещения, как проживание в каком-либо населённом пункте менее установленных сроков [15]. С выводами Судебной коллегии не согласился Президиум Верховного Суда, по мнению которого по смыслу ст. 13 Закона РФ «Об основах федеральной жилищной политики» в силу природы совместного ведения РФ и ее субъектов г. Москва как субъект РФ в отсутствие федерального закона был вправе принять собственные правовые акты по вопросу об установлении срока проживания в населённом пункте для признания гражданина нуждающимся в улучшении жилищных условий [16].

Представляется, однако, что более правильными в данном деле были выводы Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ. Ведь осуществляя собственное правовое регулирование по предметам совместного ведения, субъекты РФ не вправе выходить за пределы предоставленных им полномочий и, тем более, нарушать

положения Конституции РФ, например, положения ее ч. 3 ст. 55. Тем не менее, выводы Президиума Верховного Суда были в данном деле окончательными, и аналогичные нормы закреплены в г. Москве уже на законодательном уровне [17].

В этой связи, несмотря на принятие нового ЖК РФ, ст. 13 которого не относит к ведению органов государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий по установлению сроков проживания в соответствующем муниципальном образовании для признания нуждающимися в жилых помещениях, в силу указанного постановления Президиума Верховного Суда можно прогнозировать, что скорее всего такая негативная практика сохранится.

Весьма распространённым в жилищном праве является такой своеобразный правопрепятствующий факт, как отсутствие письменного согласия указанных в законе лиц на совершение кем-либо из участников жилищных правоотношений ряда сделок с жилым помещением и иных правомерных действий. Как известно, наниматель вправе вселить в нанятое им помещение по договору социального найма иных лиц лишь с согласия всех проживающих с ним совместно совершеннолетних членов семьи, в том числе временно отсутствующих (ч. 1 ст. 70 ЖК РФ). Такое согласие требуется также для совершения нанимателем обмена жилого помещения (ч. 1 ст. 72 ЖК РФ), для сдачи жилого помещения в поднаём (ч. 1 ст. 76 ЖК РФ), для вселения временных жильцов (ч. 1 ст. 80 ЖК РФ), на предоставление квартиры меньшего размера (ч. 1 ст. 81 ЖК РФ) и т.п. Причем для вселения иных лиц в качестве членов семьи, для обмена жилого помещения, для поднайма ЖК РФ устанавливает письменную форму такого согласия, тогда как в остальных случаях его форма не оговаривается. Кроме того, в некоторых из указанных случаев требуется также согласие или предварительное уведомление наймодателя. Отсутствие такого согласия может выражаться не только путём активных действий, в частности, прямого отказа дать такое согласие или путём прямого возражения против совершения другим лицом соответствующих действий, но и путём пассивного поведения, т.е. бездействия, неподписания заявления об обмене жилого помещения и т.п. Достаточно интересным является вопрос о юридической природе такого согласия, ранее практически не разрабатывавшийся в правовой литературе. Представляется, что такое согласие является по своему характеру односторонней сделкой, т.е. юридическим актом, направленным на установление, изменение или прекращение жилищных прав и обязанностей как для самого лица, дающего такое согласие, так и для других лиц. Отсутствие такого согласия делает невозможным реализацию нанимателем соответствующих прав, установленных жилищным законодательством. Принципиально наличие такого правопрепятствующего факта оправдано необходимостью защиты жилищных прав других лиц, так как нередко бывает трудно или даже невозможно осуществить собственное право и не ущемить при этом аналогичных прав других субъектов. В подобных случаях законодатель как бы стоит перед выбором: защищать ли интересы лица, желающего совершить определённое действие, на совершение которого требуется согласие других лиц, либо лица, не желающего, чтобы такое действие было совершено. Вопрос о том, чьи интересы заслуживают предпочтения, решается в процессе разрешения спора, так как отказ в даче согласия на совершение указанных действий может быть оспорен в судебном порядке. Однако и сам законодатель должен взвешенно подходить к вопросу об установлении правопрепятствующих фактов такого рода. В частности, представляется неоправданным установление в законе (ч. 1 ст. 72 ЖК РФ) согласия наймодателя на обмен жилого помещения, занимаемого по договору социального найма. Это было вполне логичным, когда считался недопустимым обмен жилых помещений, хотя бы одно из которых находилось в доме, принадлежащем предприятию, учреждению или организации (ст. 69 ЖК РСФСР). В настоящее время возникает вопрос: какие интересы наймодателя могут оказаться более предпочтительными по сравнению с интересами нанимателя, пожелавшего реализовать своё право на обмен жилого помещения? Иными словами, по каким основаниям суд может отказать нанимателю в таком обмене при отсутствии согласия наймода-

теля, чтобы решение суда было законным и обоснованным? Основания для этого предусмотрены перечислены в ст. 73 ЖК РФ. В этой связи норма о необходимости получения согласия наймодателя представляется абсолютно излишней, и должна быть заменена нормой о его предварительном уведомлении. Таким образом, при отборе юридических фактов, которые при определенных условиях могут оказаться правопрепятствующими фактами, ограничивающими право граждан РФ на жилище, законодатель должен проявлять максимальную осторожность.

Ранее в жилищном законодательстве был закреплён ряд жизненных обстоятельств, которые, с одной стороны, оказывали несомненное влияние на развитие правоотношений, с другой стороны, не вписывались в общепринятую в науке классификацию юридических фактов по характеру их влияния на правоотношения. Эти юридические факты можно назвать своеобразными «фактами-консервантами», поскольку они являлись условиями сохранения права на жилое помещение. Речь идёт о перечисленных в ч. 2 ст. 60 ЖК РСФСР основаниях сохранения права на жилое помещение за временно отсутствующими гражданами. Они не являлись правопрепятствующими фактами, поскольку препятствовали не возникновению права, а его прекращению. Возникает вопрос, насколько была оправдана позиция Конституционного Суда, оставившего в неприкосновенности 7 пунктов ч. 2 ст. 60 ЖК РСФСР, в то время как не только специальная норма, содержащаяся в п. 8 ч. 2, но и ч. 1 этой статьи, устанавливающая общее правило об утрате права на жилое помещение в случае временного отсутствия, была признана не соответствующей Конституции РФ? [18]. Не лучше ли было признать неконституционной всю ст. 60 ЖК РСФСР без всяких исключений? Однако, позиция Конституционного Суда по этому вопросу представляется вполне продуманной. Если в жилом помещении не остались проживать члены семьи нанимателя, и при отсутствии у наймодателя сведений об обстоятельствах указанных в статье 60 ЖК РСФСР, он исходит из презумпции постоянного характера отсутствия гражданина в данном жилом помещении, а потому был вправе ставить в судебном порядке вопрос о расторжении с ним договора найма жилого помещения по ст. 89 ЖК РСФСР. Однако эта презумпция, как и всякая другая, опровержима, а потому ссылка ответчика на основания, указанные в ч. 2 ст. 60 ЖК РСФСР, освобождала бы его от доказывания временного характера отсутствия в жилом помещении, да и сам наймодатель при наличии у него сведений о подобного рода обстоятельствах не стал бы предъявлять иск о расторжении договора социального найма. Таким образом, в процессе рассмотрения спора о признании лица утратившим права на жилое помещение, налицо была бы своеобразная конкуренция двух презумпций: презумпции временного и постоянного характера отсутствия. К сожалению, в новом ЖК РФ не предусмотрено хотя бы примерного перечня обстоятельств, свидетельствующих о временном характере отсутствия нанимателя, а указывается лишь, что в случае выезда нанимателя и членов его семьи на постоянное жительство в другое место договор считается расторгнутым со дня выезда (ч. 3 ст. 83 ЖК РФ). Очевидно, что при отсутствии нормы, содержащей перечень обстоятельств, свидетельствующих о временном характере отсутствия нанимателя, такая конструкция лишь необоснованно увеличит количество дел о расторжении договора социального по этому основанию.

Спор об утрате права на жилое помещение может возникнуть не только между наймодателем и нанимателем жилого помещения, но и между нанимателем, собственником жилого помещения либо членом жилищного или жилищно-строительного кооператива, с одной стороны, и членами его семьи – с другой. Разумеется, сам собственник или член кооператива никогда не может быть признан утратившим право на жилое помещение, однако, по решению суда оно может быть продано с публичных торгов с выплатой собственнику вырученных средств за вычетом расходов на исполнение решения (ст. 293 ГК), а член жилищного кооператива может быть из него исключен (ч. 3 ст. 130 ЖК РФ). В то же время первичные владельцы и пользователи жилого помещения (так условно можно назвать нанимателя, собственника и члена кооператива) могут быть заинтересо-

ваны в утрате отдельными членами своей семьи права на жилое помещение. Особенно объясним такой интерес у нанимателя, так как он несёт солидарную ответственность по договору социального найма жилого помещения, в том числе и за действия тех лиц, которые давно уже в нём не проживают и ничего не вносят в общесемейный бюджет, не несут расходов по поддержанию жилого помещения в надлежащем состоянии, по оплате жилья и коммунальных услуг. Вопрос о правовом положении членов семьи нанимателя, собственника жилого помещения и членов жилищного и жилищно-строительного кооператива, о взаимоотношениях этих лиц и членов семьи, несмотря на многочисленные исследования, остаётся весьма сложным и до конца не разработанным. Прежде всего, это касается правовой природы отношений, возникающих между первичными владельцами и пользователями жилого помещения с членами семьи. Не вдаваясь в детальный анализ этих проблем [19], следует лишь отметить, что в связи с внесением изменений в п. 2 ст. 292 ГК, права членов семьи собственника жилого помещения не могут быть в настоящее время охарактеризованы как вещные или сервитутные права [20,21], хотя и после этих изменений в литературе высказаны суждения о том, что они не превращают права членов семьи собственника в обязательственные права [22]. С одной стороны, отсутствие у прав членов семьи собственника жилого помещения свойства следования за вещью, вне всяких сомнений упрощает гражданско-правовой оборот жилья. С другой стороны, и при наличии подобного свойства, которое и позволяло в большей степени считать права членов семьи собственника жилого помещения сервитутными правами, теоретически собственник мог потребовать прекращения сервитута ввиду того, что основания, ради которых он был установлен, уже отпали (ст. 276 ГК), например, в случае, если совершеннолетние дети родителей приобрели или в состоянии приобрести собственное жилье. Кроме того, собственник вправе был требовать выселения членов своей семьи за невозможность совместного проживания (ст. 136 ЖК РСФСР). В настоящее время, однако, собственник жилого помещения лишен всех этих возможностей защиты своих прав и интересов. Так, ч. 2 ст. 35 ЖК РФ, предусматривает возможность выселения только бывших членов семьи собственника, в случае если они используют жилое помещение не по назначению, систематически нарушают права и законные интересы соседей или бесхозяйственно обращаются с жилым помещением, допуская его разрушение. Выселение нынешних членов семьи собственника жилого помещения по аналогичным основаниям не предусмотрено, хотя в одном из комментариев к новому ЖК РФ и высказано мнение, что положения его ст. 35 в равной мере распространяются, как на бывших членов семьи собственника жилого помещения, так и на нынешних [23]. В действительности, буквальное толкование ст. 35 ЖК РФ не позволяет прийти к подобному выводу, в связи с чем она явна нуждается в изменении.

В работе исследованы виды юридических фактов и определена их роль в правовом регулировании жилищных отношений. На конкретных нормах жилищного законодательства показывается, что не только в прежнем, но и в действующем законодательстве достаточно много норм, в гипотезы которых включены жизненные обстоятельства (юридические факты), противоречащие нормам нравственности и морали, и которые требуют тщательной переработки и изменения со стороны законодателя.

Список литературы

1. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / Иоффе О.С. Избранные произведения по гражданскому праву. – М.: Статут, 2000. С. 623.
2. Гражданское право Учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М., 1996. С. 81-86; Зенин И.А. Основы гражданского права. Конспект лекций для специалистов по праву интеллектуальной собственности. М., 1993. С. 65-77; Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. С. 15-23; Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 15-85; Проблемы теории государства и права. / Под ред. С.С.Алексеева. – М.: Юридическая литература, 1979. С. 263 и др.
3. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1912. С. 623
4. Tuhr A. Der allgemeine Teil des deutschen burgerlichen Rechts. Т. II, 1914. С. 8-142.

5. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. – СПб.: Лань, 1998. С. 189- 192.
6. Горюнова Е.Н. Диалектика юридических фактов в системе правовых норм. – Белгород: Везелица, 2002. С. 90.
7. Бутырин А. Судебные споры о качестве жилых помещений // Хозяйство и право, 1999, №7. – С. 117.
8. Стрикун Г. Причины судебных споров об обмене жилых помещений // Советская юстиция, 1989, №19. С. 12.
9. Треушников М.К. Судебные доказательства. – М.: Юридическое бюро Городец, 1997. С. 9, 31.
10. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. С. 90.
11. Данилин В.И., Реутов С.И. Юридические факты в советском семейном праве. – Свердловск: Изд-во Уральского государственного ун-та, 1989. С.17-18; Рабец А.М. Юридическая обязанность супругов по предоставлению содержания. – Томск, 1992. С. 112-113; Она же: Семейное право: курс лекций. – Белгород: Везелица, 1998. С. 56-57.
12. Рабец А. М. Семейное право: курс лекций. С. 57.
13. Рясенцев В. А. Юридические факты в семейном праве СССР / Ленинские идеи и новое законодательство о браке и семье. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1969. С. 45
14. Положение о порядке улучшения жилищных условий граждан в городе Москве, утвержденное Постановлением Московской городской Думы от 31 января 2001 г. №12 // Ведомости Московской городской Думы, 2001, №2, ст. 195.
15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 октября 2001 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2002, №3. С. 3-7.
16. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 сентября 2002 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2003, №1. С. 7-9.
17. См. ст. 3 Закона города Москвы от 15 января 2003 года №22 «Об улучшении жилищных условий жителей города Москвы» // Ведомости Московской гор. Думы, 2003, № 5, ст. 74.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 июня 1995 года № 8-П по делу о проверке конституционности части первой и пункта 8 части второй статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР в связи с запросом Муромского городского народного суда Владимирской области и жалобами граждан Е.Р. Такновой, Е.А. Оглоблина, А.Н. Ващука // Собрание законодательства РФ, 1995, № 27, ст. 2622.
19. Обзор научных воззрений по этому поводу см., например: Богданов Е.В. Жилище и рынок. С. 82- 85; он же. Право на жилище. – Минск, 1990. С. 48-54.
20. Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. – М., 2004. С. 319
21. Чекмарева Е. Право пользования жилыми помещениями членами семьи собственника // Нотариус, 2004, № 1.
22. Михеева Л.Ю. Права членов семьи собственника жилого помещения: комментарий нового законодательства / СПС «КонсультантПлюс: Комментарии законодательства»; Молохов А.В. О бывшем супруге замолвите слово// Адвокат, 2005, №6.
23. Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. – М., 2005.

KINDS OF THE LEGAL FACTS IN MODERN DWELLINGS-THS THE RIGHT

E.Y. Bakirova

Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: Bakirova@bsu.edu.ru

The place of the legal facts in legal regulation of housing attitudes is certain. Kinds legal the facts which have laid down in a basis of the various classifications developed visible scientists of civil law are considered, criteria of classification are certain. The parity of kinds of the legal facts in the civil and housing legislation is shown, the special attention is given to the new Housing code of the Russian Federation. On an example of the regional legislation importance of correct definition of a kind legal the fact is shown.

Keywords: the legal facts, categories of classification, kinds of classification, housing from-carrying.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА КАК НЕДВИЖИМОЙ ВЕЩИ

О.В. Костина

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: kostina@bsu.edu.ru

В статье анализируются параметры земельного участка с точки зрения отнесения к отдельным видам вещей, позволяющие выявить его характерные черты, предопределяющие правовой режим. А также рассматриваются особенности земельного участка исходя из его значения и особой ценности в гражданском обороте.

Ключевые слова: оборотоспособность, недвижимая вещь, часть земельного участка, индивидуализация земельных участков, потребляемость, главная вещь и принадлежность.

Правовое регулирование общественных отношений по поводу владения, пользования и распоряжения разнообразными вещами во многом определяется естественными свойствами последних, зависит от их экономического назначения, строится с учетом их ценности, общественных интересов и т.д. Исходя из этого, А.П. Сергеев указывает, что теоретическое и большое практическое значение приобретает научная классификация вещей, призванная служить ориентиром при выявлении правового режима того или иного имущества, определении объема и содержания прав и обязанностей участников правоотношений. [1]

Считаем необходимым проанализировать земельный участок, с точки зрения отнесения к отдельным видам вещей.

1. Оборотоспособность земельных участков. С точки зрения оборотоспособности все вещи подразделяются на: свободные в обороте, ограниченные в обороте и изъятые из оборота. Под свободным оборотом вещей понимается их способность отчуждаться или переходить от одного лица к другому на основании различных гражданско-правовых сделок и иных оснований, в порядке универсального правопреемства либо иным способом. Вещи, ограниченные в обороте, это те правовой режим которых предусматривает какие-либо изъятия из общего правила о свободном обороте, но не запрещает их оборот полностью. Изъятиями из оборота считаются те вещи, которые согласно действующему законодательству не могут быть предметом гражданско-правовых сделок. Земельные участки, с точки зрения земельного законодательства могут относиться к любой из этой категории. Общие вопросы оборотоспособности земельных участков устанавливаются ст. 27 Земельного кодекса РФ [2] (далее ЗК РФ).

Так, земельное законодательство в указанной статье определяет, что оборот земельных участков осуществляется в соответствии с гражданским законодательством и ЗК РФ. Земельные участки, отнесенные к землям, изъятым из оборота, не могут предоставляться в частную собственность, а также быть объектами сделок, предусмотренных гражданским законодательством. Земельные участки, отнесенные к землям, ограниченным в обороте, не предоставляются в частную собственность, за исключением случаев, установленных федеральными законами.

Гражданский кодекс РФ [3] (далее ГК РФ) предлагает на этот счет довольно сложную схему. В ст. 260 ГК РФ предусмотрено, что лица, имеющие в собственности земельный участок вправе продавать его, дарить, отдавать в залог или сдавать в аренду и распоряжаться иным образом (ст. 209) постольку, поскольку соответствующие земли на основании закона не исключены из оборота или не ограничены в обороте. В свою оче-

редь, ст. 209 ГК РФ отсылает к ст. 129 ГК РФ, согласно п. 3 которой земля и другие природные ресурсы «могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах». По смыслу ст. 129 ГК РФ непосредственно в законе о земле необходимо не только определить земельные участки, изъятые из оборота и ограниченные в обороте, но и установить случаи допущения оборотоспособности земли. [4]

2. Земельный участок как недвижимая вещь. Деление вещей на движимые и недвижимые, ведущее свою историю еще из римского права, основано на естественных свойствах объектов гражданских прав. Как правило, недвижимые вещи постоянно находятся в одном и том же месте, обладают индивидуальными признаками и являются незаменимыми. Земельные участки в полной мере отвечают названными признаками. Соответственно данным признакам, ст. 130 ГК РФ относит земельные участки к числу недвижимых вещей.

Основная специфика правового режима недвижимого имущества заключается в том, что возникновение, переход, ограничение и прекращение права собственности и других вещных и обязательственных прав на него происходят в особом порядке, требующем соблюдения письменной формы и обязательной государственной регистрации. Данный порядок, наряду со ст. 131 ГК РФ регулируется Федеральным законом "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним" от 21 июля 1997 г. [5].

Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним проводится на всей территории РФ по установленной системе записей о правах на каждый объект недвижимого имущества в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество. Проведенная государственная регистрация, являющаяся единственным доказательством существования зарегистрированного права, удостоверяется свидетельством о государственной регистрации прав на недвижимое имущество.

Соответственно этому, права на земельные участки подлежат регистрации в данном реестре. Кроме того, в некоторых случаях требуется и регистрация самого договора (например, договора аренды земельного участка).

3. Делимость земельного участка. Делимыми признаются вещи, которые не меняют в результате раздела своего первоначального или иного назначения. Неделимыми с правовой точки зрения являются те вещи, которые в результате их раздела утрачивают свое прежнее назначение.

С точки зрения данных критериев земельный участок всегда является делимым, как бы мал он ни был. Его принципиальная делимость отмечается в литературе. [6] Однако, говоря о делимости земельного участка необходимо учитывать специальные критерии. В соответствии с абз.2 п.2 ст.6 ЗК РФ земельный участок может быть делимым и неделимым. При этом делимым признается тот, который может быть развит на части, каждая из которых после раздела образует самостоятельный участок. При этом его использование может осуществляться без перевода в состав земель иной категории. Исключения составляют случаи, установленные федеральными законами.

Особые правила делимости земельных участков устанавливает Федеральный закон "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" [7]. Так в ст. 4 данного Закона устанавливается, что минимальные размеры образуемых новых земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения могут быть установлены законами субъектов Российской Федерации в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации о землеустройстве. При этом не допускается совершение сделок с земельными участками из земель сельскохозяйственного назначения, если в результате таких сделок образуются новые земельные участки, размеры и местоположение которых не соответствуют требованиям, установленным данной статьей.

Кроме того, с вопросами о делимости земельного участка, тесно связан вопрос о правовом режиме части земельного участка. Часть земельного участка является особым объектом земельных прав, на что прямо указывается в ст. 6 ЗК РФ. Понятие "часть земельного участка", употребляемое ЗК РФ, данным нормативным правовым актом не определено. По нашему мнению, под частью земельного участка, в этом случае, следует понимать определенную часть поверхности цельного земельного участка, права на который удостоверены надлежащим образом. При этом если выделить определенную часть земельного участка и присвоить ему отдельный кадастровый номер, то данный выделенный объект приобретает свойства цельного земельного участка.

О части земельного участка как о самостоятельном объекте можно говорить, например, в случае, когда из состава одного и того же участка, имеющего единый кадастровый номер, выделяются составные части (площади). С точки зрения собственно землеустройства перед нами единый участок, но части его приобретают особый правовой режим и с силу этого появляется возможность говорить и о частях участка. [8]

При этом возникает вопрос: может ли часть земельного участка быть самостоятельным объектом гражданских прав и вовлекаться в этом качестве в гражданско-правовые сделки? Представляется верной позиция, в соответствии с которой "часть земельного участка не может в качестве самостоятельного объекта вовлекаться в сделки, связанные с отчуждением вещных прав на землю, в первую очередь, прав собственности. В противном случае мы столкнулись бы с правом внутри права, собственностью внутри собственности. Ситуация, при которой собственник земельного участка продает часть земельного участка в собственность другому лицу, но остается собственником всего участка, включающего и проданную часть, является абсурдной"[9].

При продаже части земельного участка (если часть не меньше минимально допустимого размера земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения) особое значение приобретает его делимость. Однако в процессе совершения данной сделки необходимо выделить эту часть и удостоверить права на него надлежащим образом. В этом случае при помощи соответствующих органов государственного земельного кадастра производится раздел земельного участка на два самостоятельных с присвоением каждому своего кадастрового номера. Это в свою очередь, приводит к появлению двух новых объектов гражданских прав и выделенная часть, также как и оставшаяся уже не являются частями единого целого, а приобретают свой индивидуальный правовой режим. Поэтому продажа части земельного участка является невозможной.

В то же время, часть земельного участка может быть предметом некоторых сделок, влекущих возникновение обязательственных прав. Так, например, из смысла п.2 ст.26 ФЗ "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним", усматривается, что часть земельного участка может быть объектом аренды. Так, в соответствии с указанным пунктом, если в аренду сдается земельный участок (участок недр) или часть его, к договору аренды, представляемому на государственную регистрацию прав, прилагается кадастровый план земельного участка с указанием части его, сдаваемой в аренду. Таким образом, Закон четко указывает на возможность заключения договора аренды по поводу части земельного участка.

Кроме того, анализ содержания Правил оформления кадастрового плана земельного участка [10], свидетельствует о том, что часть земельного участка с точки зрения кадастрового учета может быть описана путем ее обозначения на кадастровом плане всего земельного участка с указанием границ и присвоением учетного номера. Также индивидуализирующими часть земельного участка характеристиками является указание: в тексте договора площади арендуемой части земельного участка в общем земельном участке, а также адресного ориентира всего земельного участка и его целевое назначение, кадастрового номера и общей площади.

Таким образом, видим, что часть земельного участка может быть объектом сделок, но в несколько ограниченном объеме. То есть объектом таких сделок при которых не происходит перехода вещных прав, в первую очередь права собственности, на соответствующую часть земельного участка.

4. Индивидуализация земельного участка. Деление вещей на индивидуально определенные и родовые связано не только с естественными свойствами самих вещей, но и с теми способами их индивидуализации, которые избираются участниками гражданского оборота. В этом плане можно сказать, что земельные участки есть вещи индивидуально определенные.

Индивидуализация земельных участков производится в соответствии с порядком, установленном Федеральным законом "О государственном земельном кадастре"[11]. Моментом возникновения земельного участка как объекта государственного кадастрового учета в соответствующих границах является дата внесения соответствующей записи в Единый государственный реестр земель (п.3 ст. 14 ФЗ "О государственном земельном кадастре"). В соответствии со ст. 14 данного Закона в Едином государственном реестре указываются следующие основные сведения о земельных участках:

- 1) кадастровые номера;
- 2) местоположение (адрес);
- 3) площадь;
- 4) категория земель и разрешенное использование земельных участков;
- 5) описание границ земельных участков, их отдельных частей;
- 6) зарегистрированные в установленном порядке вещные права и ограничения (обременения);
- 7) экономические характеристики, в том числе размеры платы за землю;
- 8) качественные характеристики, в том числе показатели состояния плодородия земель для отдельных категорий земель;
- 9) наличие объектов недвижимого имущества, прочно связанных с земельными участками.

Как верно подмечено О.Ю. Скворцовым, значение кадастровых книг заключается в том, что они являются технической основой для индивидуализации земельного участка как объекта недвижимости. Таким образом, кадастровая оценка земельного участка индивидуально определяет земельный участок в качестве объекта, годного к гражданскому обороту. До того момента, как проведена кадастровая оценка земельного участка, другими словами, до того момента, как он не вычленен из общего земельного массива (индивидуально не определен), невозможно говорить о его вовлечении в гражданский оборот. Этот земельный участок остается в общем массиве территории государства и, являясь составной частью этой территории, не может выполнять функции объекта гражданского права. [12]

5. Потребляемость земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения. Говоря о потребляемости земельного участка следует учесть, что в целом земельный участок является непотребляемой и неуничтожимой вещью. Однако в данном случае также следует учесть, что потребляемость следует рассматривать не только как уничтожение вещи в процессе ее использования, но и ухудшение ее качества. Это особенно актуально для земель сельскохозяйственного назначения. Именно эти категории земель в процессе их эксплуатации истощаются и ухудшаются. Однако их полезные свойства (заклученные в плодородном слое почвы) могут восстанавливаться. Учитывая особую значимость этой категории земель законодатель в специальном законе урегулировал вопросы обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения. [13] Данное качество следует учитывать при совершении гражданско-правовых сделок (в особенности договоров аренды).

6. Отнесение земельного участка к главной вещи или принадлежности. В этом плане, необходимо обратить внимание на то, что это одна из острейших проблем гражданского права в области правового регулирования оборота недвижимости. С этим проблемой связан вопрос об обеспечении единства правового режима земельного участка и

расположенных на нем объектов недвижимости. В этом плане и ведутся споры о том, что является главной вещью – земельный участок или здания, строения, сооружения, расположенные на нем. По нашему мнению, установление единого правового режима для всех категорий земель нецелесообразно. Вопрос о том, что является главной вещью и принадлежностью должен решаться в зависимости от категории земли. Это предопределяет значимость земельного участка для приобретателя.

Земля неоднородна по своему назначению. В соответствии с п.1 ст. 7 ЗК РФ земли в Российской Федерации по целевому назначению подразделяются на следующие категории:

- 1) земли сельскохозяйственного назначения;
- 2) земли поселений;
- 3) земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения;
- 4) земли особо охраняемых территорий и объектов;
- 5) земли лесного фонда;
- 6) земли водного фонда;
- 7) земли запаса.

Указанные выше категории земель используются в соответствии с установленным для них целевым назначением. Правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий, общие принципы и порядок проведения которого устанавливаются федеральными законами и требованиями специальных федеральных законов.

На наш взгляд особое внимание следует уделить землям сельскохозяйственного назначения. Можно отметить, что землями сельскохозяйственного назначения признаются земли за чертой поселений, предоставленные для нужд сельского хозяйства, а также предназначенные для этих целей (п. 1 ст. 77 ЗК РФ). Несмотря на общее целевое назначение, земли сельскохозяйственного назначения неоднородны по своему составу и подразделяются на сельскохозяйственные угодья и все прочие земли.

По сути, сельскохозяйственные угодья – это земли, которые используются непосредственно для нужд сельского хозяйства. Их эксплуатация предполагает извлечение из земельных участков естественных природных свойств, заключенных в плодородном слое (почве). Сельскохозяйственные угодья – это пашни, сенокосы, пастбища, залежи, земли, занятые многолетними насаждениями (садами, виноградниками и др.). Указанная разновидность сельскохозяйственных земель имеет приоритет в использовании и подлежит особой охране.

Прочие земли (в отличие от сельскохозяйственных угодий) играют по отношению к сельскохозяйственным угодьям вспомогательную роль. Их функции состоят, во-первых, в обеспечении плодородия сельскохозяйственных угодий, во-вторых, в содействии процессу сельскохозяйственного производства. К числу прочих земель относятся земли, занятые внутрихозяйственными дорогами, коммуникациями, древесно-кустарниковой растительностью, предназначенной для обеспечения защиты земель от воздействия негативных (вредных) природных, антропогенных и техногенных явлений, замкнутыми водоемами, а также зданиями, строениями, сооружениями, используемыми для производства, хранения и первичной переработки сельскохозяйственной продукции (п. 2 ст. 77 ЗК РФ).

Понятие "земли сельскохозяйственного назначения" является собирательным и не образует самостоятельного объекта гражданских прав. В гражданском обороте участвуют не "земли", а относимые к числу вещей земельные участки. Помимо земельных участков, предметом гражданско-правовых сделок могут быть так называемые земельные

доли, то есть доли в праве собственности на земельный участок, которые в классификации объектов гражданских прав относятся к имущественным правам. [14]

Представляется, что для земель сельскохозяйственного назначения главной вещью является именно земельный участок, а расположенные на ней здания, строения, сооружения, используемыми для производства, хранения и первичной переработки сельскохозяйственной продукции, являются принадлежностью к земельному участку. Соответственно, для земель поселений, наоборот, главной вещью должны признаваться расположенные на земельном участке здания, строения, сооружения.

Мы отметили особенности земельного участка с точки зрения различной классификации вещей. Однако, представляется, что правовой режим земельного участка определяется также и его экономическим значением, особой ценностью, а также общественной значимостью. Использование данных параметров позволяет нам обратить внимание на основные характерные черты земельного участка, также предопределяющего его правовой режим. Это особенно значимо для земельных участков сельскохозяйственного назначения. Эти характерные черты являются значимыми и во многом предопределяют специфику в правовом регулировании сделок с данными земельными участками. Например, рациональное аграрное землепользование возможно при достаточно длительных отношениях. Эта стабильность предопределяет «хозяйское» отношение к земле со стороны пользователя, что, в конечном счете, приводит к наиболее рациональному использованию земель сельскохозяйственного назначения. Соответственно, эта черта обуславливает необходимость в выработке таких правовых механизмов, которые бы заинтересовывали в наиболее стабильном землепользовании. Данные механизмы могут содержаться в нормах различных отраслей права, в том числе и гражданском.

Список литературы

1. Гражданское право. Учебник. В 3-х т. Т.1. / Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С.255.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. №136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 29.10.2001. – №44. – Ст. 4147.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Сыродоев Н.А. Земля как объект гражданского оборота // Государство и право. – 2003. – № 8. – С. 28.
5. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. №122-ФЗ "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним" // Собрание законодательства РФ. – 28.07.1997. – №30. – Ст. 3594.
6. Волков Г. Комментарий к Федеральному закону "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" // Хозяйство и право. – 2003. – №5. – С.13.
7. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. №101-ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №30. – Ст.3018.
8. Корнеев А.Л. Сделки с земельными участками: Учебное пособие. – М.: ОАО "Издательский дом "Городец", 2006. – С.47.
9. Романова В.В. Правовое регулирование оборота земельных участков. Дис. ... к.ю.н. – М., 2005. – С.86.
10. Правила оформления кадастрового плана земельного участка. ГЗК-1-Т.О-04-01-01 (утв. Росземкадастром 10.04.2001) // Российская газета. – №130. – 11.07.2001.
11. Федеральный закон от 02 января 2000 г. №28-ФЗ "О государственном земельном кадастре" // Собрание законодательства РФ. – 10.01.2000. – №2. – ст. 149.
12. Скворцов О.Ю. Сделки с недвижимостью в коммерческом обороте. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С. 60.
13. См.: Федеральный закон от 16июля 1998 г. №101-ФЗ "О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения" // Собрание законодательства РФ. – 20.07.1998. – №29. – Ст. 3399.
14. Дроздов И.А. Оборот земель сельскохозяйственного назначения // Правоведение. – 2004. – №6. – С.24.

LEGAL REGIME OF THE GROUND AREA AS A REAL THING

O.V. Kostina

Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: Kostina@bsu.edu.ru

Parameters of the ground area are analyzed in the given article according to the different kinds of things, which can expose its typical features, defining its legal regime. Peculiarities of the ground area, based on its meaning and great value in the civil circulation are also examined in the article.

Key words: turnover, real estate, piece of land, individualization of land, demand.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО МАЛОЛЕТНИМИ И НЕДЕЕСПОСОБНЫМИ ГРАЖДДАНАМИ

В.С. Синенко

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: sinenko@bsu.edu.ru

Изложена авторская позиция относительно толкования норм, которые являются новеллой современного гражданского законодательства. Проанализирована правовая природа обязательств по возмещению вреда, причиненного малолетними или недееспособными гражданами, за счет самих причинителей вреда. Показана относительная самостоятельность данных обязательств по отношению к обязательствам, в которых должником выступают лица, обязанные осуществлять надзор за малолетними и недееспособными гражданами. Сформулировано предложение по совершенствованию законодательства в этой сфере.

Ключевые слова: обязательство по возмещению вреда, малолетние и недееспособные граждане, деликтная ответственность, меры социальной защиты.

Гражданский кодекс РФ (часть 2) [1] в вопросах возмещения вреда, причиненного малолетними и недееспособными гражданами, во многом повторяет положения, которые были предусмотрены его предшественниками. Так, согласно п.1 ст. 1073 ГК РФ обязанность возместить вред, причиненный несовершеннолетним до 14 лет, возлагается на родителей, усыновителей или опекуна, если не будет доказано, что вред возник не по их вине. В этом случае ответственность обязанных лиц наступает не за действия малолетнего, а за свое собственное противоправное поведение, которые может быть выражено как в неосуществлении должного надзора за несовершеннолетними, так и в безответственном отношении к их воспитанию или неправомерном использовании своих прав по отношению к детям, результатом которого явилось неправильное поведение детей, повлекшее вред. Данные обязанности непосредственно вытекают из содержания ст. 63 Семейного кодекса РФ [2] и их неисполнение говорит о наличии противоправности как одним из необходимых условий для привлечения для гражданско-правовой ответственности.

Подобное обязательство является устоявшейся гражданско-правовой конструкцией, которое присутствовало в Гражданских кодексах и 1964 и 1922 гг. Однако, в некоторых случаях современное гражданское законодательство отходит от традиционной правовой конструкции ответственности за причиненный вред. Современный ГК иногда возлагает обязанность по возмещению вреда на лицо, которое в момент его причинения было недееспособным, или на лицо, которое в момент предъявления ему соответствующих требований продолжает оставаться недееспособным.

Так, абз.2 п.4 ст.1073 ГК РФ позволяет возложить обязанность по возмещению полностью или частично на самого причинителя. Допуская данную возможность, закон ограничивает ее некоторыми условиями: 1) лица, ответственные за причинение вреда умерли или не имеют достаточных средств для возмещения вреда; 2) вред причинен жизни или здоровью; 3) причинитель вреда стал полностью дееспособным; 4) у причинителя имеются средства, достаточные для возмещения; 5) суд должен учесть имущественное положение потерпевшего и причинителя вреда. Аналогичным образом закон позволяет возложить обязанность по возмещению вреда на лицо, которое причинило вред, будучи недееспособным в силу судебного решения, при наличии условий, предусмотренных п. 3 ст. 1076 ГК РФ. К таким условиям относятся: 1) опекун умер либо не имеет достаточных средств для возмещения вреда; 2) сам причинитель вреда обладает достаточными средствами; 3) вред причинен жизни или здоровью потерпевшего; 4) суд должен учесть имущественное положение потерпевшего и причинителя вреда.

В силу того, что подобных норм отечественное гражданское законодательство не знало, возникает вопрос о правовой природе данных обязательств.

Характеризуя данное правоотношение А.М. Рабец отмечает, что "такое обязательство весьма успешно выполняет роль меры социальной защиты интересов потерпевшего. Такую функцию данное обстоятельство выполняет лишь при наличии условий, предусмотренных законом, а именно: 1) причинение вреда жизни и здоровью, а не имуществу потерпевшего. Применение указанных норм по аналогии для возмещения вреда имуществу недопустимо; 2) применение указанных положений – не обязанность, а право суда. К этим мерам суд прибегает лишь с учетом всех конкретных обстоятельств дела, имущественного положения как потерпевшего, так и причинителя вреда; 3) возмещение вреда может быть как полным, так и частичным, размер возмещения определяет суд с учетом конкретных обстоятельств дела; 4) применение указанных мер – не общее правило, а исключение. Оно не делает причинителя вреда деликтоспособным. Поэтому при возникновении аналогичной ситуации во второй раз никакого прецедента применяться не должно". [3] Обращают внимание на социальный характер защиты прав потерпевших в таких случаях и иные ученые [4]. Представляется, что, действительно, основной причиной побудившей законодателя сделать подобное исключение было обеспечение наилучшей гарантированности охраны жизни и здоровья граждан. В данных нормах социальная направленность, несомненно, присутствует. Эти правила развивают положение Конституции РФ [5], где в ст. 7 отмечается, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

В настоящее время можно отметить, что социальная направленность проявляется не только в отмеченных нормах. Гражданский кодекс РФ уже сегодня содержит нормы, которые нельзя истолковать иначе, как установление льгот для одной из сторон в правоотношении. К примеру, в последнее время многими исследователями [6] отмечается одно из направлений в правовом регулировании договорных отношений – защита слабой стороны в договоре, основные положения которого в концентрированном виде изложены М.И. Брагинским и В.В. Витрянским [7]. Необходимость отступления от начала равенства объясняется тем, что "участники имущественного оборота, вступающие в договорные отношения, располагают различными средствами и возможностями влияния на формирование обязательства, обеспечение его исполнения и т.п. в силу различного их профессионального статуса или материального положения, а также других обстоятельств. ... Следовательно, задача гражданского права состоит в "выравнивании" участников имущественного оборота путем установления для слабой стороны обязательства изначально иных, особых условий участия в договорных отношениях: льготного порядка заключения, изменения или расторжения договора, предоставления слабой стороне в обязательстве дополнительных прав и возложения на ее контрагента дополнительных обязанностей, ужесточения ответственности сильной стороны в обязательстве и, наоборот, ограничение ответственности слабой стороны и т.п." [8] Подобная необходимость обосновывает появление таких положений как публичный договор, договор присоединения и иных гражданско-правовых конструкций. Таким образом, уже сегодня мы наблюдаем нормы, которые отходят от традиций гражданского права.

Предполагаем, что особая значимость такого нематериального блага как здоровье, по крайней мере, по сравнению с имущественными благами, может служить основанием для того, чтобы усилить правовые позиции физического лица, вступающего в правоотношения для охраны своего здоровья. Видимо именно эти цели и преследовал законодатель, устанавливая возможность возмещения вреда за счет лиц, причинивших вред, будучи не деликтоспособными. Таким образом, по нашему мнению, несмотря на социальную направленность, данное правоотношение является гражданско-правовым и должно быть истолковано с позиции доктрины гражданского права.

Рассматривая данное обязательство, и определяя его правовую природу, стоит отметить, что в литературе обращается внимание на то, что возложение обязанности по возмещению вреда на самих причинителей в таких случаях не является самостоятельным обязательством. Так, в одном из комментариев к ГК РФ отмечается, что "если лица, обязанные возместить за него ущерб, умерли, их обязанности при определенных условиях переходят к причинителю вреда" [9]. Подобного толкования придерживаются и другие авторы [10].

При таком подходе обнаруживается, что обязанность по возмещению вреда самим причинителем не является самостоятельной – это обязанность лиц, на которых закон возлагает ответственность за причиненный вред, каким-то образом "перенесенная" на непосредственных причинителей вреда. Сразу же возникает вопрос о возможности обратного перехода такой обязанности при появлении у родителей (иных обязанных лиц) средств, достаточных для возмещения вреда, после того, как суд возложил обязанность по возмещению на самого непосредственного причинителя вреда. Такая постановка вопроса особенно актуальна при возмещении упущенной выгоды в виде утраченного заработка потерпевшего, который возмещается периодическими платежами. В этой связи А.П. Сергеев говорит, что "по смыслу закона отпадение условий, необходимых для применения данной меры социальной защиты потерпевших, например, появление у ответчика (родителя, опекуна) средств, достаточных для возмещения вреда, ухудшение имущественного положения причинителя вреда и т. п., дает основания для пересмотра судом решения". [11] И это, на наш взгляд, абсолютно верно, поскольку основным должником в данном правоотношении являются лица, ответственные за причиненный вред, являющиеся деликтоспособными.

Рассматривая данное правоотношение в таком ракурсе, видно, что возникновение обязанности непосредственного причинителя вреда зависит от возможности возмещения вреда основным должником. Поэтому, представляется, что при наличии недостаточности средств основного должника для возмещения вреда, можно говорить о субсидиарном характере обязательства по возмещению вреда, в котором должником является непосредственный причинитель вреда. Субсидиарность данной обязанности предполагает, что она возникает при объективной невозможности удовлетворения требований за счет основного должника, и при появлении такой возможности обязанность основного должника (родителей, опекуна) должна считаться восстановленной в полном объеме. Это вполне укладывается в рамки современного гражданского законодательства. "Анализ действующего законодательства, посвященного регулированию субсидиарных обязательств, позволяет сделать вывод, что субсидиарная ответственность дополнительного должника преимущественно наступает в случае недостаточности имущества основного должника" [12].

В этом отношении можно привести пример, который характеризует субсидиарный характер деликтного обязательства. Деликтная субсидиарная ответственность в гражданском праве связана с ответственностью родителей (усыновителей), попечителя за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет. Так, согласно п.2 ст.1074 ГК РФ: "В случае, когда у несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, вред должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем, если они не докажут, что вред возник не по их вине". В таких случаях ответственность названных лиц будет иметь субсидиарный характер, то есть наступать лишь в случае отсутствия у несовершеннолетнего доходов или иного имущества, достаточного для возмещения вреда.

Аналогичным образом (однако, с учетом дополнительных условий) должна возникать обязанность непосредственных причинителей вреда по его возмещению, если он был причинен несовершеннолетним в возрасте до 14 лет.

Таким образом, можно говорить об относительной самостоятельности (с учетом субсидиарного характера) обязанности непосредственных причинителей вреда по его возмещению, которое возникает при наличии предусмотренных в законе оснований.

Как видно из условий, предусмотренных абз.2 п.4 ст.1073 ГК РФ, суд вправе возложить обязанность по возмещению на непосредственного причинителя вреда не только при недостаточности средств у основного должника, но и при его смерти. В таком случае обязательство по возмещению является абсолютно самостоятельным. Оно возникает только при наличии предусмотренных законом оснований.

Таким же образом можно истолковать обязанность недееспособных лиц в силу судебного решения возместить вред в случае, когда опекун умер или не имеет средств, достаточных для возмещения вреда (п.3 ст. 1076 ГК РФ).

Говоря об абсолютной самостоятельности обязательства по возмещению вреда в случае смерти родителей либо опекуна, можно обратить внимание на следующее обстоятельство. Буквальное толкование абз.2 п.4 ст.1073 ГК, а также п.3 ст.1076 ГК приводит к тому, что возможность возникновения обязанности по возмещению вреда у самого причинителя ставится в зависимость от возникновения такой обязанности у лица, на которого законом была возложена обязанность по осуществлению воспитания и надзора за малолетним или недееспособным в силу судебного решения. Однако ответственность этих лиц возникает при наличии полного состава гражданского правонарушения, в том числе и при наличии вины. Так, согласно п.1 ст. 1073 ГК, за вред, причиненный малолетним, ответственны родители, усыновители, опекуны, если не докажут, что вред причинен не по его вине. Аналогичное положение содержится в ст. 1076 ГК. Таким образом, при освобождении от ответственности этих лиц в силу отсутствия в их деяния вины, возложение обязанности на непосредственных причинителей будет невозможно. Однако такое решение законодателя выглядит "половинчатым". Если уж данные нормы выполняют социальную функцию, то, представляется возможным "идти до конца" и предоставить возможность суду возлагать подобную обязанность на непосредственных причинителей даже в случае освобождения от ответственности лиц, предусмотренных ст.ст. 1073, 1076 ГК.

В завершении остановимся на рассмотрении вопроса о возможности характеристики обязанности по возмещению за счет средств самого причинителя вреда как меры ответственности. С одной стороны, учитывая исключительность данной нормы и рассматривая ее как "меру социальной защиты" многие цивилисты не относят данную обязанность к мерам ответственности [13]. С другой стороны, в деянии непосредственного причинителя вреда можно усмотреть усеченный состав правонарушения, как то: наличие вреда, противоправности и причинно-следственной связи (но при отсутствии вины), что может быть расценено как безвиновная ответственность. Случаев безвиновной ответственности российское гражданское законодательство знает достаточно. Однако подобный подход представляется неприемлемым. В данном случае следует исходить из положения о том, что является основанием возникновения деликтной ответственности и обязательства по возмещению вреда, не относимым к мерам ответственности. Так, в тех случаях, когда обязанность возмещения вреда является мерой ответственности, в ее основе лежит состав правонарушения (полный либо усеченный). Если же обязанность возмещения вреда не относится к мерам ответственности, то в основе возникновения данной обязанности лежат иные условия, которые состава правонарушения не образуют.

Как видно из содержания анализируемых норм, основание возникновения обязанности непосредственных причинителей вреда связано с наличием условий, которые не включаются в состав гражданского правонарушения (в частности, достижение определенного возраста; обладание средствами, достаточными для возмещения вреда и др.). Таким образом, даже с этой точки зрения данное обязательство не может быть отнесено к мерам ответственности, и уж тем более это верно, если учесть исключительность данных норм, их социальную, но не карательную направленность.

Список литературы

1. Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996. – №5. – Ст. 410.
2. Собрание законодательства РФ. – 01.01.1996. – №1. – Ст. 16.
3. Рабец А.М. Обязательства по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью. – М.: Федеральный фонд ОМС, 1998. С. 78-79.
4. См. напр.: Кособродов В.М. Обязательство по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью, как мера социальной защиты прав и интересов потерпевшего // Адвокат. – 2004. – №7; Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т.3. – 4-е изд., перераб и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С. 44.
5. Российская газета. – 25.12.1993. – №237.
6. См. напр.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / Под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. – М., 1996. С. 236-237; Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России. – М.: Юрист, 2004. – С. 134-160 и др.
7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения: изд. 4-е, стереотипное, – М.: Статут, 2001. – С.792-803.
8. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч. С. 793.
9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. – М.: Издательство "Юрайт", 2004.
10. См. напр.: Комментарий к Гражданскому Кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный). Изд. 4-е, испр. и доп. / Под ред. О.Н. Садикова. М.: Юридическая фирма "КОНТРАКТ", Издательский Дом "ИНФРА-М", 2004; Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т.3. – 4-е изд., перераб и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С. 43.
11. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т.3. – 4-е изд., перераб и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С. 44.
12. Богданова Е.Е. Субсидиарная ответственность. Проблемы теории и практики. – М.: Приориздат, 2003. – С.15.
13. См. напр.: Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т.3. – 4-е изд., перераб и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С. 13.

THE LEGAL NATURE OF OBLIGATIONS ON COMPENSATION OF THE HARM CAUSED BY JUVENILE AND INCAPACITATED CITIZENS

V.S. Sinenko

Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: sinenko@bsu.edu.ru

The author's position concerning interpretation of norms which are an innovation of the modern civil legislation is stated. The legal nature of obligations is on compensation of the harm caused by juvenile or incapacitated citizens, due to harmed is analysed. Relative independence of the given obligations in relation to obligations in which as the debtor the persons act, obliged to carry out supervision of juvenile and incapacitated citizens is shown. The offer on perfection of the legislation in this sphere is formulated.

Keywords: the obligation on compensation of harm, juvenile and incapacitated citizens, measures of social protection.

ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРЕДИТНОЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИЙСКОМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ И СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

А.В. Степанюк

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: AStepanyuk@bsu.edu.ru

Рассматривается история развития правового регулирования кредитной кооперации в различные периоды развития отечественного гражданского права (дореволюционный и советский). Выделяются и характеризуются основные этапы развития законодательства о кредитной кооперации в дореволюционном гражданском праве, оцениваются положения нормативных правовых актов, действовавших в данный исторический период. Анализируются тенденции развития законодательства о кредитной кооперации в советский период отечественного гражданского права.

Ключевые слова: кредитная кооперация, правовое регулирование, история, дореволюционное гражданское право, советское гражданское право, кредитные товарищества, кредитные кооперативы.

В настоящее время кредитная кооперация в Российской Федерации стремительно развивается. Данные отношения получили надлежащее регулирование в Федеральном законе от 7 августа 2001 года № 117-ФЗ «О кредитных потребительских кооперативах граждан». Однако, изучение правовых основ деятельности кредитных потребительских кооперативов граждан в Российской Федерации, по нашему мнению, необходимо осуществлять с точки зрения исторического опыта регламентации кредитных кооперативных отношений в нашей стране. Следует отметить, что правовое регулирование деятельности кредитных кооперативов в России имеет длительную и непростую историю.

Необходимость создания кредитных организаций кооперативного типа в России в первую очередь ощутили производители сельскохозяйственной продукции. После реформ 60-х годов XIX века большинство мелких и средних сельскохозяйственных производителей столкнулись с проблемами финансового характера: дефицит средств для ведения и развития своего хозяйства, отсутствие опыта кредитных отношений, недоступность кредитов вследствие неплатежеспособности сельского населения. Как указывал А.Н. Анциферов, кредитные отношения на селе в те годы представляли собой «уродливые формы кулачества-ростовщичества с взиманием по ссуде 60-100-200% годовых то в денежной, то в натуральной форме, то в форме отработок, вплоть до форм временного личного закабаления должника, что напоминает суровые времена *iuris stricti* XII таблиц Древнего Рима» [2, с.3].

В этих условиях первое в России ссудо-сберегательное товарищество, которое основывалось на кооперативных принципах, было создано в 1865 году. Данное товарищество было образовано братьями Луганиными в селе Дороватово Рождественской волости Ветлужского уезда Костромской губернии. При создании ссудо-сберегательного товарищества был использован опыт кредитных кооперативов, которые впервые были сформированы в 1849 году в Германии Г.Ф. Райфайзенем и Г. Шульце-Деличем. Здесь следует отметить, что в российском законодательстве до Октябрьской революции термин «кредитный кооператив» не использовался. Законодатель оперировал понятием «товарищество». Однако термин «кредитный кооператив» содержался в работах русских ученых-правоведов, исследовавших проблематику кооперативного кредита

Кредитные кооперативы, организованные Г.Ф. Райфайзенем, действовали в крестьянской среде, отличавшейся замкнутостью, тесными личными бытовыми и хозяйственными связями, слабой финансовой самостоятельностью. Деятельность кредитных

кооперативов Г.Ф.Райфайзена осуществлялась на основе следующих принципов: неограниченная солидарная ответственность по обязательствам членов кооператива (круговая порука); локализация (деятельность строго на определенной территории); воспрещение членам кредитного кооператива одновременное участие в других кредитных кооперативах; отрицание пая, хотя пай в минимальном размере внесен; запрет в назначении жалованья работникам кооператива, за исключением бухгалтера, поскольку функции кооператива добровольно выполняли его члены. Займы выдавались только на цели деятельности крестьянского хозяйства.

На более либеральных принципах строилась деятельность в кредитных товариществах, созданных Г. Шульце-Деличем. Эти кредитные кооперативы были значительны по своему составу и включали членов как из городского, так и из сельского населения. Принципами деятельности кредитных кооперативов Г.Шульце-Делича являлись: открытость кооператива для вступления в него неограниченного числа членов; прием вкладов от посторонних лиц; получение членами кооператива дохода по их паям; выдача ссуд членам кооператива без условия их строгого целевого использования. Солидарная ответственность члена кредитного кооператива по его долгам могла быть ограничена суммой пая члена кооператива или размерами его займа [39, с.25].

Поскольку в момент создания Рождественского ссудо-сберегательного товарищества (далее – Рождественское товарищество) в России отсутствовали какие-либо основы правового регулирования кредитной кооперации, фактически единственным источником права, регламентирующим деятельность кредитного кооператива, являлся его устав, утвержденный постановлением Министра финансов от 22 октября 1865 г [21].

Основными целями деятельности Рождественского товарищества являлись привлечение денежных средств жителей Рождественской волости с выплатой им процентов по вкладам, а также предоставление членам товарищества ссуд на возможно менее обременительных условиях. Рождественское товарищество осуществляло свою деятельность по территориальному принципу – только на территории волости, при этом членом товарищества мог стать представитель любого сословия. Органами товарищества являлись общее собрание пайщиков (высший орган управления), распорядитель (исполнительный орган) и поверочный совет (контрольно-ревизионный орган).

Паевой фонд Рождественского товарищества включал в себя основной и запасной капитал. Источниками формирования основного капитала являлись паи членов товарищества, займы и вклады населения. Каждый товарищ мог иметь только один пай, при этом все паи являлись равными – по 50 рублей. Целью создания запасного капитала являлось покрытие убытков, понесенных товариществом. В отличие от основного запасной капитал формировался за счет прибыли товарищества, полученной за первый год его деятельности; прибыли, начисленной на долю новых членов товарищества за первый год их членства; единовременных взносов лиц, вступающих в товарищество, но не более одного рубля; единовременных платежей заемщиков за предоставленную отсрочку по возврату ссуды [1, с.82].

Рассматривая устав Рождественского товарищества, представляется необходимым обратить внимание на следующую особенность. В уставе товарищества речь шла о предоставлении ссуд, да и само товарищество именовалось ссудо-сберегательным. Однако фактически членам товарищества предоставлялись займы. Подобная подмена терминов, по нашему мнению, была обусловлена тем, что в российском дореволюционном праве понятие «ссуда» нередко ошибочно отождествлялось с понятием «заем». В этой связи Д.И.Мейер писал, что «в общежитии под ссудой разумеется нечто неопределенное: ссудой называется иногда заем; ссудой называется и безвозмездное предоставление пользования вещью. Та же неопределенность понятия проявляется и в законодательстве: определяя ссуду как договор о безвозмездном пользовании вещью, законодатель нередко называет ссудой заем, по которому переходит уже не право пользования, а право собственности по имуществу, и устанавливаются юридические отношения, совершенно

иные, нежели по ссуде» [13, с.272]. По мнению С.В.Пахмана, подобное положение было вызвано тем, что в ч.1 т.Х Свода законов Российской Империи в одной главе, которая именовалась – «О займе и ссуде», законодатель соединил сделки в юридическом смысле совершенно различные [15, с.230-231]. С этой точки зрения создаваемые кредитные кооперативы следовало именовать не ссудо-сберегательными, а заемно-сберегательными.

В соответствии с уставом Рождественского товарищества займы могли предоставляться только членам товарищества. Они носили краткосрочный характер, и максимальный срок предоставления составлял шесть месяцев. Займы не являлись строго целевыми и могли использоваться для удовлетворения как хозяйственных, так и потребительских нужд. Размер займов был ограничен и не мог превышать 80 рублей. Размер предоставляемого займа зависел от предоставляемого членом товарищества обеспечения. Так, без предоставления обеспечения член товарищества мог получить заем в размере 1,5-кратного пая, а с обеспечением – 80 рублей.

Завершая рассмотрение устава Рождественского товарищества, необходимо отметить, что в процессе становления кредитной кооперации в России этот документ сыграл немаловажную роль. Она состояла в том, что при отсутствии нормативных правовых актов, регламентировавших организацию и деятельность кредитных кооперативов, устав Рождественского товарищества являлся типовым уставом для новых ссудо-сберегательных товариществ.

В 1872 году Кабинетом Министров Российской Империи был утвержден Типовой устав ссудо-сберегательного товарищества, подготовленный Министерством финансов (далее – Типовой устав 1872 г.) [3, с.115]. С этого момента начинается формирование дореволюционного законодательства о кредитной кооперации, которое в своем развитии прошло три этапа: первый этап – с 1872 по 1895 г.; второй этап – с 1895 г. по 1904 г.; третий этап – с 1904 по 1917 г.

Первый этап развития законодательства о кредитной кооперации начался с утверждения Типового устава 1872 г. Следует отметить, что данный правовой акт фактически лишил возможности участвовать в ссудо-сберегательных товариществах большинство сельских жителей, поскольку размер паевого взноса в товариществе был установлен в 500 рублей. Заем предоставлялся только члену кооператива и только при условии внесения пая полностью. Паевой взнос при этом должен был внесен полностью в течение трех месяцев. Неприспособленность Типового устава 1872 г. к российским условиям, по мнению М.Л.Хейсина, явилась одной из причин снижения роста учреждений мелкого кредита вплоть до 1895 года [38, с.48].

Начало второго этапа развития законодательства о кредитной кооперации в России связано с принятием Кабинетом Министров Российской Империи 1 июня 1895 г. специального нормативного правового акта – Положения об учреждениях мелкого кредита (далее – Положение 1895 г.) [16]. На основании Положения 1895 г. Министерством финансов был разработан и утвержден Образцовый устав кредитного товарищества от 19 июня 1896 г. (далее – Образцовый устав 1896 г.). В отношении ссудо-сберегательных товариществ продолжал действовать Типовой устав 1872 г.

Целью учреждений мелкого кредита в соответствии со ст.1 Положения 1895 г. являлось предоставление «малодостаточным лицам», а также сельским и станичным обществам, товариществам, артелям и их союзам, возможности: а) получать на необременительных условиях ссуды для удовлетворения хозяйственных потребностей; б) помещать сбережения для приращения процентов. Учреждениям мелкого кредита разрешалось проведение посреднических операций по закупке предметов, необходимых его членам, но только по их поручениям и на их средства, а также по продаже произведений труда членов товарищества (п.«ж» ст.13 Положения 1895 г.). Это должно было помочь мелким производителям избежать разорительного посредничества торговцев и ростовщиков.

Определяющей особенностью учреждений мелкого кредита, отличающей их от иных финансовых организаций, являлся такой признак, как мелкий кредит. Кредитом в этом случае признавалась сумма, до которой могла быть допущена задолженность члена товарищества перед товариществом по всем видам предоставленных ему займов в совокупности. В Положении 1895 г. размер мелкого кредита не определялся. Однако в соответствии с разъяснением, содержащимся в Циркуляре Комитета по делам мелкого кредита при Министерстве финансов № 14 от 14 апреля 1904 г. мелким признавался кредит на сумму не более 300 рублей, увеличение которой допускалось при наличии исключительных обстоятельств [18, с.316].

Положением 1895 г. предусматривалось создание нового вида учреждения мелкого кредита – кредитного товарищества. Главным отличием кредитных товариществ от ссудо-сберегательных являлось отсутствие паевых взносов. Имущество кредитного товарищества образовывалось за счет займов Государственного банка, выдаваемых под круговое поручительство участников товарищества. Кроме этого они могли учреждаться на суммы пожертвований земских, общественных и частных учреждений или частных лиц. Крестьяне имели возможность получать займы от таких товариществ, не участвуя в создании капиталов, а только уплачивая проценты на полученные денежные средства, за счет чего сами товарищества оплачивали полученные ими со стороны средства [37, с. 10]. Подобное участие в делах кредитного товарищества, гарантированное ответственностью члена за взятый заем и субсидиарной ответственностью по долгам товарищества, носило именование «пая» и было, во многом, юридической фикцией. В ссудо-сберегательном товариществе также присутствовало понятие «пая», включавшего в себя понятие «вклад» (имущественный или денежный взнос в основной капитал ссудо-сберегательного товарищества) и ответственность члена по займам в ссудо-сберегательном товариществе и его долгам [35, с.33].

К числу иных отличий кредитных и ссудо-сберегательных товариществ относились следующие особенности. Во-первых, кредитные товарищества для формирования основного капитала имели право получать ссуды в Государственном банке, в то время как ссудо-сберегательные товарищества такого права не имели. Во-вторых, кредитные товарищества сразу после начала своей деятельности могли получать кредиты в Государственном банке, тогда как ссудо-сберегательные товарищества приобретали это право только после предоставления отчета за первый год своей деятельности. В-третьих, кредитные товарищества находились под контролем инспекторов, состоящих при отделениях Государственного банка, в то время как подобного контроля за ссудо-сберегательными товариществами не устанавливалось. В-четвертых, в кредитных товариществах величина выдаваемого займа зависела от благонадежности члена, в ссудо-сберегательном товариществе она нередко зависела от размера принадлежащего члену товарищества пая [4, с.47].

Говоря о деятельности по предоставлению займов, следует отметить, что Положение 1895 г. ставило осуществление этой операции на более широкие и прочные основания. Наряду с краткосрочными займами разрешалось и предоставление долгосрочных займов. Предельный срок краткосрочных займов был увеличен до 12 месяцев, в долгосрочные займы предоставлялись на срок до 5 лет. В качестве обеспечения, помимо личного доверия и поручительства, вводился залог движимого и недвижимого имущества. Отдавая решение вопроса об установлении размеров процентов по займам на усмотрение правлений кредитных учреждений, Положение 1895 г. ограничило их минимальный размер 12% годовых.

Необходимо отметить, что принятие Положения 1895 г. привело к росту числа учреждений мелкого кредита в России. Если в 1878 году насчитывалось 864 ссудо-сберегательных товарищества, то к 1905 году функционировало 1629 ссудо-сберегательных и кредитных товариществ [6, с.35]. Однако общая неудовлетворенность положения кредитных учреждений сохранялась, что подтолкнуло Правительство к форме законодательства, регламентировавшего деятельность кредитных кооперативов.

Третий этап развития законодательства о кредитной кооперации начался с принятием 7 июня 1904 г. нового Положения об учреждениях мелкого кредита (далее – Положение 1904 г.) [17]. На основании этого документа были разработаны Образцовые уставы ссудо-сберегательного и кредитного товариществ, утвержденные 14 сентября 1905 г. (далее – Образцовые уставы 1905 г.) [22].

Положение 1904 г. существенно отличалось от ранее действовавших законодательных актов, регламентировавших деятельность кредитной кооперации. Например, в Положении 1904 г. более определенно была сформулирована целевая направленность деятельности учреждений мелкого кредита. Так, «учреждения мелкого кредита имеют целью облегчать сельским хозяевам, земледельцам, ремесленникам и промышленникам, равно как и образуемым ими артелям, товариществам и обществам, а также волостным, сельским и станичным обществам и крестьянским товариществам, производство хозяйственных оборотов и улучшений, а также приобретение инвентаря, – снабжение их необходимыми для того денежными средствами на банковых основаниях и принятием на себя посредничества по их оборотам» (ст.1 Положения 1904 г.). Ссудо-сберегательные товарищества, помимо облегчения производства хозяйственных оборотов и улучшений, должны были способствовать своим товарищам в накоплении сбережений.

К числу учреждений мелкого кредита, согласно ст.2 Положения 1904 г., относились: 1) кредитные товарищества; 2) ссудо-сберегательные товарищества; 3) сельские, волостные и станичные ссудо-сберегательные кассы; 4) земские кассы; 5) сельские банки; 6) вспомогательные и сберегательные кассы бывших государственных крестьян и другие подобные учреждения. Однако из всех видов учреждений мелкого кредита к организациям кооператива типа, аналогичных современным кредитным кооперативам, относились только ссудо-сберегательные и кредитные товарищества.

Законодательство предъявляло требование к минимальному количеству членов, входящих в товарищество. Так, согласно п.9 Образцовых уставов 1905 г., в товариществе не могло быть менее 20 членов, иначе оно подлежало закрытию. В соответствии с п.10 Образцовых уставов 1905 г. членами товариществ могли быть: 1) совершеннолетние лица обоего пола, имеющие право распоряжаться своим имуществом и имеющие свое хозяйство, ремесло или промысел; 2) артели, товарищества и общества, образуемые сельскими хозяевами, земледельцами, ремесленниками и промышленниками; в) волостные, сельские, станичные и тому подобные крестьянские и казачьи общества. Согласно специальному положению лица, уже вошедшие в другое ссудо-сберегательное или кредитное товарищество или в общество взаимного кредита, не могли быть членами товарищества (п.13 Образцовых уставов 1905 г.). Кроме этого, п.2 Образцовых уставов разрешал учредителям в случае необходимости определять в уставе некоторые ограничения относительно лиц, принимаемых в товарищество, по роду занятий (ремеслу, промыслу) или иным признакам. Таким образом, членами товариществ могли быть как физические, так и юридические лица. При этом юридическое лицо имеет право лишь одного голоса в управлении делами товарищества (при голосовании на общих собраниях), как и физические лица.

Органами ссудо-сберегательного и кредитного товариществ являлись – общее собрание членов-товарищей (высший орган управления); правление (исполнительный орган); надзорный совет (контрольно-ревизионный орган).

Особенностью функционирования ссудо-сберегательных и кредитных товариществ являлся территориальный принцип деятельности. В п.2 Образцовых уставов 1905 г. местность, жители которой могли участвовать в товариществе, определялась примерно – это город, волость, село, деревня и т.п. Более конкретно район деятельности товарищества должен был определяться в уставе конкретного товарищества. Хотя специальных предписаний относительно территориальных рамок деятельности законодательство не содержало, Управление по делам мелкого кредита Государственного банка в Циркуляре от 7 августа 1912 г. № 254 рекомендовало по возможности избегать больших рай-

онов [5, с.159]. Подобная рекомендация была обусловлена следующими причинами: 1) при большом районе затруднено надлежащее управление кредитными учреждениями; 2) исполнительному органу сложно уследить за изменением имущественного положения членов, их кредитоспособностью, за целевым и эффективным использованием предоставленных ссуд; 3) кредитное учреждение должно быть максимально приближенным к члену-заемщику для удешевления и упрощения процесса получения ссуд, особенно мелких [14, с.150].

Каждое товарищество должно было иметь основной капитал, т. е. фонд, который служит для обеспечения обязательств товарищества перед кредиторами (вкладчиками и другими), ссужавших ему средства для текущих оборотов. В ст.24 Положения 1904 г. определялось, что основные капиталы в кредитных товариществах создаются из ссужаемых им или жертвуемых средств, а в ссудо-сберегательных товариществах – из паевых взносов участников, в меньшей степени – за счет ссужаемых или жертвуемых средств.

Следует отметить, что Положением 1904 г. был существенно снижен размер паявого взноса для участников ссудо-сберегательных товариществ. Если в соответствии с Типовым уставом 1872 г. и Положением 1895 г. паявой взнос составлял 500 рублей, то в Положении 1904 г. минимальный взнос составлял 10 рублей, а максимальный – 100 рублей. Это обстоятельство расширило возможности участия в ссудо-сберегательных товариществах широких слоев населения, прежде всего сельского.

В ст.ст.27-28 Положения 1904 г. определялись государственные источники финансирования основных капиталов учреждений мелкого кредита: 1) фонд бывшего Особого Комитета для помощи нуждающимся по случаю неурожаев 1891-1892 годов; 2) ассигнования из государственного казначейства на нужды мелкого кредита; 3) фонды Государственных сберегательных касс. Государственные источники финансирования основных капиталов кредитных кооперативов в Российской Империи изначально были главными. Позже, по мере дальнейшего развития дела мелкого кредита, их заменили чисто кооперативные источники финансирования – фонды союзов учреждений мелкого кредита, которые кредитовали вновь создающиеся кредитные и ссудо-сберегательные товарищества.

Товарищества в соответствии со ст.7 Положения 1904 г. могли осуществлять следующие виды операций: 1) выдача ссуд; 2) привлечение денежных вкладов и заключение займов; 3) посредничество по оборотам, главным образом по покупке необходимых для хозяйства предметов и по продаже продуктов хозяйства. Кредитные и ссудо-сберегательные товарищества в соответствии со ст.8 Положения 1904 г. могли производить ссудные и посреднические операции только с участниками товарищества. Вклады согласно ст.14 Положения 1904 г. принимались от любых граждан и учреждений. Займы также разрешалось привлекать от любых лиц.

Кредитные и ссудо-сберегательные товарищества выдавали ссуды исключительно своим членам для хозяйственных оборотов и улучшений в хозяйстве, а также на покупку орудий, инструментов, скота и другого необходимого имущества, инвентаря (п.51 Образцовых уставов 1905 г.). Циркулярами Управления по делам мелкого кредита Государственного банка выдача ссуд учреждениям мелкого кредита для удовлетворения потребительских нужд членов товариществ ограничивалась. Так, Циркуляром от 15 октября 1904 г. было определено, что «кредит лишь тогда целесообразен, когда он направлен на увеличение средств производства, на создание новых и увеличение существующих в данном хозяйстве или промысле источников доходов, из которых и должны возмещаться сделанные заемщиком позаимствования. Нет такого требования, которое следовало бы с большей настойчивостью предъявлять к учреждениям мелкого кредита, какого бы типа они ни были – земские, сословные или товарищеские (кооперативные) – как-то, чтобы они твердо и последовательно держались выдачи производительных ссуд. Согласно ст.1 Положения, выдаваемые учреждениями мелкого кредита ссуды предна-

значены на облегчение производства хозяйственных оборотов и улучшений и приобретение инвентаря, то есть на такие затраты, которые, укрепляя и расширяя хозяйство заемщиков, создают определенный источник для возврата взятых денег и тем самым увеличивают вообще их доход, повышают уровень благосостояния и зажиточности» [5, с.4].

Большое внимание уделялось целям использования выданных товариществами ссуд. Согласно п.60 Образцовых уставов 1905 г. ссуда выдавалась под условием употребления ее по тому назначению, какое указано заемщиком до ее выдачи. Правление обсуждало, насколько предприятие или предмет, на которые берется ссуда, обеспечивает возврат ее и решает, можно ли выдать заемщику просимую ссуду.

Выдача ссуд на оборотные средства согласно ст.10 Положения 1904 г. допускалась на срок до одного года, на приобретение инвентаря – до трех и на хозяйственные нужды – до пяти лет. Причем размер ссуд под обеспечение имуществом не должен был превышать трех четвертей его оценки. Долгосрочных ссуд согласно п.53 Образцовых уставов 1905 г. не могло быть выдано больше, чем на сумму основного и запасного, а равно собственных, особо на то предназначенных капиталов; но если товарищество имело вклады или займы на долгие сроки, то оно было вправе сверх того выдавать долгосрочные ссуды за счет этих вкладов и займов, с таким, однако, расчетом, чтобы сроки платежей по ссудам давали товариществу возможность возвращать вклады и займы в назначенные для них сроки.

Обеспечению выдаваемых ссуд была посвящена ст.9 Положения 1904 г. Так, ссуды могут быть выдаваться: 1) по личному доверию; 2) под обеспечение поручительством; 3) под заклад произведений хозяйства и инвентаря. Ссуды, выдаваемые на приобретение инвентаря, могли обеспечиваться приобретаемыми предметами, с оставлением их в пользовании заемщика, при условии составления их описи, в присутствии не менее двух свидетелей и наложения на означенные предметы, если возможно, видимых знаков приема их в заклад – печатей, пломб, клейм (ст.11 Положения 1904 г.).

В силу того, что товарищества, согласно Положению 1905 г., действовали на банковских основаниях, на его членов возлагалась обязанность уплачивать проценты на сумму полученной ссуды. Размер процентов по ссудам согласно п.65 Образцовых уставов 1905 г. определялся общим собранием и мог различаться в зависимости от сроков, размера и назначения ссуд. Однако, в силу того, что товарищество выдавало ссуды своим членам, составлявшим общее собрание, проценты по ссудам были не очень высокими. Вклады в товариществах являлись очень важным и наиболее желательным источником формирования оборотных капиталов. Согласно п.33 Образцовых уставов 1905 г. денежные вклады могли приниматься от товарищей и от посторонних лиц и учреждений с обязательством возврата их в определенный срок (срочные вклады), или без определения срока (вклады бессрочные). Товарищество также могло принимать вклад до наступления каких-либо условных сроков или обстоятельств, которые определяются по соглашению вкладчика с правлением (например, до совершеннолетия, до замужества дочери, на погребение и т. д.). В соответствии с п.43 Образцовых уставов 1905 г. проценты по вкладам и сроки вкладов определялись общим собранием или по его уполномочию надзорным советом вместе с правлением.

Большое значение придавалось сохранению тайны вкладов под страхом уголовного наказания. Согласно ст.15 Положения 1904 г. сведения по вкладам должны были сохраняться в тайне от посторонних лиц и открывались не иначе, как по требованию уполномоченных государственных и судебных органов. За нарушение тайны виновные, в том числе служащие учреждений мелкого кредита, подлежали привлечению к ответственности по ст.1157 Уложения о наказаниях.

Товарищество, наряду с привлечением вкладов населения, могло осуществлять займы на усиление своих оборотных средств как у своих членов, так и у посторонних лиц и учреждений (п.48 Образцовых уставов 1905 г.).

Завершая изучение Положения 1904 г. необходимо отметить, что его принятие привело к стремительному росту товариществ мелкого кредита. К концу 1914 года кооперативные товарищества мелкого кредита насчитывали свыше 14,5 тыс. учреждений, объединявших более 9,5 млн. самостоятельных домохозяев. Их балансовые средства составляли 709 млн. рублей. По темпам роста кредитной кооперации и по абсолютной численности ее членов Россия вышла на одно из первых мест в мире [11, с. 132].

Изменения, произошедшие в России после Октябрьской революции, не могли не отразиться на кредитной кооперации. Кредитная кооперация рассматривалась новой властью как «самая недемократичная часть кооперации» и «наиболее буржуазная ветвь кооперативного движения» [7, с. 41, 88], поэтому уже в первые месяцы существования советской власти начался процесс превращения кооперации в разновидность государственного аппарата. Так, в феврале 1918 г. Советом народных комиссаров РСФСР (далее – СНК РСФСР) было упразднено Управление по делам мелкого кредита [9]. Функции Управления были переданы Государственному банку РСФСР, который до образования органа, ведающего делами рабочей и крестьянской кооперации, должен был осуществлять кредитование кооперативов, применять меры к обеспечению выданных из правительственных источников ссуд. Следующим шагом на пути «огосударствления» кредитной кооперации явилось изменение порядка регистрации кредитных кооперативов. В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 3 сентября 1918 г. «О порядке открытия кредитных учреждений и их отделений» уставы создаваемых кредитных кооперативов подлежали утверждению Народным комиссариатом финансов РСФСР [23]. Таким образом, существовавший ранее явочный порядок государственной регистрации был заменен разрешительным.

Хотя официального запрета на создание кредитных кооперативов не существовало, фактически государственная политика была направлена на их искоренение. Так, в конце 1917 – 1918 г. повсеместно происходила национализация, закрытие кредитных кооперативов, смещение их руководящих работников, принуждение кооперативов выдавать ссуды нечленам кооперативов (в основном, беднякам), выселение кооперативов из принадлежащих им зданий, аресты и расстрелы кооперативных работников [1, с.102]. Подобные меры были обусловлены тем, что значительная часть кредитных кооперативов существовала в сельской местности. Это обстоятельство препятствовало функционированию системы государственного кредитования сельского хозяйства, которая являлась одним из инструментов коллективизации. Создание подобной системы предусматривалось Декретом СНК РСФСР от 2 ноября 1918 г. «Об образовании специального фонда по развитию сельского хозяйства» [24].

Чтобы обеспечить успешную деятельность специального фонда, СНК РСФСР было принято решение о национализации Московского народного банка, созданного в 1912 году исключительно для финансирования учреждений мелкого кредита, которые являлись его акционерами. Московский народный банк был реорганизован путем слияния с Народным банком РСФСР [10]. Правление Московского народного банка было преобразовано в кооперативный отдел Центрального управления Государственного банка РСФСР. В компетенцию кооперативного отдела входило инструктирование кредитных организаций и проведение в них ревизий. Впоследствии на кооперативный отдел были возложены утверждение и регистрация уставов кредитных и ссудно-сберегательных товариществ и их союзов [19, с.122-126]. По мнению А.О.Бунина, упразднением Московского народного банка был перечеркнут весь исторический путь кредитно-кооперативного движения России [8, с.32].

Следующим этапом стала реорганизация самих кредитных кооперативов. В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 27 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций» кредитные и ссудно-сберегательные товарищества и их союзы подлежали реорганизации в форме слияния с потребительскими обществами [25]. В результате денежные средства всех кредитных кооперативов были переданы Центросоюзу.

Переосмысление роли кредитной кооперации произошло при переходе к Новой экономической политике. Первым шагом на пути возрождения кредитной кооперации явилось принятие Декрета СНК РСФСР от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации» [26]. Однако официально создание кредитных кооперативов стало возможным только после принятия специального нормативного правового акта – Декрета СНК РСФСР от 24 января 1922 г. «О кредитной кооперации» (далее – Декрет о кредитной кооперации) [27].

В соответствии с п.1 Декрета о кредитной кооперации разрешалось создавать кредитные и ссудно-сберегательные кооперативные товарищества для предоставления своим членам льготных ссуд на удовлетворение их хозяйственных нужд, для планомерного и целесообразного объединения денежных средств членов товарищества в целях удовлетворения более крупных хозяйственных нужд. Кредитные кооперативы могли осуществлять те же операции, что и до революции – ссудные, вкладные и займовые. Кроме этого, в соответствии с п.6 Декрета о кредитной кооперации кредитным кооперативам было предоставлено право осуществлять торгово-посреднические операции и производственную деятельность. Это свидетельствовало о стремлении придать кредитным кооперативам характер универсальной кооперативной организации [36, с.76].

Следует отметить, что в Декрете о кредитной кооперации не говорилось о связи кредитных кооперативов с сельскохозяйственной кооперацией, поэтому они могли создаваться для удовлетворения хозяйственных потребностей в различных сферах экономической жизни. При этом не исключалось и предоставление денежных средств для удовлетворения личных нужд членов кредитных кооперативов. Однако большинство кредитных кооперативов создавались именно для удовлетворения потребностей сельскохозяйственных производителей.

Для регистрации кредитного кооператива требовалось не менее пятидесяти членов (п.3 Декрета о кредитной кооперации), а государственная регистрация производилась отделениями и конторами Государственного банка РСФСР. Вопросы структуры товариществ и их союзов, а также регулирование отдельных операций должны были определяться уставами кредитных кооперативов. Для этой цели Народным комиссариатом финансов РСФСР 14 сентября 1922 г. были утверждены Типовые уставы кредитных и ссудно-сберегательных товариществ, которые имели императивную силу.

Изучение Декрета о кредитной кооперации позволяет сделать вывод, что он предоставлял широкие возможности для независимого развития кредитной кооперации и носил прогрессивный характер. Однако Декрет не послужил мощным толчком к росту числа кредитных кооперативов и развертыванию их деятельности в 1922 г. Согласно статистическим данным в РСФСР к началу 1923 г. существовало 800 кредитных кооперативов и 9170 универсальных сельскохозяйственных кооперативов с кредитными функциями [12, с.69]. Главными причинами медленного роста числа кредитных кооперативов явились экономические условия: слабо функционирующая денежная система, низкая товарность крестьянских хозяйств, слабая дифференциация и специализация кооперативных систем, отсутствие кооперативных институтов общероссийского масштаба [7, с.124]. В подобных условиях дальнейшее развитие кредитной кооперации полностью зависело от государства.

С целью финансирования кредитных кооперативов и отдельных товаропроизводителей в соответствии с Декретом СНК РСФСР от 11 мая 1925 г. «О порядке образования обществ сельскохозяйственного кредита» [28] была создана сеть учреждений банковского типа – обществ сельскохозяйственного кредита. Общества сельскохозяйственного кредита создавались в форме акционерных обществ. Это обстоятельство позволило привлечь к их работе не только государственные, но и кооперативные, и общественные организации. Общества предоставляли кредиты на производственные нужды и занимались посреднической снабженческо-сбытовой деятельностью. С упрочением финансового положения кредитных кооперативов общества перестали непосредственно кредито-

вать отдельные крестьянские хозяйства, займы предоставлялись через кредитные и ссудно-сберегательные товарищества [40, с.98].

В результате создания обществ сельскохозяйственного кредита полная финансовая зависимость кредитной кооперации от государства и невозможность существовать на собственные средства стала очевидной. Ограничению самостоятельности кредитных кооперативов способствовало создание в феврале 1924 г. Центрального сельскохозяйственного банка, на который была возложена роль центра системы государственного сельскохозяйственного кредита. Помимо него, в структуру государственного кредита в 1925 году входили 6 республиканских сельскохозяйственных банков, 62 общества сельскохозяйственного кредита и 10037 кредитных кооперативов [20, с.70].

Слабое развитие кредитной кооперации в юридической литературе объяснялось отсутствием адекватного сложившимся общественным отношениям правового акта. Так, М.Л.Лурье отмечал, что принятие нового кооперативного закона обусловит появление положительных тенденций в развитии кредитной кооперации. Кроме этого, он полагал, что формально все нормативные акты о кредитной кооперации – это правовые акты РСФСР, а не СССР, поэтому необходимо принять Закон СССР о кредитной кооперации [12, с.64]. Необходимость разработки специального закона о кредитной кооперации была высказана на XIV партийной конференции, состоявшейся в апреле 1925 года. В связи с этим, Народный комиссариат финансов СССР в 1926 году разработал проект постановления «О кооперативном кредите». Данный проект делил все кредитные кооперативы по признаку обслуживаемого населения на сельскохозяйственные кредитные кооперативы и их союзы и на кустарно-промышленные кредитные кооперативы и их союзы. Поскольку эти виды кооперативов имели существенное отличие друг от друга, предполагалась дифференциация правового регулирования кредитной кооперации, что обуславливало принятие специального закона о сельскохозяйственной кредитной кооперации. Проект предусматривал, что сельские кредитные кооперативы будут осуществлять вкладные и ссудные операции, торговую и производственную деятельность на комиссионных началах или за счет специально созданных в кооперативе фондов [40, с.101-102].

В результате проведенной работы были приняты два постановления – постановление ЦИК и СНК СССР от 7 января 1927 г. «Об утверждении Положения о системе сельскохозяйственного кредита» [29] и постановление ЦИК и СНК СССР от 18 января 1927 г. «О кооперативном кредите» [30]. Издание этих постановлений свидетельствовало об усилении законодательной тенденции специального правового регулирования кредитной кооперации.

Однако уже с 1928 года в связи со свертыванием Новой экономической политики деятельность государства была направлена на постепенную ликвидацию системы кредитной кооперации. Так, согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 18 октября 1929 г. «О сельскохозяйственной кооперации и ее работе» [31] кредитным кооперативам и их союзам предписывалось передать производственным кооперативам свои снабженческо-сбытовые функции, за ними сохранялось только право предоставлять займы сельскохозяйственным производителям. С принятием постановления СНК СССР от 18 ноября 1929 г. «О реализации краткосрочного кредитования и расчетов в сельскохозяйственной и промысловой кооперации» [32] права кредитных кооперативов были вновь ограничены. Это выразилось в том, что краткосрочное финансирование поставок сельскохозяйственной продукции для государственных нужд возлагалось на Государственный банк СССР, кредитные кооперативы могли предоставлять займы только для поставок продукции в иных целях.

Окончательно в СССР кредитные кооперативы прекратили свое существование в результате проведения кредитной реформы. В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 30 января 1930 г. «О кредитной реформе» [33] Центральный сельскохозяйственный банк был реорганизован во Всесоюзный сельскохозяйственный кооперативно-колхозный банк, в общества сельскохозяйственного кредита – в филиалы этого

банка. Однако новая система кредитной кооперации просуществовала только до 1931 года. Постановлением СНК СССР от 20 марта 1931 г. «Об изменениях в системе кредитования, укреплении кредитной работы и обеспечении хозяйственного расчета во всех хозяйственных органах» [34] был произведен переход от коммерческого кредитования к прямому банковскому кредитованию. В результате был ликвидирован Всесоюзный сельскохозяйственный кооперативно-колхозный банк и кредитные кооперативы. Функции банка были переданы Государственному банку СССР, а кредитные кооперативы были превращены в филиалы Государственного банка.

Таким образом, завершая рассмотрение вопроса об истории правового регулирования деятельности кредитных кооперативов, необходимо отметить, что законодательство дореволюционного периода представляло собой разработанную и стройную систему нормативных правовых актов. Кредитные кооперативы были представлены двумя видами товариществ – кредитными и ссудо-сберегательными, которые могли осуществлять ссудные, вкладные, заемные и торгово-посреднические операции. При этом главной целью деятельности кредитных кооперативов являлось предоставление заемных средств для удовлетворения хозяйственных потребностей членов товариществ. Советский этап развития законодательства, регламентировавшего деятельность кредитных кооперативов, ограничивается достаточно узкими временными рамками – с 1917 до 1931 год. Данный отрезок времени условно можно подразделить на три периода. Первый период – с 1917 по 1921 год. На этом этапе СНК РСФСР были предприняты меры законодательного характера, в результате которых кредитные кооперативы перестали существовать, как самостоятельная часть кооперативного движения, слившись с потребительскими обществами. Второй период – с 1921 по 1928 год. Данный этап характеризуется тем, что в результате перехода к Новой экономической политике вновь было разрешено создание кредитных кооперативов. При этом кредитным кооперативам дозволялось, как и в дореволюционном законодательстве, осуществление ссудных, вкладных, заемных и торгово-посреднических операций. Третий период – с 1928 по 1931 год. В рамках этого этапа, в условиях свертывания Новой экономической политики и усиления процесса коллективизации и индустриализации, происходило постепенное ограничение прав кредитных кооперативов, в результате чего кредитная кооперация в СССР прекратила свое существование.

Список литературы

1. Акманов С.С. Кредитные отношения в сельском хозяйстве России: правовые основы становления и развития. – Иркутск, 1999.
2. Анциферов А.Н. Кооперативный кредит. – Петроград, 1918.
3. Бородаевский С.В. История кооперативного кредита. – Прага, 1923.
4. Бородаевский С.В. Мелкий кредит. – СПб, 1906.
5. Бородаевский С.В. Сборник по мелкому кредиту. – Петроград, 1915.
6. Бубнов И.Л. Формирование кредитной кооперации в России и ее нормативно-правовое регулирование до 1917 года // Вестник финансовой академии. – 1997. – № 2.
7. Бунин А.О. Советская власть и кредитная кооперация (октябрь 1917 – 1925 гг.). – Иваново, 1998.
8. Бунин А.О. Сельскохозяйственная кредитная кооперация в СССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иваново, 1990.
9. Декрет СНК РСФСР от 15 февраля 1918 г. «Об упразднении Управления по делам мелкого кредита» // Собрание узаконений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. – 1918. – № 24. – Ст.327.
10. Декрет СНК РСФСР от 2 декабря 1918 г. «О национализации Московского народного банка и о кредитовании кооперации» // Собрание узаконений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. – 1918. – № 90. – Отд.1. – Ст.912.
11. Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. – М., 1988.
12. Лурье М.Л. Очерки кредитной кооперации в СССР. – Л., 1926.
13. Мейер Д.И. Русское гражданское право. Часть 2. – М., 1997.
14. Паламарчук В.А., Шишуга Ю.В. Особенности правового положения кредитных кооперативов в Российской Империи в конце XIX – начале XX в. // Правовая политика и правовая жизнь. – 2001. – № 4.

15. Пахман С.В. История кодификации гражданского права. В двух томах. Том II. – СПб., 1876.
16. Полное собрание законов Российской Империи. – Собр.3. – Т.15. – № 11756.
17. Полное собрание законов Российской Империи. – Собр.3. – Т.24. – № 24737.
18. Положение об учреждениях мелкого кредита, комментированное законодательными мотивами (Государственного Совета и Государственной Думы), разъяснениями Правительствующего Сената, Министерств, Управления по делам мелкого кредита, циркулярами, правилами и другими инструкционными распоряжениями по 15 января 1914 г. / Сост. Н.С. Доброхотов. – СПб., 1914.
19. Положение Народного комиссариата финансов РСФСР от 12 февраля 1919 г. «Об утверждении и регистрации уставов кредитных кооперативов» // Сборник постановлений и декретов по мелкому кредиту. – М., 1919.
20. Смирнова Т.А. Принципы организации и перспективы развития кредитной кооперации в России. – СПб., 1993.
21. Собрание узаконений и распоряжений Правительства. – 1865. – № 108.
22. Собрание узаконений и распоряжений Правительства. – 1905. – № 51. – Ст.ст.532-534.
23. Собрание узаконений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. – 1918. – № 65. – Ст. 714.
24. Собрание узаконений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. – 1918. – № 81. – Ст. 912.
25. Собрание узаконений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. – 1920. – № 6. – Ст. 37.
26. Собрание узаконений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. – 1921. – № 26. – Ст. 150.
27. Собрание узаконений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. – 1922. – № 4. – Ст. 41.
28. Собрание узаконений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. – 1923. – № 43. – Ст. 463.
29. Собрание законодательства СССР. – 1927. – № 4. – Ст. 39.
30. Собрание законодательства СССР. – 1927. – № 35. – Ст. 364.
31. Собрание законодательства СССР. – 1929. – № 61. – Ст. 565.
32. Собрание законодательства СССР. – 1929. – № 73. – Ст. 698.
33. Собрание законодательства СССР. – 1930. – № 8. – Ст. 98.
34. Собрание законодательства СССР. – 1931. – № 18. – Ст. 166.
35. Тряхов Е.П. Правовое положение кредитных (ссудно-сберегательных) кооперативов в сельском хозяйстве: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
36. Устенко А.А. Кредитные отношения в переходной экономике: теория и практика. – Орел, 1998.
37. Файн Л.Е. Отечественная кооперация: исторический опыт. – Иваново, 1994.
38. Хейсин М.Л. Кредитная кооперация. – М., 1923.
39. Шастин Д. Кредитные потребительские кооперативы граждан // Правосудие в Восточной Сибири. – 2002. – № 1-2.
40. Шилова Н.П. Правовое регулирование сельскохозяйственной кредитной кооперации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.

HISTORY OF LEGAL REGULATION OF CREDIT COOPERATION IN THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET CIVIL LAW

A.V. Stepanuk

Belgorod State University, Pobedy str., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: AStepanyuk@bsu.edu.ru

The history of development of legal regulation of credit cooperation during the various periods of development of domestic civil law (pre-revolutionary and Soviet) is considered. The basic stages of development of the legislation on credit cooperation in pre-revolutionary civil law are allocated and characterized, positions of the normative legal certificates operated during the given historical period are estimated. Tendencies of development of the legislation on credit cooperation during the Soviet period are analyzed.

Keywords: credit cooperation, legal regulation, history, pre-revolutionary civil law, the Soviet civil law, credit companies, credit cooperative societies.

УДК 316.4

«СТУДЕНЧЕСКИЕ ПОВЕРЬЯ И ОБРЯДЫ»: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА РЕЛИГИОЗНО-МАГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ БЕЛГУ

С.М. Климова¹⁾, Г.В. Мартынова²⁾, В.Н. Мусолов³⁾

¹⁾Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород. ул. Победы, 85
e-mail: sklimova@bsu.edu.ru

²⁾Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород. ул. Победы, 85
e-mail: galya-martinova@yandex.ru

³⁾Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород. ул. Победы, 85
e-mail: musolov@yandex.ru

Статья посвящена изучению студенческих поверий и обрядов в современном обществе, дан сопоставительный анализ церковной и магической обрядовой лексики, даны результаты социологического опроса студентов БелГУ.

В январе 2008 года инициативной группой студентов СТФ БелГУ под руководством д.ф.н. С.М. Климовой была разработана и апробирована анкета «Студенческие поверья и обряды», посвященная не только выявлению и описанию известных студенческих обрядов и примет, используемых перед сессией, но и описанию уровня и «качества» религиозного сознания опрашиваемых студентов. Религиозность определялась через самоидентификацию студентов в качестве верующих, православных, воцерковленных (характеристики, часто не совпадающие). Сопоставление полученных результатов позволяет наглядно увидеть и существо религиозности (православности) студентов, а также описать магические элементы в обрядовой сфере студенческой жизни, и диалогичность языческого (обрядового) и православного элементов в культуре на примере студенческой субкультуры. Вопросы в анкете были составлены таким образом, чтобы выявить уровень воцерковленности (знания и действия), степень веры, связь между сдачей экзамена – как важного итога студенческой жизни – и различными культовыми и обрядовыми практиками, используемыми студентами для получения успешного результата.

Для наглядности приведем созданную нами анкету.

АНКЕТА «Студенческие поверья и обряды»

1. Верите ли Вы в приметы, помогающие при сдаче экзаменов?

- а) да;
- б) нет;
- в) затрудняюсь ответить.

2. Совершаете ли Вы культовые обрядовые действия для успешной сдачи экзаменов?

- а) да, всегда;
- б) да, иногда;

- в) нет, никогда;
- г) затрудняюсь ответить.

3. Какого рода эти обрядовые действия?

- а) церковные;
- б) традиционные студенческие;
- в) неовосточные (культы новых религий и др.);
- г) собственные (сам выработал и использую только в личных целях).

4. Какие из обрядов, примет, культов, помогающих сдать экзамен, Вы знаете? _____

5. Какие из обрядов, примет, культов, помогающих сдать экзамен, Вы используете? _____

6. Какое значение для Вас имеет исполнение обрядовых действий перед экзаменом?

- а) обязательное исполнение;
- б) желательное исполнение;
- в) исполнение на всякий случай;
- г) исполнение не обязательно;
- д) никогда не исполняю.

7. Помогает ли Вам исполнение культов или обрядов в успешной сдаче экзамена?

- а) да, всегда/ часто;
- б) иногда;
- в) нет;
- г) затрудняюсь ответить.

8. Какие Вам известны приметы, определяющие удачу и неудачу в сдаче экзамена? _____

9. Известны ли Вам святые, покровители студентов? (назовите, кого вы знаете конкретно)

- а) да, _____
- б) нет;
- в) затрудняюсь ответить.

10. Какие Вы знаете иконы, помогающие в учебе (перечислите)?

11. Приходилось ли Вам обращаться в церковь с просьбой о помощи в обучении перед сессией?

- а) да;
- б) нет;
- в) затрудняюсь ответить.

12. Как Вы считаете, существуют ли у преподавателей приметы, обряды, культовые действия, связанные с профессиональной деятельностью?

- а) да;
- б) нет;
- в) затрудняюсь ответить.

13. Оцените свою религиозность:

- а) искренне верующий человек;
- б) нахожусь на пути к вере;
- в) верю во что-то;
- г) ни во что не верю, атеист.

14. Ваш пол?

- а) мужской;
- б) женский.

15. Возраст?

- а) 16 -18;
- б) 19 -21;
- в) 22 -25.

Ваш факультет, курс? _____

1. Проблема исследования

Проблемой исследования является описание специфики студенческих ритуалов и поверий в период сдачи экзаменов во время сессии.

2. Цели исследования:

- 1. описание ритуальной сферы студенческой субкультуры
- 2. выявление качества верований студентов, обнаружение церковного и магического элементов.

3. Задача исследования:

- 1. раскрытие форм и способов использования традиционных студенческих обрядов;
- 2. выявление приверженности студентов к церковным (культовым) предметам и действиям, выяснение их значимости в жизни студентов перед сессией,
- 3. представления о глубине веры студентов (непосредственно через самоидентификацию и опосредованно через сопоставление с результатами анкетирования).

4. Объект исследования:

Верования студентов 1-4-х курсов девяти факультетов БелГУ.

5. Предмет исследования:

Религиозность студентов во время сессии.

6. Гипотеза исследования

Предполагаем широкое бытование студенческих ритуалов, их использование в практике сдачи экзаменов, а также распространенное использование церковной атрибутики и обрядовости для реализации тех же целей – успешной сдачи экзаменов; наличествует максимальное сближение студенческих магических и церковных обрядов при общности целевых установок. Опрос позволит обнаружить универсальные принципы сознания, пропитанного и магической и религиозной лексикой и атрибутикой, с одинаковой силой используемой студентами в период сдачи экзаменов, что демонстрирует низкий (лишь формально присутствующий) уровень церковного религиозного знания и веры.

7. Расчет выборочной совокупности.

В исследовании генеральной совокупностью выступают студенты 1-4-х курсов БелГУ в возрасте 18-21 лет (примерно 800 человек). Выборочная совокупность 197 человек. Опрос проведен на девяти факультетах, среди которых в равных долях представлены гуманитарные: филологический, факультет психологии, исторический, экономический, юридический; естественные: физический (ФФ), математический (МиИТ), КНИТ. Выборка факультетов дифференцирована на «престижные»: юрфак, эконом, и КНИТ и «не престижные»: филологический, исторический, физический и математический (в основе деления положен принцип оплаты за обучение на данных факультетах). Первокурсники представляли факультеты: экономический, юридический, физический; а 2-й курс факультеты: СТФ (соц. работа и теология) и математический, исторический; 3-й курс – СТФ (философия, теология), психфак; 4-й – филфак и КНИТ. Отдельно представлены результаты опроса социально-теологического факультета (СТФ) как наиболее репрезентативного: группа теологов, социальной работы и философов – 71 человек. Отбор

респондентов в выборочную совокупность производился стихийно, т.е. по принципу добровольности и доступности вхождения единиц генеральной совокупности в выборочную. Выборочное исследование проведено при помощи анкетирования без претензии на абсолютную репрезентативность полученных данных.

8. Результаты исследования.

По возрастному составу респонденты разделились следующим образом: 197 человек; из них 106 (53,81%), – в возрасте 19-21 лет;

86 (43,65%) – в возрасте 16-18 лет;

5 человек (2,54%) – в возрасте 22-25 лет.

Пол – женский – 135 человек (68,53%);

мужской – 62 человек (31,47%).

От общих цифр перейдем к демонстрации **отдельных цифр** по факультетам и выделим наиболее характерные диаграммы.

1. Верите ли Вы в приметы, помогающие при сдаче экзаменов?

На первый и основной вопрос анкеты ответы распределились следующим образом:

34,52% всех опрошенных ответили «да», 51,27% – нет, затруднились ответить – 14,21% студентов. Среди гуманитариев выделяются ответы филологов 4 курса: «да» ответили 52,94%, «нет» – 47,06%. Близки к этому ответы экономистов и юристов 1 курса: да – 56,52% и 57,14% соответственно, нет – 17,39% и 25%, затрудняюсь ответить – 26,09% и 17,86%. Ответы естественников резко расходятся между собой: студенты физического факультета 1 курса не верят в приметы (87,5%), а затрудняются – 12,5%; математики 2-го курса в большинстве верят (70%), не верит – 20%, затруднятся – 10%. Студенты КНИТ 4 курса ответили так: да – 16%, нет – 72%, затрудняюсь ответить – 12%.

2. Совершаете ли Вы культовые обрядовые действия для успешной сдачи экзаменов?

Об обрядовых практиках во время сессии говорят следующие результаты анкетирования в целом: да, всегда – 10,66%; да, иногда – 29,44%; нет, никогда – 50,76%; затрудняюсь ответить – 9,14%.

Опять выделяются ответы филологов, а также психологов и философов: да, всегда – 46,15% (философы), да, часто – 52,94% (филологи), 50% (психологи), нет, никогда – 35,29% (филологи), 25% (психологи), затруднились ответить – 25% (психологи), 7,69% (философы), 5,88% (филологи).

Среди других студентов, в том числе естественников, общие тенденции в ответах, близкие к результатам в целом.

3. Какого рода эти обрядовые действия?

Общие результаты ответов на этот вопрос следующие:

Церковные – 21,32%; традиционные студенческие – 31,47%; неовосточные – 1,52%; собственные – 14,21%; оставшиеся (около 31,48%) – никакие не отметили. Анкеты, указывающие на воцерковленность информантов, в основном представлены теологическими группами СТФ. **52,5%** теологов совершают церковные и лишь 15% – студенческие. Далее по степени «воцерковленности» следуют историки – 30%- церковные и 50% – студенческие; и психологи – 25%.- церковные и 30% – студенческие. Наименее подвержены церковному влиянию юристы и физики – 0%. На мехмате – 10%, КНИТ – 8%, философы – 7%. На этих же факультетах студенческие обряды более широко бытуют: юристы – 42,8%, физики – 75%; мехмат – 30% и КНИИТ – 20%, философы – 15,3%. Явна тенденция обратной пропорциональности между точностью научных знаний и «силой» веры в Бога. При этом наименее религиозные факультеты оказались наиболее подверженными влиянию со стороны студенческих обрядов и суеверий, что вполне объяснимо с точки зрения функционирования магического сознания. Гораздо показательнее то, что студенты, номинирующие себя приверженцами традиционной религии, одновременно используют и студенческие обряды, руководствуясь принципом «на всякий слу-

чай». Немаловажным является и то, что среди тех, кто никогда не использовал религиозную атрибутику и обряды, нет ни одного атеиста, большинство называют себя искренне верующими. Следует предположить, что вера не сопряжена у них ни с церковной практикой, ни с приверженностью к каким-либо ритуальным действиям.

4. Какие из обрядов, примет, культов, помогающих сдать экзамен, Вы знаете?

Ответы на этот открытый вопрос были очень разнообразны, но все же были и совпадения. Приведем наиболее интересные и распространенные варианты:

Громко смеяться в 5 часов утра перед экзаменом (философия); в 12 часов ночи, выглянув в форточку, кричать (3 раза): «Халава, ловись!» с открытой зачеткой; класть на ночь книгу/зачетку, конспекты, учебники под подушку; класть пятак под пятку; молиться, сходить в церковь для совершения религиозных действий (особенно часто встречается у теологов); не мыть голову; не стричься; не бриться; не открывать зачетку и не показывать другим; ругать сдающего (экономисты); положить зачетку в холодильник; вера в Ктулху (МиИТ, КНИТ); не одевать новой одежды на экзамен; ну и, конечно же, учить.

5. Какие из обрядов, примет, культов, помогающих сдать экзамен, Вы используете?

Большинство отметило, что выполняет известные им обряды, перечисленные в вопросе 4 (см. выше). Также приведем наиболее распространенные ответы: ходить в одной и той же одежде на экзамены, молиться, ходить в церковь, не смотреть в зачетку перед экзаменом, не мыть голову, не стричься, не бриться, класть пятак под пятку, звать халаву, на ночь класть учебник/тетрадь под подушку. Многие студенты, отказываясь использовать языческие амулеты, считают необходимым в зачетку класть иконы или молитвы, используемые ими, с нашей точки зрения, в том же качестве.

6. Какое значение для Вас имеет исполнение обрядовых действий перед экзаменом?

В общем виде ответы выглядят так: обязательное исполнение – 10,15%; желательное исполнение – 13,2%; исполнение на всякий случай – 28,43%; исполнение не обязательно – 13,2%; никогда не исполняю – 32,49% всех опрошенных студентов (воздержались около 3% опрошенных).

Но на разных факультетах эти данные имеют различное значение:

Не придают обязательного значения обрядам перед экзаменом студенты философы (0%), психологи (0%); и немногие так думают на факультетах: КНИТ (4%), МиИТ (10%), физическом (12,5%), экономическом (4,35%), истории (10%), филологическом (5,88%), а вот теологи (20%), соц. работники (11,11%) и юристы (14,29%) стараются придерживаться обязательного исполнения обрядов.

Желательное исполнение отметили большинство историков (40%). Это говорит о том, что большинство только боятся обрядовыми действиями: исполняют «на всякий случай» большинство студентов экономистов (60,87%); филологов (41,18%); физиков (37,5%) и соц. работников (33,33%); в этом также призналось большинство философов (46,15%), теологов (27,5%), юристов (32,14%), студентов МиИТ (40%) и КНИТ (68%).

7. Помогает ли Вам исполнение культов или обрядов в успешной сдаче экзамена?

Среди всех опрошенных результаты таковы: да, всегда/часто – 17,26%; иногда – 20,81%; нет – 26,9%; затрудняюсь ответить – 31,47%.

Но данные разнятся на факультетах:

Большинство теологов (42,5%) ответило «да, всегда/часто», имея в виду указанные ими выше церковные обряды, так же считает и треть студентов МиИТ. То, что обряды иногда помогают, подчеркивают большинство философов (30,77%) и психологов (50%). «Нет» ответило большинство студентов филологов (29,41%), юристов (32,14%), КНИТ (44%). Оставшееся большинство экономистов (52,17%), историков (40%), соц. работников (44,44%), не смеют судить об этом и затрудняются ответить.

8. Какие Вам известны приметы, определяющие удачу и неудачу в сдаче экзамена?

Среди перечисленных примет наиболее распространены следующие:

- нельзя показывать зачетку с пятеркой;
- ловить халяву в полночь перед экзаменом;
- нельзя возвращаться, если что-то забудешь;
- не мыть голову;
- спать на учебнике;
- неудача, если упала зачетка;
- не смотреть первым в зачетку;
- ходить в одной и той же одежде на экзамене;
- не тянуть билет левой рукой;
- зайти в аудиторию с правой ноги;
- ругать сдающего экзамен;
- черная кошка, встреченная перед экзаменом к неудаче;
- написание «шпор».

«Все зависит от того, учишь или не учишь», – ответили многие «рационалисты». Весьма любопытно, что 20% отметили секретность своих действий, видимо относясь к ним весьма серьезно, боясь, что в случае «озвучивания» обряд потеряет силу.

9. Известны ли Вам святые, покровители студентов?

Из всех студентов «да» ответило 29,44%; «нет» – 42,64%; затруднились ответить – 24,37% (+3,55% не ответили). Ответы тех, кто ответил «да» являлись открытыми и были названы святые: святая мученица Татьяна, Николай Чудотворец, Сергей Радонежский, Архангел Гавриил, свв. Косьма и Дамиан, апостол Андрей Первозванный, святитель Иосиф Белгородский, Серафим Саровский, Филарет Московский; Иоанн Кронштадтский; именные святые.

Студенты психологического, юридического, физического факультетов не ответили на этот вопрос (0%), математического (10%) и компьютерных технологий (8%). Стоит обратить на очередное несоответствие между самоидентификацией студентов как верующих и полным отсутствием знания святых икон или покровителей церкви. Безусловно, знание «узко специализированных» студенческих святых имеет и обратную сторону религиозности, указывающую на очередной магизм студенческого сознания, поклоняющегося «своим» – студенческим святым. Но важно и то, что даже в тех исключительных случаях, когда студенты называли святых, они совершали грубые ошибки: Никола Радонежский, Сергей Донской. Достаточно хорошо святые-покровители учащихся известны лишь теологам (57,5%) и филологам (58,82%).

10. Какие Вы знаете иконы, помогающие в учебе?

Наиболее распространенными ответами стали: икона Божьей Матери, «Прибавление ума» (большинство ответов теологов), Николая Угодника, Сергия Радонежского, муч. Татьяны, именные иконы, некоторые отметили, что все иконы помогают. Но большинство опрошенных все-таки не знает никаких икон.

11. Приходилось ли Вам обращаться в церковь с просьбой о помощи в обучении перед сессией?

Общие данные по этому вопросу следующие: 33% всех опрошенных ответили «да»; нет – 55%; затрудняется – 12%.

Ну, а на факультетах картина выглядит так: только у теологов (52,5%), историков (80%), соц. работников (44,4% – но столько же ответило «нет») большинство ответило «да», на остальных факультетах более 70% (и даже 80% у философов) ответило «нет».

12. Как Вы считаете, существуют ли у преподавателей приметы, обряды, культовые действия, связанные с профессиональной деятельностью?

По этому вопросу общие результаты таковы: да – 30% от всех опрошенных; 22% ответило «нет»; затруднились ответить – 48%. И все-таки большинство студентов дума-

ют, что такие обряды и приметы существуют и в преподавательской среде, особенно этого мнения придерживаются учащиеся факультетов: психологии (75%), юридического (43%) и физического (50%). Из тех, кто совсем так не думает (ответили «нет») выделяются математики (50% ответивших).

13. Оцените свою религиозность.

Так звучал последний вопрос анкеты, связанный с обнаружением самоидентификации студентов в качестве верующих. Из предложенных вариантов вырисовывается следующая картина религиозности всех опрошенных студентов: искренне верующими людьми себя признают 21,5% всех опрошенных студентов; находящимися на пути к вере 35,5%; верящих во что-то – 36%, а атеистов – 7%.

Из общего числа опрошенных **искренне верующими** себя считают математики – 40%!, затем уже идут теологи – 32,5%, физики – 25%, юристы – 17,8%, экономисты – 21,7%, 30% – историки, 25% – психологи. 35,2% – филологи. 16,6% – соцработники и ни один философ не считает себя искренне верующим – 0%. Можно предположить, что именно философы адекватно оценивают несовместимость веры и любых обрядовых действий, направленных на «пользу», на получение каких-то дивидендов. Самооценка своей религиозности практически на всех факультетах не совпадает с адекватностью церковных действий, производимых перед и во время сессии, а также незнание ни святых, ни молитв, ни какой-либо религиозной/церковной атрибутики, уместной в данных ситуациях. Остается не ясным суть искренней веры: или студенты искренне верят в свои собственные религиозные представления, не согласуемые с церковными, или это есть вера во что-то, что не выявляется на вербальном уровне самими студентами. Такой ответ, скорее всего, и подразумевается студентами. Подтверждение можно найти в нашей статье, посвященной выявлению качества религиозности студентов БелГУ [Климова, Мартынова, 2007].

Таким образом, ответы, представленные в анкетах, делятся на *два вида*: на те, в которых явно обозначена религиозная мотивация поведения, осуждается использование студенческих (как синоним языческих) обрядов и примет, осуществлен откровенный призыв обращения к церкви и церковному опыту для «поддержки» (как сказано в одной анкете «каждому воздастся по его вере») и на те, в которых студенты охотно перечисляют известные и достаточно давно бытующие в студенческой среде приметы, обряды, несколько не отрицая при этом и церковные атрибуты и номинируя себя как верующих. Следует оговорить, что, студенты в большинстве не относятся к студенческим обрядам серьезно, знают и используют их на «всякий случай».

Интересно отметить, что определенный контингент студентов имеет и использует собственные обрядовые действия – 14, 2%. Больше всех создают собственные обряды: философы – 38,6%, психологи – 25%, КНиТ – 24% и математики – 20%. Данные факультеты «сближаются» по склонности к абстрактному мышлению и воображению, способствующих созданию собственных традиций и обрядов в студенческой среде. Можно условно предположить, что именно люди данных «специальностей» и являются «творцами» различных студенческих поверий и обрядов.

От общих характеристик перейдем к анализу собственно обрядов и обрядовых действия и поверий, которые знают и используют студенты перед экзаменами. Вслед за специалистами мы рассматриваем приметы, поверья, предписания и запреты как часть обрядово-ритуальной деятельности человека в целом, [Филатова 1998, с. 13], описываемой в той же классификационной системе, как и все остальные формы обрядово-ритуальной деятельности. С точки зрения «целевой установки» [Кагаров, 1928] обряды делятся на профилактические (на всякий случай) и продуцирующие, то есть обеспечивающие позитивный результат. Описание известных студенческих обрядов позволяет предположить, что в подавляющем большинстве они относятся к первым и решают задачи больше психологического, нежели магического порядка.

Анкета направлена на выявление собственно студенческих поверий, обрядов и примет, не имеющих аналогов в других сферах обрядовой деятельности и в то же время включаемых в контекст всей культуры, отражающей древнейшие магические характеристики предметов или действий. К собственно студенческой обрядовой сфере относится специфический **предмет** обрядовых действий. Таковым в подавляющем большинстве случаев выступает **зачетка**. Этот предмет приобретает свойства сакрального и магического, благодаря широкой манипуляции – действиям, совершаемым с ним. Безусловно, зачетка как сугубо прагматический предмет, функционирующий только в определенной среде, не может иметь исторически-сакрального контекста. Но магичность этого предмета определена самой функциональностью: в ней сосредоточены оценки – предмет желаний/обладания; манипуляции с зачеткой направлены на обретение желаемых объектов (оценок) и носят явно ритуально-магический характер. Как известно, главной целью магических действий является *овладение* человеком объекта желания с помощью различных ритуалов и манипуляций. Зачетка обретает магичность в силу манипуляций магического характера, производимых с ней.

Классификация действий, обретающих магический характер следующая: открывание/закрывание; ронять на пол/нельзя ронять на пол; нельзя предавать посторонним; сидение на зачетке; класть под подушку; наступать ногой; класть в холодильник (заморозить) перед экзаменом. Все эти магические акции с предметом сакрализации – зачеткой делают ее главным желаемым источником благополучия и удачи. Все действия имеют аналоги в глубинах магического сознания, связанного с сакрализацией (утаиванием, прятаньем, консервацией предмета) с целью сохранения его продуцирующей силы, в данном аспекте как источника хороших оценок. Бессознательно происходит идентификация знания с оценкой, а оценки с зачеткой. Именно она является сутью состоятельности и самоидентификации студента. Другим **предметом** студенческой сакрализации/магизма стал образ **Халявы**, который мы, опираясь на совокупность описаний и изучая известные аналоги в литературе, определяем как синоним легкой Удачи, получения хорошего результат без видимых усилий. Это описание полностью совпадает в распространенным употреблением в русском языке слова халява с аналогичным значением: даром, просто так, ни за что [Щепанская, с.286]. В.Ф. Филатова любезно предоставила нам материалы говора с. Щиряево Калачеевского р-на Воронежской области. Там слово «халява» употребляется в значении «голенище валенка». На примере халявы мы видим

подтверждение идеи о единстве магического предмета и магического действия. Широко бытующий обряд, связанный с Халявой, направлен на его *ловлю* с помощью зачетки. Описание обряда студентом 3-го курса СТФ Мусоловым В.Н.: «надо открыть окно в 12 ночи и высунуть в окно зачетку, и крикнуть: Халява, приди (вариация: Халява, ловись). Затем закрыть зачетку и ни в коем случае не открывать до экзамена». Призыв (ловись, приди) к Халяве связан с обязательным действием магического характера: открытое окно как символ разгерметизации сакрального пространства аналогично сакрализации пространства открытой зачетки, которое должно закрыться после ловли Халявы. Потом пространство герметизируется и до экзамена вновь сакрализуется с помощью определенных манипуляций (спрятать, положить в холодильник, заморозить – способ усилить герметизацию), и накладывается запрет: нельзя открывать до поры, нельзя никому не показывать, плохая примета уронить (очевидно, синоним разгерметизации – утечки удачи), без права передачи другому. Запреты, приписываемые данным магическим предметам, указывают на их формирование по принципу метонимических (по смежности) отношений [Филатова, 2005.с.29-31]. Описание обряда показывает его схожесть с народным традиционным обрядом «*звать хозяина*». «Широко бытует в Воронежском крае **апотропеический** обряд *звать хозяина (позвать хозяина, кликать хозяина)*... Апотропеическая, продуцирующая функции переплетаются и вытекают из более общей – патронажной функции. Кроме того, с указанным обрядом связана **гиластическая** функция. В с. Богане Борисоглебского района на заговенье перед великим постом на потолок (чердак) бросают домовому мясо, чтобы домовый также «заговлялся», как и все домашние» [7, 2005]. Данный пример находит подтверждение и в описываемых студенческих обрядах, направленных на патронажность – покровительство Халявы. В анкете описана и гиластическая – умилоствивающая функция, в рассказе о необходимости «покормить зачетку». Хотя здесь не указана прямая связь с Халявой, косвенно очевидно, что зачетка обретает анимистические черты после обретения «хозяина» – Халявы, который и нуждается в еде. Получается, что зачетка и Халява сливаются в одно целое *хозяина* студента и поэтому все манипуляции носят характер, сближающий эти предметы с традиционным образом домового. Данная параллель делает вполне объяснимым широко распространенную примету не давать никому зачетку перед экзаменом, не делиться хозяином, не отдавать спрятанную удачу. Безусловно, и зачетка, и Халява, относятся к метонимическим магическим предметам, их сакрализация определена по сходству с сакрализацией и жадной обладания знанием как даром – удачей, не требующей рационального усилия, но желанного самого по себе, притягиваемого с помощью определенных магических манипуляций.

Другая группа примет носит универсальный характер и не относится непосредственно к студенческим, но используется ими в силу того, что студенты являются носителями традиционно русской культуры и отражают общие всем черты русской ментальности. Вера в приметы оказывается близкой к магической сфере. Студенты указывают на вполне традиционные приметы: 1. связанные с сакрализацией частей тела человека – волосами, ногтями, бородой и т.д. Очень многие указали, что нельзя мыть голову перед экзаменом, бриться, стричь ногти. 2. приметы универсального характера – плохо: когда с пустыми ведрами идут навстречу, кошка перебежала дорогу, нельзя возвращаться в дом после выхода. 3. приметы, имеющие сакральные корни, связанные со сном. Очень многие указали на эту связь через известный обряд класть что-то, связанное со знаниями, под подушку в ночь перед экзаменом: зачетка, книга, учебники, конспекты. 4. Приметы, сакрализующие части тела – ноги и руки. Почти все знают примету: класть пятак – пять рублей (символ отличной оценки) под пятку – сакрализация ноги. С ногой связана и примета переступания порога аудитории с правой ноги. (В культуре порог символизиру-

ет между миром, то есть мистическое переходное пространство. Соответственно и нога обретает сакрализацию переходности к другому пространственному измерению при переступании порога). С рукой связаны действия взятия билета (нельзя брать левой рукой). Право/лево в традиционном сознании связано с оценочными характеристиками правых-правильных и левых-неправильных действий. Те, кто «болеет» за сдающего экзамен, также совершают магические действия руками: сжимают кулаки, делают «дулю»¹. 5. существуют «эмоциональные» обряды: несколько человек указали на магическое требование смеяться в 5 утра перед экзаменом; кричать в окно в 12 ночи с призывом Халявы. 6. Несколько студентов физиков назвали в качестве студенческого покровителя Ктулху². Это существо оказалось большинству практически неизвестно.

Проведенное анкетирование позволило выявить социально-психологические характеристики, мировоззренческие представления, религиозный опыт студентов, их знание религиозных обрядов и степень рациональности, влияние магических обрядов и поверий на учебную деятельность. Необходимо подчеркнуть, что социологический опрос проводился накануне (для некоторых факультетов в начале) сессии, в ситуации эмоциональной напряженности респондентов, в кризисный для большинства студентов момент, поэтому анкета была направлена на изучение актуальных для респондентов проблем. Опыт исследований в аналогичных, кризисных ситуациях свидетельствует, что в поведении человека, если он не может полностью контролировать ситуацию, повышается или начинает доминировать иррациональная мотивация. Кроме того, исторический опыт свидетельствует, что в такие моменты повышается уровень религиозности, расширяется спектр религиозных и нерелигиозных верований, следовательно, в период сессии у студентов проявляется скрытая религиозность, и чем больше студент не уверен в своих силах, тем ее уровень выше, не осознаваем самим студентом. Исходя из скрытой религиозности, можно реконструировать место религиозных ценностей в системе ценностей студента, определить характер его реальной религиозности, его восприятие религии, определить тенденции формирования религиозного сознания и гипотетическую перспективу развития религиозности в будущем. На основании результатов опроса можно сделать вывод, что вера в обряды, помогающие успешно сдать экзамены, характерна для большинства студентов, сама вера носит аморфный характер, ее носителем является средне-статистический студент, она – минимальна среди верующих и неверующих. Причиной неверия в обряды и приметы у теологов выступает не степень их религиозности (которая немного выше среднестатистической, но не уникальна), а теоретические знания, полученные в образовательном процессе, воцерковленность части теологов, их принадлежность к православной церкви, прескриптивно отрицательно относящейся к поверьям, обрядам как языческим элементам культуры и т.д.

Формально, естественным выходом из этой ситуации стало бы религиозное просвещение населения, активизация миссионерской деятельности РПЦ, знакомство студентов с основами православной культуры. В настоящее время государство, в сотрудничестве с церковью, пытается осуществить такую программу [Лебедев, с.87], но результаты анкетирования свидетельствуют о слабой эффективности этих мер. Ответ на вопрос об эффективности внедрения в светскую систему образования религиозных компонен-

¹ Аналогичные студенческие приметы, связанные с экзаменом, мы находим в Воронежских материалах: «Мануальные магические обряды связаны с мифологизацией человеческой руки... Мануальные предписания оставляют значительную часть современных студенческих примет, связанных с экзаменами: «Если пришел сдавать экзамены тот, за кого переживаешь, то нужно руки сжать и не разжимать до тех пор, пока тот не выйдет. Считается, что оценка будет высокой»; Моя левая рука тяни то, что знает голова», - приговаривать, когда тянешь билет» и др. [7. с.25]

² Мифологический образ, созданный американским писателем Говардом Филипсом Лавкрафтом (1890-1937). В студенческом фольклоре описан как чудовище, поедающее мозг человека//wikipedia.org.

тов, можно получить, проанализировав восприятие церковных обрядов студентами. Анкетирование не было направлено на определение отношения студентов к церковным обрядам и таинствам, тем не менее, полученные данные и устное собеседование с 30 респондентами (теологами, физиками и юристами) позволяют определить мотивацию совершения студентами культовых действий, в том числе и церковных.

Целью совершения ритуально-магических и церковных действий студентами было не только успешно сдать экзамены, но и упростить, облегчить эту процедуру, сделать ее более комфортной. Так 10 % респондентов в качестве обряда, помогающего сдать экзамен, называют «призыв халявы», конкретные детали этого ритуала (который в большинстве случаев требует выполнения трудных действий) сильно варьируются, но сама «идея халявы» волнует умы студентов всех специальностей. Мотивация студентов, совершающих церковные обряды, в большинстве случаев аналогична мотивации студентов, призывающих халяву. Цель совершения ими церковных обрядов – не общение с Богом и получение помощи от него, а решение, с помощью трансцендентных сил своих проблем. Характерен пример ответа одного из теологов на вопрос: Какие из обрядов, примет, культов, помогающих сдать экзамен, Вы знаете?: «поход в церковь, молитва, призыв халявы». В сознании этого студента непротиворечиво сочетаются христианские и магические, классифицируемые церковью как языческие, обряды.

Этнографы, изучающие обряды и традиции русского народа в дореволюционный период свидетельствуют, что в сознании большинства православных *всегда* сочетались языческие и христианские обряды, что двоеверие – это неотъемлемая часть русской культуры, которая не мешала человеку быть воцерковленным христианином. Современные социологические исследования свидетельствуют, что люди, считающие себя православными, сочетают в своем мировоззрении и в ритуальной практике православные обряды с верой в карму, реинкарнацию, астрологию, магию, ритуально-практическую деятельность и различные языческие рудименты, осуждаемые церковью [Синелина, с.92].

Анализ результатов анкетирования, сравнение совершаемых студентами церковных, студенческих и собственных обрядов свидетельствует, что главной причиной сочетания несовместимых мировоззренческих систем, ритуалов является потребительское отношение к религии. Студентов интересует, прежде всего, помощь в конкретном деле, их цель решить проблемы с помощью магических действий, большинство из студентов, призывающих халяву или ставящих Богу свечки, желают одного и того же – умиливания сверхъестественных сил, чуда и легкого достижения цели.

Список литературы

1. Кагаров Е.Г. К вопросу о классификации народных обрядов // Доклады Академии наук.- Л., 1928.-С.247-254.
2. Климова С.М., Мартынова Г.В. Отношение к религии студенческой молодежи (социологические заметки). – Мониторинг общественного мнения». М.: ВЦИОМ – №3. – 2007 – С. 94-98.
3. Лебедев, С.Д. Отношение учащейся молодежи к религии. – Социологические исследования. – №7. – 2007.
4. Синелина Ю.Ю. Динамика процесса воцерковления православных. – Социологические исследования. – № 11. – 2006.
5. Филатова В.Ф. Об этнолингвосомиотическом описании обряда и обрядовой лексики//Опыт исследования народных традиционных обрядов Воронежского края. Сб. статей и лингвоэтнографические материалы. – Борисоглебск, 1998. – С. 9 – 14.
6. Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. – М.:ОГИ, 2004 – 286с.
7. Студенческие приметы, связанные со сдачей зачётов и экзаменов, в контексте магической обрядности рассмотрены В.Ф.Филатовой в работе «Классификация магических обрядов по инструменту трансляции магической силы (на материале Воронежской традиции)//Язык. Фольклор, культура: проблемы взаимодействия. – Белгород, 2005. С.18-32.

**“STUDENT'S TRADITIONS AND CEREMONIES ”:
RELIGIOUS-MAGIC CONSCIOUSNESS OF STUDENTS BELSU –
SOCIOLOGICAL AND CULTURAL ASPECTS OF THE ANALYSIS**

S.M. Klimova¹⁾, G.V. Martinova²⁾, V.N. Musolov³⁾

¹⁾Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: sklimova@bsu.edu.ru;

²⁾Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: galya-martinova@yandex.ru;

³⁾Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: musolov@yandex.ru

The article is devoted to studying student's traditions and ceremonies in a modern society, the article is given comparative analysis of church and magic ceremonial lexicon, there are some results of sociological interrogation of students BelSU.

О ВОЗМОЖНОСТИ НАУЧНОГО ПОНИМАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА

А.В. Усачев

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28
e-mail: a-usachyov@mail.ru

В работе рассматриваются несколько проблем. Главная из них состоит в стремлении подлинно понять смысл и сущность науки. Довольно интересно, что важную часть в решении этой проблемы занимают исследования религиозной сущности бытия человека, которые были предприняты в русской философии и в меньшей степени – в европейской. Современное значение научности берет начало в эпоху Нового времени, где она обзаводится двумя принципиальными критериями – методом и рациональностью во всем. Однако история науки простирается далеко за рамки модернизма и ведет происхождение от греческой античности, проходит через Средние века и только после приобретает знакомый нам вид. Именно поэтому сведение науки к ценностям и задачам, поставленным перед ней Новым временем, становится проблематичным. Русский мыслитель И.А. Ильин уделил философскому анализу религиозного опыта большое внимание. В частности он утверждает, что философия и наука берут начало в вере и религии. Его небезынтесной аргументации посвящена статья.

Ключевые слова: философия, религия, наука, модернизм, религиозный опыт, античные истоки науки, русская философия.

Самобытной чертой отечественной философской мысли стало обоснованное игнорирование установок Нового времени и соответствующего понимания философии, науки, их задач и целей. Проблема состоит в том, чтобы предметно подойти к пониманию научности вне модернистских дискурсов. Она конкретизируется в возможности предметного понимания теоретических элементов научности в их генезисе, а уточняется в вопросе о концептуализации другого толкования смысла науки и ее цели в философском проекте И.А. Ильина, который можно соотнести с интерпретацией сущности и параметров строгой науки в классической и неклассической метафизике.

Для русской религиозной философии характерно мнение, что метафизика и религия по своим задачам мало отличаются друг от друга. С.Н. Трубецкой так описывает генезис метафизики: «В древности метафизика первая восстала против языческого многобожия и проповедала единого духовного Бога свободною разумною проповедью. Она приготовила все просвещенное человечество древнего мира к разумному усвоению начал христианства и, вдохновленная духом Христовым, создала православную догму, христианский гнозис св. отец» [14, 34-35]. Метафизика проявила свои главные качества организации разума и создания цельного мировоззрения в применении к религии, дополнив натурфилософское и логическое познание откровением. В этом же ключе выражает взаимосвязь религии и метафизики известный историк русской философии В.В. Зеньковский, который замечал, что только те, кто «вдохновляются религиозными переживаниями» приходят к построению метафизических концепций [8, 782]. Качество системности придается, по мнению русского философа, религиозной концентрированностью мыслящего. Примеры могут быть продолжены. Убеждения представителей русской религиозной философии не были загадкой для ведущих мыслителей западных направлений. Ключевая фигура неотомизма, Ж. Маритен, писал: «Николай Бердяев говорил, что все современные великие философии – это христианские философии, философии, которые без христианства не стали бы тем, чем они стали» [12, 153]. В простом толковании смысл раскрывается в вере, входящей в структуру метафизики, в ее бытийный строй, в ее устремленности к высшим сущностям, оправдание которых перед лицом разума невозможно без веры в их абсолютность. Если сравнить статус этих сущностей с

культом, заложенным в основание религии и культуры, то такая логика получает объяснение через суждение П.А. Флоренского: «Кульм постигается сверху вниз, а не снизу вверх» [15,51]. Абсолютность не есть вывод из ряда логических посылок, но, скорее данность, которую человек разъясняет себе и окружающим в силу своей веры, следуя своим убеждениям. Более подробный вариант толкования можно найти в размышлениях современного философа В.В. Бибикина, который говорит о том, что не только взаимозависимость религии и философии очевидна, но и присутствие компонентов одной сферы духа в другой обеспечивает их автономию: элементы метафизики органично функционируют в религии, религиозные предпосылки очевидно раскрывают себя в философии. Именно такая диспозиция структур и смыслов позволяет не злоупотреблять этим сферам вниманием друг друга [2]. Возникает своего рода эффект самообеспечения.

В начале XX века возникают и множатся попытки интегрировать знание, виды наук, чтобы решить двоякую задачу. С одной стороны, преодолеть системный кризис наук и концепции человека. Для философии это, прежде всего, проблема границ гносеологического субъекта и его онтологическое толкование. С другой, конструктивно создать прецеденты реального совмещения в генетически родственных типов знания, которые в тот момент были отчуждены друг от друга и находились в состоянии напряженного соперничества за приоритетные определения и позиции в толковании гуманитарных предметов. Такими были исследования по онтологической гносеологии Н. Лосского, философской психологии С. Франка, парадоксальной этике Н. Бердяева и т.д. В ряду таких же интенций находится попытка И. Ильина концептуализировать религиозный опыт.

Проблема рождается тогда, когда назревает насущная необходимость вписать религиозно-философский опыт И. Ильина в контекст исследований соответствующих предметов русской религиозно-философской традиции. Текст русского философа не является проповедью только религиозного характера, и не представляет собой подвижнической литературы, призванной осветить личное религиозное движение в контексте догматического учения или в дополнение к нему. Его можно квалифицировать в жанровом смысле в качестве стилизации под Церковное Предание, но в самом тексте не видно претензий на изначальную воцерковленность изложенного знания. Это религиозный опыт, прошедший не каноническую сверку, но верификацию категориями и опорными понятиями философского знания, цель которой просматривается довольно очевидно в стремлении обобщить персональный опыт, истолковать его как изначально интегрированный в областях философии и богословия. Он находится в субъективном пространстве человека современности, философа XX века. Эмпирически, средствами естественных наук его зафиксировать невозможно. Условно, на первых порах, можно остановиться на определениях творчества русского философа как религиозного персонализма или религиозно укорененного экзистенциализма. Религиозный опыт в качестве научного знания плавно и логично вытекает из общего толкования Ильиным в своей диссертации гегелевского понимания мира. Для западных исследований квалифицировать Гегеля как мыслителя религиозно детерминированного – дело обычное. Достаточно вспомнить Фейербаха и Маркса, Бауэра и Ницше в XIX веке, Лёвита и Ясперса в XX. Однако уверенность в том, что философия Гегеля является фундаментом для миграции из картезианских дискурсивных практик, которые проблематизируются всей западной философией этого периода и позже, – это свойство философского видения И.А. Ильина. Оно и представляет предметную основу данного текста.

Разумная и логическая структура природного и мирового бытия, по Гегелю, сама собою приводит к идее «панэпистемизма». Исходя из этого тезиса, качество научности в познании естественным образом распространяется и на религиозный опыт в том числе. (Вряд ли кому-то придет в голову выключить его из познавательных практик экзистирующего человека). Остается важная двусоставная задача. Во-первых, в общее понимание познания входит религиозный процесс. Далее, исходя из толкования Гегеля И. Ильиным, Понятие-Бог, выступая в качестве всеобщего, входит в свой вид – религиозный

опыт – в качестве сущности. Здесь сказывается диалектическая логика. Исходя только из гегелевских дискурсов об обсуждаемых предметах, становится очевидным уникально-личностное, душевно-духовное качество религиозного опыта, которое ни по содержанию в философском смысле, ни по значению в экзистенциальном смысле не может быть объяснено только своим наличием. Это некая уникальная динамическая структура опыта, которая научной становится в силу того, что это – достоверно присутствующий опыт, а не выдумка не фантом, ни мифология, и данный опыт может быть подвергнут дескрипции в понятиях, фигурирует в дискурсе Нового времени. Он не сводится к коннотациям уже устоявшимся в западноевропейской философии, но менее существенным от этого не становится. Религиозный опыт прошел через такие основные понятия картины мира, обладающие качеством изначальности, как метод, сущность, логос и т.д. Усилие, предпринимаемое Ильиным в этом направлении сходно с идеями Эрна, с тем, во всяком случае, как он вводит новый термин «логизм», немного непривычный, но вполне удачный в попытке восстановить смысловое единство и конкретное содержание слова «логос», которое не исчерпывается исключительно немецким восприятием и использованием.

Среди главных ценностей парадигмы Нового времени одной из самых заметных является строгость знания, которая отождествляется с математическим оформлением опыта. Строгость не представляет собой самостоятельной ценности, она скорее связана с максимальной возможностью адекватной практической реализации. Чем ближе проект в действительности к своей умоглядной форме, тем больше оснований говорить об уместности употребления термина «научность». И. Ильиным наука берется в гегелевском смысле. Это отмечается в исследованиях по русской философии [11]. Наука – это не первичность метода, организующего опыт и эксперимент, тяготеющего к математизации, но тип духовности, который определяется движением к истинности Предмета. Предмет, в свою очередь, – дискурсивная единица, которая онтологически тождественна Богу. Очевидно, что наука в указанном значении – это не продукт Нового времени. Она существовала всегда постольку, поскольку была устремленность к Истине и воля выразить ее языковыми средствами. Такая теория близка трактовке Э. Гуссерлем соотношения философии и науки, который, как известно, видел в философии прототип вообще всей европейской научности, и, в конечном счете, образец развития любого вида науки. Немецкий феноменолог заострял такую зависимость еще и тем, что видел в философии цель любой науки.

В конце XVIII века критика Канта ставит вопрос о возможности метафизики в качестве науки и начинает путь естественной и принципиальной проверке ее основ. Философ в «Критике чистого разума» замечает, что слепой не может дать определения темноты, в которой пребывает, т.к. у него отсутствует сравнительная база, ощущение света. По аналогии, догматизм не может быть свойственным метафизике. «Кенигсбергский мудрец» поясняет: «Итак, мы можем и должны считать все сделанные до сих пор попытки *догматически* построить метафизику не осуществленными» [10,43]. Кант определяет метафизику в качестве естественной склонности разума. Строгость и точность обретает предметное содержание только в качестве естественной склонности разума. Метафизика по своей сути бытийное (естественное) качество разума и на этом основании она способно стать истинной наукой. Такая особенность связана с проективностью некоего будущего содержания, но о ней с этих пор имеет смысл говорить принципиально и в зависимости от нее ставить ряд научных задач. Она существенна, с ней нельзя не считаться. Перспективы метафизики как науки раскрываются на путях двух фундаментальных вопросов. Первый, «Как возможна метафизика, как естественная склонность?». В нем подчеркивается отличие от математики и естествознания, и, одновременно, признак принадлежности разуму говорит о некоей перспективе, но в стратегии критики. Она должна, по мнению Канта, привести к ясному осознанию того, насколько возможно «достигнуть достоверности или в знании или в незнании ее предметов. Это важное обстоятельство приводит к более уточняющему вопросу, а именно: «Как возможна мета-

физика, как наука?» [10,43] Возможность вопроса диктует контуры будущих ответов. Это проявилось в деятельности неокантианцев. Ярким резонансом стала, в том числе, и волна продумывания кантовских вопросов в рамках русской религиозной философии. Актуальность приведенной постановки проблемы и вытекающих из нее вопросов подчеркивал М. Хайдеггер, давая характеристику наиболее интенсивному периоду стремления философии к критериям научности и строгости во второй половине XIX века. Он отмечал, что одним из признаков укрепляющейся тенденции можно признать то, что «философское исследование осуществляется не посредством изначального возвращения к исследуемым вещам, но через возвращение к исторически пред-данной философии – философии *Канта*» [16,17]. Тем самым крупнейший мыслитель постсовременной эпохи парадигматизирует названную философию как слово самого бытия, выраженное в форме вопрошания Канта. Следовательно, черты метафизики как строгой науки в конце XVIII начале XIX веков стоят под вопросом, а единственными поставщиками определенности на этот счет являются науки сектора математического естествознания. Чем отличается *естественная наука*, объективированная в уже полученных данных и системах от *естественной склонности разума*, можно видеть по самому процессу уточняющего вопрошания. Вопросы на этом пути не решаются. Они множатся и заостряются и с каждой эпохой все больше и больше.

После Канта, который подвел итог эпохе Просвещения, кульминационную философскую систему Нового времени создает Гегель, уходя от его дискурса о возможностях и структуре познания, формально отрицая его право на исчерпывающее философское видение. Он называет философию Канта «*субъективным (плоским) идеализмом*» [3,163]. Все же он начинает движение с уровня результатов, достигнутых его предшественником по немецкой классической философской школе. Они состояли в том, что научность не обсуждалась в качестве позитивной цели гносеологии, но была достигнута в тексте, т.к. незыблемая ценность эпохи Просвещения – сознание и разум, были проанализированы с феноменологической ступени. Рождается совокупность смыслов, которая позволяет поставить проблему о пределах и видах научного и строгого знания.

Вторую волну репродукции идеи о научности в сфере метафизики начинает Э. Гуссерль. Научность он уточняет в атрибуте строгости, который и создает обсуждаемое качество. Он эту идею вновь рассматривает только еще как возможность и небезосновательное упование. Это надежда, которой противоречит только практика философствования, т.е. эмпирический опыт творчества, но ни в коем случае не сама спекулятивная структура философского знания. Гуссерль излагает основания, приведшие к идеалу научной философии и недостатки, консервирующие дискурс на позициях нестрогой рефлексии. Он писал: «Тем самым кризис философии совпадает с кризисом наук нового времени, понимаемых как звенья философской универсальности, вначале с латентным, а затем все более явным кризисом всего европейского человечества, ныне охватившего смысл его культурной жизни, всю его «экзистенцию» [4,555]. Э. Гуссерль не противоречит Гегелю и разъясняет сомнения Канта. В результате, он дает расширенную программу научности философии. Она состоит в том, что происходит субстантивирование изначального смысла философии, позволяющего рассуждать о вариантах знания, которые не нарушают связь с философией, но, напротив, раскрывают ее в качестве источника строгости, достоверности и научности. Именно такими усилиями преодолевается «*суеверие фактичности*» (Гуссерль), которое блокирует как возможности философии в продвижении на путях разума, так и потенциал наук, которые отодвигаются всеми возможными способами от познания сущностей, связывая их природу только с псевдопагубностью метафизики. Феноменолог пишет: «...философская наука есть то, что наиболее необходимо нашему времени» [5,742].

Проект И.А. Ильина контрастирует с общим тоном философии той поры. Отдельно все составные части философии присутствовали. Стало обыденным, что аппарат категорий уступил место экзистенциалам и мифологемам, объективизм потеснился под

действием дескриптивных практик, отражающих индивидуальный опыт, не прошедший обобщения и конкретизации, но предложенный в виде всемирно-исторического значения (это началось с Кьеркегора, отрицающего значение синтетических процедур мышления). Экзистенциальный и персоналистический вектор рефлексивной работы захватил мыслящий мир и между двумя мировыми войнами в XX веке и после них. Философия интересно и изысканно огибала могучий остров Гегелевских логических штудий, небезосновательно отсылая то к их теологической природе, то к христоцентризму и устремленности к Абсолюту, играющему роль философского эквивалента Бога. Все происходило, словно, в состоянии жесткой решимости уйти от снятия гегелевской концепции, но, почувствовав ее границы, очертить и оставить на заслуженной музейной полке. Метафизика явно одерживала победу над диалектикой. Ее смысл в рубрике мышления «по ту сторону...» в авторстве Ницше был определен как злопамятность [13], т.е. обязательный и волевой бинарный ответ, или противопоставление, играющее роль балансирующего фактора. В диссертации И. А. Ильин комментирует эту особенность. В частности он писал: «Утрачено непосредственное чувствование Гегелевской мысли, живое видение с ним вместе *ego* спекулятивных категориях и терминах» [9,16].

Следуя убеждениям И.А. Ильина, религиозный опыт, переданный в опосредованной форме, много раз трансформированный метафизикой – это и есть западная философия, берущая начало в средневековье и законченная Марксом, Фейербахом и младогегельянами. Философия не ставила под вопрос религиозность своих оснований. В каждом крупном трактате Нового времени, – Декарта, Локка, Гоббса, Беркли, Лейбница и т.д., – есть главы, посвященные анализу поднимаемых проблем с библейской точки зрения. Декарт более других ярко провел онтологизацию дискурса с учетом догмата о творении мира и предопределении. «Но поскольку Бог – единственная истинная причина всего, что есть и что может быть, совершенно ясно, что мы изберем наилучший путь философствования, если попытаемся вывести объяснение вещей, созданных Богом, из познания Его самого...» [6,323]. В таком шаге нет иронии и интонации, намекающей на второстепенность догматов. С бурным развитием методической стороны его концепции и парадигматизации учения о субстанциальном строении мира эти тонкости остались за бортом общего рассмотрения, но уменьшается ли значение этих указаний для самого Картезия? Декарт, обосновал прозрачность и точность собственной интеллектуальной интуиции и соотнес ее с тождеством разума и творением.

Смысл проекта И.А. Ильина не сводится только к доказательству серьезного значения религиозного опыта, если рассматривать его вне аскетических практик восточно-христианской церкви. Светская сторона религиозного знания и находит свое обоснование в науке, как последовательном и организованном поступательном процессе, где жизнь и познание тождественны. Вопросы о смысле жизни, качествах бытия предполагают такую тождественность, которая выражена захваченностью человека поиском ответов. Вопрос, возникающий на гранях науки и религии, имеет примерно такой вид: можно в стратегиях религиозного познания и его выразительными средствами преодолеть стереотипы о несовместимости науки и религии, научности и вдохновенности жизни? Отчасти вопросы смежного характера решаются в мировой философии через заимствование языка из той области, которая привлекает внимание исследователя. Так было в Новое время, когда понятия Средневековой схоластики мигрировали в науку. Тот же процесс проходил в XX веке, когда язык, описывающий переживания и ситуативность, занял в философии прочное место. В диссертации И. Ильин учитывает такое движение. Он остается в рамках философии Гегеля и обнаруживает себя достаточно оснащенным категориально и тематически, чтобы раскрыть проблематику не только теологическую, но и антропологическую и показать ее непротиворечивость по отношению друг к другу. Ильин показывает, что Гегель, охватив все, не исключил человека из ряда проблем, обладающих статусом важнейших. Особенной чертой здесь является то обстоятельство, что в первую треть XIX века не было такой заостренности проблемы человека. Действи-

тельно, важнее было то, что человек делает. «В начале было дело», – пишет Гёте, перефразируя известный евангельский стих. И. Ильин, в свою очередь, истолковывает в категориях гегелевской философии человека в эпоху системного кризиса начала XX века, в момент, когда в самосознании европейского человека было больше неясных сторон, чем прозрачных методов осмысления и дескрипции. В академической философии преобладало неокантианство, которое уходило от интерпретации экзистенциальных пластов бытия человека. Русский философ не просто доказывает на этом интеллектуальном фоне актуальность Гегеля, но демонстрирует эффективность его дискурсивных средств в решении самых заметных вопросов. Соглашаясь с серьезностью и уже классическим характером исследования самого Ильина, его книга является зримым доказательством заявленного тезиса. Он, в частности, выявляет сразу несколько параметров проблемы человека, реализуемых гегелевским философским языком. Во-первых, речь идет о том, что система Гегеля, например, даже в ее панлогической направленности, не противоречит религиозной картине мира. Во-вторых, – не противоречит проблеме конкретности становления самосознания личности. В-третьих, выделяется понятийно-категориальной основой для экспликации философского видения действительности. И самое главное. Его философия – это несущая конструкция для дискурсов, в рамках которых в любое историческое время может быть поставлен вопрос о смысле, истине и вере. Именно такие темы в вопрошании Ильина подводят мышление философа к формированию и укреплению тенденции, которая и вынесена в заглавие текста. Гиперрационалист Гегель – человек, верующий в разум: такое утверждение становится скорее метафорой, нежели существенной частью предметного подхода к его философии. Напротив: рационализм Гегеля сообщает опыту основания для строгой науки. Результат парадоксальный. Его философия полагает личность универсально раскрытой, обретающей смысл, значение, и не перед лицом смерти и абсурда существования в собственно экзистенциалистском направлении мышления, но в свечении Абсолюта как тождество бытия и инобытия, как средоточие существенных определений, лишенных разлада бытия в себе как свободы, и бытия для себя как самосознания. Такая интерпретация вполне предполагает не только динамику мышления от религии, но и к ней, и рождается основа смысла философии и личности перед Ликом Божиим, который формирует контекст религиозного опыта, рассмотренного в качестве строгой науки.

Религиозно-философский опыт И. Ильина – это своего рода философская рефлексия человека, не покидающего религиозного жизненного мира. Он подчиняет весь свой интеллектуальный арсенал для фиксации и дискурсивного оформления живых токов религиозного чувства. Такое положение дел наталкивается на двоякую проблему. Сначала выявляется ограниченность дискурсивных возможностей, что служит предпосылкой для актуализации нарративных средств, образов, понятий, возможностей для нелинейной трактовки тех мест, которые заблокированы конвенциональными стереотипами (Гегель – панлогист, Спиноза – пантеист, Монтень – скептицист и т.д.). Во-вторых, перечисленные средства эффективно входят в каркас основных дискурсивных структур, не меняя статуса элементов опосредования. Это отличительная особенность философии И. Ильина, например, от постструктуралистов, под призмой рассмотрения которых дискурс суть универсум и цель. Они считают, что выйти на границы его компетентности и уместности можно, сталкивая друг с другом внутренние структуры дискурса. И. Ильин, взяв на себя труд философствовать оставаясь в религии и церкви, приходит к проблемам дискурсивного подчинения мысли, как и все, но не придает им масштаба универсальности. В его философском почерке и личностном типе, который открывается в текстах, осуществляется переход из проекта строгости метафизики к данности возможных подходов к строгости и известной степени всеобщности основ религиозного опыта. Рационализация религиозного опыта не деформирует его, а раскрывает для других, сообщая ему конвенциональные характеристики, знакомые многим по языку философии. основополагающие соотношения субъекта и духа, предметности религиозного познания, его методиче-

ская оснащенность – все это говорит о том, что, проводя идею о первичности религиозного перед умозрительным, раскрывает всегда достаточную степень независимости религиозного восприятия от сугубо рационального. Возникает качество, которое сообщает религиозному опыту владение понятийно-категориальным аппаратом рационализма, но, при этом, – возможность сохранять в первоизданности всю содержательную основу бытия личности в вере. Произведения философа создают последовательность, выражая онтологию взаимного общения метафизики и религиозного опыта.

И. Ильин осуществляет замысел И.В. Киреевского, который полагал, что призвание современной науки – поверять свои достижения преданием Святых Отцов церкви. Творческий фундамент И. Ильина типичен для европейского самосознания в целом – философия. Предметная область исследования – религиозный опыт, который включает в себя и философствование. В его подходе и в осуществлении основных поставленных задач отчетливо виден вывод, который состоит не в подведении итогов, а в стимулировании исследовательского оптимизма, каждый раз возобновляемого возможностью достоверного знания. Оно выражается в конкретизирующем тезисе о человеке духовном. В нем нет ничего нового, и им пользуется любая наука антропологической направленности. Человек формируется в опыте – этот тезис не противоречит ни докритической метафизике, ни немецкой классической философии, ни материалистическим и позитивистским направлениям.

Из тезиса И. Ильина о том, что философия берет свой предмет у религии, и из его дальнейших рассуждений о религиозном смысле философии, следует вывод о том, что религия – это родовое понятие, а философия – видовое. Он пользуется диалектическим положением Гегеля, в соответствие с которым всеобщее входит в единичное в виде сущности, а единичное во всеобщее – в виде части. В этом ключе религиозная философия может быть проанализирована в качестве знания, опыта мышления, для которого всеобщее, т.е. религия, предоставляет свою сущность. Это верно и в буквальном смысле, хотя в большей степени для классической, когда речь в ней идет о способах познавать истину. Такие рассуждения приводят к выводу о том, что философия – это часть религии. Но здесь важны оговорки такого характера. Философия возникла раньше христианства, а не религии в целом, и, далее, религиозная философия – это область знания, сложившаяся в Европе или под непосредственным влиянием религии, или же внутри нее, в том случае, если теологию интерпретировать тоже как религиозную философию. Она входит в корпус логоцентрических наук. Такое фактическое несовпадение снимается, если указать на то, что философия – часть религии. Диалектическое движение происходит через познание и опосредование Предметом. Ни хронологически, ни объемом исследуемого материала, не пространностью и фундаментальностью выводов определяется родовидовое отношение религии и философии. Они вступают в такой тип отношений в процессе познания. В нем преодолевается мнимая замкнутость этих областей духа на себя, которая кажется абсолютно непроницаемой, если смотреть на них в статическом состоянии, фиксируя наблюдения, делаемые извне под пристальным аналитическим взглядом, но не участвуя в самих практиках. Если же точка зрения формируется в динамике приближения к истине, в потоке выработки, верификации и смены версий, которая позволяет с каждым шагом все глубже и глубже понимать единство целей и оснований познания, то обнаруживается, что все самое существенное относится к личностному пространству познающего. Но еще более важным является то, что в трактовке места религии и философии неуместна репрессивная логика, которая признает только сведение одного к другому. Они представляют собой структурное образование, которое является структурным фундаментом, дающим возможность для самообоснования человеку, заставляющему себя в некоторой онтологической ситуации. «Под структурой прежде всего понимается внутренне единство компоновки, *конструкции* органического или искусственного произведения, которым управляется объединительный принцип, выстроенная и зримая в своем местоположении *архитектура*» [7,24]. Религия и философия в контексте

такого определения, являющегося довольно емким и точным, суть органическое произведение постольку, поскольку они равным образом участвуют в бытии человека, направленного к истине бытия, познанию Предмета, следованию Богу. Искусственное постольку, поскольку каждый исторический этап предлагает разные формы сочетания религиозных и умозрительных компонентов, отдавая предпочтение то тому, то другому. Неизменным остается только одно: данный вопрос всегда остается актуальным и сосредотачивает на себе очень много внимания. Наиболее радикальное значение соотношение религии и философии получает в эпоху Нового времени, когда появляется трансцендентальный субъект, абсолютная точка несовпадения ни с Богом, ни с сущим, но, тем временем, подвергающая анализу предметные формы всего, что наполняет бытие человека и сулит ему ответы на волнующие вопросы. Открытие рефлексии в качестве метода в XVII веке одни называют трагедией (русская религиозная философия, экзистенциалисты, постструктуралисты), перевернувшей в пользу рациональности все богатство жизни, другие (неотомисты) – настоящим завоеванием западной цивилизации. Важно то, что возникает феномен «управления» процессом идентификации и придания смысла единоборству веры и знания. Но, пожалуй, заметно, что философия отличается от науки тем, что, несмотря на рациональную природу, она сохраняет в себе религиозное начало, которое необязательно в исследованиях в секторе математического естествознания, любой ценой стремящегося к объективности. Религия в изначальном смысле возвращения вновь и вновь, собирания, сказывается в философии ярко, в частности в исследованиях бытия, придающих знанию целостный характер. Логический компонент настолько силен, что ни одно понятие не остается без комментария и категориальной систематизации. Именно поэтому, например, Н. Бердяев отказывался от понятия «бытие», ссылаясь на невозможность в современном состоянии философии, отмеченной нигилизмом, дерационализировать его, освободить от коннотаций, которыми снабжают его различные интеллектуальной школы. Бердяев выстраивал свою онтологию на понятии свободы, а категорию бытия уточняет определением «жизнь духа» [1]. По его мнению, такая конструкция мысли позволяет вернуться к исходным значениям бытия. В этом же русле выражал свое мнение Л. Шестов, называя любую онтологию модификациями одних и тех же недостатков разума [17]. В этих утверждениях содержательно подчеркивается инструментальность логики, сведенной к чистому разуму (Кант), к стихии чистой мысли (Гегель), к интеллекту (позитивизм).

Смысл научности религиозного опыта состоит не в том, чтобы сместить центрицию с веры на сциентизм, и, тем самым, обеспечить возвеличивание науки или редуцировать содержание теологии. Научность в том содержании, которое оттачивалось множеством неудач философии на своем пути, и все же крепнущей волей ее найти в существующих когнитивных практиках, скорее, тождественна достоверности. Аналог такой достоверности можно найти в Библейском предании, к которому все время отсылает история цивилизации. Речь идет о десяти заповедях, полученных в откровении пророком Моисеем на горе Синай. Декалог, открывшийся людям, стал основой для строгой регламентации гражданских, правовых, межличностных отношений в христианском мире. Научность в этом случае, помимо ценностных коннотаций, означает строгость определений, носящих судьбоносный характер. Очевидно, что до сих пор нет ничего более достоверного и актуального как для науки, так и для религии. Именно такую идею научности русский философ И.А. Ильин смог выразить особенно ярко.

Таким образом, согласно идеям русского мыслителя, метафизика *изначально* не противоречит религиозному опыту, но инкорпорируется в него. Все наиболее яркие примеры в традиции метафизического вопрошания на Западе приобрели значение не в столкновении с религией, но с учетом религиозных основ бытия и его толкования (от Средних веков до Маркса). Аксиомы религиозного опыта и религиозного смысла философии структурно соответствуют синтетическим суждениям а priori и приводят к одной из наиболее отчетливых и обоснованных версий строгой науки (научности) вне корпуса

естественных наук и математики. Ильин убедительно показал, что всеобщее, присутствующее в метафизическом опыте, в мышлении, находится в качестве атрибута в религиозном опыте. Это, в частности обусловлено тем, что метафизика и религиозный опыт продумывают одно и то же предметное сочетание в мире. Закономерная тенденция, состоящая в уходе от догматизма метафизики, проявилась в творчестве Канта, который осознал необходимость создания новой науки – критики чистого разума. Ильин находится в контексте такого же движения, которое сказывается в уходе от догматизма к состоянию мысли, которое у Гегеля характеризуется понятием спекуляции – третьим логическим уровнем, предусматривающем тождество бытия и мышления. Результатом является создание концепции знания, органически связывающего науку и религию. Это – аксиомы религиозного опыта. И, пожалуй, самое примечательное, состоит в том, что И. Кант видел в догматах действие, парализующее мысль. Для него, как для рационалиста, это была проблема, которая не позволяет говорить о метафизике как о науке. В то же время, для И. Ильина нет ничего катастрофического в факторе частичной дискредитации разума в решении ряда вопросов, в том числе религиозных.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, Харьков: ФОЛИО, гл. Гносеологическая проблема.
2. Биbihин В.В. Философия и религия. // Вопросы философии, № 7, 1992.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики//Г.В.Ф. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т1. М.: Мысль, 1975.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук//Э. Гуссерль. Логические исследования. Минск: ХАРВЕСТ, М.: АСТ, 2000.
5. Гуссерль Э. Философия как строгая наука//Э. Гуссерль. Логические исследования. Минск: ХАРВЕСТ, М.: АСТ, 2000.
6. Декарт Р. Первоначала философии// Р. Декарт. Сочинения в 2 томах. Т.1.М.: Мысль, 1989.
7. Деррида Ж. Сила и значение//Ж. Деррида. «Письмо и различие». СПб.: Академический проект, 2000.
8. Зеньковский В.В. История русской философии. Харьков: ФОЛИО, М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
9. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994.
10. Кант И. Критики чистого разума. СПб.: ТАЙМ-АУТ, 1993.
11. Лосский Н.О. История русской философии: Пер. с англ. – М.: Советский писатель, 1991.
12. Маритен Ж. О христианской философии// Жак Маритен. Знание и мудрость. М.: Научный мир, 1999.
13. Ницше Ф. *Esse Homo*// Ф. Ницше. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1990. Т2.
14. Трубецкой С.Н. Метафизика в Древней Греции. М.: Мысль, 2003.
15. Флоренский П.А. Философия культа. М.: Мысль, 2004.
16. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: ВОДОЛЕЙ, 1998.
17. Шестов Л. *Potestas clavium* (Власть ключей)//Л. Шестов. Сочинения в 2т.Т.1.М.: Наука, 1993.

ABOUT THE POSSIBILITY TO A SCIENTIFIC UNDERSTANDING OF THE RELIGIOUS EXPERIENCE

A.V. Usachyov

Yelets Bunin's State University, Communarov st. 28, Yelets of Lipetsk region, 399770, Russia
e-mail: a-usachyov@mail.ru

There're some principal ideas described in the work. The main of them concerns to the problem of authentically understanding of science. It's a very interesting fact, this problem has an important place in investigations of religious nature of human being. This problem is in discursive practices of religious philosophy. Contemporary meaning of scientific character is gone from the Modern. Fundamental features of the meaning are rationalism and method. But history of a science includes a genesis that crosses through the Ancient, the Middle epochs,

not only the Modern. In those times science had understood as Truth cognition way. That's why a reduction of a science to the knowledge sphere that gives pragmatic results is wrong. Russian philosopher I. Iliin devoted his philosophical works to the analysis of the religious experience. He didn't agree with the opinion of contemporary philosophy that religious experience is out of a science. As Iliin considered the beginning of philosophy and science are faith and religion. It mean's that a philosophy is an organic part of the religious experience. This approach is opening new possibilities for the thought in a context of religious philosophy.

Key words: philosophy, religion, science, The Modern, religious experience, ancient reasons of science, Russian philosophy.

УДК 130.2

РУССКИЙ ХАРАКТЕР В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

А.Л. Алавердян

Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78
e-mail: strahov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается важная проблема русского характера, его основные признаки и противоречивые черты. Автор возражает против «женственности» русских. Он приходит к заключению, что русский народ разделяет ценности свободы.

Ключевые слова: характер, женственность, свобода, модернизация, русский

Проблема национального характера поднимается давно, в России она актуализируется с начала полемики западников и славянофилов. О специфических чертах русского народа ведут речь и мыслители, от непосредственного участия в указанных лагерях дистанцирующиеся. История России в XX столетии (уже СССР) интерес к данной проблеме только увеличила, хотя в самой России, входящей в состав Советского Союза, рассматривался уже не столько «национальный характер», русский или какой еще, сколько характер советского человека, интернационалиста и строителя коммунизма. В исследовательской литературе и партийных документах того времени ставился вопрос о возникновении новой исторической общности – советского народа. Такая постановка, заметим, имела реальную почву под собой, хотя методологически и особенно теоретически достаточно корректной все же не была. Методологически она исходила исключительно из марксистско-ленинского классового подхода, а в теории помимо общего утопического характера марксизма в целом, который убедительно был показан еще П.И. Новгородцевым, наблюдалось (несмотря на огромное количество публикаций и диссертаций) отсутствие строгости в определениях исторических общностей людей – рода и племени, народности и нации.

Попытки показать различия народности и нации выглядели неубедительно и в конечном счете сводились к тому, что нация формируется при капитализме и характеризуется устойчивостью экономических связей, у народности, формирующейся при рабовладении и феодализме, отсутствующей. Не случайно в статистических данных о населении СССР речь шла о «нациях и народностях» и то приблизительно, переписи разных лет приводили разные, то большие, то меньшие цифры, сколько было народностей и сколько наций, никто не осмеливался посчитать! Да и критерий общности экономических связей применительно к прошлому столетию уже не работал. В связи с этим представляется, если отталкиваться от языковых и культурных различиях, более уместным говорить об этнических общностях, а нацию определять применительно к современности как мультикультурную общность, отличающуюся гражданством и единством экономических связей. Тогда именно советский народ выступал нацией, как нацией является народ российский. Здесь напрашивается сопоставление с американской нацией, тоже «новой исторической общностью», однако с той разницей, что в США «переплавились» этносы, покинувшие историческую родину, в России шло сближение в относительно

единое целое (разумеется, не только на основе общего гражданства) этносов, на своей исторической родине проживающих. Процессы, аналогичные Новому свету, происходят в современной Западной Европе, открывшейся для миграционных потоков. В конце XX – начале XXI вв., например, французская нация – это французский, государствообразующий («титულный») этнос и те миллионы мусульман, что являются выходцами из Азии и Африки. Другое дело, что в пределах нации находится место для этнических или религиозных конфликтов и присутствуют сепаратистские настроения, что и требует уточнения по поводу относительности ее целостности: сепаратистские настроения проявились и в России, а в Великобритании проявляются веками.

Соответственно, можно ставить вопрос о национальном, а можно об этническом, точнее, этнокультурном характере (снятие биологического социальным привело к неразрывности природного и культурного начал) как важной составляющей менталитета. Пресловутая «народная душа», о которой так любили рассуждать в позапрошлом – начале прошлого столетий, и есть характер, но не менталитет, нередко с «душой» отождествляемый, но включающий в себя не только созвучное характеру, душе мировосприятие, но и миропонимание, за пределы психического выходящее. А этнокультурный характер представляет собой преимущественно сферу психического. Этнокультурный характер – совокупность типичных психических и моральных качеств, свойственных тому или иному этносу. В исследовательской литературе нередко допускается расширенное понимание характера как «системы основных существующих в этносе представлений: установок, верований, ценностей, умонастроений и т.п.» [1, 76], но такая система скорее выступает как менталитет. О.М. Казакова, сравнивая менталитет и характер и справедливо отмечая, что понятие первого шире понятия второго, полагает вместе с тем, что менталитет как более глубинное явление уходит корнями в коллективное бессознательное, однако, то же можно отметить и в отношении характера. «Характер имеет свой корень не в отчетливых идеях, не в содержании сознания, а скорее в бессознательных силах, в области подсознания», – пишет А.Д. Мещеряков [2, 152]. Менталитет – своеобразие мировоззрения, вытекающее из специфики его субъекта, а поэтому, как выше отмечалось, включает в себя и миропонимание, в то время как характер ограничивается мировосприятием, если рассматривать их с позиций ступеней мировоззренческого освоения действительности, и общественной психологией, если исходить из традиционного для исследовательской литературы советского периода разграничения двух уровней общественного сознания.

Методологической основой понимания русского характера выступает отмеченная рядом авторов, философов и представителей творческой интеллигенции (А. Блоком, например), противоречивость пресловутой русской души. С.А. Аскольдов по этому поводу пишет: «Русская душа, как и всякая, трехсоставна и имеет лишь своеобразное сочетание своих трех основных частей. В составе же всякой души есть начало *святое*, специфически *человеческое* и *звериное*. Быть может, наибольшее своеобразие русской души заключается, на наш взгляд, в том, что среднее, специфически человеческое начало является в ней несоразмерно слабым по сравнению с национальной психологией других народов. В русском человеке как типе наиболее сильными являются начала *святое* и *звериное*» [3, 225]. Таковую позицию, во всяком случае применительно к русской половой культуре, в которой сочетаются аскетические настроения с грубым развратом, разделяет А.М. Страхов. И.Т. Кокорев пишет о «соединении самых противоположных качеств» на индивидуальном уровне: «Самые низшие пороки не мешают иногда проявлению в одной и той же личности высоких добродетелей, и наоборот; себялюбие уживается с самоотвержением; ханжество идет об руку с порывами истинного благочестия; плут, который без обмана часу не проживет, делает тайные благодеяния; и мало ли подобных явлений!» [4, 30]. А вот Д.С. Лихачев против такого противопоставления противоположных черт русского народа возражает, считая, что это оппозиция «реального» и «призрачного». «Черт русского национального характера очень много. Существование их непросто доказать. Осо-

бенно, если каждой черте противостоят как некие противовесы и другие черты: щедрости – скупость (чаще всего неоправданная), доброте – злость (опять-таки неоправданная), любви к свободе – стремление к деспотизму и т.д. Но, к счастью, реальной национальной черте противостоит по большей части призрачная, которая особенно заметна на фоне первой – настоящей и определяющей историческое бытие», – подчеркивает Лихачев [5, 5]. Вместе с тем автор все же допускает наличие «теневого противовеса» русских национальных черт, эффект которого опасен и должен быть предотвращен посредством правильной направленности последних. Представляется, что оппозиция святого и звериного в русском характере есть, но неравнозначная – в разные исторические периоды и в разных конкретных ситуациях преобладает то одно, то другое начало, поскольку русскому народу присуще впадать в крайности. «Одна черта, замеченная давно, действительно составляет несчастье русских: это во всем доходить до крайностей, до пределов возможного», – пишет Лихачев [6, 5]. Однако, может в этом и счастье – слишком много испытаний пришлось вынести на протяжении своей истории русскому этносу, из которых он вышел с честью именно благодаря «пределам возможного»!

Данное обстоятельство опровергает расхожие рассуждения о «женственности» русской души, довольно распространенные в русской философской литературе позапрошлого – начала прошлого веков. О женственности русских писали Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, В.Ф. Эрн, вели речь славянофилы. «Женственный» русский народ, во-первых, одержал множество военных побед, в т.ч. над «мужественным» германским, во-вторых, сама такая постановка вопроса представляется неубедительной и неверной. «Думается, при всей несомненной важности пола, при всей очевидной многоплановости его проявлений, вряд ли оправдано привнесение “полового момента” в “национально-коллективную жизнь” русского или любого другого народа (уж скорее оправдано привнесение момента возрастного, что находило своеобразное преломление в теоретических построениях Данилевского и его последователей)», – отмечает А.М. Страхов [7, 63]. Специфику русской храбрости, отличной и от храбрости «устарелого французского рыцарства» и от храбрости «южных народов», хорошо показал Л.Н. Толстой. «Я всегда и везде, особенно на Кавказе, замечал особенный такт у нашего солдата во время опасности умалчивать и обходить те вещи, которые могли бы невыгодно действовать на дух товарищей. Дух русского солдата не основан так, как храбрость южных народов, на скоро воспламеняемом и остывающем энтузиазме: его так же трудно разжечь, как и заставить упасть духом. Для него не нужны эффекты, речи, воинственные крики, песни и барабаны: для него нужны, напротив, спокойствие, порядок и отсутствие всего натянутого. В русском, настоящем русском солдате никогда не заметите хвастовства, ухарства, желания отуманиться, разгорячиться во время опасности; напротив, скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера», – пишет Толстой [8, 89]. А по поводу русского капитана писатель замечает: «Француз, который при Ватерлоо сказал: “La garde meurt, mais ne se rend pas”, – и другие, в особенности французские герои, которые говорили достопамятные изречения, были храбры и действительно говорили достопамятные изречения; но между их храбростью и храбростью капитана есть та разница, что если бы великое слово, в каком бы то ни было случае, даже шевелилось в душе моего героя, я уверен, он не сказал бы его: во-первых, потому, что, сказав великое слово, он боялся бы этим самым испортить великое дело, а во-вторых, потому, что, когда человек чувствует в себе силы сделать великое дело, какое бы то ни было слово не нужно. Это, по моему мнению, особенная и высокая черта русской храбрости...» [9, 32]. Впоследствии Толстой разовьет эти мысли в «Войне и мире». Кстати, храбрости как черте русского характера «противовеса», если воспользоваться термином Лихачева, не находится.

«Противовеса» не обнаруживается и у терпеливости, конечно, не беспредельной, и тогда страшным оказывается «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» [10, 525]. Терпеливость не следует подменять покорностью, «рабским» подчинением. Ни

татаро-монгольское завоевание (оно в принципе не могло обеспечить сколько-нибудь полный контроль над массой тогдашнего древнерусского этноса, ограничиваясь политическим влиянием на князей, сбором дани и карательными операциями против непокорных), ни крепостное право, просуществовавшее в России до 1861 г. спасаясь от которого русские люди осваивали новые территории (при всех своих издержках крепостничество не являлось рабством, да и многочисленные протестные выступления крепостных, сжигавших помещичьи усадьбы и убивавших наиболее жестоких «бар» – при неизвестных обстоятельствах был убит и отец Ф.М. Достоевского, человек жестокий и питавший склонность к крестьянским женам и дочерям, – свидетельствуют в пользу свободолюбивости русских), ни самодержавный характер царской власти не смогли изменить такую черту русского характера как внутреннее стремление к свободе и справедливости. К сожалению, слишком часто ссылаются на чеховские слова о необходимости по каплям выдавливать из себя раба, неоправданно экстраполируя индивидуальное, личностное на общественное, этническое. Стремление русских к свободе сказалось на отношении к законам, нарушавшихся во все времена при малейшей возможности их обойти, а часто и вопреки ей. Модернизация России на рубеже XX – XXI вв. только усугубило это стремление, выступающее одним из значимых препятствий на пути построения правового государства. Препятствует последнему и безинициативность россиян в отношении создания институтов гражданского общества, элементы которого создаются преимущественно сверху (гражданская палата, например) или из-за рубежа, со стороны (к примеру, феминистские организации). Данное обстоятельство связано не с рабским характером, а с пресловутым русским «авось», когда русский человек, не зная, какой будет урожай, зависящий в зоне неустойчивого земледелия от причуд погодно-климатических условий, уповал на случай и Божью помощь – авось повезет. А.И. Левитов приводит рассказ попутчика, «белого парня» с мельницы, о том, как крестьяне утешали англичанина: «Авось бог! Авось вывезет?» [11, 62].

В отличие от характера, внешним влияниям в большей степени подлежит менталитет, точнее, та его составляющая, которая выходит за пределы относящихся к характеру психических установок. Соответственно, если русский характер со всей своей противоречивостью остается прежним, то менталитет в обществе российского модерна и постмодерна изменения претерпел. Так, воинская храбрость как отличительная черта русского характера проявлялась во все времена в войнах и конфликтах. Так было в дореволюционной самодержавной России, так было и в советское время на фронтах Великой Отечественной войны и в Афганистане, хотя воевали, во-первых, представители разных поколений, во-вторых, война в Афганистане была войной для молодых солдат, проявляющий русский характер, чужой. Тем не менее это были все советские люди, хотя менталитет «афганцев» уже предполагал долю критичности и насмешки, выразившейся в многочисленных «политических» анекдотах, в отношении «партии и правительства». Но то же мужество продемонстрировали солдаты – срочники, необученные, неподготовленные, задействованные в акции, если воспользоваться словами А.И. Герцена, сказанными им о подавлении польских восстаний, «полицейского усмирения войсками» в Чечне. Фактической войны в 90-е гг. XX века (войной не признанной, поскольку тогда это была бы гражданская война!) в отличие от военных действий в новом тысячелетии, когда под угрозой оказался Дагестан, можно было избежать, но видно кто-то в Москве был в ней заинтересован, война эта была федеральным центром проиграна политически, а военным руководством стратегически и тактически, что понимали и солдаты, уже представители «поколения пепси», однако это не помешало им русский характер в очередной раз проявить. При этом одни демонстрировали «святое», другие – «звериное» (немногочисленные судебные процессы над военнослужащими – лишь надводная часть айсберга), как, впрочем, всегда бывает на войне.

Рыночная экономика столкнулась не столько с трудностями, вытекающими из русского характера, сколько с проблемами, порожденными отечественным менталите-

том. Русский человек выдержал испытание рынком в период капиталистической модернизации России в XIX столетии, когда вчерашние крепостные и их потомки за сравнительно короткий срок составили ядро успешного предпринимательства и купечества. Особенно отличалась в этом отношении Москва, город «торговый, промышленный и мануфактурный», по словам В.Г. Белинского, где столько «движения, жизни умственной, торговой, промышленной», по выражению И.Т. Кокорева. Последний в своих рассказах и очерках убедительно раскрывает предприимчивость и торговую «жилку» русских людей из народа, рассказывает о деревенском мужичке, пошедшим в Белокаменную, как часто называли Москву, «с одной котомкой да с тою смышленостью и умением принаравливаться всюду, куда ни поверни, – этими двумя способностями, которыми мы сами в себе не надивимся» [12, 142]. Справедливо указанные Кокоревым черты сохранились, а менталитет за годы плановой советской экономики претерпел изменения, подорвав трудовую мораль и породив иждивенческие настроения: гарантированная (пусть очень скромная) оплата даже некачественного труда, пресловутая «уровниловка», подрывающая стимулы к эффективной деятельности, по мере того как энтузиазм исчерпал себя, привели наряду с другими факторами к стагнации. В результате значительные массы населения к рынку оказались не готовы, получив свободу, они не выдержали испытания ответственностью.

«Добротолюбие» – еще одна отличительная черта русского характера, в котором было, есть и будет стремление поделиться со страждущим и нуждающимся ближним (не случайно нищенство приняло в постсоветской России коммерческий размах). Но в менталитете советского человека в силу идеологических установок произошли изменения, в результате которых постыдным стало не только просить, но и подавать. Сохранились, однако, народные традиции гостеприимства и хлебосольства, отраженные в сказках, поговорах и пословицах. Рыночная экономика внесла свои поправки: в условиях первоначального обнищания русские люди начали ходить в гости «со своим», от чего стали отказываться по мере улучшения своего материального положения в XXI в. По мере утверждения в стране рынка в менталитете укрепляется осознание важности успешности, что сказалось, например, на отказе от в советское время столь распространенного обычая «стрелять» на улице сигареты. Последние в потребительской корзине не только подорожали, но даже подешевели, и только очень «неуспешный» человек может попросить у незнакомца угостить сигаретой, когда торговля табачными изделиями осуществляется, по крайней мере в больших городах, круглосуточно и едва ли не повсеместно.

«Святость в оболочке греха» присуща русскому человеку с его противоречивым характером. Только этим можно объяснить, почему, с одной стороны, так быстро и легко народные массы впали в навязываемый им сверху атеизм, с другой стороны, вопреки семидесятилетнему преследованию в стране религии сохранялась «подспудная» религиозность, благодаря чему так же быстро и так же легко в демократической России произошла десекуляризация. К религии обратилась не только молодежь, но и многие представители поколения, воспитанного при советской власти, однако, не всегда к Православии, что тоже (как многочисленные ереси и секты в прошлом) лишней раз подтверждает русский дух свободы и бунтарства. Стремление русских «во всем достигать последнего предела» следует развивать, убежден Д.С. Лихачев, «по преимуществу в духовной области». «Пусть будут у нас герои духа, подвижники, отдающие себя на служение больным, детям, бедным, другим народам, святые, наконец», – отмечает Лихачев [13, 5-6]. Они будут, потому что и не исчезали.

Список литературы

1. Казакова О.М. Менталитет, национальный характер и общественное сознание: к вопросу о разграничении понятий //Человек: философская рефлексия: материалы Всероссийской (с междун. участ.) науч.-практ. конф. Вып. 1. – Барнаул: Алтайский университет, 2006. – С. 76-77.
2. Мещеряков А.Д. Русский менталитет //Духовное возрождение: сб. науч., науч.-прикладных и творч. работ. Вып. XXIV. – Белгород: БГТУ, 2006. – С. 151-165.

3. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции //Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. – С.210-249.
4. Кокорев И.Т. Сибирка. *Мещанские очерки* /Сочинения. – М.-Л.: ГИХЛ, 1959. – С.1-56.
5. Лихачев Д.С. О национальном характере русских //Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 3-6.
6. Там же.
7. Страхов А.М. «Половой момент национально- коллективной жизни» //Человек и общество: на рубеже тысячелетий: Междун. сб. науч. трудов. – Вып. 24. – Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2004. – С.60-64.
8. Толстой Л.Н. Рубка леса . *Рассказ юнкера* /Собр. соч. в 20 т. Т. 2. – М.: ГИХЛ, 1960. – С.55-93.
9. Толстой Л.Н. Набег. *Рассказ волонтера* /Указ. соч. Т. 2. – С.7-35.
10. Пушкин А.С. Капитанская дочка /Собр. соч. в 10 т. Т. 6. – М.: Наука, 1964. – С.391-556.
11. Левитов А.И. Степная дорога ночью /Избранное. – М.: Советская Россия, 1980. – С.47-63.
12. Кокорев И.Т. Ярославцы в Москве. /Указ. соч. – С.141-150.
13. Лихачев Д.С. О национальном характере русских.

RUSSIAN CHARACTER IN CONDITIONS OF MODERNISATION

A.L. Alaverdian

Belgorod State University, Preobrajenskaja str., 78, Belgorod, 308000, Russia
e-mail: strahov@bsu.edu.ru

The article deals with important problem of Russian character, its basic attributes and inconsistent features. The author objects to “femininity” of Russians. He comes to conclusion that Russian people divides the values of freedom.

Key words: character, femininity, freedom, modernization, Russian/

РЕПАТРИАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ БЕЛГОРОДЧИНЫ

В.В. Бубликов

Белгородский государственный университет, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14
e-mail: v.bublikov@mail.ru

Рассматривается актуальная проблема репатриации соотечественников из-за рубежа. Приводится критический анализ существующей программы “О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом”, а также аргументы в пользу активизации усилий при проведении репатриационной политики. Результаты проведенного в Белгородской области социологического исследования говорят о позитивном отношении местного населения к политике репатриации. Анализируются результаты социологического исследования в части отношения респондентов к конкретным мерам социально-экономической поддержки репатриантов, таким как предоставление жилья, трудоустройство, финансовая помощь и т.д. При этом делается анализ социологических данных как населения региона в целом, так и его отдельных социально-демографических групп.

Ключевые слова: репатриационная политика; соотечественники, проживающие за рубежом; общественное мнение; меры помощи переселенцам.

Необходимость проведения репатриационной политики российским государством продиктована рядом объективных причин. Во-первых, это наличие большой диаспоры (только в странах бывшего СССР, на начало 2000-х годов, проживало около 17 млн. русских и ещё несколько миллионов соотечественников живёт в странах дальнего зарубежья) [1]. При этом, социально-экономические условия жизни в странах СНГ значительно ниже, чем в Российской Федерации, что стимулирует миграционные установки населения этих стран.

Второй причиной является глубокий демографический кризис (главным негативным последствием которого является сокращение численности трудоспособного населения) и потребность растущей экономики РФ в рабочей силе. Эти факторы ставят социально-экономическое развитие страны в зависимость от притока трудовых ресурсов из-за рубежа.

Преимущества приёма репатриантов, перед притоком обычных трудовых иммигрантов, налицо: знание переселенцами русского языка, традиций и обычаев местного населения и т.д. Немаловажным фактором является и более высокий образовательный уровень репатриантов, составлявших в бывших республиках СССР научную и техническую элиту.

Трудовые иммигранты, как из стран СНГ, так и из стран дальнего зарубежья, в отличие от соотечественников, плохо (либо совсем) не владеют русским языком, им чужды традиции и обычаи коренного (русского) населения России. Массовый приток таких иммигрантов в последние годы стимулирует социальную и межнациональную напряжённость в обществе. До конца ещё не осознано влияние массового притока инкультурных иммигрантов на геополитическое положение Российской Федерации в мире.

Дешевизна рабочей силы из наиболее бедных стран СНГ (и, следует заметить, наиболее бедных социальных слоёв этих стран) делает её привлекательной для российских работодателей. Поэтому в настоящее время приток трудовых иммигрантов многократно превышает поток возвращающихся соотечественников.

Первая целенаправленная попытка осуществления репатриационной компании была предпринята в 2006 г. с принятием программы “О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом” [2]. Однако, в целом, несмотря на масштабное финансирование, реализацию программы на настоящий момент можно считать провальной. При расчёте на переезд нескольких миллионов человек (до начала реализации программы директор ФМС РФ К. Ромодановский говорил о возможности приёма 5-6 млн. человек [3]), к настоящему времени переселилось лишь несколько сотен человек [4].

При этом необходимо отметить, что зарубежный опыт проведения эффективных репатриационных компаний весьма велик. Среди наиболее успешных можно назвать переселение этнических немцев с территории бывшего СССР в Германию в 90-е годы, репатриационные программы Польши, Греции и многих других стран. Не говоря уже об опыте Израиля, сконцентрировавшем, всего за полстолетия, более половины евреев всего мира на своей территории. Существуют примеры эффективной репатриационной политики и на территории СНГ. В качестве примера здесь можно привести Казахстан, в который по программе возвращения этнических казахов – оралманов, вернулось более 300 тыс. человек (это при учёте весьма небольшой казахской диаспоры) [5].

Таким образом, можно констатировать, что возможности репатриации соотечественников в Россию ещё не исчерпаны. Однако, политика репатриации требует от государства не только масштабных финансовых и организационных затрат, но, главным образом, осознания государственной важности вопроса и привлечения информационных ресурсов.

Следует также отметить, что в нормативно-правовых документах РФ не существует единого толкования термина “соотечественники, проживающие за рубежом”. Более того, в различных нормативных актах встречаются различные, порой взаимоисключающие друг друга, формулировки. При этом социологические опросы, по определению понятия соотечественники, показывают однозначное восприятие населением этого термина с этнических позиций. Наибольшее число респондентов относит к соотечественникам только русских¹.

Большинство экспертов, изучающих проблемы репатриации соотечественников из-за рубежа, указывает на опасность возникновения социальной напряжённости между переселенцами и коренными жителями. Такое напряжение может возникнуть вследствие предоставления чрезмерных льгот и субсидий переселенцам, в ущерб социальным благам коренного населения. Следовательно, возникает объективная потребность изучения общественного мнения по вопросу репатриации, а также поддержки населением мер социально-экономической помощи переселенцам.

Отношение населения Белгородской области к вопросам репатриации стало одной из основных тем социологического исследования “Формирование механизмов интеграции иммигрантов в социокультурную среду Белгородской области”².

Среди вопросов, задававшихся респондентам в ходе проведения исследования, был вопрос об отношении к самому процессу репатриации, сформулированный в доступной для респондентов форме (см. рис. 1).

¹ Вопрос трактовки понятия “соотечественники, проживающие за рубежом” более подробно рассмотрен в авторской статье “Определение понятия “соотечественники, проживающие за рубежом” в общественном мнении современной России”.

² Социологический опрос проводился с 10 ноября по 10 декабря 2007 г. во всех районах и городах областного подчинения Белгородской области. Выборочная совокупность составила 800 человек.

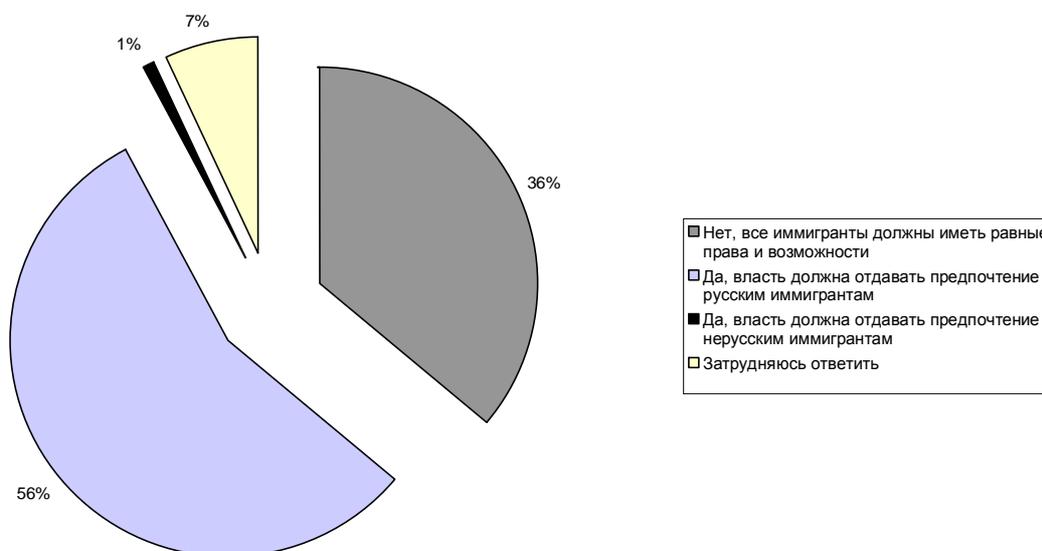

Рис. 1. Вопрос: Как Вы считаете, власть, проводя миграционную политику, должна делать различия между русскими и нерусскими иммигрантами?

Как видно на рис. 1, более половины населения региона считает необходимым, при проведении миграционной политики, отдавать предпочтение русским иммигрантам (56%). Немногим более 1/3 респондентов (36%) не видят необходимости в осуществлении раздельной иммиграционной политики.

В ходе анализа результатов исследования выявились значительные расхождения в оценке репатриационной политики различными социально-демографическими группами населения. Так, мужчины гораздо более склонны считать необходимым “отдавать предпочтение русским иммигрантам”, нежели женщины – 61% против 52%. Среди возрастных групп населения поддержка данной категории ответа увеличивается вместе с возрастом респондентов (53% в возрасте 18-39 лет; 57% у 40-59 летних; 59% в возрасте 60 лет и старше). Т.е., в целом, необходимость проведения репатриационной политики осознаётся всеми группами населения, пользуясь наибольшей поддержкой у мужчин и людей старших возрастных групп.

Результаты проведённого социологического исследования позволяют судить об отношении населения к конкретным мерам социально-экономической поддержки репатриантов. Так, в ходе опроса, респондентам были предложены пять вопросов об отношении к наиболее актуальным проблемам русских репатриантов: возможности упрощённого получения гражданства, предоставления жилья, трудоустройства и т.д. (см. табл. 1).

Респондентам были предложены три варианта ответа о поддержке перечисленных выше мер: да, нет и затрудняюсь ответить (за исключением вопроса о жилье). Как показано в табл. 1, все предложенные меры пользуются подавляющей поддержкой населения региона.

Самой популярной мерой стимулирования репатриационного процесса респонденты считают упрощённое предоставление гражданства РФ (79% поддержки), что оказалось вполне ожидаемым, т.к. данная мера не требует масштабных финансовых затрат. Причём, наибольшей поддержкой она пользуется у женщин (81%, против 76% у мужчин) и у людей средних, пожилых возрастов.

Таблица 1

**Отношение населения Белгородской области к мерам
социально-экономической поддержки русских репатриантов, %**

Меры	Поддерживают	Не под-держивают	Затруднились ответить
Предоставление гражданства РФ в упрощённом порядке	79	15	6
Предоставление жилья	67	20	13
Трудоустройство или перепрофилирование на вакантные рабочие места	73	20	7
Возможность получения льготного кредита на покупку жилья и/или открытие бизнеса	62	29	9
Выплата пособия в размере одного прожиточного минимума на каждого члена семьи в течение первых 6 месяцев	63	26	11

При ответе на вопрос: “Считаете ли Вы необходимым, чтобы власти Белгородской области предоставляли жильё русским переселенцам?”, были предложены не три, а четыре варианта ответа. Варианты положительной оценки – “да” предложены в двух видах: “да, везде где они пожелают” и “да, но только в местах с неблагоприятной демографической ситуацией”. Результаты показали, что примерно равные доли населения поддерживают эти категории ответа – 31% и 36% соответственно. Неожиданно мало респондентов высказалось против предоставления жилья переселенцам – 20%, что говорит о высоком понимании населением необходимости репатриации. Вместе с тем, вопрос о жилье для репатриантов вызвал наибольшее затруднение – 13%.

Вопрос о предоставлении жилья репатриантам выявил некоторые расхождения в его оценке мужчинами и женщинами. Среди мужчин доля выступающих против предоставления жилья несколько выше, чем среди женщин (23% и 18% соответственно). Ожидаемые результаты были получены и при анализе данных гендерных групп населения. Наибольшее отрицание эта мера вызывает в молодёжной среде – 25%. В средней и пожилой возрастных группах доля отрицательно относящихся к предоставлению жилья русским переселенцам существенно меньше – 17% и 16% соответственно.

Не менее “спорную” меру помощи репатриантам – содействие в трудоустройстве, поддерживают 73% жителей Белгородской области и всего 20% выступают против. При этом, также, как и вопрос о предоставлении жилья, наибольшей поддержкой трудоустройство переселенцев пользуется у женщин и у людей в средней и старшей возрастных группах (76%, 78% и 73% соответственно).

Наименьшую поддержку из предложенных мер помощи репатриантам среди респондентов получили такие как: “возможность получения льготного кредита на покупку жилья и/или открытие бизнеса” и “выплата пособия в размере одного прожиточного минимума на каждого члена семьи в течение первых 6 месяцев” – 62% и 63% соответственно. Наибольшей поддержкой эти меры пользуются у женщин и у людей в средних и старших возрастах. Исключением является предложение о выплате пособия семьям переселенцев, нашедшее большее число сторонников среди молодых и средних возрастов.

Анализируя полученные в ходе социологического исследования данные, можно сделать следующие выводы:

- Население Белгородской области, в целом, считает необходимым при проведении иммиграционной политики создавать преференции русским репатриантам.
- Все предложенные меры социально-экономической поддержки репатриантов пользуются подавляющей поддержкой во всех социально-демографических группах населения.

▪ Наибольшее число респондентов, считающих необходимым оказывать поддержку репатриантам, наблюдается среди женщин и людей в средней и пожилой возрастных группах.

▪ Молодёжь, по всей видимости, в силу меньшей социальной устроенности, реже склонна поддерживать меры помощи переселенцам, нежели другие возрастные группы. Тем не менее, и в этой группе, подавляющее большинство высказывается в поддержку этих мер.

Подводя общий итог проведённому исследованию, можно констатировать, что население региона гораздо больше, чем это можно было предположить, поддерживает проведение репатриационной политики. При этом поддержкой пользуется не только сама абстрактная идея проведения такой политики, но и конкретные меры, принятие которых могло бы существенным образом увеличить масштаб репатриации соотечественников.

Список литературы

1. Бубликов В.В. Использование миграционного потенциала русской диаспоры постсоветских стран в решении демографической проблемы России // Экономика, экология и общество России в 21-м столетии: Труды 9-й международной научно-практической конференции. Ч. 1. СПб., 2007. – С. 135-138.
2. Указ Президента Российской Федерации “О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом” от 22 июня 2006 года, Москва №637 // Российская газета. – 2006. – №137. – С. 19-20.
3. Инна Образцова. Какие мигранты нам нужны? // Аргументы и факты. – 2006. – №47. – С. 4.
4. <http://demoscope.ru/weekly/2008/0323/gazeta025.php>
5. Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов. – М.: Академический Проект, 2007. – С. 238-242.

REPATRIATION POLICY IN PUBLIC OPINION OF BELGORODIANS

V.V. Bublikov

Belgorod State University, Studencheskaja str., 14, Belgorod, 308007, Russia
e-mail: v.bublikov@mail.ru

The paper deals with the urgent issue of compatriots repatriated from abroad. A critical analysis of the active program ‘On measures of assisting voluntary migration of compatriots from abroad to the Russian Federation’ is presented, along with arguments for further active efforts within the repatriation policy. The results of sociological investigation in Belgorod region speak for the positive attitude of the local population to the repatriation policy. An analysis is given for the results of sociological investigation concerning particular forms of social support, like accommodation, job allocation, financial aid, etc. The analysis is done for both the region’s population as a whole and its particular social and demographic groups.

Key words: repatriation policy; compatriots, living abroad; public opinion; measures of assisting migrants.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

З.В. Курасбедиани

Курский государственный технический университет, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
e-mail: cherkashin2008@yandex.ru

В статье рассматривается роль физической культуры в становлении личности студента. Автор показывает, что формирование ценностных ориентаций в сфере физической культуры, предполагает повышение уровня специальных физкультурных знаний, формирование мотивационно-ценностных отношений в сфере физической культуры и, на этой основе, более эффективное решение задач социализации личности в процессе физического воспитания студенческой молодежи.

Ключевые слова: физическая культура, личность, социализация.

Взросший в последнее время интерес государственной образовательной политики к физической культуре является осознанием значимости данного вида культуры в реализации потенциала личности и общества, что подтверждается многочисленными исследованиями и документами [1].

Учеными зафиксированы две негативные тенденции: первая характеризует недостаточное внимание общества и личности к физической культуре как ценности, вторая – в абсолютизации задач телесно-физической интерпретации данного вида культуры [2]. Их последствия выражаются соответствующими явлениями для общества и личности: 1) значительно сокращается трудоспособное население; 2) снижается средняя продолжительность жизни; 3) снижается уровень здоровья; 4) увеличивается рост наркомании и алкоголизма, особенно среди молодежи; 5) снижается уровень физического состояния в целом молодежи.

Данное явление определяется и другими факторами: неблагоприятными условиями внешней среды, экологической обстановкой, изменением социально-политического и экономического устройства общества.

Ключевыми видами жизнедеятельности индивида являются различные виды социальной деятельности, ибо именно на социальном уровне активности реализуется сущность человека. Деятельность человека всегда социальна в том смысле, что она осуществляется в процессе непосредственного и опосредованного общения с другими людьми и социальными группами, использует знания, созданные обществом. Выбор человеком форм деятельности в свободное время в значительной степени определяется: в объективном плане – реальными возможностями, которыми располагает общество, социальная группа и данный индивид, в субъективном плане – ценностными ориентациями, интересами, потребностями самого индивида. Подобный подход позволяет рассматривать физическую культуру не только как совокупность физических упражнений, но и как процесс и результат деятельности.

Физическая культура содержит в себе существенный потенциал воспроизводства личности как целостности в ее телесно-духовном единстве. Содержательный анализ физической культуры (ее функционального, ценностного, деятельностного аспектов) свидетельствует о том, что она, как ни один вид культуры, имеет большие потенциальные возможности в формировании личности. Однако в реальной физкультурной практике (с позиций структурно-содержательного анализа понятия всесторонне развитой личности) эти богатые возможности в силу разрыва соматопсихического и социокультурного единства человека (его целостности), используются далеко не в полной мере. И, прежде всего, слабо представлены такие элементы проявления индивидуальной всесторонности,

как самореализация, проективное саморазвитие, творчество личности, связанные с удовлетворением и формированием духовных потребностей, являющихся первичным импульсом всякой деятельности. Это ограничивает возможности физкультурной деятельности развитием зачастую только двигательной сферы занимающихся. В физической культуре в этом случае значительно снижается (или совсем не реализуется) ее культурный потенциал, связанный с развитием интеллектуальных, мыслительных, творческих, коммуникативных потенций человека, с формированием у него личностной физической культуры. Нарушается и соизмеримость в таких индивидуальных формах общественной всесторонности, как гармоничность, целостность, универсальность.

Невостребованность потенциала физической культуры ведет к ограниченности формирования личности, которая становится антикультурной по своей сущности. Именно через человека, через проявление взаимообусловленности человеко-творческой и адаптивной функции культуры происходит ее воздействие на личность и на общество. У развивающегося общества нет другого пути, кроме самосовершенствования человека средствами культуры. Поэтому физическая культура приобретает особую социальную значимость, так как ее целью, предметом и главным результатом являются развитие и саморазвитие самого человека.

В этой связи необходимо, прежде всего, отметить тот факт, что для физической культуры до сих пор не нашлось четкого и определенного места ни в одной из областей социально-гуманитарного знания. Философия, культурология и другие гуманитарные дисциплины по сей день практически не рассматривают ее как составную часть духовного потенциала личности, внутреннее условие формирования социально-нравственных качеств индивида, его активной жизненной позиции в предельно динамичном и изменчивом социальном окружении.

Отсюда само определение физической культуры зачастую никоим образом не связывается с понятием культуры как способа формирования, совершенствования, «культивирования» человеческой личности средствами и методами физического воспитания и физической подготовки к активной и сознательной социальной и профессиональной деятельности.

С данных позиций физическую культуру следует рассматривать, прежде всего, как предпосылку и внутренний атрибут общей культуры личности. Сам смысл понятия культуры социума – это давно уже не возделывание растений или других природных объектов, а возделывание и совершенствование человеческого счастья и духовно-нравственных основ человеческой личности. Физическая культура направлена, прежде всего, на сохранение и укрепление здоровья человека как физического, так и духовного, а не просто на проведение спортивных состязаний и мероприятий спортивно-развлекательного характера. Сегодня мы уже не можем отрицать тот факт, что природно-биологические процессы играют огромную роль в социальной жизнедеятельности человека. Человек – это биопсихосоциальное существо и данное комплексное понимание сущности человеческой личности подводит нас к выводу о том, что эмоционально-волевые качества индивида в значительной степени детерминируются не только социальными установками, но и физической подготовкой, физической культурой в самом широком смысле этого понятия, включающего в себя, прежде всего, здоровье личности и здоровый образ жизни современного молодого человека – как физиологический, так и эмоционально-психологический и нравственно-духовный, и ни один компонент человеческой культуры, здоровья и индивидуального совершенства не может существовать и функционировать изолированно и в отрыве друг от друга. Это и подводит нас к новому социально-философскому смыслу и пониманию физической культуры личности как дополнительного способа и важнейшего средства достижения человеческой идентичности и гармонии с окружающей его природой и социумом.

Рассматривая и определяя место и значение физической культуры в жизни молодого человека, следует отметить, что она влияет на все стороны его жизнедеятельности.

Ценностные ориентации, направленные на «деятельную структуру» времяпрепровождения, свидетельствуют о наиболее высоком уровне сформированности личности студента.

Материалы проведенного нами социологического исследования в вузах г. Курска позволили определить уровень соответствия традиционного содержания общего образования в сфере физической культуры, организуемого в вузе, запросам практики современной жизни, современным теоретико-методологическим положениям в сфере общего физкультурного образования, отношение основных участников этого процесса к его наиболее острым проблемам, а так же степень соответствия их представлений о путях его вывода из кризисного состояния существующим реалиям.

Рассмотрение проблематики «физическая культура в системе факторов развития студенчества» осуществлялась нами в двух тесно сопряженных между собой направлениях. Во-первых, физическая культура изучалась с точки зрения существующей в настоящее время системы общеобразовательных дисциплин, а именно, в качестве особого учебного предмета, жизнь студента не ограничена рамками его пребывания в стенах вуза. Вследствие этого, второй подход связан с исследованием роли физической культуры в свободном времяпрепровождении студенчества.

Результаты исследования показывают, что постоянно занимаются различными видами физической культуры и спорта в свободное время лишь – 11,4 % от общего числа респондентов (преимущественно это студенты которые регулярно тренируются в спортивных секциях). Очень важно подчеркнуть, что этот показатель характеризует отношение только студентов 1-го курса, так как число постоянно занимающихся на 4-ом курсе равно нулю. Время от времени занимаются физической культурой и спортом – 76,8 % опрошенных респондентов (периодичность этих занятий колеблется от 1-го раза в неделю до 1-го раза в месяц, а на 4-ом курсе до одного раза в полгода). Никогда не занимаются физической культурой и спортом – 7,8 % студентов. Эти данные говорят о том, что за время учебы в вузе, студенты, к сожалению, теряют интерес к занятиям спортивной деятельностью.

Результаты исследований показывают, что одной из причин низкой эффективности, существующей организации учебного процесса по физическому воспитанию в вузах, является то, что она предусматривает систему побуждения к физкультурно-спортивным занятиям преимущественно в форме принуждения. Только 22,5% из общего количества опрошенных студентов посещают обязательные занятия по убеждению, остальные же приходят на занятия по принуждению – 60,3% , или вовсе их не посещают – 16,2% студентов.

Данные проведенного исследования показывают, что уже на 1 курсе по убеждению занимаются всего лишь 28,7% студентов, а совсем не занимаются 12,3%, остальные занимаются по принуждению (для того чтобы получить зачет). На четвертом курсе число не занимающихся студентов на занятиях физической культурой составило уже 26%, а занимающихся по принуждению 63,5%. Физической культурой не занимаются, выделяя главную причину – отсутствие свободного времени 35,3% опрошенных студентов.

Принудительные меры – это, на первый взгляд, самые простые методы «внедрения» физической культуры и спорта в жизнедеятельность студентов, но они, как показывает практика и результаты нашего исследования, в большинстве случаев дают отрицательные результаты.

Если в начале первого курса активность студентов можно охарактеризовать как среднюю (многие из них имеют желание активно заниматься различными видами физической культуры и спорта), то в конце учебного года желание студентов заниматься заметно ослабевает, а иногда вообще пропадает.

Особенно в затруднительном положении оказываются студенты младших курсов. С одной стороны, они должны сразу включиться в напряженную работу, требующую применения всех сил и способностей, с другой – само по себе преодоление новизны условий учебной работы требует значительной затраты сил организма.

При существующей организации учебных занятий по физическому воспитанию студентам приходится заниматься в режиме жесткой регламентации. Полное же подчинение всегда ведет к пассивности, в результате чего исчезает желание заниматься. Такая методика организации в большей мере способствует отчуждению от физической культуры, поскольку меры принуждения никогда не давали высоких результатов в обучении и воспитании. Тем более что эффективность физкультурно-спортивной деятельности определяется не принуждением, не всесторонней регламентацией, а главным образом, пониманием самими студентами целей, средств и путей их достижения, личным отношением к деятельности, стремлением заниматься в меру своих сил и способностей. Естественно желание студентов, чтобы с ними считались, учитывали их мнения, а не просто предъявляли требования и заставляли их выполнять.

Модернизация системы образования, осуществляемая в вузах России, наряду с решением других задач направлена, и на развитие самостоятельности студентов. Вместе с тем результаты проведенных нами исследований показывают, что более половины студентов в той или иной мере не удовлетворены системой организации, применяемыми формами и методами проведения занятий, их направленностью. Это говорит о том, что занятия носят для студентов формальный характер, где не учитываются их интересы и потребности. При этом уровень неудовлетворенности организацией внеучебной работы выше, чем уровень удовлетворенности учебными занятиями.

По нашему мнению, это свидетельствует о том, что направленность и содержание организации внеучебной физкультурно-спортивной деятельности идет вразрез как с направленностью учебной работы, так и с интересами и потребностями самих студентов. Ни организация секционной работы, ни соревновательная деятельность не отражают истинных интересов студентов, не способствует приобщению большинства из них к занятиям физической культурой и спортом.

Причина низкой эффективности физического воспитания кроется еще и в том, что во главу всей работы поставлено достижение всевозможных результатов. Это сдача различных нормативных тестов, которые студенты в силу своей низкой физической подготовленности не могут выполнить, подготовка спортсменов-разрядников, сборных команд вуза для участия в соревнованиях. Такое положение возникло потому, что работа по физическому воспитанию в вузе оценивается в основном по занятым местам в соревнованиях различного ранга. А в них по нашим данным принимает участие не более 5-8 % студентов. Это привело к тому, что вся работа многочисленного отряда преподавателей и работников спортивных клубов сведена к работе с этой группой, а остальная часть студентов превратилась в статистов.

Важное место в системе физкультурного знания занимают представления о физической активности, как наиболее важной и эффективной форме организации воздействий на организм человека, направленных на позитивное изменение его физического потенциала и достижения других социально важных целей. К сожалению, каждый четвертый из опрошенных нами молодых людей не имеет элементарных знаний о наиболее простых слагаемых физической активности: утренней зарядке, правилах гигиены и закаливания, приемах контроля за состоянием своего здоровья. Только 10,6% респондентов беспокоятся о дальнейшем повышении уровня физической культуры, углублении знаний о физической тренировке, развитии важных физических качеств.

Такая направленность работы по физическому воспитанию в учебных заведениях ведет к тому, что не вовлекается в систематические занятия максимально возможное количество студентов, утрачивается образовательная и воспитательная направленность занятий.

Для повышения эффективности физического воспитания в вузах, на наш взгляд, необходимо создать условия, способствующие индивидуализации учебного процесса, разнообразию форм проведения учебных занятий, а также внеучебной физкультурно-массовой и оздоровительной работы, и свободе их выбора. При этом следует исходить

из интересов и потребностей студентов, включая их в совместное управление физкультурно-спортивной деятельностью на учебных занятиях в вузе.

Важно, чтобы каждый студент правильно относился к своему здоровью, физическому развитию и физической подготовленности, понимал их важное социальное и личностное значение, чтобы освоил соответствующие знания и средства, позволяющие ему целенаправленно воздействовать на имеющиеся у него отклонения в физическом развитии и здоровье, чтобы он делал это не «но принуждению», а на основе внутренней потребности в физическом совершенствовании. Результатом чего должна стать сформированность таких социально-значимых черт личности, которые способствуют повышению уровня физической культуры, укреплению физического здоровья, достижению физического совершенства, оптимальной подготовленности к эффективной трудовой деятельности.

В условиях радикального социально-экономического преобразования современного общества и нарастания глобального экологического кризиса следует по-новому поставить вопрос о сущности физической культуры как доминирующего фактора сохранения и укрепления человеческого здоровья и ведущей формы реализации здорового образа жизни.

Ситуация в современном естествознании и научных дисциплинах социально-гуманитарного блока настоятельно требует выработки новых критериев оценки сущности и содержания физической культуры, а также гораздо более четкой ее верификации с точки зрения новых мировоззренческих подходов и интеграции в системе научных дисциплин.

С этой точки зрения здоровье и здоровый образ жизни следует рассматривать как непрерывный процесс индивидуальной и социальной адаптации к внешней среде, к изменчивым условиям общественной и профессиональной жизнедеятельности. И особенно важно то, что данный процесс в современных условиях информационного и технотронного общества диктует примат социальных факторов адаптации над природно-биологическими компонентами человеческой личности.

Обозначая социально-гуманитарный подход к проблеме физического воспитания молодежи в новых антропоэкологических и социальных условиях, следует отказаться от привычного упования на медицину, которая лишь «выправляет» отдельные физические аномалии и то не всегда достаточно успешно, и перейти на интегративные социальные программы в области охраны здоровья. А для этого необходимо анализировать сущность, содержание, средства и методы влияния физической культуры на личность именно с позиций современной культурологии, педагогической аксиологии, философской антропологии и социальной философии.

В силу этого, необходимо поднять социальный, нравственно-эстетический и психоэмоциональный статус физической культуры как у основной массы российского населения в целом, так и особенно у подростков, чьи социальные и нравственные ориентации во многом могут быть видоизменены с помощью возврата к аксиологическим, ценностным основаниям физической культуры как ведущего фактора формирования здоровой, творческой и социально активной личности.

Повышение роли и значимости физической культуры в ее расширенном понимании вместе с достижением наибольшей эффективности физического воспитания и просвещения поможет преодолеть явления социальной апатии и аномии среди молодежи, а также в значительной степени снизит воздействие негативных и депривирующих факторов в отношении современных детей и подростков, что создаст условия для более оптимальной их подготовки к будущей профессиональной деятельности.

Отсюда наличное состояние здоровья детей и подростков в современных весьма динамичных и даже кризисных условиях зависит от многих факторов и не только от генетической обусловленности организма и экологии, но и от целого комплекса социальных мероприятий общества по сохранению и поддержанию здоровья подрастающего поколения, от уровня и степени «культивирования» обществом и его основными соци-

альными институтами здорового образа жизни, а также повышения роли и статуса физической культуры в общегуманитарном аспекте.

Теоретической основой формирования данной программы социальной значимости физической культуры в кризисных и нестабильных состояниях общественной системы должны стать новые научно обоснованные технологии гуманизации, дифференциации и индивидуализации учебно-педагогического процесса в школах, техникумах и вузах в соединении с медицинскими средствами восстановления физического и психического здоровья детей и подростков, с новыми методами воспитательного, психоэмоционального и культурно-эстетического воздействия на подростка в ходе непрерывного образовательного процесса, подкрепленные общегосударственной стратегией образования.

Список литературы

1. Виленский М.Я. Физическая культура студента: Учебник. – М.: Гардарики, 2001.
2. Столяров В.И. Философско-культурологический анализ физической культуры. // Вопросы философии. 1998, № 4.

PHYSICAL TRAINING AS A FACTOR OF PERSONAL DEVELOPMENT

Z.V. Kurasbediani

Kursk State Politechnical University, 50 Oktyabrya str., 94, Kursk, 305040, Russia
e-mail: cherkashin2008@yandex.ru

In the article are overviewed the role of physical training in development of student's personality. The author shows us that forming valuable orientations in the sphere of the physical training, which supposes the hiring of its level. The level hiring of the special physical culture knowledge is forming the relationship in motivation values in the sphere of the physical culture. On this bases decision of the personality socialization tasks is more effective in the process of students' youth physical education.

Key words: physical training, personality, socialization.

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ЕВРОРЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

А.В. Сапрыка¹⁾, В.А. Сапрыка²⁾

¹⁾ Харьковская национальная академия городского хозяйства, 61002, г. Харьков, ул. Революции, 12
e-mail: a_sapryka@mail.ru

²⁾ Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: sapryka@bsu.edu.ru

В статье сфокусированы основные проблемы при построении новых транснациональных отношениях на постсоветском пространстве. Рассмотрен мировой опыт создания еврорегионов, выделены процессы формирования еврорегионов, а также принципы управления еврорегионами, в частности еврорегионом «Слобожанщина».

Ключевые слова: еврорегионы, региональная политика, транснациональные образования, принципы управления.

Современное общество требует от органов власти все большего внимания к организации условий проживания, качеству жизни, своевременной реакции на возникающие проблемы. Сама по себе реформа государственного управления не является самоочевидной приоритетной задачей, она имеет значение лишь в комплексе социальных целей государства [1].

Анализируя опыт реформ происходящих в Российской Федерации, Украине и других странах на постсоветском пространстве, стоит отметить, что реформирование государственного и местного самоуправления переходит на совершенно новый уровень. Это обусловлено объективными процессами глобализации, постепенной регионализацией экономики, а также накоплением как положительного, так и отрицательного опыта. Реформирование социально-экономического развития приграничных территорий требует от региональных властей и органов муниципального управления все больше уделять внимание транснациональному сотрудничеству, которое в условиях всемирной глобализации является неотъемлемой частью успешного развития. В этой связи становится актуальным обмен опытом между приграничными регионами. С распадом Советского Союза, у новых независимых государств встала проблема определения своей политики, как в отношении ближайших соседей, так и межгосударственных объединений. В настоящее время Российская Федерация, сохраняя традиционные виды транснационального сотрудничества, которые выражаются в создании и поддержании международных структур, в виде Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического сообщества и т.д., но начинает использовать опыт транснационального регионального сотрудничества.

Идея еврорегионального сотрудничества была оформлена в странах Европейского союза более сорока лет назад и первоначально объединяла исключительно страны Западной Европы. С конца 1980-х годов в процесс создания еврорегионов включились страны Центральной и Восточной Европы, в том числе и Россия. Так «Ассоциация европейских приграничных регионов» объединяет в настоящее время 260 регионов участников из 33 стран [2].

Рассматривая стратегические интересы ЕС, особенно идею экономической и политической взаимозависимости как предпосылки политической стабильности в Европе, можно отметить сильное рациональное начало стимулирования приграничного сотрудничества, и с практической и с академической позиций. Комплексный процесс европейской интеграции и расширения ЕС способствовал привлечению внимания к приграничным регионам как к зонам межгосударственного взаимодействия [3].

Нередко еврорегион, понимается как определенное, юридически закрепленное, пространственное формирование с четко определенными границами, в состав которого входят приграничные хозяйственные комплексы не менее двух государств, имеющих общую границу, целью которого является: сообща и слаженно стимулировать социально-экономическое развитие своих территорий.

В тоже время в ряде работ еврорегион рассматривается как трансграничный союз, интегрированная социально-экономическая территория, где сохраняется уважение к различиям на основе партнерства и солидарности[4].

Ассамблея европейских регионов определяет следующий перечень компетенций регионов:

- региональная экономическая политика;
- освоение территории;
- политика в сфере строительства (включая жилищное);
- инфраструктура телекоммуникаций и транспорта;
- энергия и окружающая среда; сельское хозяйство и рыболовство;
- образование всех уровней и научные исследования;
- культура и средства массовой информации;
- охрана здоровья; туризм, отдых и спорт;
- общественная безопасность[2].

Общей характерной чертой еврорегионов, создававшихся территориальными субъектами регионального и местного уровня (общины, коммуны, города, районы и т.п.), в ряде случаев с привлечением экономических и социальных органов (ТПП, профсоюзы и т. д.), являлся, как правило, их частнопредельный характер.

Типовая организационно-управленческая структура еврорегионов, то состоит из совместных органов управления нескольких уровней (рис.1.)

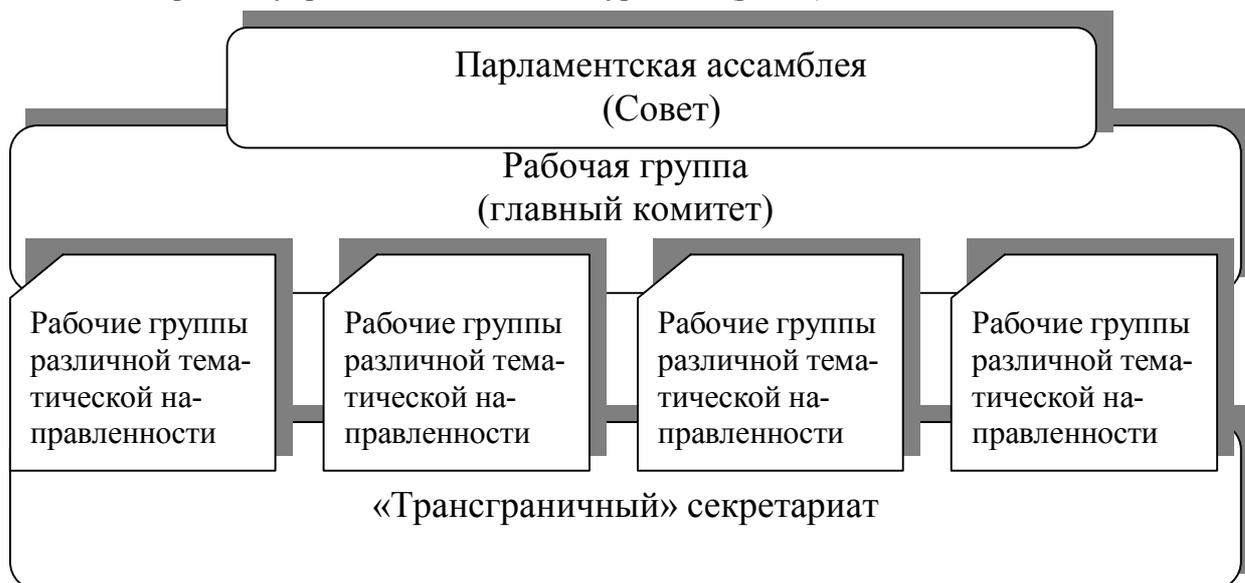

Рис. 1. Организационно-управленческая схема в Еврорегионе

Деятельность органов управления не регулируется в большинстве случаев какими-либо жесткими уставными рамками или соглашениями, а осуществляется на основе консенсусных решений, договоренностей или совместно выработанных рабочих программ или проектов сотрудничества, что, безусловно, открывает широкие возможности.

Для определения тактических целей большинство программ и проектов, реализуемых в еврорегионах предназначены для осуществления различных целей: развитие самоуправления и хозяйства регионов, районов, сел и городов; создание межрегиональных связей; поддержка культурных связей; решение проблем национальных меньшинств; ликвидация организационных, ментальных барьеров и создание эффективной системы передачи информации и др.

Проанализировав назначение, организационную структуру, направления деятельности, а также направления реализуемых проектов и программ, можно отметить следующие особенности еврорегиона, как института.

В первую очередь, еврорегион является формой трансграничного сотрудничества, закрепленной в международных нормативно-правовых актах, поскольку правовой статус еврорегионов достаточно конкретно определен Европейской рамочной конвенцией о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей и актами национального законодательства [5].

Во-вторых, под еврорегионом подразумевается конкретная территория, входящая в приграничную зону двух или более государств. Именно географическое положение территории является первичной основой создания еврорегиона, без которого деятельность еврорегиона теряет смысл.

В-третьих, еврорегион носит транснациональную функцию, в первую очередь функцию интеграции в европейские структуры, в европейское сообщество.

В-четвертых, конкретные программы и проекты являются основой сотрудничества участников еврорегиона.

В-пятых, на основании взаимных соглашений сторон-участников определяется содержание деятельности еврорегиона.

Тема трансграничного сотрудничества является предметом многочисленных исследований не только в тех странах Европы, регионы которых располагают многолетним опытом его развития, насчитывающим не одно десятилетие, но и все чаще привлекает к себе внимание ученых и политиков на постсоветском пространстве. В настоящее время, ведется дискуссия об эффективности, таких транснациональных образований, однако стоит заметить, что противники еврорегионов, не предлагают иные формы взаимодействия, а лишь подвергают критике существующее положение.

Во многих случаях, на постсоветском пространстве регионализация по своей сути, рассматривается, как угроза национальному единству, в то время как в Европе она воспринимается как стимулирование местной инициативы, которая способствует демократизации общества. В тоже время необходимо отметить, что именно регионализм является основой развития западноевропейской цивилизации на пути к построению гражданского общества.

Оценки экспертов, анализирующих эффективность деятельности еврорегионов с участием стран СНГ, во многих аспектах совпадают. Так, большинство аналитиков отмечают следующие проблемы создания и функционирования существующих еврорегионов:

- бюрократизированность структур еврорегионов;
- слабая финансовая база;
- малая инициативность.

Одной из причин такого положения дел является жесткая система вертикального централизованного управления. Так Т. Титова отмечает: «...практика показала, что без осознания центральными органами власти необходимости передачи некоторых полномочий на локальный уровень, усиление финансовой самостоятельности местной власти, а также унификации законодательства[6].

В этой связи следует отметить, что Российская Федерация уже имеет достаточный опыт при построении еврорегионов, не только совместно со странами Европейского содружества, но и со странами постсоветского пространства, и, несмотря на отмеченные проблемы, возникающие во время организации нового вида сотрудничества, в еврорегионах уже реализуются проекты связанные с социальной и экономической сферой и нацеленные преимущественно на решение проблем местного населения..

Так, в ноябре 2003 года в Харькове был подписан договор «Соглашение о создании еврорегиона «Слобожанщина»», в который вошли две приграничные области – Харьковская от Украины и Белгородская от Российской Федерации[7]. Это соглашение было продолжением инициативы руководителей Белгородской и Харьковской областей,

согласно которой в 1993-94 гг. был организован Совет руководителей приграничных областей Российской Федерации и Украины и закрепило договоренности институционально.

Целью создания еврорегиона было провозглашено решение следующих задач:

- всестороннее экономическое развитие;
- региональное и локальное территориальное планирование;
- коммуникации, транспорт и связь;
- наука, новые технологии, образование;
- охрана здоровья, спорт и туризм;
- улучшение состояния окружающей среды;
- ликвидация чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий и их последствий;
- содействие расширению контактов между жителями приграничных территорий, развитию сотрудничества между учреждениями и организациями, а также субъектами хозяйственной деятельности;
- облегчение процесса пересечения границы для людей и грузов путем упрощения пограничных формальностей и содействия открытию новых пунктов пропуска;
- содействие качеству жизни населения путем увеличения занятости;
- содействие развитию региональной экономики посредством улучшения инфраструктуры приграничных районов.

Все эти цели, в той или иной степени совпадают с целями принятыми в работе большинства еврорегионов.

Значительный интерес в данной связи приобретает теоретическое и эмпирическое исследование практики управления городским развитием, которое представляет собой одну из наиболее проблематичных сфер на территории постсоветских государств.

Рис. 2. Схема управления еврорегионом «Слобожанщина»

Анализ схемы управления еврорегионом «Слобожанщина» (рис. 2) дает возможность утверждать, что она во многом похожа на типичную организационно – управленческую схему еврорегиона (рис. 1), и может быть эффективно использована независимыми государствами на территории постсоветского пространства.

В то же время, проведенное нами в 2006-2007 гг. социологическое исследование, выявило комплекс проблем, характерных для административного комплекса городского управления участников еврорегиона «Слобожанщина»:

1. Содержательные проблемы, включающие в себя затруднения, обусловленные недостаточной разработанностью теоретических аспектов технологий программно-целевого управления в условиях крупного города.

2. Институциональные проблемы. К ним относятся не решенные вопросы нормативно-правового и организационного оформления работы над проектами городского развития.

3. Кадровые проблемы, связанные с недостаточной социально-технологической готовностью персонала органов муниципального управления к работе над проектами развития города.

4. Проблемы социального взаимодействия административного комплекса городского управления и населения в ходе разработки проектов.

Каждая из этих проблем имеет самостоятельное значение, внутренне структурирован, но при этом они органически связаны друг с другом и могут быть решены лишь при условии комплексного подхода, учитывающего сложный и многоуровневый характер.

Для решения проблем следует управления еврорегиона использовать опыт накопленный, муниципальными структурами в различных городах, а поскольку, и в России, и в Украине в настоящее время осуществляется сложный поиск эффективной модели местного самоуправления, и апробируются современные социальные технологии, то именно транснациональное сотрудничество в виде еврорегиона создает дополнительную возможность его внедрения.

Список литературы

1. Ник Мэнинг, Нил Парисон Реформа государственного управления: Международный опыт. Пер с англ – М: Издательство «Весь Мир», 2003. С. 35.
2. Сайт Ассоциации европейских приграничных регионов //Режим доступа к изд.: <http://www.a-e-r.org/about-aer/members.html> – Системные требования: IBM PC; Internet Explorer.
3. Стимулирование кооперации: могут ли еврорегионы стать мостами коммуникации ? //Режим доступа к изд.: http://www.indepsocres.spb.ru/scott_r.htm – Системные требования: IBM PC; Internet Explorer.
4. Масюков М. А. Белорусские еврорегионы как инструмент сотрудничества в контексте расширения Европейского Союза //Режим доступа к изд.: <http://www.centis.bsu.by/rus/y2003/ml.htm>. – Системные требования: IBM PC; Internet Explorer.
5. The European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities. – Article 2. //Режим доступа к изд.: <http://www.conventions.coe.int> – Системные требования: IBM PC; Internet
6. Еврорегионы с участием государств-членов СНГ: состояние и перспективы развития //Режим доступа к изд.: <http://www.materik.ru/index.php?section=analitics&bulid=94&bulsectionid=8464> – Системные требования: IBM PC; Internet Explorer
7. Соглашение о создании Еврорегиона «Слобожанщина» // Режим доступа к изд.: <http://crossborder.org.ua> – Системные требования: IBM PC; Internet Explorer.

ISSUES OF MANAGEMENT IN TRANSNATIONAL FORMATIONS ON POST SOVIET AREA (EUROREGION'S ASPECT)

A.V. Sapryka, V.A. Sapryka

¹⁾ Kharkov national academy of municipal economy, Revolicii str., 12, Kharkov, 61002, Ukraine;
e-mail: a_sapryka@mail.ru

²⁾ Belgorod State University, Pobedy str., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: sapryka@bsu.edu.ru

The papers have focus on problems of forming new transnational formations on post soviet area. World's experience of creation euroregion and principles of euroregion's management in particular euroregion "Slobojan-shina" has been viewing.

Key words: euroregions, region's policy, transnational formations, principles of management.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

А.А. Ткачев

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: ATkachev@bsu.edu.ru

В статье определены проблемы, препятствующие формированию социально-технологической культуры в органах государственного управления, развитие которой является важным направлением деятельности государства в свете происходящих социально-экономических и культурных изменений. Дана оценка степени присутствия социально-технологической культуры в органах государственной власти современной России.

Ключевые слова: управление, государственный служащий, государственное управление, технология, социальная технология, профессиональная культура, управленческая культура, социально-технологическая культура.

Многие виды человеческой деятельности требуют постоянного совершенствования. К их числу относится и деятельность органов государственного управления, необходимость постоянного совершенствования которой обусловлена непрерывающимся обновлением и усложнением управленческих задач, потребностью успешной адаптации организации государственного управления к изменяющейся внутренней и внешней среде.

В настоящее время государственным служащим Российской Федерации приходится осваивать новую культуру управления, соответствующую современным тенденциям развития социально-экономических отношений. Об общественной значимости и актуальности этой задачи свидетельствует многолетняя практика разработки и реализации федеральных и региональных программ подготовки квалифицированных кадров управления, нацеленных на овладение методами современного управления, освоение лучшего мирового управленческого опыта и его успешное применение российскими государственными служащими.

В российской практике функционирования органов государственного управления повсеместно проявляется инерция устоявшихся стереотипов, в числе которых – вера во всемогущество административных методов руководства и управления [1]. Чрезмерное употребление административных методов связано с ориентацией на ближайший результат и недооценкой вероятных последствий его достижения. Российскому государственному управлению еще не удается добиться сбалансированности стратегических целей. Между тем, обеспечение их баланса – задача, принципиально важная для государственного управления.

Значимость ее во многом объясняется тем, что государственным служащим не хватает рациональности и, соответственно, технологичности в процессе своей профессиональной деятельности [2]. Управленческие решения принимаются, как правило, импульсивно, личные соображения вытесняют общественные интересы. Проявляются две крайности: бездумно-безответственное следование управленческим шаблонам, больше характерное для предыдущих десятилетий, или произвольно-импульсивное принятие решений, наблюдаемое в нынешней практике управления [3].

Государственные служащие нашего государства в своем большинстве не готовы к новым социально-экономическим преобразованиям. Именно поэтому крайне необходимо повышать их социально-технологическую культуру, которая представляет собой совокупность принципов организации и алгоритмов профессиональной деятельности государственного служащего, а также свойственные ему стереотипы поведения в процессе разработки, принятия и реализации управленческих решений.

Социально-технологическая культура не существует сама по себе. Она всегда включена в культурный контекст данного географического региона и общества в целом и испытывает воздействие со стороны национальной культуры [4]. Культура доминирующего рода деятельности организации или профессиональная культура также оказывает существенное влияние на социально-технологическую культуру. В свою очередь социально-технологическая культура влияет на формирование управленческой культуры, и наоборот, так как социально-технологическая культура является элементом управленческой [5].

Рассматривая феномен социально-технологической культуры, необходимо начать с анализа процесса технологизации социальных процессов и сущности социальных технологий, являющихся необходимым условием развития культуры.

Идея необходимости технологизации социальных процессов является одной из концептуальных установок современной социологии. Л.Я. Дятченко, формулируя ее, пишет: «Требуется продуманная технология создания условий для того, чтобы общество развивалось без авторитарного давления, ущемления прав и свобод отдельной личности и социальных групп. Для решения этой общегосударственной проблемы необходима выработка и претворение в жизнь различных региональных и локальных программ, т.е. социальных технологий на мезоуровне, проектированием которых могут заниматься достаточно небольшие группы, объединяющие ученых и специалистов различного профиля» [6].

В научных исследованиях постоянно подчеркивается, что идея проектирования и внедрения социальных технологий – это концептуальная установка социологической теории, необходимость в которой, во-первых, назрела, во-вторых, ее формулировка наиболее адекватно отражает содержание управленческого процесса.

Понятие «социальные технологии» может быть представлено в следующих положениях.

1. Социальная технология – это определенный способ осуществления человеческой деятельности по достижению общественно-значимых целей. Сущность данного способа состоит в рациональном расчленении деятельности на процедуры и операции с их последующей координацией и синхронизацией. Это расчленение выполняется предварительно, сознательно и планомерно на основе и с использованием научных знаний, передового опыта, а также с учетом специфики той области, в которой осуществляется человеческая деятельность.

2. Социальная технология выступает в двух формах: как программа, содержащая процедуры и операции, и как сама деятельность, построенная в соответствии с этой программой. Специфика программы состоит в том, что она существенным образом предопределяет направленность и содержание технологизируемой деятельности.

3. Социальная технология является элементом культуры и возникает двумя путями: «вырастает» в социокультурной среде эволюционно либо строится по ее законам как искусственное образование [7].

В научной литературе содержится немало определений категории «социальные технологии». Так Л.Я. Дятченко дает определение социальной технологии «как социально организованной области знания о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов» [6]. Н. Стефанов определяет социальную технологию как деятельность, в результате которой достигается поставленная цель и изменяется объект деятельности [8].

В нашей стране активная разработка и внедрение социальных технологий начались в середине 60-х годов. Они осуществлялись по следующим направлениям: теория и практика социального планирования; разработка целевых комплексных программ развития регионов, отраслей, сфер общественной жизни (с 70-х годов); социальное проектирование – разработка организационных проектов решения стандартных, повторяю-

щихся социальных проблем (70-80 годы); управленческие и иные виды консультирования, которые ориентируются на решение конкретных проблем или на процесс их решения (80-е годы); игротехническая деятельность [7].

Важнейшими характеристиками социальных технологий являются:

– упорядоченность и планомерность деятельности, которые возможны на основе целесообразности, с одной стороны; с другой, – являются логическим следствием наличия концепции управления;

– расчлененность и дифференцированность действий. Социальные технологии имеют место лишь в тех случаях, когда осуществляется разделение социального действия на отдельные процедуры;

– рациональность, научный подход. Социальные технологии могут опираться только на рациональное отношение к действительности и на научное знание;

– рефлексивность, условием которой является постоянная критическая самооценка субъекта социального действия, применяемых им методов познания и преобразования социальной действительности.

Установка на технологизацию процессов государственного управления естественно вытекает из самой сущности данного явления, которое в самом общем виде можно определить как деятельность государственной власти по реализации законодательных, исполнительных, судебных и иных властных полномочий государства в целях выполнения организационно-регулирующих функций.

Организация и регулирование – виды управленческой деятельности, которые по сути своей потенциально технологичны. Каждый из них предполагает упорядочение процесса воздействия на массовые объекты, запрограммированность результатов, последовательность и расчлененность процедур выработки управленческих решений.

Бюрократический характер деятельности органов государственного управления является важным аргументом в защиту технологизации данной структуры. Поэтому формирование развитой социально-технологической культуры в системе государственного управления является важным направлением деятельности государства в настоящее время.

Социально-технологическая культура представляет собой сложное структурное образование. Исследователи, как правило, выделяют шесть основных элементов, свойственных ей: потребностный, аксиологический, целевой, мотивационный, когнитивный, операционно-практический [9]. В контексте государственного управления их можно охарактеризовать следующим образом.

Потребностный элемент включает в себя потребность и заинтересованность в овладении научными знаниями государственными служащими. Возникновение такой потребности и соответствующего ей интереса означает, что чиновник при взаимодействии с социальной средой руководствуется преимущественно не интуицией и здравым смыслом, а рекомендациями, сформулированными в рамках социальной теории и апробированными на практике. Разумеется, это не означает, что здравый смысл и интуиция не играют важной роли в детерминации человеческого поведения.

Формирование потребностного элемента социально-технологической культуры государственного служащего выступает в данной связи как условие постепенного изменения его отношения к обществу и к самому себе. Диагностировать данный элемент социально-технологической культуры можно на основе определения потребности государственного служащего в знаниях и навыках в отношении конкретных способов преобразования социальной реальности.

Сущность аксиологического элемента заключается в том, что «технологический подход» к преобразованию социальной реальности или, по меньшей мере, к проблеме адаптации в социуме становится значимым для субъекта социальной деятельности. Социальная технология, как ценность, интериоризируется государственным служащим в качестве единственно эффективного способа самоопределения. Аксиологический эле-

мент тесно связан с потребностным, но специфика его в том, что необходимость рационально-научного подхода к социальной реальности не просто ощущается служащим, но органически вписывается в его мировоззрение. В человеческом сознании происходит отказ от установки на «технологию случая» [10], означающей воспроизведение мифологического отношения к реальности и переход к признанию самоценности социальных технологий. Выявить аксиологический компонент можно, опираясь на показатели отношения государственного служащего к конкретным социальным технологиям, оценки их значимости.

Целевой элемент социально-технологической культуры выступает как логическое продолжение и, в определенной степени, следствие двух предыдущих. Наличие его означает, что применение социальных технологий является не только потребностью и ценностью, но и одной из целей жизненной стратегии государственного служащего. Овладение конкретными социальными технологиями входит в структуру планов и становится вербальным требованием. Степень зрелости целевого элемента бывает различной. В последнем случае речь идет об овладении знаниями и навыками разрешения организационных проблем. Диагностировать наличие целевого элемента и степень его зрелости можно, анализируя стратегии и планы органов государственной власти.

Мотивационный элемент выражается в структуре внутренних стимулов, определяющих стремление к овладению социальными технологиями. Мотивы, побуждающие к этому, могут быть исключительно разнообразными. В том числе: эгоистические корыстные мотивы (они связаны с убеждением, что социальные технологии обеспечивают материальное благополучие); мотивы самоутверждения (в основе их лежит уверенность, что социально-технологическая компетентность повышает статус и обеспечивает карьеру); мотивы корпоративной солидарности (обучение социальным технологиям рассматривается как условие идентификации со статусной группой, органической интериоризации ее норм); альтруистические мотивы (социальные технологии рассматриваются в качестве способа улучшения социальной среды, общества в целом). Диагностика мотивационного элемента связана с исследованием стимулов, определяющих социальные действия чиновника.

Когнитивный элемент включает в себя знания о содержании конкретных социальных технологий, об их возможностях и границах применения; знания о способах получения социально-технологической информации, а также познавательную активность субъектов социального действия в данной сфере. Осуществить диагностику данного элемента можно на основе тестирования государственных служащих, определяя уровень их компетентности в отношении способов разрешения управленческих проблем, налаживания отношений с окружающими.

В качестве критериев, на основании которых можно оценить состояние когнитивного элемента социально-технологической культуры в органах государственной власти, можно выделить следующие: уровень и прочность управленческих и специальных знаний; уровень правовой и управленческой грамотности, демонстрируемый на примерах представлений об общемировых, федеральных, региональных, местных и национальных процессах социальных преобразований; уровень управленческой образованности; уровень управленческого мышления; уровень социально-технологической культуры как части общей культуры общества; уровень управленческой этики; уровень (значимость, новизна) предлагаемых государственным служащим управленческих решений, а также способность формулирования управленческих задач на основе анализа социально-экономических проблем и потребностей социальной группы и общества; знание и умение применять средства информационных технологий; способность государственного служащего к оценке социально-экономической ситуации в регионе; способность государственного служащего к анализу и оценке собственных возможностей выбора наиболее эффективных направлений управленческой деятельности.

Операционно-практический элемент культуры выражается в готовности государственных служащих к социально-преобразующей деятельности. В ней находят естественное и логическое воплощение все рассмотренные элементы социально-технологической культуры. Этот компонент труднее всего диагностировать методами социологии. Значительные эвристические возможности в данном случае может представлять экспертный опрос. Но наличие и степень зрелости его наиболее объективно могут быть оценены лишь на основе анализа конкретных результатов социальных действий (социально-преобразующей практики).

В связи с этим процесс формирования социально-технологической культуры в органах государственной власти вызывает определенные трудности. Прежде всего, высокая инерционность управленческого аппарата не способствует быстрой реакции на изменение внешней среды, что влечет преобладание в организациях государственного управления влияния прежнего управленческого опыта, стереотипов управленческой деятельности и механизмов.

В результате, несмотря на смену социально-экономической системы в органах государственного управления, преимущественно остаются традиционные подходы к управлению, что и определяет особенности формирования социально-технологической культуры в этих организациях:

1. Чрезмерная закрытость организаций государственного управления от внешнего окружения (например, по сравнению с бизнес-организациями) затрудняет использование на практике современных социальных технологий. Как правило, государственные и муниципальные служащие с трудом доверяют всему новому, что предлагается и привносится другими организациями, поскольку считают собственной прерогативой деятельность по разработке и внедрению социальных нововведений.

2. Персонал организаций государственного управления характеризуется высокой степенью сопротивления переменам, что наблюдается как среди руководителей, так и среди подчиненных. Любые изменения вызывают у многих из них страх потери занимаемой должности или оказания в непривилегированном положении. Часто недостаток образования не позволяет персоналу понять суть и актуальность предлагаемых нововведений, что вызывает, как правило, иронию и нежелание оказывать содействие в реализации изменений или вообще игнорирование со стороны персонала [11].

3. Низкая мотивация персонала, связанная, в одной стороны, с трудностями построения карьеры и достижения значительных профессиональных успехов честным трудом и, с другой стороны, с невозможностью сделать свою работу интересной в связи с рутинным и кропотливым характером труда, препятствует внедрению инноваций [12]. Ощущение бессмысленности своих действий, в том числе, и связанных с применением социальных технологий, вызывает пассивное отношение и неорганизованность среди государственных служащих.

4. Высокая степень дистанции во взаимоотношениях служащих организаций государственного управления, затрудняющий процесс диалога между руководством и подчиненными. В результате на пути преобразований возникает барьер непонимания и нежелания оказать содействие в реализации предстоящих изменений. И даже если руководитель ориентируется на внедрение социальных технологий, то подчиненные не имеют возможности высказать свои мнения, идеи, предложения, поскольку в органах государственной власти это не является привычным, а в некоторых случаях, наоборот, стоит под запретом.

5. Высокий объем текущей работы, требующей сиюминутного решения, вызывает постоянное отвлечение от долгосрочных целей, что ведет к потере актуальности и значимости запланированных нововведений. Как правило, реагирование на сиюминутные проблемы доминирует над деятельностью по реализации планов (программ) [13].

Список литературы

1. Захаров Л., Колосова Л. Стереотипы в принятии решений молодыми менеджерами-производственниками // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – №2 – С. 16-17.
2. Данакин Н.С. Рациональное и иррациональное в практике современного управления // Современная социально-философская культура: проблема рационального и внерационального. Часть III. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – 69 с.
3. Хакамада С. Самоорганизация и стихийность: опыт сравнительного социально-психологического анализа в Японии и России // Социологич. исследования. – 2000. – №4 – С. 25-26.
4. Крылов Д.А. Формирование технологической культуры будущих учителей технологии и предпринимательства. Диссертация ... канд. пед. наук 03.00.01; 03.00.08. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 27-28.
5. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии. – М.: Муниципальный мир, 2004. – С. 215-216
6. Белов В.Г. Местное самоуправление: социально-экономический анализ. – М. – 2001. – С. 92-100.
7. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. – М.: Белгород, 1993. – С. 4-16.
8. Дудченко В.С., Макаревич В.Н. Социоинженерная деятельность, социальное проектирование, социальная технология // Марксистско-ленинская социология. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 159-160.
9. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. – М.: Прогресс, 1976. – С. 174-184.
10. Дятченко Л.Я. Социально-технологическая культура как универсальное основание эффективной общественной практики в XXI столетии // Социально-технологическая культура как феномен XXI века: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Часть I. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – С. 11-12.
11. Лотман Ю. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблема переводимости. – М., 1987. – С. 89-91.
12. Белов В.Г. Местное самоуправление: социально-экономический анализ. – М. – 2001. – С. 92-100.
13. Захаров Н.Л. Социальные регуляторы деятельности российского государственного служащего. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – С. 137-140.
14. Муниципальное управление / А.Г. Гладышев, В.Н. Иванов, Е.С. Савченко и др.; Под ред. В.Н. Иванова, В.Н. Патрушева; Академия наук социальных технологий и местного самоуправления. – М.: Муниципальный мир, 2002. – С. 380.

PROBLEMS OF FORMATION OF SOCIAL AND TECHNOLOGICAL CULTURE IN STATE MANAGEMENT AUTHORITIES

A.A. Tkachev

Belgorod State University, Pobedy str., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: ATkachev@bsu.edu.ru

In article the problems interfering formation of social and technological culture in state bodies which development is the important direction of activity of the state in the light of occurring social and economic and cultural changes are defined. The estimation of degree of presence of social and technological culture in public authorities of modern Russia is given.

Key words: management, the state servant, the state service, technology, social technology, professional culture, administrative culture, social and technological culture.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Л.Н. Шмигирилова

Белгородская государственная сельскохозяйственная академия
308503, Белгородская обл., п. Майский, ул. Вавилова, 1
e-mail: shmigirilova.larisa@rambler.ru

Затронута проблема регулирования информационных предпочтений студенческой молодежи в медийном пространстве. Объясняются актуальность и необходимость формирования и развития информационных предпочтений студентов. Приведены типичные характеристики категорий студентов с точки зрения доминирующих у них информационных предпочтений. Показано, что проведение комплекса мероприятий, направленных на регулирование информационных предпочтений студентов в медийном пространстве, возможно при создании и функционировании механизма регулирования информационных предпочтений.

Ключевые слова: информационные предпочтения, механизм регулирования, внешняя регуляция, саморегуляция, социальные технологии.

Социальный успех в информационном обществе может обеспечить формирование высокого уровня информационной культуры личности. Он позволит человеку не только адаптироваться к современной информационной среде, но и создаст базу для реализации рационального и одновременно комфортного информационного поведения во всех сферах деятельности.

В полной мере данное обстоятельство относится к студенческой аудитории, для которой удовлетворение информационных потребностей и формирование информационной культуры являются одним из решающих условий успешной социализации и самореализации.

Сложное и динамично развивающееся общество предъявляет особые требования к молодому человеку. Будущему специалисту, которому предстоит жить в информационном обществе, следует не только овладеть необходимой для профессиональной деятельности информацией, но и научиться целенаправленно и осознанно выбирать и использовать информационные технологии для поддержания и развития своего интеллектуального и творческого потенциала, эффективно применять полученные знания для принятия серьезных управленческих решений. Более того, на современном этапе развития российского социума студентам необходимо овладеть таким уровнем информационной культуры, который позволял бы продуктивно регулировать и систематизировать информационные потоки, гармонично сочетать разнообразные источники информации, использовать их в целях самообучения, саморазвития и самовоспитания [1].

Однако современная ситуация в области формирования информационной культуры специалиста характеризуется наличием острых социальных противоречий. Среди них – противоречия между уровнем развития информационной среды и качеством подготовки специалистов; между постоянно увеличивающимся объемом информации и возможностями ее восприятия, обработки, усвоения, передачи и использования индивидом в своей профессиональной деятельности.

Как показывает практика, рост информационных ресурсов неизбежно приводит к противоречию между производством и использованием информации. Информационная избыточность нередко оборачивается дефицитом нужной информации. В условиях производства и передачи гигантских массивов информации потребитель все чаще испытывает «информационный голод», который пытается преодолеть. Обычно недостаток со-

циально значимой информации большая часть молодых людей компенсирует некритичным поглощением всех материалов средств массовой информации (СМИ), или сосредоточением исключительно на материалах развлекательного характера, что является типичным примером «бездуховного потребления» и оскудения духовного мира человека и его общения. У значительной части молодых людей отсутствуют ясные представления о том, какая именно информация им необходима, как ею можно распорядиться. Информационные потребности студентов в значительной мере удовлетворяются за счет медийного пространства – пространства функционирования средств массовой информации. Перенасыщенная информационная среда далеко не всегда становится социокультурным пространством развития самого человека, приобретая в некотором смысле атрибуты власти над ним.

Все это актуализирует задачу формирования у студентов информационной культуры, необходимым элементом которой является сознательное регулирование информационных предпочтений личности. Поэтому разработка технологий формирования и развития информационных предпочтений студенческой аудитории в медийном пространстве приобретает крайне важное значение.

Социологическое исследование, проведенное среди студенчества белгородских вузов, показывает, что существуют категории студентов с точки зрения доминирующих у них информационных предпочтений: пассивно-потребительская, «инфантильная», активно-ценностная, прагматическая, «не определившаяся».

Выделенные типы студентов различаются по таким критериям, как диспозиция личности, структура которой определяется характером терминальных и инструментальных ценностей, наличие интенции, ориентация на тот или иной тип информации, образцы для подражания, требования к информации. Типичные характеристики выделенных категорий сводятся к следующему.

Пассивно-потребительская группа студентов (от 11% до 13%) характеризуется тем, что у нее отсутствуют установки на духовное саморазвитие; круг ценностных ориентаций ограничен стремлением к развлечениям, устройству личной жизни, с приоритетным решением сиюминутных бытовых потребностей. Эти студенты обеспокоены достижением таких важных на их взгляд целей, как материальный достаток, богатство, семейное благополучие, возможность добиться уважения со стороны окружающих. При этом они рассчитывают, что в решении таких проблем им помогут деньги, везение и удача, протекция, умение приспособливаться к обстоятельствам, удачная женитьба (замужество). Пассивно-потребительская группа студентов предпочитает тематику СМИ, которая связана с развлекательными и музыкальными формами. В материалах СМИ такие студенты не пытаются выделять позитивные и негативные стороны тех или иных социальных явлений, безразлично относятся к мнениям и взглядам журналистов и корреспондентов; не имеют своей точки зрения на способы решения проблем, рассматриваемых в СМИ. Основной характеристикой этой аудитории является несформированность информационных интересов и потребностей, неумение работать с медийной информацией и разбираться в том, где в ней фигурируют факты, и где имеет место оценочная позиция. В выборе образца для подражания присутствует элемент неопределенности.

«Инфантильная» группа студентов (от 6% до 8%). Для нее типичны такие терминальные ценности, как материальное благополучие, здоровье, любовь. В сознании этой группы молодежи превалирует потребность в любви и романтике. «Инфантильная» категория студентов в большей степени ориентируется на гедонистическую, а также на познавательную информацию, причем в последней их привлекает бытовой аспект. Наиболее предпочтительным аспектом межличностных отношений для студентов этого типа является не духовная, а сексуальная гармония. Предпочитаемое содержание информационного материала – зрелище, максимально насыщенное событиями и эмоциями, выходящими за рамки повседневной жизни. Информация для этой аудитории должна быть драматизирована, конкретна, эмоционально окрашена. Пример для подражания отсутствует.

Активно-ценностная группа студентов (от 13% до 15%). Ее представители рассматривают опираться в жизни на свои силы и не полагаться на обстоятельства. Особую роль во взаимодействии с окружающей реальностью у студентов ценностно-рационального типа коммуникативного действия играет их система ценностей. Представители этой группы несут в себе значительный инновационный потенциал. Смысл своей жизни они видят в одновременном удовлетворении личных интересов и служении таким надличностным ценностям, как народ, Родина. Главными терминальными ценностями считают семейное благополучие, работу, приносящую удовлетворение, служение обществу, духовное развитие. Для достижения успеха в жизни они должны получить хорошее образование, овладеть навыками самообразования. Аудитория этого типа проявляет интерес к общественно-политической жизни, к участию в деятельности политических партий и общественных движений. Круг интересов активно-ценностной группы студентов сводится к информации, направленной на расширение кругозора, повышение уровня общей образованности. Они проявляют активность по отношению к информационным материалам, но свой выбор осуществляют, руководствуясь почти исключительно системой ценностей. Для этой аудитории особенно близки передачи о реально действующих людях, таких, как они сами и их знакомые. Чаще всего, примером для подражания выбирают представителей интеллигенции.

Прагматическая группа студентов (от 10% до 12%) не отвергает «новые», но и не разделяет «старые» ценности. Сознание ее представителей нацелено на поиск реальных возможностей для конструктивного действия. Отличительной чертой студентов-прагматиков является рационализация обыденного сознания, расчет действий, способствующих достижению выгодного результата. «Прагматики» высоко ценят свободу и независимость как свободу выбора жизненного пути и жизненного стиля, ориентированы на успех в жизни. Образование рассматривается ими в качестве средства обеспечения карьеры и материального достатка. При выборе средств достижения намеченных целей у «прагматиков» превалирует умение приспособиться к обстоятельствам. Представители прагматической категории предпочитают информацию практического и познавательного характера. Круг информационных интересов связан с политикой, экономикой, общественной работой. При этом информацию СМИ выбирают расчетливо, оценивая, насколько она им может быть полезна и выгодна. Студенты прагматической аудитории расценивают себя по отношению к СМИ как равноправных партнеров по общению. Как правило, образцом для подражания являются представители бизнеса и шоу-бизнеса.

«Не определившаяся» группа студентов (от 60% до 62%) может быть охарактеризована как маргинальная, не усвоившая ценностей «старого» мира, но и не имеющая возможности интериоризировать ценности «нового». Их ценностные ориентации противоречивы. «Смысловое поле» «не определившихся» студентов разрушено и не структурировано, подвержено манипулированию. Направленность сознания «не определившихся» студентов смещена в сторону удовлетворения потребностей гедонистического характера. Информационные интересы и предпочтения исследуемой категории студентов разнообразны. Эта группа часто затрудняется как в выборе вариантов ответов, так и в высказывании своего мнения.

Информационный выбор представителей пассивно-потребительской, «инфантильной», активно-ценностной, прагматической групп в некоторой степени определен и более устойчив. Для «не определившихся» студентов такой выбор связан с возникновением ряда проблем. Им свойственны несформированность «ценностного поля», лабильность информационных интересов и потребностей, а, следовательно, такая аудитория наиболее подвержена манипулированию со стороны СМИ. Свободные от ограничений, не фильтрующиеся информационные потоки mass-media оказывают негативное социокультурное влияние на пользователей «не определившейся» категории студентов, навязывают и формируют «свой» образ жизни, систему ценностей, управляют поведением молодых людей вопреки их интересам. В силу недостаточного опыта работы с информа-

цией студенческая аудитория не может должным образом противостоять возрастающей по объему информации. Следствием такого воздействия является ограничение студенческой молодежи в способности управлять своим информационным выбором (информационными предпочтениями), в умении рефлексировать.

Данное обстоятельство дает основание говорить о необходимости регулирования информационных предпочтений студентов. Цель регулирования заключается в формировании у студентов умения работать с медийной информацией, способности к критическому осмыслению целей, методов и приемов манипулятивного медиавоздействия [2, 3, 4], пониманию причинно-следственных связей в предоставляемом информационном материале, выработке эффективных методов работы с информацией в медийном пространстве (анализе, синтезе, сравнении).

Как показывает практика, проблема регулирования информационных предпочтений студентов фактически не актуализирована в ходе функционирования системы высшего профессионального образования и в значительной степени носит виртуальный характер – осознается большинством специалистов, но при этом практически не переведена в плоскость практических решений и действий.

Полагаем, что проведение комплекса мероприятий, направленных на регулирование информационных предпочтений студентов в медийном пространстве, возможно при создании и функционировании механизма регулирования информационных предпочтений. Механизм регулирования (регуляции) информационных предпочтений студенческой в медийном пространстве представляет собой технологически упорядоченную систему взаимоотношений социальных субъектов внешней регуляции (организационных структур вуза, студенческих и молодежных организаций, молодежных СМИ) и саморегуляции (студенческой молодежи).

Внешняя регуляция рассматривается как система регулирующих воздействий социальных субъектов на объект регулирования. Объектом регулирования в данном случае является поведение студентов в медийном пространстве, процесс выбора ими информации, необходимой для решения жизненных проблем и достижения жизненных целей. Саморегуляция (внутренняя регуляция), в свою очередь, представляет систему внутренних личностных воздействий, направленных на самоанализ и самокоррекцию собственного информационного поведения.

Система внешних регулирующих воздействий организуется и направляется организационными структурами вуза – администрацией, профессорско-преподавательским составом, студенческими и молодежными СМИ, студенческими организациями, советом кураторов.

Внешняя регуляция – технологически управляемая система, которая включает в себя комплекс специфических социальных технологий – педагогических, воспитательных, информационных и телекоммуникационных технологий, представляющий собой совокупность приемов, методов и воздействий, направленных на регулирование информационных предпочтений студенческой аудитории. Рассматриваемые социальные технологии позволят «вооружить» студентов методологией преобразующей практики, нарастить и сформировать арсенал методов информационной деятельности (владение приемами анализа, синтеза, сравнения информации), повысить уровень информационной культуры.

Педагогические технологии включают в себя разнообразные методы обучения и формы организации учебной деятельности. Их использование в процессе регулирования информационных предпочтений студентов в медийном пространстве предполагает: 1) включение в профессиональные образовательные программы курса «Основы информационной культуры специалиста» с предварительной разработкой и изданием соответствующей учебно-методической литературы, подготовкой педагогических кадров. Курс позволяет студентам включиться в процесс создания и функционирования в социуме медийной информации, знакомит с «внутренней лабораторией» производства медиатек-

стеров, с целями, методами, приемами и социально-психологическими механизмами манипулятивного воздействия СМИ; 2) применение активных методов обучения – деловых игр, пресс-конференций, дебатов, ролевых игр, метода «круглого стола», кейс-метода (разбор конкретных ситуаций), моделирования процессов или ситуаций, обсуждения специальных видеозаписей, методов с использованием компьютерной техники, тренингов с использованием информационных технологий и др. Предложенные решения и действия будут способствовать формированию у молодых людей умения критически мыслить, личностной социальной позиции, умения вести конструктивный диалог, стимулированию познавательной и информационной активности, выработке у студентов продуктивных подходов к работе с информацией.

Информационные и телекоммуникационные технологии (ИТКТ) – технологии, основанные на применении компьютерных систем, а также специального программного, информационного и методического обеспечения[5]. В процессе регулирования информационных предпочтений студенческой аудитории могут реализовываться разнообразные ИТКТ: электронные учебники, мультимедийные системы, электронные библиотечные каталоги, банки и базы данных, телеконференции, дистанционные олимпиады и конкурсы, Интернет и др. Внедрение ИТКТ позволяет, с одной стороны, эффективно использовать активные методы обучения, направленные на регуляцию информационных предпочтений студенческой молодежи. С другой – ИТКТ формируют у студентов умение самостоятельного поиска любой информации, компетентность в области информационных и коммуникационных технологий, необходимой для успешной социальной и профессиональной адаптации, предоставляют свободный доступ к культурной, учебной, научной и иного рода информации.

Процесс регулирования информационных предпочтений важно продолжать во внеаудиторное время. Досуговая деятельность сама по себе обладает мощным информационным потенциалом. В этом направлении особая роль принадлежит совету кураторов, студенческому старостату, молодежным организациям, которые являются связующим звеном с внеучебной, досуговой деятельностью студентов вуза. Для этого следует активизировать деятельность вышеназванных структур вуза и «усилить» в их работе такие направления студенческого досуга, как экскурсионно-туристическое, театральное-художественное, краеведческое. Ценность предложенных направлений внеучебной деятельности заключается в приобщении студентов к традиционным источникам информации (музеи, театры, выставки, экскурсии), в развитии способностей студенческой аудитории к эстетическому восприятию, пониманию, анализу медиатекстов.

В процессе регулирования информационных предпочтений студентов важная роль отводится студенческим и вузовским СМИ. Вузовские многотиражки выгодно отличаются от современной молодежной прессы широкими возможностями вести обсуждение и решение студенческих проблем и вопросов с привлечением огромного потенциала авторитетных вузовских ученых, исследователей, преподавателей и студентов, актуальностью и достоверностью предоставляемой информации. «Проблемная» студенческая журналистика стимулирует информационную активность студентов, формирует социальную и нравственную позиции студентов.

Процесс регулирования информационных предпочтений студенческой молодежи предполагает не только внешнее регулирующее воздействие, но и осознанное, фундаментальное внутреннее преобразование. Система внутренних личностных воздействий определяется специальной подготовкой индивида к этой деятельности, знаниями, умениями и навыками, психологической готовностью. Поэтому внешние регулирующие воздействия организационных структур вуза должны быть взаимосвязаны с особенностями развития личности студента, его возможностями саморегулирования в медийном пространстве.

Эффективная саморегуляция личности возможна при определенных условиях:

1. Оптимальной информационной обеспеченности всех ее функциональных стадий (принятие цели деятельности; построение модели значимых условий деятельности; составление программы собственно исполнительских действий; выбор системы критериев успешности деятельности; контроль и оценка реальных наличных результатов; принятие решения о коррекции системы саморегуляции)[6].

2. Наличие у студента соответствующих волевых качеств, т. е. способности и готовности к преодолению внутренних или внешних препятствий. Степень самоуправляемости во многом зависит от «пропорций» различных элементов самосознания в его целостной системе. Самосознание не есть сумма частных характеристик личности, оно представляет собой целостный образ, единую, хотя и не лишенную внутренних противоречий, установку по отношению к самому себе[7]. Эта установка включает познавательный рациональный элемент (представления о своих качествах и сущности), эмоционально-эффективный элемент (самолюбие и т.п.) и оценочно-волевой элемент (определенная самооценка и соответствующее отношение к собственной личности).

3. Наличие сильных и непосредственных мотивов деятельности, потребности в ее ближайших результатах либо отчетливом эмоциональном удовлетворении от самого процесса информационной активности. Именно система сознательных побуждений (социальных мотивов, социальных потребностей, интересов, взглядов, идеалов, убеждений и др.) определяет активность молодого человека и избирательность его поведения в информационной сфере.

В современном вузе должна существовать эффективно действующая система мотивации студентов, направленная на стимулирование и развитие информационной активности, субъектности и автономности, развитие способности к сознательным, целенаправленным действиям в медийном пространстве.

Решение проблемы создания положительной мотивации к саморегуляции информационных предпочтений целесообразно осуществлять по двум направлениям. Первое – внедрение и своевременное применение социальных технологий. Второе направление – применение оптимальных воспитательных технологий, системно интегрированных с педагогическими технологиями.

Таким образом, рассматриваемые технологии должны быть ориентированы на овладение методами и технологией работы с информацией. Разрабатываемые технологии важно направлять не только на овладение способами профессиональной и учебной деятельности, но и на развитие мыслительной активности, критического стиля мышления, рефлексии информационного поведения студентов в медийном пространстве. Внедряя социальные технологии, следует развивать личность студента, в частности, формировать информационную активность, автономность и субъектность студента в медийном пространстве, а также учитывать психологические особенности личности.

Целесообразность применения технологий, направленных на регуляцию информационных предпочтений студентов в учебно-воспитательном процессе, оправдана только в том случае, когда они не являются искусственной надстройкой существующей практики обучения, а согласованы с содержанием и целями изучения конкретной дисциплины, обоснованно и гармонично интегрируются в данный процесс, обеспечивая новые возможности и преподавателям, и студентам.

Список литературы

1. Информационное общество и молодежь: взаимодействие, консолидация, прогресс: Материалы российской конференции // Под. ред. А.В. Грибовой. – Ханты-Мансийск, 2005.
2. Разлогов К.Е. Что такое Медиаобразование? // Медиаобразование. – 2005. – №2.
3. Мастерман Л. Обучение языку средств массовой информации // Специалист. – 1993. – №4.
4. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М. – Жуковский, 2003.
5. Захарова И.Г. Информационные технологии в образовании. – М., 2003.
6. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. – Белгород, 1993. – С. 117.
7. Кон И.С. Социология личности. – М., 1997.

REGULATION OF STUDENTS' INFORMATION PREFERENCES INTO MASS-MEDIA SPACE

L.N. Shmigirilova

Belgorod State Agricultural Academy, Vavilov str., 1, s. Maiski, Belgorod region, 308503, Russia
e-mail: shmigirilova.larisa@rambler.ru

The problem of regulation of students' information preferences into mass-media space is mentioned. The actuality and necessity of evolution of students' information preferences are explained. The description of students' information preferences is described. It is shown that leading of measures directional to the regulation of students' information preferences into mass-media space, is possibly with creation and function of the special mechanism of regulation of students' information preferences into mass-media space.

Key words: information preferences, mechanism of regulation, exterior regulation, interior regulation, social technologies.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

И.В. Бурмыкина

Липецкий государственный педагогический университет,
e-mail: ivburm@yandex.ru

Описаны особенности преобладающих типов действий в рамках отечественной культурно-исторической традиции. Выявлены проблемы национальной социокультурной легитимации идеи рациональной организации социального пространства, специфика социально-технологической культуры. Показаны возможности рационализации поведенческих регуляторов деятельности российских руководителей, формирования их социально-технологической культуры.

Ключевые слова: социальные технологии, социально-технологическая культура, социокультурные особенности, социальные регуляторы деятельности руководителя, социальное управление.

Одной из ведущих тенденций современной теории социального управления является концептуализация идеи технологизации управленческого процесса, социального пространства в целом. Это связывается с логикой развития цивилизаций и выводами об эффективности применения социальных технологий. Академик В.С.Степин, анализируя понятие «цивилизация», отмечает, что цивилизационные достижения связаны как с технологическим освоением природы, так и с совершенствованием средств регуляции социальных отношений, к которым можно отнести и управление как социальный институт [1].

В современной техногенной цивилизации решающую роль играет постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только производственных технологий, обеспечивающих экономический рост, но и технологий социального управления и социальных коммуникаций.

Ценности техногенной цивилизации легли и в основу теории и практики социальных технологий как специфических процедур преобразования социальной реальности. К числу таких процедур относятся:

- целесообразность, сознательность действий, выражающаяся в четкой формулировке целей, способности выстроить их иерархию, опираясь на представление о наиболее актуальных социальных проблемах;
- упорядоченность и планомерность деятельности, которые возможны на основе отмеченной выше целесообразности, с одной стороны; с другой, - являются логическим следствием наличия концепции управления;
- расчлененность и дифференцированность действий. Социальные технологии имеют место лишь в тех случаях, когда осуществляется разделение социального действия на отдельные процедуры;
- рациональность, научный подход. Социальные технологии могут опираться только на рациональное отношение к действительности и на научное знание;
- рефлексивность, условием которой является постоянная критическая самооценка субъекта социального действия, применяемых им методов познания и преобразования социальной действительности.

То есть социальные технологии выступают как рационально организованные, основанные на научных знаниях процедуры преобразования социальных отношений, в основе которых лежат ценностно-целевые установки субъектов социального действия. Последние, в свою очередь, рассматриваются как рационально мыслящие и действующие субъекты, способные осмысленно ставить цели, прогнозировать последствия действий, калькулировать риск, вероятные потери и выгоды, рефлексировать по отношению к себе

и собственным познавательным способностям, обладающие технологическим мышлением и целерациональным поведением.

Ученые, занимающиеся разработкой социальных технологий убеждены, что они могут рассматриваться как продолжение и практическое применение к обществу (социуму) в целом производственных технологий, имеют универсальный характер, способны эффективно разрешать общественные проблемы, поставить заслон на пути администрирования, которое основывается на применении волевых, субъективных методов управления и в конечном счете оказывается неэффективным [2]. Л.Я.Дятченко подчеркивает: «Социальные технологии не имеют принципиальных отличий от технологий в сфере материального производства, поскольку возможность технологизировать любой социальный процесс заложена в структуре человеческой деятельности и в самой природе человека» [3].

Практика применения социальных технологий у нас в стране показывает, что они действительно способствуют более или менее эффективному разрешению общественных проблем, но вместе с тем их реализация встречается со многими трудностями, барьерами наиболее существенным из которых авторы выделяют социокультурный [4]. Он связан с особенностями отечественной культурно-исторической традиции, национальным характером.

Преобладающими типами действий в рамках отечественной культурно-исторической традиции были аффективный и традиционный, что предопределило чаще всего иррациональный подход к определению наиболее привычных форм поведения большинством населения, который не просто был легитимирован русской культурой, но стал одним из формирующих ее факторов, превратившись в своеобразный гипотетический императив [5]. Раскрывая его содержание, В.Н.Брюшинкин пишет: «Русские доверяют бытию. Недоверие к рациональности и культуре в то же время означает, что мы верим в независимое от нас сверхрациональное бытие, которое в целом благоприятствует человеку и которое больше и умнее человека и человечества. Доверие к бытию сказывается в знаменитом русском «авось». «Кривая вывезет» говорят у нас, противопоставляя бытийственную иррациональную «кривую» рациональной прямой, которая, несмотря на весь свой прямолинейный «ясный и отчетливый характер», редко выводит в проектируемый конечный пункт» [6].

И.Г. Яковенко, исследовавший историю российской государственности с позиции социокультурного анализа, считает, что синкретизм как представление (образ) о нерасчлененной целостности окружающего мира, генетически восходит еще к родовому состоянию [7]. Синкретизмом И.Г. Яковенко объясняет многие явления культурной реальности, в которой существует российская государственность. К ним относится и «загадочность» русской души, ее исконный эсхатологизм, неприятие реального, немифологизированного государства, не сводимого к образу «народного царя», тяга к личным контактам, неприятие формализованных процедур, бунт, смирение, бегство от власти, конфликт установок сердечной привязанности и рационализма, что ведет к неупорядоченности культурного пространства, его хаотизации. В самом общем виде такие феномены можно охарактеризовать как парадоксальное «сочетание несочетаемого» (Ж.Т. Тощенко) [8].

Отечественные ученые выделяют комплекс черт, присущих российским управленцам, в частности чиновничеству [9] которые не вполне отвечают идее социальных технологий как рациональной организации деятельности. Среди них отмечают импульсивность, которая, с одной стороны, настраивает индивида на нерегламентированные и спонтанные действия, с проявлением при этом находчивости (инициативы), с другой стороны, предполагает аттрактивную мотивацию (аттрактивный мотив противоположен рациональному: человек выбирает ценности и осознанно не рассчитывает средства) [10]; недостаточная целесообразность действий, дефицит стратегического мышления, ориентация в большинстве случаев на ситуацию, а не на перспективу; квазирациональность; нерелексивность мышления [11].

Налицо противоречие между требованиями рациональной организации социального управления, идеей технологизации социальных процессов и социокультурной традицией, следствием которого может стать вывод о «минимальных предпосылках для принятия идеи необходимости освоения и использования социальных технологий» [12]. Однако согласиться с таким выводом нам не позволяют следующие соображения.

Во-первых, само понятие рациональности претерпевает значительные изменения, обусловленные критикой классического типа и попыткой сформулировать принципы неклассического понимания рациональности. В современных философских и социальных исследованиях уже не раз высказывалась мысль о том, что развитие техногенной цивилизации, основанной на ценностях формальной рациональности, подошло к критическим рубежам, которые обусловлены глобальными кризисами (экономическим, экологическим, антропологическим и др.) [13].

Современная наука и техника, сохраняя общую установку на преобразование объективного мира, втягивает в орбиту человеческого действия принципиально новые типы объектов, которые меняют тип рациональности и характер деятельности, реализующийся в производственных и социальных технологиях. Речь идет о сложных саморазвивающихся системах, среди которых главное место занимают человекоразмерные, включающие человека в качестве своего особого компонента, в придании научно-техническому развитию гуманистического измерения, что, в свою очередь ставит проблему нового типа научной рациональности, включающей в себя в явном виде гуманистические ориентиры и ценности [14].

Академик В.С.Степин выделяет основные «точки роста» новых ценностей, изменяющих прежнюю стратегию развития, новое отношение к миру, который диктуется ситуациями современных социальных изменений [15].

Первая из них связана с глобализацией человечества, возрастающей целостностью и взаимозависимостью отдельных стран и регионов, поиском новых стратегий социализации человека и его воспитания в духе толерантности, уважения к достижениям различных культур, поиска консенсуса, согласия при решении конфликтных проблем, что означает пересмотр идеала силы и власти, господства над объектами, обстоятельствами, социальной средой, требуя критического анализа всей новоевропейской культурной традиции. Все это постепенно формирует в качестве основной стратегии социальной жизни идеалы ненасилия и приоритета общечеловеческих ценностей.

Вторая связана с тем, что объекты, которые представляют собой развивающиеся человекоразмерные системы, требуют особых стратегий деятельности. Этим системам свойственны синергетические эффекты, и в них существенную роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. Установка на активное силовое преобразование объектов при взаимодействии с такими системами уже не является продуктивной. Третья «точка роста» новых ценностей заключается в том, что в стратегиях деятельности со сложными человекоразмерными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностнорационального действия. Реальное воздействие на нее с целью познания или технологического изменения всегда связано с проблемой выбора определенного сценария развития из множества возможных. И ориентирами при этом служат не только знания, но и нравственные принципы, налагающие запреты на опасные для человека эксперименты с системой и ее преобразованием.

Несмотря на то, что М.Вебер предсказывал в начале XX века рост рациональности в социальной жизни, он не мог предположить, что изменится и сам тип рациональности. Хотя, отмечая несомненные преимущества рационального господства, М.Вебер, тем не менее, признавал его латентные, скрытые опасности в виде «иррациональных элементов» предупредил о возможности иррациональной рациональности.

Тип научной рациональности сегодня изменяется, но сама рациональность по-прежнему необходима, в том числе и для понимания и диалога различных культур, который невозможен без рефлексивного отношения к их базисным ценностям. «Поскольку всякое развитое общество является сложной иерархической системой с многочисленными пересекающимися социальными и деятельностными структурами, постольку в обществе существует не одна единственная, а множество взаимодействующих, частично совпадающих и одновременно конфликтующих рациональностей» [16].

В универсальном эволюционализме, который считается фундаментальной мета-парадигмой современной научной картины мира, управление начинает занимать место одной из основополагающих категорий, с которыми связывают реализацию ноосферного потенциала в сохранении жизни на земле и осуществление эпохального перехода к ко-эволюционному развитию природы и человеческой цивилизации [17]. Управлению придется коренным образом перестраиваться путем пересмотра сложившегося типа рациональности, согласиться с тем, что оно относится к феноменам «неполной рациональности» [18].

Расширение образа рациональности происходит за счет включения в него экзистенциально-духовного, культурно-исторического и даже обыденного знания. Представление о том, что жизнедеятельность выступает в роли социоприродного единства и является выражением субъективного опыта личности (западная традиция) и в одной из своих ипостасей включает идею Абсолюта и его неразрывного единства с человеком (русская традиция), может стать источником более глубокого и полного понимания проблемы рационального, расширить горизонты рациональности в поисках оснований неклассического понимания рациональности.

Во-вторых, традиция не противостоит новациям, это, на наш взгляд, популярное заблуждение. Творческое видоизменение традиции Ш.Эйзенштадт называет реконструкцией [19]. Итогом реконструкции является усвоение традицией новых образов, идей и способностей, в частности, комплексов рациональности и личности. Рациональное мировоззрение сегодня в значительной степени, хоть и с определенными издержками утверждается и в России. Да и в истории России существовали примеры рациональной организации жизнедеятельности, правда, на другой идеологической (точнее религиозной) почве – старообрядничество [20].

В-третьих, целерациональным типом социального действия не исчерпывается такое сложно-структурное и многофункциональное явление, как управление и социальные технологии.

Западная, прежде всего американская традиция в трактовке управления как менеджмента не может быть исчерпывающей. В США прагматизм выступает как национальная черта характера [21]. Это не только социально одобряемый стандарт успешного поведения, но и философско-мировоззренческий принцип, развитый трудами Пирса, Джемса, Дьюи и Мида. В иных культурах, и в частности в России, проблематика управления связана с другими моральными ценностями, с представлением о взаимопомощи в процессе коллективного труда и социальной справедливости. В российской философии (В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк) и в науке (А.А. Богданов, Н.Д. Кондратьев, В.И.Вернадский) всегда были сильны поиски ответов на вопросы более счастливого жизнеустройства народа, общества, а не достижение успеха лишь его отдельными представителями. Даже этимологически слова «manage» и «управление» различаются в английском и русском словарях. Если в английском это - действие, направленное на достижение цели, означающее умение обращаться, владеть, усмирять, ухитриться и, конечно, заведовать, стоять во главе, то в русском, у В.И. Даля, оно идет от слов «управа», «управляемое место», от слов «справляться», «правильно вести дело», «править», «давать ход», «направлять», «преодолевать преграды», «приводить в порядок» [22]. Это два различающихся «культурных кода». Если в первом доминирует целевое воздействие как

движение к успеху, то во втором это больше напоминает воздействие, правильно направляемое и упорядочивающее. В этой связи неслучайным стало разделение понятий «менеджмент» и «управление» в отечественной социологии [23].

Наличие «культурного кода» позволяет говорить о социокультурных особенностях социальных технологий и социально-технологической культуры, соответственно о существовании западного типа социально-технологической культуры, восточного, российского и других.

В основу определения российских социокультурных особенностей социально-технологической культуры, считаем возможным положить поведенческие регуляторы деятельности российских руководителей, в частности государственных служащих [24].

Среди основных отличительных особенностей социально-технологической культуры отметим следующие:

1. Сочетание аттрактивной и рациональной мотивации поведения, основанной на стремлении следовать нормам и ценностям.
2. Коллективизм как способ взаимоотношений российских индивидов.
3. Вертикальная иерархия подчинения. Россию, по выражению В.А. Ядова, умом можно понять, если серьезно рассмотреть вертикальные социальные связи между поколениями. «Институциональные матрицы России формируют по преимуществу вертикальные, а не горизонтальные социальные взаимодействия» [25].
4. Этическая модель поведения определяется принципом «следуй образцу поведения лидера».
5. Импульсивность в поведении и принятии решений.

Выделение характерно российских социокультурных особенностей социально-технологической культуры позволяет существенно дополнить требования к проектированию социальных технологий, технологизации социальных процессов.

Во-первых, учет аттрактивной, усиление рациональной мотивации поведения основанной на стремлении следовать нормам и ценностям, ориентация на достижение общественных целей, для общего блага, «во имя...» и четкое нормирование (в том числе правовое) технологии деятельности, «что можно, а что нельзя», цельная документальная система регуляции поведения. Организационно это может быть оформлено в виде ритуала, так как он дает выход чувству социальной принадлежности, и вместе с тем, требует подчинения себе без раздумий и обеспечивает ощущение порядка, формы, поддерживает определенность поведения в неопределенных обстоятельствах, способствует формированию технологической дисциплины.

Во-вторых, поскольку влияние принципа коллективизма прослеживается как в социально адекватных, так и в аномийных чертах поведения (аномные формы возникают тогда, когда действия индивида оказываются под влиянием индивидуалистической регуляции личной ответственности, личного риска, личного достижения по принципу "что не запрещено, то разрешено"[26]), необходимы групповые формы организации деятельности и ответственности, при этом четкое обозначение зоны личной ответственности.

В-третьих, иерархичная система статусов, чинов, разрядов основанная на преимущественно вертикальных социальных взаимодействиях должна быть организационно дополнена горизонтальными связями с возможностью принимать самостоятельные решения в пределах компетенций по средствам и срокам достижения цели в конкретных проектах, отбор сотрудников по принципу профессиональной компетенции и порядочности, а не личной преданности, объективная оценка кадров, разработка системы стимулов управляющих карьерой, работающих как длительный механизм стимуляции. Это позволит, с одной стороны, «выплеснуть» присущую русскому человеку импульсивность, проявить смекалку, инициативу, энтузиазм, с другой стороны, не даст этим качествам принять аномийную форму.

И, последнее, но, вероятно, самое главное: так называемое «правило первого лица»[27] в России всегда играло ключевую роль, поэтому особые требования должны предъявляться к этическим, ценностным основаниям модели поведения руководителя.

Будучи в содержательном отношении нейтральными к намерениям субъектов и объектов социального управления, технологии, как и всякий набор инструментов преобразования общества, зависят от этих намерений в функционально-целевом смысле[28].

Выполнение представленных условий позволит, на наш взгляд, обеспечить возможность социокультурной легитимации идеи технологизации российского социального пространства, способствовать формированию социально-технологической культуры российского руководителя.

Список литературы

1. Человек. Наука. Цивилизация: К 70-летию академика В.С. Степина. – М., 2004.
2. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. – Белгород: Центр социальных технологий, 1993. – 343 с. – С. 52.
3. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. – Белгород: Центр социальных технологий, 1993. – 343 с. – С. 35.
4. Бабинцев В.П. Противоречия и проблемы технологизации государственного и муниципального управления в регионе // Социально-технологическая культура как феномен XXI века: Материалы Международ. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Л.Я.Дятченко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – Ч. I. – С. 249-253.
5. Брюшинкин В.Н. Феноменология русской души // Вопросы философии. – 2005. - № 1. – С. 31.
6. Брюшинкин В.Н. Феноменология русской души // Вопросы философии. – 2005. - № 1. – С. 31.
7. Яковенко И. Г. Российское государство: дополнительность социального и культурного анализа // Россия: трансформирующееся общество / Под. ред. В. А. Ядова. – М., 2001. – С. 175 и др.
8. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. – М.: Градарики, 2001; Мнацаканян М.О. Парадоксальный человек в парадоксальном обществе // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 13 – 19.
9. Захаров Н.Л. Социальные регуляторы деятельности российского государственного служащего. – М.: РАГС, 2002.; Игнатов В.Г., Майборода С.О., Понедельников А.В., Старостин А.М. Государственный служащий современной России: социально-политический анализ деятельности и ценностных ориентаций: региональный уровень. – Ростов-на-Дону, 1997.
10. Захаров Н.Л. Социокультурные и профессиональные регуляторы поведения российского чиновника // Социологические исследования. – 2004. - № 3. – С. 113-121.
11. Бабинцев В.П. Проблемы технологизации государственного и муниципального управления в регионе // Социальные технологии в современном управлении: Сб. науч. тр. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – Вып. 1. – 174 с. – С. 6-17.
12. Бабинцев В.П., Тимченко С.М. Технологическое мышление в эпоху постмодернизма // Современные технологии в социальном управлении: Сб. науч. трудов. – Вып. 3. – Белгород: Белгородский институт государственного и муниципального управления (филиал) Орловской региональной академии государственной службы, 2005. – С. 5-14. – С. 14.
13. Степин В.С. Теоретическое знание – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с. – С. 29-36.
14. Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки. Проблемы и дискуссии. – М., 1986; Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. – М., 1989.
15. Степин В.С. Высокие технологии и проблема ценностей // Высокие технологии и современная цивилизация. Материалы Международной научной конференции «Высокие технологии: влияние на гуманитарную и социальную сферы» // Режим доступа к изд. <http://www.philosophy.ru/iphras/library/tech/vysok.html>.
16. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. – М., 1991. – С.14.
17. Моисеев Н.Н. Современный рационализм. – М., 1996. – С. 320-327.
18. Тихонов А.В. Социология управления. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 472 с. – С. 27.
19. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
20. См.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. – М., 1992; Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (Социологический очерк) – М., 1996; Барулин В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретение себя. – СПб, 2000.
21. Грейсон Дж. Американский менеджмент на пороге XXI века. – М., 1991; Попов А.В. Теория и организация американского менеджмента. – М., 1991.
22. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. – М., 1991. – С. 430; Даль В.И. Толковый словарь. – М., 1994. – Т. 4. – С. 1046.
23. Щербина В. В. Особенность менеджмента как направление управленческой деятельности // Социологические исследования. – 2001. - № 10; Кравченко А. И., Тюрина И. О. Социология управления: фундаментальный курс. – М., 2005. – С. 5; Климентьев Д. С. Социология управления. – М., 2006. – С. 53; и др.
24. Захаров Н.Л. Социальные регуляторы деятельности российского государственного служащего. – М.: РАГС, 2002.

25. Ядов В.А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. – М., 2002. – С.352.

26. Захаров Н.Л. Социокультурные и профессиональные регуляторы поведения российского чиновника // Социологические исследования. – 2004. - № 3. – С. 113-121.

27. Одно из основных понятий построения системы менеджмента качества. См., например: Деминг Э. Выход из кризиса. – Тверь: Альба, 1994. – 498 с.

28. Бабинцев В.П. Социальные технологии в управлении: аксиологический аспект исследования // Современные технологии в социальном управлении: Сб. науч. тр. Вып. 2. – Белгород: Белгородский институт государственного муниципального управления (филиал) ОРАГС, 2004. – 236 с. – С. 5-11.

PROBLEMS SOCIOCULTURAL LEGITIMATED TECHNOLOGIES SOCIAL SPACE

I.V. Burmykina

Lipetsk state pedagogical university, Russia;
e-mail: ivburm@yandex.ru

Features of prevailing types of actions within the limits of domestic cultural-historical tradition are described. Problems national sociocultural legitimated ideas of the rational organization of social space, specificity of socially-technological culture are revealed. Possibilities of rationalizations of behavioral regulators of activity of the Russian managers, formations of their socially-technological culture are shown.

Keywords: social technologies, socially-technological culture, sociocultural features, social regulators of activity of the head, social management.

УДК 51-72:530.145

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН-УЧАСТНИЦ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

С.В. Тычинин¹⁾, Е.Е. Тонков²⁾

¹⁾ Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: tychinin@bsu.edu.ru

²⁾ Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: Etonkov@dsu.edu.ru

Посвящен краткому обзору выступлений ведущих ученых в области конституционного и гражданского права России, Украины, Белоруссии, Армении и других стран-участниц Содружества Независимых Государств по проблемам развития гражданского законодательства на современном этапе. Изложено основное содержание докладов ученых выступавших на пленарном заседании конференции и имеющих наибольший научный и практический интерес, в частности доклад профессора Н.В. Витрука (Москва) о проблемах конституционности в контексте правовой жизни современной России, профессора А.П. Сергеева (Санкт-Петербург) о коллизии прав на товарный знак и название средства массовой информации, профессора Я.Н. Шевченко (Киев) об основных вопросах эволюции украинского гражданского законодательства, профессора А.М. Айкянц (Ереван) об отдельных проблемах гражданской правосубъектности физических лиц в республике Армения, профессора Г.А. Кибак (Кишинев) о проблемах формирования и развития гражданского законодательства в Республике Молдова, профессора Ю.Н. Андреева (Воронеж) о понятии корпоративных правоотношений в гражданском праве России, профессора В.Ф. Попондопуло (Санкт-Петербург) о правовых рисках и возможностях развития бизнеса в России, профессора Р.Б. Шишка (Харьков) о вопросах индивидуализации лиц как участников гражданских правоотношений, доцента В.С. Елисеева (Гродно) о защите имущественного интереса в договорных обязательствах, профессора Е.Е. Тонкова (Белгород) об основных проблемах правового регулирования оборота наркотических средств и психотропных веществ, профессора С.В. Тычинина (Белгород) по вопросам развития института права частной собственности в условиях трансформации социально-экономических отношений и др. В заключение подчеркнута роль и значимость совместных исследований по проблематике правового регулирования гражданских отношений на уровне Содружества Независимых Государств.

Ключевые слова: конституция РФ, гражданское право, право частной собственности, право на товарный знак, средства массовой информации, корпоративные правоотношения, правосубъектность физических лиц, защита имущественного интереса в договорных обязательствах.

15-16 ноября 2007 г. в Белгородском государственном университете проходила Международная научно-практическая конференция «Развитие гражданского законодательства стран-участниц Содружества Независимых Государств на современном этапе».

В работе конференции приняли участие представители 63 университетов, академий и институтов, а также заинтересованных организаций, осуществляющих правоприменительную деятельность, из Армении, Беларуси, Казахстана, Молдовы, России и Украины.

Открыл работу конференции ректор Белгородского государственного университета, доктор социологических наук, профессор Л.Я. Дятченко. В своем выступлении он подчеркнул значимость проводимого мероприятия для развития сотрудничества между странами-участницами Содружества Независимых Государств, выделил особую роль

гражданского права в урегулировании имущественных и личных неимущественных отношений. Участники конференции были проинформированы об основных направлениях развития БелГУ.

Ректор поздравил с 70-летним юбилеем доктора юридических наук, профессора кафедры международного права и государственного управления БелГУ, Заслуженного деятеля науки РФ, судью Конституционного Суда РФ в отставке Витрука Н.В. и с 75-летним юбилеем – доктора юридических наук, профессора, заведующую отделом гражданского, трудового и предпринимательского права Института государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины, академика Академии правовых наук Украины, заслуженного деятеля науки и техники Украины Шевченко Я. Н., присутствовавших на конференции.

От имени Правительства Белгородской области участников конференции приветствовала первый заместитель начальника управления образования и науки Белгородской области Балабанова Т.В., которая остановилась на вопросах расширения международного сотрудничества между юристами стран-участниц СНГ как важнейшего направления инновационного подхода к образованию.

Большой научный и практический интерес вызвали доклады ученых, выступавших на пленарном заседании. В частности, профессор Н.В. Витрук (Россия, Москва) остановился на проблемах конституционности в контексте правовой жизни современной России. Конституция Российской Федерации 1993 года явилась результатом коренных изменений в общественном и государственном устройстве России, юридически оформила основы нового конституционного строя. Она соответствует стандартам современной конституции демократического правового государства. В ней отражены особенности культурно-исторического прогресса переходного периода от тоталитарной системы к свободному гражданскому обществу, с рыночной экономикой, институтами демократии. В ней в качестве высшей ценности провозглашен человек, его права и свободы, закреплены общечеловеческие идеалы и ценности.

Конституция РФ ориентирована на признание и соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации, на процессе формирования единого европейского и мирового правового пространства в контексте процессов современной модернизации и глобализации, появление новых вызовов, социальных и иных проблем общемирового характера.

В этих процессах все большую роль играют социальные факторы, общественное мнение, средства массовой информации наряду с совершенствованием богатого арсенала правовых средств, участвующих в юридическом механизме реализации конституции, всех ее установлений. Будущий прогресс общественного и государственно-правового развития во многом зависит от верности конституции каждого, к кому она обращена. Необходимо не только желать, но и уметь жить по конституции. Следует учиться правилам и искусству быть верным конституционным принципам и нормам, конституционным идеалам и ценностям.

Профессор А.П. Сергеев (Россия, Санкт-Петербург) остановился на коллизии прав на товарный знак и название средства массовой информации.

В последние годы в судебной практике все чаще встречаются споры по поводу прав на различные средства индивидуализации. Если по поводу столкновения друг с другом товарных знаков, фирменных наименований и доменных имен написано уже немало, то вопрос о коллизии прав на товарный знак с правами на такие средства индивидуализации, как названия средств массовой информации, лекарств, спиртных напитков, речных и морских судов, селекционных достижений практически обходится в литературе стороной.

Основное внимание А.П. Сергеева было сосредоточено на коллизии прав на товарный знак и прав на тождественное ему или сходное с ним до степени смешения название средства массовой информации. Сделанные в докладе выводы в целом применимы и к столкновениям товарных знаков с иными "забытыми" средствами индивидуализации.

У названия СМИ имеются следующие признаки: условное обозначение; словесный характер; новизна; зарегистрировано в установленном порядке (за некоторыми исключениями). Опираясь на приведенные выше признаки, можно сформулировать следующее доктринальное определение названия СМИ: название СМИ есть выраженное в словесной форме условное обозначение, которое предназначено для индивидуализации продукции средств массовой информации, обладает необходимой новизной и зарегистрировано в установленном порядке.

Название СМИ пользуется правовой охраной в Российской Федерации. Данный вывод с очевидностью вытекает из ст. 13 Закона о СМИ, согласно которой не допускается регистрация средств массовой информации, «если регистрирующим органом ранее зарегистрировано средство массовой информации с теми же названием и формой распространения массовой информации». Данное право носит абсолютный и исключительный характер. Вместе с тем, сфера исключительной монополии учредителя СМИ ограничена лишь областью средств массовой информации. Это означает, что название СМИ может быть свободно использовано любым заинтересованным лицом в иных областях деятельности, не связанных с массовой информацией. Например, данное условное обозначение может быть зарегистрировано в качестве товарного знака или может стать частью фирменного наименования при условии, что товары, для индивидуализации которых будет использоваться товарный знак, или виды деятельности, которыми будет заниматься фирмообладатель, не связаны со сферой массовой информации.

Территориальная сфера действия права на название СМИ зависит от того, зарегистрировано ли оно в качестве федерального или регионального средства массовой информации. В первом случае право на название СМИ действует на всей территории Российской Федерации, а во втором – лишь в пределах республики в составе Российской Федерации, края, области, района, города, иного населенного пункта. Право на название СМИ не обладает оборотоспособностью, т.е. не может отчуждаться, передаваться другим лицам в пользование и т.п. Переход права на название СМИ допускается только при смене учредителя самого средства массовой информации. Таким образом, можно констатировать, что название СМИ является одним из охраняемых российским правом средств индивидуализации.

Профессор Я.Н. Шевченко (Украина, Киев) изложила основные вопросы эволюции украинского гражданского законодательства. В Украинском законодательстве сложилась двухуровневая система правового регулирования отношений с участием хозяйствующих субъектов. Это обусловлено, прежде всего, принятием одновременно двух равных по юридической силе и схожих по предмету правового регулирования кодексов: Гражданского и Хозяйственного. Такое положение не способствует эффективному правовому обеспечению рыночных отношений в Украине. В правоприменительной практике возникают противоречия в приоритете одного кодекса над другим. Значительная часть вопросов возникает с правовым статусом предпринимательских структур.

Профессор А.М. Айкянц (Республика Армения, Ереван) обозначил отдельные проблемы гражданской правосубъектности физических лиц в республике Армения. На нынешнем этапе перехода к либерально-демократической системе насущной необходимостью для Республики Армения является формирование правовой системы и на этой основе развитие механизмов частно-правового регулирования. Однако, гражданским законодательством Армении не всегда поддерживаются идеи либерализации, развития индивидуальных ценностей личности и всесторонней защиты ее прав. Такое положение во многом связано рецепцией новым законодательством от прежнего законодательства многих гражданско-правовых институтов явно соответствовавшим тогдашней идеологии, но очевидно не соответствующим нынешним реалиям, основанным на либеральных началах. Особенно эта проблема проявляется в области правосубъектности физических лиц.

Профессор Г.А. Кибак (Республика Молдова, Кишинев) свое выступление посвятил проблемам формирования и развития гражданского законодательства в Республике Молдова. Процесс разработки принятия ГК Молдовы сопровождался серьезными противоречиями среди ученых и законодателей. Большинство положений ГК Молдовы соответствуют международным стандартам, учитывают специфику экономики Молдовы, основываются на цивилистической доктрине.

Подчеркнута важность проводимого мероприятия для развития контактов между цивилистами бывших советских республик. Обмен мнениями по многим спорным вопросам будет способствовать дальнейшему совершенствованию гражданского законодательства в отдельных странах СНГ.

Профессор Ю.Н. Андреев (Россия, Воронеж) сосредоточил внимание на понятии корпоративных правоотношений в гражданском праве России.

В российской гражданско-правовой науке исследование корпоративных отношений началось относительно недавно. Результаты этого изучения существенным образом влияют на установление прав и обязанностей учредителей (участников) корпоративных организаций, на выявление особенностей корпоративной ответственности, корпоративных актов, корпоративного управления, корпоративного имущества, способов защиты корпоративных прав. В свою очередь, выяснение сущности корпоративных правоотношений во многих степени зависит от правильного определения понятия «корпорация».

Профессор В.Ф. Попондопуло (Россия, Санкт-Петербург) остановился на правовых рисках и возможностях развития бизнеса в России.

Развитие бизнеса в России, как и в любой другой стране, подвержено определенным рискам, включая юридические риски, и в то же время характеризуется своими тенденциями и потенциалом. Правовые риски – это риски, связанные с несовершенством законодательства (его нестабильностью, противоречивостью, пробельностью и т.п.), а также несовершенством судебной и иной правоприменительной практики.

Государственное регулирование предпринимательской деятельности осуществляется различными специально создаваемыми для этого государственными органами, включая федеральные органы исполнительной власти: федеральные министерства; федеральные службы; федеральные агентства; государственные комитеты. Такое разделение федеральных органов исполнительной власти составляет содержание административной реформы в России и основано на исключении конфликта их интересов: министерств, которые определяют государственную политику, служб, которые осуществляют функции государственного контроля, и агентств, которые оказывают публичные услуги.

К сожалению, целей административной реформы не удалось достичь в полной мере: количество публичных функций и чиновников не уменьшилось, многие административные барьеры на пути развития предпринимательства еще сохраняются.

Что касается методов государственного регулирования предпринимательства, то общая тенденция здесь вполне благоприятная. За последние годы мы перешли от преимущественно административных методов к преимущественно экономическим методам. Например, в сфере внешней торговли – от государственной монополии на внешнеторговую деятельность к практически полной либерализации внешнеторговой деятельности (основным методом здесь является таможенно-тарифное регулирование; административные методы – квотирование, лицензирование, запреты – применяются в виде исключения в целях обеспечения интересов российского общества и государства).

Профессор Р.Б. Шишка (Украина, Харьков) рассмотрел вопросы индивидуализации лиц как участников гражданских правоотношений.

В современных условиях под воздействием новых приоритетов (охрана прав человека и человека потребителя, усиление правового обеспечения безопасности, расширение международного обмена) актуализируется проблема и значение института индивидуализации участников гражданских правоотношений. Она имеет проявление на национальном и международном уровнях, но в своем глобальном предназначении функ-

ционально едина и должна осуществляться на единых подходах к определению как самой концепции индивидуализации так и правового режима и места в системе права её средств. Проблема выработки единого подхода к правовому регулированию средств индивидуализации осложнена разной отраслевой (хозяйственное право, гражданское право, регистрационное право, антиконкурентное право, право интеллектуальной собственности) и внутриотраслевой принадлежностью, в средство индивидуализации физических лиц, средство индивидуализации юридических лиц, право промышленной собственности).

Доцент В.С. Елисеев (Республика Беларусь, Гродно) остановился на проблемах защиты имущественного интереса в договорных обязательствах (на примере законодательств Беларуси, России и Украины).

Договорные обязательства, как ведущие обязательства рыночной экономики, являются центральным звеном механизма саморегулирования экономических отношений, одновременно являясь важным элементом государственного регулирования экономики, поскольку государство через свои хозяйствующие субъекты активно участвует в формировании рыночных правоотношений.

Казалось бы, институты договорных обязательств, регламентированные в Гражданском и Банковском кодексах Республики Беларусь (ГК Российской Федерации; ГК Украины), а также в специальном гражданском законодательстве, получили наиболее полную и детальную правовую регламентацию: модели договоров достаточно четко определяются если не в договорах, то на уровне восполнительных (диспозитивных) норм ГК. Однако принцип свободы договора позволяет по существу подменять имущественный интерес (экономическое обязательство) совершенно иными моделями экономического поведения, исказить его, что приводит к «узаконенной» возможности неисполнения должником своих экономических обязательств. Наиболее показательным для Беларуси в данном вопросе является стирание границ между гражданскими и трудовыми отношениями. Это повлекло массовое увольнение работников.

Профессор Е.Е. Тонков (Россия, Белгород) сформулировал основные проблемы правового регулирования оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Наркотизация российского общества является одной из наиболее значительных угроз национальной безопасности нашего государства. Учитывая высокую степень общественной опасности указанного явления, приоритетную роль в противодействии наркотизации играют средства уголовно-правового и административно-правового характера. Однако не меньшее значение в борьбе с этим социальным злом имеют и меры гражданско-правового характера. Так, анализ ст.129 ГК РФ показывает, что наркотические средства могут являться как объектами гражданских прав, ограниченными в обороте (например, наркотические средства, широко используемые в медицине), так и объектами гражданских прав, полностью изъятыми из оборота (кустарно изготовленные наркотические препараты). По нашему мнению, в случае нарушения правил совершения сделок с наркотическими средствами, оборот которых ограничен, и, тем более, при совершении сделок с наркотиками оборот, которых полностью запрещен, необходимо применять специальные последствия недействительности сделки, установленные ст.169 ГК РФ, – взыскание всего полученного сторонами в доход Российской Федерации. Данная мера позволит повлиять на финансовые основы преступных организаций, осуществляющих незаконный оборот наркотических средств и их прекурсоров.

Профессор С.В. Тычинин (Россия, Белгород) остановился на вопросах развития института права частной собственности в условиях трансформации социально-экономических отношений и др.

Основной правовой формой наделяния граждан материальными благами для удовлетворения их потребностей в современных условиях является право частной собственности. В связи с этим само определение права частной собственности имеет принципиальное значение.

Признание права частной собственности с трудом пробивает себе дорогу. Это обусловлено тем, что право частной собственности в постсоветском пространстве не имеет глубоких традиций. В историческом развитии экономическая жизнь значительной части бывших стран СНГ базировалась на господстве государственной (публичной) собственности. В развитых же правовых порядках названный институт получил свое широкое развитие, уходящий своими корнями в римское право. Уже в старом цивильном праве институт права частной собственности рассматривался римскими юристами в качестве искомного.

Существование института права частной собственности обусловлено, прежде всего, противопоставлением его публичной собственности. Такая антитеза определена, с одной стороны, ограничением возможности вмешательства публичной власти в отношении частной собственности, за исключением случаев, предусмотренных в законе, с другой – обеспечением личной свободы индивида в распоряжении собственностью. Однако частную собственность нельзя рассматривать как атрибут отрицания права публичной собственности. Публичная собственность около двух тысячелетий развивалась в тесном взаимодействии с частной собственностью. Это в конечном счете предопределило существование дуализма права. Задача как раз и состоит в том, чтобы обеспечить оптимальную и гармоничную пропорцию частной и публичной собственности.

Профессор Борисов Г. А. (Россия, Белгород) отметил, что возрождение частного права в России связано с формированием двух определяющих тенденций его развития, имеющих фундаментальный характер.

Первая характеризуется созданием условий для проникновения в социально-экономическую (прежде всего) и другие сферы жизни общества общечеловеческих достояний свободы, конкурентности, юридического равенства, диспозитивности, становления на этой основе общедозволительного режима правового регулирования. Гражданское право и законодательство здесь формирует юридический механизм преодоления межсистемных различий, несет в себе объединительные демократические начала и интеграционные процессы.

Вторая свидетельствует о вхождении в действующую нормативную систему стандартов основных прав человека и гражданина, придание им непосредственного и прямого действия, приоритетного воплощения в живую ткань социальных связей.

Научное освоение данных тенденций возможно с использованием всего методологического потенциала юридической науки – от мировоззренческого уровня юридических исследований, до аналитической проработки самой материи гражданского права и законодательства, формирования предметного знания о наличных нормативных образованиях, институциональных компонентах внешне выраженной материи права и юридической практики.

Далее работа конференции проводилась в трех секциях: проблемы гражданской правосубъектности; актуальные проблемы вещного и обязательственного права; тенденции и перспективы развития права интеллектуальной собственности и защиты личных неимущественных прав.

Итогом работы конференции явилось принятие заключения, в котором участники конференции приняли решение рекомендовать ученым-правоведам Армении, Беларуси, Казахстана, Молдовы, России, Украины и других стран участниц СНГ развивать сотрудничество в области совместных исследований по проблематике правового регулирования гражданских (имущественных и личных неимущественных) отношений на уровне Содружества Независимых Государств в целом и отдельных его государств-участников, рассмотреть вопрос о возможности создания на базе кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного университета научно-исследовательского центра по изучению проблем развития, совершенствования и унификации гражданского законодательства стран-участниц СНГ, внести предложения об издании в Белгородском государственном университете Бюллетеня гражданского законодательства стран-участниц СНГ.

DEVELOPMENT OF THE CIVIL LEGISLATION OF THE COUNTRIES-PARTICIPANTS OF COMMONWEALTH OF THE INDEPENDENT STATES

S.V. Tychinin¹⁾, E.E. Tonkov²⁾

¹⁾ Belgorod State University, Pobedy str., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: tychinin@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod State University, Pobedy Str., 85, Belgorod, 308015, Russia
e-mail: Etonkov@bsu.edu.ru

This article is devoted to the brief review of performances of leading scientists in the field of constitutional and civil law of Russia, Ukraine, Belarus, Armenia and other countries-participants of the Commonwealth of Independent States on problems of development of the civil legislation at the present stage. The basic maintenance of reports of scientists addressed to plenary session of conference both having the greatest scientific and practical interest, in particular the report professor N.V.Vitruk (Moscow) about problems of constitutionality is stated in a context of a legal life of modern Russia, professor A.P.Sergeev (St.-Petersburg) about a collision of the rights to a trade mark and the name of mass media, professor Y.N. Shevchenko (Kiev) about the cores of a question of evolution of the Ukrainian civil legislation, professor A.M.Ajkjants (Yerevan) about separate problems civil legal personality of natural persons in republic Armenia, professor G.A.Kibak (Kishinev) about problems of formation and development of the civil legislation in Republic Moldova, professor J.N.Andreev (Voronezh) about concept corporate legal relation in civil law of Russia, professor V.F.Popondopulo (St.-Petersburg) about legal risks and opportunities of development of business in Russia, professor R.B.Shishka (Kharkov) about questions of an individualization of persons as participants civil legal relation, senior lecturer V.S.Yeliseyev (Grodno) about protection of property interest in treaty obligations, professor E.E.Tonkov (Belgorod) about the cores of a problem of legal regulation of a turn of narcotics and psychotropic substances, professor S.V.Tychinin (Belgorod) concerning development of institute of the right of a private property in conditions of transformation of social and economic attitudes, etc. In summary the role and the importance of joint researches on a problematics of legal regulation of civil attitudes at a level of the Commonwealth of Independent States is underlined.

Key words: the constitution of the Russian Federation, civil law, the right private property, the right to a trade mark, mass media, corporate legal relation, legal personality of natural persons, protection of property interest in treaty obligations.

СОЦИАЛЬНОЕ АУТСАЙДЕРСТВО МОЛОДЕЖИ ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА: ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ И РЕГУЛИРОВАНИЯ

Г.А. Ельникова

Белгородский университет потребительской кооперации, 308011, г. Белгород, ул. Садовая, 116 б
e-mail: romanenko@mail.belgorod.ru

Вопрос о статусе молодежи в российском обществе и в одном из ее регионов – Белгородской области вновь поставлен авторами монографии, учеными Белгородского государственного университета В.П. Бабинцевым, Е.В. Реутовым и И.В. Бояриновой, опубликованной в 2007 году [1].

Данная работа является результатом масштабного социологического исследования, проведенного авторами при поддержке гранта РГНФ в 2006-2007 гг. В монографии, в частности, исследуется динамика социального статуса российской молодежи от «эпохи смуты» – с 90-х гг. XX века до сегодняшнего дня, а также трансформация молодежного сознания, которую повлек масштабный сдвиг в развитии российского общества и социодинамика региона, превратившегося за это время из типичной провинции в пограничную зону с интенсивными транспортными и миграционными потоками, наркотрафиком и т.п. Все это, естественно, не могло не отразиться на нормативно-ценностной системе молодежи, ее установках и жизненных стратегиях. Именно в эти годы «в сознании значительной части молодежи начал формироваться когнитивно-ценностный диссонанс, который проявился в противоречии между личными смысложизненными ориентациями и установками, предлагаемыми нестабильным обществом в качестве универсальных норм поведения» [2]. Для анализа социокультурной динамики авторами использовались данные ряда исследований, проведенных в регионе профессором В.П. Бабинцевым в 1990-е гг.

Используя в качестве методологической базы исследования теорию «общества риска» В. Ульриха, У. Бека, авторы показывают, как молодежь региона строит свои жизненные стратегии, которые в основе своей направлены не столько на преодоление риска и неопределенности, сколько на встраивание в них. Средства, которые для этого используются, состоят, прежде всего, в достаточно пассивной адаптации к сложившимся условиям. В сознании молодежи со всей полнотой проявляется особенность ментальности обществ, переживающих социальные трансформации – господство симулякров, нравственный релятивизм и нерелексивность мышления.

Выделяя в феномене социального аутсайдерства две составляющие – социально-экономическую и диспозиционную, авторы приходят к выводу, что обладание молодыми людьми более низкими, нежели у их родителей, социоэкономическим, профессиональным, образовательным статусами не так уж сильно отражается на социальном самочувствии молодежи. Социально-экономические причины аутсайдерства, в отличие от 1990-х гг., актуальны лишь для очень небольшой части молодежи – около 5-10%. Правда, неустойчивость статусных позиций молодежи может потенциально включить в группу риска до трети молодых людей, испытывающих страх перед будущим. Но, в

отличие от социально-экономического, диспозиционное аутсайдерство как набор специфических «ценностно-целевых установок, мотиваций и интериоризированных норм» уже стало массовым феноменом. Специфика этих установок и мотиваций проявляется в следующем:

«– во-первых, они в настоящее время и в перспективе не способны обеспечить легитимный жизненный успех личности;

– во-вторых, их невозможно рассматривать как реальную основу для саморазвития личности. В лучшем случае эти ценностно-мотивационные паттерны обеспечивают адаптацию к аномальной по своим важнейшим характеристикам референтной среде. Например, к криминальной и полукриминальной субкультуре;

– в-третьих, они максимально динамичны. При этом вполне естественная динамичность молодежного сознания, отражающая его естественный переходный характер, гипертрофируется до тотальной условности духовных артефактов в сознании молодого человека. Для него становятся допустимыми любые взгляды и убеждения, что, впрочем, является не следствием уважения к ним, но – безразличия, неумения и нежелания сделать нравственный выбор;

– в-четвертых, даже эти максимально динамичные компоненты сознания обретают вид симулякров – искусственно созданных конструкций, лишенных объективных оснований» [3].

Относительная удовлетворенность собственными социальными позициями и «смутный оптимизм» в отношении собственного будущего сочетается у молодежи региона с довольно высокой степенью неудовлетворенности социальной средой, в первую очередь, социальной несправедливостью, коррупцией и правовым «беспределом». Каждый третий-четвертый молодой белгородец, как считают ученые, «заряжен» на социальное аутсайдерство вследствие неприятия общества, в котором он живет. Но при этом, как указывалось выше, молодые люди в большинстве своем уверены в себе и полагают, что смогут осуществить свои жизненные цели, добиться успеха.

Индивидуализм, ставший ведущей ментальной характеристикой современной молодежи, явился следствием ее столкновения с невозможностью в сложившейся социальной среде реализовать многие фундаментальные потребности. Прежде всего, участие в процессе принятия решений, касающихся города, района; решить жилищную проблему; открыть «свое дело» и устроиться на хорошую работу по специальности. Протестное аутсайдерство стимулируется взаимной отчужденностью власти и молодежи. Молодые люди в большинстве своем не доверяют основным институтам управления и должностным лицам.

Основным выводом исследования является признание того, что «решение проблемы социального аутсайдерства молодежи может быть достигнуто лишь на основе смены приоритетов социального развития общества в целом и региона в частности. Необходима стратегия управления, ориентированная на социальный рынок, на человека. В течение последних лет структуры власти и управления области при поддержке федеральных структур, активном участии белгородских ученых и приглашенных специалистов искали ответы на эти и другие вопросы, разрабатывали конкретную и ясную концепцию, которая дает представление, что и как необходимо делать, чтобы люди могли не выживать, а жить достойно. Сегодня можно сказать, что такая концепция существует и может быть положена в основу механизма управленческой деятельности. На базе ее предлагается выстроить систему оценок работы всех органов власти и управления, других социальных институтов» [4].

Кроме того, авторы считают необходимой существенную корректировку образовательной политики на федеральном и региональном уровнях. Так, в регионе особенно важно принять решения, направленные на коррекцию образовательных стратегий молодежи, обеспечивающих более эффективное решение проблемы занятости молодых людей. Исследование позволяет утверждать, что современная школа неэффективно выпол-

няет функцию профессиональной ориентации учащихся. И, очевидно, эта функция и не должна на нее возлагаться. Профессионально-ориентационной деятельностью следует заниматься органам государственного управления в регионе, которые в этих целях должны создавать специализированные учреждения с профессиональным кадровым составом. Решение этой задачи потребует ресурсных вложений, но без них немыслимо изменение ситуации. Такие вложения могут быть осуществлены не столько за счет регионального бюджета, но за счет средств работодателей, объективно заинтересованных в притоке молодых кадров.

В целом, монография удачно сочетающая обширные эмпирические данные с их глубокой интерпретацией, является серьезным шагом в создании региональной научной школы по исследованию проблем молодежи.

Список литературы

1. Бабинцев В.П., Реутов Е.В., Бояринова И.В. Социальное аутсайдерство молодежи пограничного региона: проблемы диагностики и регулирования: Монография. – Белгород: КОНСТАНТА, 2007. – 160 с.
2. Там же. – С.19.
3. Там же. – С.26-27.
4. Там же. – С.129.

SOCIAL OUTSIDING YOUTH OF THE BORDER REGION: PROBLEMS OF THE DIAGNOSTICS AND REGULATIONS

G.A. Elnikova

Belgorod University of consume cooperation, 308011, Belgorod, str. Sadovaya, 116 b
e-mail: romanenko@mail.belgorod.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алавердян А.Л.* – аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Бабинцев В.П.* – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий Белгородского государственного университета
- Бакирова Е.Ю.* – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного университета
- Бахарев В.В.* – доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы Белгородского государственного университета
- Бубликов В.В.* – аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета
- Бурмыкина И.В.* – кандидат социологических наук, доцент Липецкого государственного педагогического университета
- Бурцев А.С.* – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Белгородского государственного университета
- Ельникова Г.А.* – доктор социологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических наук Белгородского университета потребительской кооперации
- Жиров М.С.* – доктор педагогических наук, декан социально-педагогического факультета Белгородского государственного университета
- О.Я. Жирова* – кандидат педагогических наук, профессор кафедры народного хора Белгородского государственного института культуры и искусств
- Зубкова А.В.* – аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Киселев А.С.* – кандидат социологических наук, главный специалист – эксперт отдела департамента научно-технической и информационной политики Министерства образования и науки РФ
- Климова С.М.* – доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного университета

- Кожмякин Е.А.** – кандидат философских наук, доцент кафедры языка и стиля массовых коммуникаций Белгородского государственного университета
- Костина О.В.** – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного университета
- Курасбедиани З.В.** – аспирант кафедры философии и социологии Курского государственного технического университета
- Мартынова Г.В.** – студентка социально-теологического факультета Белгородского государственного университета
- Масалытина С.В.** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного университета
- Мусолов В.Н.** – студент социально-теологического факультета Белгородского государственного университета
- Нудель С.Л.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Белгородского государственного университета
- Нудель Е.Л.** – студентка Славянского государственного педагогического университета (Украина)
- Подоксенов А.М.** – кандидат философских наук, докторант, доцент кафедры философии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
- Попов О.В.** – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой международного права и государственного управления Белгородского государственного университета
- Попова О.О.** – студентка юридического факультета Белгородского государственного университета
- Римский В.П.** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Белгородского государственного университета
- Сапрыка А.В.** – кандидат технических наук, доцент Харьковской национальной академии городского хозяйства
- Сапрыка В.А.** – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета

- Синенко В.С.*** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного университета
- Степанюк А.В.*** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного университета
- Тарабаева В.Б.*** – кандидат психологических наук, доцент, декан факультета управления и предпринимательства Белгородского государственного университета
- Ткачев А.А.*** – аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета
- Тонков Е.Е.*** – доктор педагогических наук, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Белгородского государственного университета
- Тычинин С.В.*** – доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Белгородского государственного университета
- Усачев А.В.*** – кандидат философских наук, докторант, доцент кафедры философии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
- Фетисов В.П.*** – доктор философских наук, профессор Воронежской государственной лесотехнической академии
- Шмигирилова Л.Н.*** – ассистент кафедры иностранных языков Белгородской государственной сельскохозяйственной академии, аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета
- Шумакова И.А.*** – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры педагогики Белгородского государственного университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ «ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО» В ЖУРНАЛ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в 2-х экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Babintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи.
 2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков).
 3. Ключевые слова.
 4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы).
 5. Библиографический список.
 6. Ссылки.
 7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов).
 8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны).
 9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц)
 10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц).
 11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).
- } *на русском и английском языках*
- } *на русском языке*

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.

2. Шрифт:

- гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);
- межстрочный интервал 1,0 пункт.

3. Ссылки:

- номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
- нумерация – автоматическая, сквозная по статье;
- текст сноски располагается с абзацным отступом внизу каждой страницы;
- размер шрифта – 10 кегль.

4. Библиографический список:

- список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;
 - при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;
 - при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;
 - при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;
 - при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.

5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах

УДК 130.2

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ****А.В. ИВАНОВ¹⁾****Л.Н. ПЕТРОВ²⁾**¹⁾ *Департамент экономического развития Белгородской области**e-mail: ivanov@bsu.edu.ru*²⁾ *Белгородский государственный университет**e-mail: petrov@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, сциентизм, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания¹.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES****A.V. IVANOV¹⁾****L.N. PETROV²⁾**¹⁾ *Department of economic development of the Belgorod area**e-mail: ivanov@bsu.edu.ru*²⁾ *Belgorod state university**e-mail: petrov@bsu.edu.ru*

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**Иванов А.В.**

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета

308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;

e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

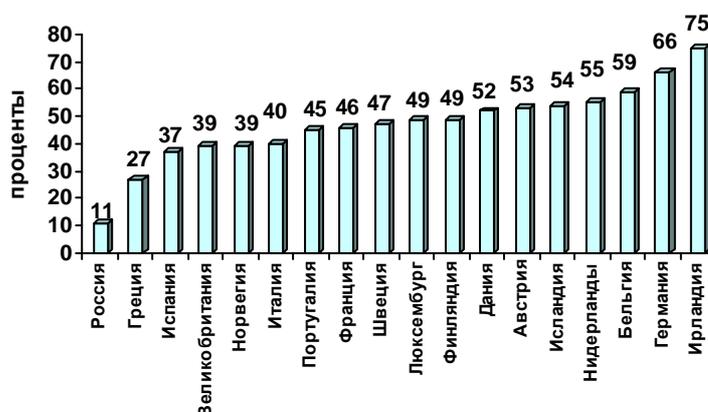

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

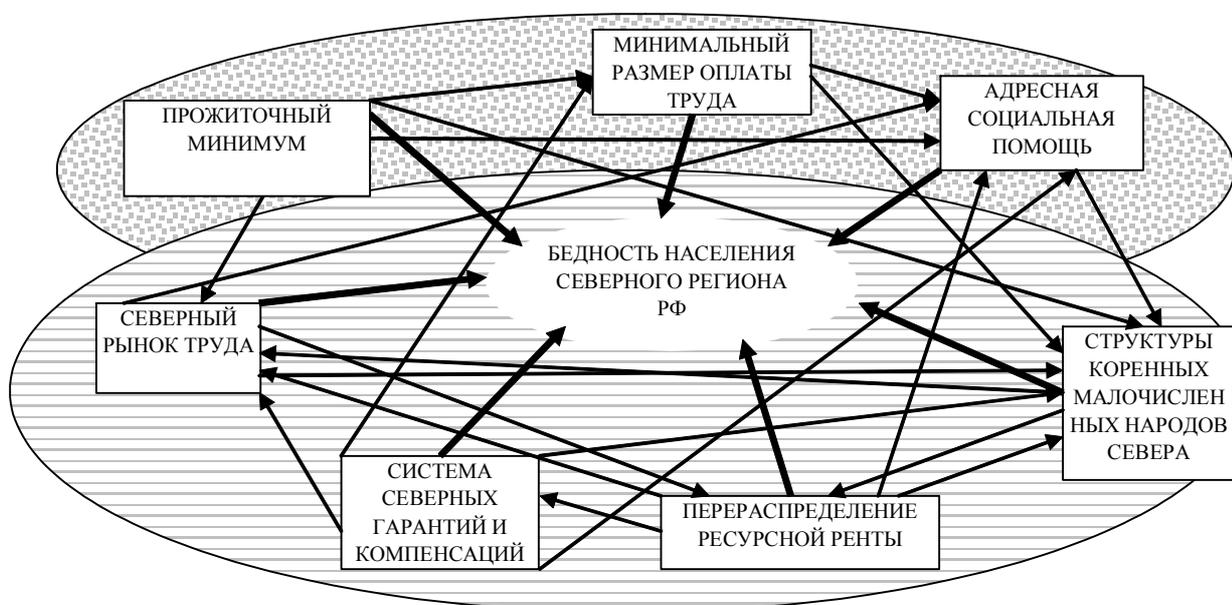

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.